

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт философии Российской академии наук

На правах рукописи

Белов Сергей Игоревич

**Трансформации политики памяти в отношении Второй мировой войны
в 2008 – 2018 гг.**

Специальность 23.00.02 –
политические институты, процессы и технологии

Диссертация на соискание ученой степени
доктора политических наук

Научный консультант:
доктор политических наук,
главный научный сотрудник,
руководитель сектора
истории политической философии
М.М. Фёдорова

Москва – 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Современная политика памяти	39
1.1. Основные научные подходы к исследованию мемориальной и символической политики	39
1.2. Закономерности трансформации политики памяти о Второй мировой войне	84
Глава 2. Политика памяти о Второй мировой войне в СССР и России	116
2.1. Становление и эволюция советского мифа	116
2.2. Ситуация в России: от растерянности к созданию стратегии.....	145
Глава 3. Польша: возвращение к конфронтационной модели политического дискурса без учета долгосрочной перспективы	175
3.1. Антироссийская риторика как элемент парадигмы польской политики памяти	175
3.2. Риски существующего положения	203
Глава 4. Германский опыт: внутренние противоречия и русофобия поневоле	245
4.1. Ярлык «вечно виноватых» и попытки решения проблемы	245
4.2. Избавление от мемориальных травм как ресурс достижения внутреннего и внешнего равновесий	272
Глава 5. Практические предложения по реализации политики памяти	300
5.1. Основы успешной мемориальной политики: обобщение экспертных мнений	300
5.2. Пути преодоления содержательных проблем реализации политики памяти	320
Заключение	347
Список источников и литературы	354

Введение

Актуальность темы. Несмотря на то, что с момента окончания Второй мировой войны прошло уже три четверти века, научный и политический интерес к событиям той эпохи не ослабевает. Всемирный масштаб трагедии является в данном случае определяющим фактором.

Рост внимания к теме политики памяти и мемориальных конфликтов в первую очередь обуславливается существенными изменениями в сфере геополитики и масштабной трансформацией структуры общества. Деконструкция социалистического блока и распад Советского Союза, отказ подавляющего большинства государств, бывших государств соцлагеря, от идеологии марксизма, появление новых стран на карте мира и включение их в систему международных отношений – все это предопределило запуск множества тесно увязанных между собой процессов.

Можно констатировать, что после 1991 года на старой, еще послевоенной основе, сложилась принципиально новая структура международных отношений, и процесс этот был драматичным и напряженным. «Поиск себя», обновленных идентичностей целыми народами и/или нациями после падения коммунистических режимов, попытки построения демократических обществ на фоне появления новых социальных и политических конфликтов и обострения старых; кратковременное тотальное доминирование США и их проекта глобализации – только малая часть ключевых событий конца XX – начала XXI вв. Затем актуализировался запрос на многополярную модель мира. Происходит все большее усиление Китая, возвращение России как полноценного, а не второстепенного участника мирового политического процесса, новый виток борьбы за сферы влияния между государствами и их блоками. На этом фоне, а отчасти и в результате описанных процессов, появляются другие крупные проблемы – международный терроризм, расширение масштабов нелегальной иммиграции, рост экономических диспропорций между странами и регионами.

И в процессе поиска новой идентичности, и в самоотрицании, связанном с ревизией советского прошлого, в попытках сформировать привлекательный образ будущего, а тем более в «горячих» и «холодных» конфликтах одним из важнейших механизмов модерации общественно-политической повестки стало обращение к исторической памяти, обусловленное как наличием множества «белых пятен», так и массовым неприятием распространённых ранее трактовок событий предшествующих эпох.

При этом четко обозначились две тенденции: во-первых, стержневой основой исторического нарратива, вокруг которого сконцентрировалось внимание, стали события Второй мировой войны как момента, определившего ход истории второй половины XX столетия.

Во-вторых, указанное обращение именно к истории войны характеризовалось отчетливым смещением данного процесса в политическую плоскость. Если в научных и интеллектуальных кругах в основном доминировало стремление объективно оценить ситуацию и разобраться в реальных проблемах, то среди политиков возобладал инструменталистский подход. Опираясь на данный ресурс, они менее всего были заинтересованы в поисках истины, но при этом стремились достигать своих, не всегда продуманных и обоснованных целей с его помощью.

Запрос на ревизию истории в целом, как таковой, был обусловлен также структурными социально-демографическими и экономическими изменениями, которые активно развиваются с послевоенных лет. Сюда, в том числе относятся и явления, совершенно не связанные с проблемами Второй мировой войны. Это деколонизация, эмансипация женщин, расовых, этнических и религиозных меньшинств, а также «сексуальная революция». Это расширение масштабов нелегальной иммиграции и обретение этим процессом системного, даже институционального характера, вследствие которых в значительном числе государств увеличилось этническое и религиозное разнообразие населения. При этом резкое улучшение благосостояния населения в Западной Европе и США, попытки приблизиться

к этому уровню странами «второго мира» и еще большее отдаление их в этой связи от «третьего мира» привели к появлению новых угроз и вызовов, в основе которых оказалось отрицание проекта «глобализации с западным лицом». Таким образом, запрос на ревизию истории в отношении Второй мировой войны стал хотя и наиболее масштабной, но все же неотъемлемой частью общей тенденции пересмотра отношения к событиям прошлого в целом.

Крах коммунистических режимов и прочие описанные выше события, хотя и положили начало ликвидации «белых пятен» в историческом нарративе, но при этом не привели к появлению какой-либо, приемлемой для всех заинтересованных сторон концепции памяти о войне. Так, наблюдается все более массовое распространение моделей прошлого, основанных на «памяти побежденных», но не в классовом, как у Бенямина, смысле – здесь имеются в виду как целые страны, так и отдельные политические силы внутри них, например, украинские и прибалтийские националисты. Обостряет ситуацию отсутствие единой концепции «памяти победивших» на фоне доминирования процесса использования интереса к истории в политических целях, который в обоих «лагерях» проявился, в частности, в плоскости «памяти пострадавших».

Амбивалентность происходящего была во многом схожей с рассмотренной выше проблемой несоответствия и даже конфликта интересов науки, стремившейся к подлинному знанию, и политики, в которой оказался очень востребованным столь эффективный инструмент модерирования общественно-политической повестки, трансформации национально-государственной идентичности, создания образов «значимых чужих», как память о прошлом. В итоге история все больше начала восприниматься во многом сквозь призму эмоций, а вскоре академическое сообщество с неизбежностью столкнулось с обвинениями в следовании политической конъюнктуре.

Таким образом, увеличившийся спрос на ревизию истории в сочетании с ее использованием в качестве политического инструмента привел лишь к обострению противоречий между множеством различных концепций памяти о войне – и старых, и недавно возникших. При этом речь шла не столько о научных исследованиях, сколько об исторической мифологии, эмоционально насыщенной, доступной для массовой аудитории и соответствующей ее политическим запросам¹.

Важным следствием перечисленных изменений стал рост религиозного и политического экстремизма, причем не только в развивающихся государствах. Это, в свою очередь, было обусловлено процессами реанимации националистических движений. Последние в целях укрепления идентичности стали прибегать к пристрастному историческому обоснованию в своих интересах. В частности, активно используют такой риторический прием, как обращение к сакрализованному, идеализированному образу истории. Они позиционируют свою цель, по большому счету, как воссоздание некоего «золотого века». Тот факт, что какой-либо период процветания в прошлом зачастую достигался за счет угнетения, ограбления, порабощения, завоевания кого-то другого, либо не принимается во внимание, либо выставляется в качестве «плюса». Нередко это находит положительный отклик у тех, кто относится к социальной базе радикальных движений, а агрессия воспринимается как проявление смелости и необходимое условие в желании «восстановить справедливость».

Закономерно, что оппоненты подобных политиков в ответ пытаются внедрить в массовое сознание негативную картину прошлого, в первую очередь – в контексте нарушения прав и свобод. Следствием этого становится или возникновение нового, или усиление имеющегося «мемориального противостояния». Роль катализатора при этом выполняет развитие

---

¹ Федорова М.М. История/память: трудная дилемма // История философии. 2018. Т. 23. № 1. С. 108, 109.

социальных медиа, позволяющее увеличивать скорость распространения информации и охват аудитории, а также дающее возможность вовлечь в дискуссию широкие слои населения.

Нельзя забывать и о концептуальном значении политики памяти и мемориальных конфликтов. Существующая в массовом сознании относительно устойчивая версия истории играет практически в любом обществе роль основы национально-гражданской идентичности и культурной преемственности поколений². Разрушение же единой картины прошлого приводит к утрате или нарушению таковых. Люди автоматически превращаются в целевую аудиторию для идеологов политических и религиозных радикалов. Для пропагандистской машины экстремистов не составляет труда запрограммировать человека с «чистым листом бумаги» вместо устойчивого самосознания и использовать его для достижения своих политических, экономических и иных интересов.

В этой связи также важно то, что политика памяти представляет собой не просто инструмент формирования общей идентичности. В рамках ее реализации вырабатывается также образ будущего, накапливается и направляется эмоциональная энергия масс с целью их последующей мобилизации, выстраиваются модели взаимного восприятия различных социальных, этнических и религиозных групп. Именно творцы мемориальной политики отвечают за создание и популяризацию положительных и негативных стереотипов относительно целых народов, конфессий и социальных страт.

«Переписывание истории» из конъюнктурных соображений приводит, с одной стороны, к росту числа конфликтов между государствами, с другой – к разрушению общей гражданской идентичности, партикуляризации общества и возникновению внутренних политических противоречий.

---

² Вяземский Е. Е. Историческая политика государства, историческая память и содержание школьного курса истории России // Проблемы современного образования. 2011. № 6. С. 91.

В качестве примера можно привести серию конфликтов между Украиной с одной стороны, Польшей и Россией – с другой. Причиной затянувшейся конфронтации служат попытки официального Киева выстроить национальный исторический нарратив на основе героизации украинских националистов. При этом игнорируется то, что не только в соседних странах представителей ОУН-УПА чаще всего воспринимают принципиально иным образом. Даже среди собственного населения налицо не только идеологический раскол внутри общества, но и готовность сторон отстаивать и даже навязывать свои позиции, в том числе – силой оружия.

Политические элиты многих стран, имеющих вполне реальные «черные пятна» на страницах собственной истории, не случайно стараются максимально заретушировать соответствующие эпизоды. Так, власти Турции последовательно игнорируют требования признать геноцид армян, греков и ассирийцев. Правящий истеблишмент Японии прикладывает значительные усилия для того, чтобы реабилитировать армию и политическое руководство империи периода 1930-х гг. Достаточно вспомнить о том, сколько ресурсов было брошено на доказательство преувеличения масштабов «нанкинской резни» и закрытие вопроса о «женщинах для утешения».

Нельзя забывать и о том, что многие акторы политики памяти зачастую действуют, не имея четких представлений как о ее сущности, так и возможных последствиях своих шагов. Либо они не задаются такими вопросами вообще, либо решают определенные, нередко сиюминутные, задачи по принципу политтехнологической эффективности. Как следствие, эта сторона их деятельности является малоизученной: практика работы мнемонических акторов либо остается необобщенной, либо описывается в рамках системы координат конкретной идеологии или системы ценностей.

Критический анализ мемориальной политики также зачастую ограничивается оценкой достоверности продвигаемого исторического нарратива, хотя очевидно, что он в этом отношении в значительном числе случаев не выдерживает никакой критики. Между тем, важные для науки

вопросы относительно ее эффективности, механизмов реализации, ресурсной базы, специфики работы с отдельными сегментами целевой аудитории освещаются крайне слабо. При этом накапливаемые академическим сообществом знания относительно политики памяти преимущественно либо остаются не востребованными со стороны мнемонических акторов, либо транслируются в форме, которая затрудняет их прикладное применение.

Все перечисленные процессы, факторы и условия относятся к политике памяти в целом, как таковой. Однако следует особо отметить, что она в значительном числе случаев выстраивается вокруг исторических сюжетов, имеющих отношение ко Второй мировой войне. Особенно это касается тех государств, которые принимали в ней активное участие – для них она стала основополагающим событием, определившим их историю с 1945 года по сегодняшний день. Никто точно не исследовал, какое именно место по значимости придается этой войне и в научных исследованиях, и в политическом процессе, и среди населения разных стран. Это может и должно стать темой отдельной научной работы. Тем не менее, тот факт, что данная позиция является одной из ведущих в историческом нарративе не только России и Европы, но и всего мира как единого целого, очевиден.

Повышенное внимание к соответствующей проблематике обусловлено рядом факторов. С одной стороны, парадигма современной международной политической системы была сформирована державами-победительницами по итогам Второй мировой войны, хотя и претерпела значительные изменения. Поэтому любые дискуссии относительно ее легитимности, а это касается и итогов войны, и вопроса о границах, и действия таких организаций, как ООН, автоматически подразумевают и обращение к истории этого конфликта. Целый ряд государств обосновывают само право на свое существование, а другие – на пребывание в современных границах именно путем отсылки к данным событиям.

Кроме того, еще раз подчеркнем, Вторая мировая война является наиболее масштабным историческим событием в пределах последних 100 лет.

Народы большинства государств, относящихся к числу ее основных участников, рассматривают ее как уникальное и по масштабу, и своему, в том числе деструктивному, потенциалу событие. В то же время преодоление трагедии войны и ее последствий служит для них одной из основ выстраивания национально-государственной идентичности.

Особый вклад СССР и США в победу над державами «оси» до сих пор служит основой для обоснования их мессианской роли как элемента идентичности и права на ведущие позиции в мировом политическом процессе. Большую роль играет то обстоятельство, что, в отличие от большинства вооруженных конфликтов, в рамках Второй мировой войны разделение участников на противоборствующие группы достаточно четко соответствовало моральной дихотомии добра и зла. Какие бы преступления ни совершали представители союзных держав, они на несколько порядков уступают по своим масштабам и степени морального нигилизма деяниям государств «оси». Во многом именно по этой причине в глазах союзников по антигитлеровской коалиции война приобрела сакральный характер противостояния добра со злом.

При этом необходимо понимать, что декларация преступлений «оси» порождает у жителей соответствующих государств ментальные травмы. Острота их переживания, комплекс вины, мнимая угроза маргинализации идентичности и кажущиеся имиджевые потери, хотя правительства Германии и Японии сумели выстроить к настоящему моменту достойное позиционирование своих стран на международной арене, стимулируют процесс ревизии истории войны. Она происходит в направлении частичной или полной реабилитации агрессоров либо придания последним косвенным образом статуса жертв путем моральной «отстройки» основной массы населения от политических режимов. Это закономерно вызывает острую реакцию со стороны жертв нацистских и фашистских режимов, включая собственно граждан государств-агрессоров, например, евреев и антинацистов Германии.

Ситуацию усугубляет то, что в глазах широких слоев населения проблематике Второй мировой войны личностное значение придает сравнительно малая временная дистанция. Значительная часть наших современников получила информацию о данных событиях от непосредственных очевидцев. Жертвы конфликта воспринимаются не как аморфные фигуры, а в лице близких родственников. Следствием этого является высокая степень эмпатии по отношению к ним. Таким образом, трагические события Второй мировой войны не могут восприниматься относительно безэмоционально, как, например, сходные по описанию сюжеты из истории религиозных войн в Европе или Смутного времени в России. Иными словами, равнодушных нет.

При этом тот факт, что между молодым поколением и очевидцами событий нередко имеет место не только «конфликт отцов и детей», но еще и информационно-технологический разрыв, создает дополнительные риски. Молодежь, все больше погружаясь в виртуальное пространство, закономерно начинает восприниматься рядом политических акторов как объект воздействия и манипуляций. При этом Интернет объективно пользуется у нее большим доверием в качестве источника информации. В итоге происходит появление достаточно весомой прослойки молодых и активных людей, которые иногда, как в Прибалтике и на Украине, становятся носителями иной исторической доминанты, что приводит к расколу даже в тех обществах, где еще недавно позиция относительно войны была монолитной.

Научная новизна диссертации проявляется, во-первых, в том, что политика памяти рассматривается в ней в качестве самостоятельного, а не второстепенного объекта исследования применительно именно к событиям Второй мировой войны в глобальном масштабе, как системного явления. Ранее в этом отношении изучались либо отдельные теоретические аспекты, либо мемориальная ситуация в конкретных странах и регионах вне общей концептуальной связи. Такой подход позволяет решить как единое целое

сформулированную выше научную проблему, которая ранее затрагивалась учеными фрагментарно.

Во-вторых, впервые предлагается классификация общих закономерностей трансформации мемориальной политики. Данная работа проведена в трех направлениях: классифицированы причины, факторы и собственно государства мира относительно их взгляда на итоги войны и проблему их пересмотра.

В-третьих, в процессе рассмотрения политики памяти как разновидности символической политики, выявлен конкретный инструментарий осуществления ее на практике (миф, ритуал, символ) и специфика его использования относительно истории Второй мировой войны.

В-четвертых, на основе выявленных закономерностей трансформации с использованием одновременно инструментария символической политики предложена методика анализа ситуации в конкретных условиях – как для отдельных стран, так и в отношении их большого числа, вплоть до всего мирового сообщества, с целью гармонизации сложившейся ситуации.

В-пятых, новизна заключается в использовании при написании диссертации ранее не введенного в научный оборот эмпирического материала, а также через обращение к ранее не изученным аспектам заявленной темы. В частности, в ходе проведенных изысканий были использованы материалы Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО) и Российского государственного архива социально-политической истории (далее – РГАСПИ); прежде неизвестные научному сообществу; результаты опроса экспертов, а также данные, извлеченные при помощи киберметрических инструментов из Интернет-ресурсов.

В-шестых, в числе аспектов заявленной темы, не получивших полноценного освещения на страницах предшествующих исследований, можно выделить проблему количественной оценки эффективности мемориальной политики посредством киберметрических сервисов.

Исходя из рассмотренных выше фактов и тенденций, определяется главная исследовательская проблема диссертационной работы. Сложившаяся в послевоенные годы общепринятая в мире картина событий войны по умолчанию стала подвергаться пересмотру, который в большей степени происходит по субъективным, нежели объективным причинам. Поэтому в настоящее время все возрастающее и, как правило, конъюнктурное использование памяти о Второй мировой войне представляет собой самостоятельную проблему, которая де-факто уже стала предметом специфического политического регулирования. Она активно используется в качестве инструмента для достижения самых разнообразных целей, в том числе – как поле для манипуляций.

Поэтому **основной исследовательский вопрос диссертации** можно сформулировать так: в чем заключается специфика существующих в настоящее время особенностей трансформации политики памяти и какими способами возможно их переориентировать из деструктивной плоскости, порождающей разногласия и конфликты, в сферу, которая объединяет людей на почве принятия общего прошлого и необходимости взаимовыгодного сотрудничества в настоящем и будущем.

Степень изученности темы.

Весь пласт исследований, так или иначе затрагивающих вопросы политики памяти, можно разделить на несколько групп. Во-первых, в рамках нашего исследования могут быть использованы работы, посвященные историографии Второй мировой войны в целом, как российских, так и зарубежных авторов. Там, где нужен анализ конкретного исторического нарратива, в большинстве случаев по узким специфическим вопросам, эти труды незаменимы. Учесть всех ключевых авторов данной группы не представляется возможным в рамках диссертации, поэтому будет названа

лишь малая часть таковых: Э. Бивор, Д. Гланц, С.Э. Морисон – из иностранных исследователей, а из отечественных – А.В. Исаев, И.И. Минц, А.М. Самсонов³.

Вторую группу составили исследования, в которых впервые было акцентировано внимание на отдельных аспектах, которые уже напрямую касались политики памяти. Развитие данного направления проходило преимущественно в контексте изучения проблемы фальсификации и политизации ее истории. В советский период исследуемая тема получила в этом ключе фрагментарное освещение в работах А.И. Еременко, Л.В. Данилова, Б.И. Марушина, М.Г. Панкратова, М.Р. Тульчинского, П.А. Жилина, А.С. Якушевского, Е. Н. Кулькова и некоторых других авторов⁴. В рамках нашего исследования они помогают прояснить отдельные этапы формирования советской модели памяти о войне, трансформации политики памяти в СССР в разные годы, а также отражают разногласия в этой сфере между западными и отечественными концепциями.

После 1991 г. обозначенная проблематика продолжала изучаться в исследованиях Е.И. Зюзина, Ю.А. Горькова, М.А. Гареева, О.В. Вишлева, Л.А. Безыменского, А.В. Исаева, М.И. Семиряги, В.В. Литвиненко, А.В. Бугаева и В.П. Козлова и некоторых других авторов⁵. От работ

---

³ Бивор Э. Вторая мировая война. М., 2014; Гланц Э. Советское военное чудо 1941–1943. Возрождение Красной Армии. М., 2008; Морисон С.Э. Битва за Атлантику. Спб., 2000; Исаев А. В., Суворов В., Солонин М. С. и др. 1941. Великая Отечественная катастрофа. Итоги дискуссии. М., 2009; Минц И.И. Великая Отечественная война Советского Союза. М., 1947; Самсонов А.М. Крах фашистской агрессии. 1939–1945. М., 1975.

⁴ Еременко А.И. Против фальсификации истории Второй мировой войны. М., 1958; Данилов Л.В., Марушин Б.И., Панкратов М.Г. Буржуазные историки на службе антикоммунизма. М., 1962; Тульчинский М.Р. Адвокаты реванша. М., 1963; Жилин П.А., Якушевский А.С., Кульков Е.Н. Критика основных концепций буржуазной историографии Второй мировой войны. М., 1983.

⁵ Зюзин Е.И. Готовил ли Сталин превентивный удар? // Военно-исторический журнал. 1995. № 1; Горьков Ю.А. Готовил ли Сталин упреждающий удар против Гитлера в 1941 году? // Новая и новейшая история. 1993. № 3; Гареев М.А. Еще раз к вопросу: готовил ли Сталин

советского периода они отличаются актуализацией новейших тенденций, а также гораздо более широким кругом охватываемых вопросов, вокруг которых происходят дискуссии в научных и политических кругах. В целом отечественные авторы приходят к выводу, что умаление роли СССР в победе над нацизмом, попытки постановки знака равенства между Сталиным и Гитлером, ряд фальсификаций по частным вопросам, имеющие место на Западе – все это целенаправленный процесс, имеющий четкую антироссийскую (ранее – антисоветскую) направленность.

В третью группу входят работы авторов, обративших внимание на политику памяти в контексте изучения образа России как инструмента конструирования идентичностей народов Европы. Наибольший вклад в развитие данного направления внесли И. Нойманн, Ю. Кокка, В. Морозов, Б. Румелили, П. Петерсоо, М. Малиа и О.В. Рябов и некоторые другие авторы⁶.

превентивный удар в 1941 г. // Новая и новейшая история. 1994. № 2; Вишлев О.В. Речь И.В. Сталина 5 мая 1941 г. (русские документы) // Новая и новейшая история, 1998, № 4; его же. Западные версии высказываний И.В. Сталина 5 мая 1941 г. По материалам германских архивов // Там же, 1999, № 1; Безыменский Л.А. Что же сказал Сталин 5 мая 1941 г.? Новое время. 1991. № 19; Исаев А.В. Антисуворов. М., 2004; Бугаев А.В. День «N». Неправда Виктора Суворова. М., 2007; Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000; Литвиненко В. В. Цена войны. Людские потери на советско-германском фронте. М: Вече, 2013; Козлов В.П. Обманутая, но торжествующая Клио. Подлоги письменных источников по российской истории в XX веке. М, 2001.

⁶ Neumann I.B. Constructing Europe: Russia as Europe's Other // Hedetoft U. (ed.) Political symbols, symbolic politics. Ashgate, 1998; Кокка Ю. Границы Европы и идентичность. М, 2007; Morozov V., Rumelili B. The external constitution of European identity: Russia and Turkey as Europe-makers // Cooperation and conflict. 2012. Vol. 47. № 1; Petersoo P. Reconsidering otherness: constructing Estonian identity // Nations and nationalism. 2007. Vol. 13. № 1; Malia M. Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. Cambridge, 2000; Рябов О.В. «Матушка–Русь». Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. М., 2001.

В результате указанных исследований получены выводы, согласно которым в формировании ряда идентичностей, особенно в странах Восточной Европы, важную роль сыграл объединяющий фактор негативного позиционирования России и русских. Данная тенденция прослеживается относительно давно, но наибольшее развитие получила в последние полтора столетия. При этом, однако, отмечается неравномерность данного процесса и наличие устойчивых частей социума, воспринимающих российский фактор в нейтральном и позитивном ключе.

В рамках данного направления необходимо отдельно выделить исследовательскую традицию, представители которой – В.А. Ачкасов, Ю.А. Борко, Г.И. Вайнштейн, Т.В. Евгеньева, В.В. Титов, А.В. Селезнева, Р.К. Херманн, М. Брютер, Б. Беркель и другие авторы – сосредоточились на изучении вопроса об использовании политических символов в контексте построения новых идентичностей в ЕС и на постсоветском пространстве⁷. В

---

⁷Ачкасов В.А. «Политика памяти» как инструмент строительства постсоциалистических наций // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. № 4; Борко Ю.А. От европейской идеи к единой Европе. М., 2003; Вайнштейн Г.И. Европейская идентичность: желаемое и реальное // Полис. Политические исследования. 2009. № 4; Евгеньева Т.В., Титов В.В. Формирование национально-государственной идентичности российской молодежи // ПОЛИС: Политические исследования. 2010. № 4; Евгеньева Т.В., Селезнева А.В. Образ «врага» как фактор формирования национальной идентичности современной российской молодежи // Политика. Вестник Фонда «Российский общественно-политический центр». 2007. № 3; Ефременко Д.В. Драма европейской идентичности // Политическая наука. 2005. № 3; Федорцев В.А., Мамедова Л.К. Европейский союз: поиск «европейской идентичности» // Проблемы национальной стратегии. 2011. № 4; Herrmann R., Brewer M. Identities and institutions: Becoming European in the EU // Transnational identities: becoming European in the EU. Lanham, USA; Oxford, 2004; Bruter M. Winning Hearts and Minds for Europe: The Impact of News and Symbols on Civic and Cultural European Identity // Comparative Political Studies. 2003. Vol. 36. № 10; Tillman E.R. Support for the euro, political knowledge, and voting behavior in the 2001 and 2005 UK general elections // European Union Politics. 2012. Vol. 13. № 3; Ehin P. Competing Models of EU Legitimacy: the Test of Popular

целом указанные авторы также пришли к отмеченным выше выводам, но уже относительно политической символики.

Косвенным образом политика памяти в отношении событий Второй мировой войны нашла отражение на страницах исследований, посвященных интерпретации стереотипного образа России культурой и обществом как отдельных стран ЕС, так и «коллективного Запада» в целом. Изучением темы в этом контексте занимались Дж. Д. Браун, И. Нойманн, А.Г. Здравомыслов, А. де Лазари, О.В. Рябов, В.О. Рукавишников, Г.С. Мельник, С. Виноградова, Э.Я. Баталов, В.Ю. Журавлева, К.В. Хозинская, В.Н. Расторгуев и С.Б. Королева и некоторые другие авторы⁸.

Expectations // *Journal of Common Market Studies*. 2008. Vol. 46. № 3; Grimstad K.A. What Europe means for Poland. The frontpage coverage of Independence Day in «Gazeta Wyborcza» 1989-2009 // *Transforming National Holidays: Identity Discourse in the West and South Slavic countries, 1985-2010*. Amsterdam, 2012; Agirdag O., Huyst P., Houtte M. Van. Determinants of the Formation of a European Identity among Children: Individual–and School–Level Influences // *JCMS: Journal of Common Market Studies*. 2012. Vol. 50. № 2; Cinnirella M. Towards a European identity? Interactions between the national and European social identities manifested by university students in Britain and Italy // *British Journal of Social Psychology*. 1997. Vol. 36. № 1.

⁸ Brown J.D. A stereotype, wrapped in a cliché, inside a caricature: Russian foreign policy and orientalism // *Politics*. Chichester, 2010. Vol. 30, № 3; Neumann I. *Russia and the Idea of Europe: A Study in Identity and International Relations*. London, 2017; Здравомыслов А.Г. *Россия и русские в современном немецком самосознании* // *Общественные науки и современность*. 2001. № 4; Де Лазари А., Рябов О.В. *Русские и поляки глазами друг друга: Сатирическая графика*. Иваново, 2007; Рукавишников В.О. *Холодная война, холодный мир. Общественное мнение в США и Европе о СССР/России, внешней политике и безопасности Запада*. М., 2005; Мельник Г.С., Виноградова С.М. *Внешнеполитический имидж России в медийном пространстве посткризисного периода* // *Управленческое консультирование*. 2009. № 3; Баталов Э.Я., Журавлева В.Ю., Хозинская К.В. «Рычащий медведь» на «диком Востоке». *Образы современной России в работах американских авторов*. М., 2009; Расторгуев В.Н. *Россия и пан-Европа* // *Вестник Московского университета*, сер. 12.

К четвертой группе следует отнести труды авторов, изучающих проблемы политической символики и мифологии в целом, хотя они, что особенно для нас важно, в ряде случаев затрагивают и события Второй мировой войны. Среди этих исследователей – О.Ю. Малинова, С.П. Поцелуев, К.Ф. Завершинский, Н.И. Шестов, С.В. Рязанова, Е.В. Стоянова, Е.Ю. Мещеркина, В.Э. Бойков и некоторые другие авторы⁹. Для нашего исследования полезны выводы, касающиеся закономерностей возникновения и развития указанных проблем, ряд важных, но, увы, не всегда систематизированных наблюдений, касающихся непосредственно темы данной работы.

Политические науки. М., 2008. № 6; Королева С.Б. Миф о России в британской культуре и литературе (до 1920-х годов). М., 2014.

⁹ Малинова О.Ю. Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России: символическая политика в трансформирующейся публичной сфере // Политическая экспертиза. 2010. № 1; Она же. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. 2010. № 2; Она же. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России. М., 2013; Поцелуев С.П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // Полис. Политические исследования. 1999. № 5; Он же. «Символическая политика»: к истории концепта // Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. М., 2012; Завершинский К.Ф. Символическая политика как социальное конструирование темпоральных структур социальной памяти // Символическая политика: Сб. науч. тр. М., 2012. Вып.1; Шестов Н.И. Миф и политика. URL: <http://rospolitics.ru/234-nikolay-shestov-mif-i-politika.html> (Дата обращения - 01. 12. 2020); Рязанова С.В. Роль религии в формировании политического мифа // Ценности и смыслы. 2013. № 2 (24); Она же. Архаические мифологемы в политическом пространстве современности. Пермь, 2009; Стоянова Е.В. От ритуала и мифа к метафоре // Вестник РУДН, серия Русский и иностранный языки и методика их преподавания 2008. № 4; Мещеркина Е.Ю. Историческая память и политики меморизации // Россия реформирующаяся: Ежегодник - 2005. М., 2006; Бойков В.Э. Состояние и проблемы формирования исторической памяти // Социс. 2002. № 8.

Важно отметить, что в основе парадигмы работ, относящихся к данной группе, лежит концепция П. Бурдьё, по мнению которого под символической политикой следует понимать стратегическое использование символического капитала в рамках постоянной борьбы за «власть наречения», т.е. за возможность обязательного установления наименований, понятий и интерпретаций. В соответствии с данной точкой зрения, изучение символической политики в обязательном порядке предполагает объяснение того, как «власти добиваться признания власти»¹⁰.

К пятой группе относятся концептуальные исследования, проведенные Ю.С. Васютиным, О.В. Головашиной, А.Р. Дюковым, Д.В. Ефременко, А.И. Миллером, И.А. Климовым, М.М. Федоровой, В.А. Шнирельманом, Э. Кейси, П. Коннертоном и Ц. Тодоровым и некоторыми другими авторами. Они посвящены социальной памяти как таковой, а также и теоретическим основам мемориальной политики¹¹. Здесь в рамках нашей работы представляют

---

¹⁰ Бурдьё П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. С. 261; Делегирование и политический фетишизм. Бурдьё Пьер. URL: <http://bourdieu.name/content/delegirovanie-i-politicheskij-fetishizm-0> (Дата обращения: 01.12.2020).

¹¹ Васютин Ю.С., Панова Е.С. Историческая память: институционализация в общественном сознании и в государственной политике // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. Т. 11. № 3; Головашина О.В. (Бес)порядок времени и политика памяти // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2016. № 4; Дюков А.Р. Историческая политика или политическая память // Международная жизнь. 2010. № 1; Ефременко Д.В., Малинова О.Ю., Миллер А.И. Политика памяти и историческая наука // Российская история. 2018. № 5; Климов И.А., Тучков С.М. Политика памяти как инструмент легитимации политического режима // Проблемы и приоритетные направления развития современных политических и социальных процессов. Сборник материалов научно-практической конференции. 2017; Федорова М.М. История/память: трудная дилемма // История философии. 2018. Т. 23. № 1; Шнирельман В.А. Социальная память и образы прошлого // Новое прошлое / The New Past. 2016. № 1; Casey E. Remembering: A Phenomenological Study. Bloomington, 1987; Connerton P. How societies remember. Cambridge, 1989; Todorov Tz. Les abus de la mémoire. Paris, 1995.

ценность и выявленные закономерности, и оценка системных процессов; обращение, с одной стороны, к психологической стороне проблемы, а с другой – наработки в области понятийного аппарата, используемого в «memory studies» в целом.

Шестая группа – исследования мемориальной политики конкретных государств. Ее изучали А.Г. Васильев, Е.Е. Вяземский, А.Ю. Гайдай, М.В. Кирчанов, С.В. Козлов, Д.С. Плотников, А.О. Столяров, Г.Л. Тульчинский, Ч. Гальперин, К. Петроун и Т. Шнайдер и некоторые другие авторы¹². Однако никто из них так и не выбрал политику памяти в отношении Второй мировой войны в качестве самостоятельного предмета исследования, охватывающего общемировые тенденции в целом. При этом в рамках нашей работы выводы,

---

¹² Васильев А.Г. Политика памяти: российский опыт в свете теоретико-методологической рефлексии // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2014. № 14 (136); Вяземский Е.Е. Историческая политика государства, историческая память и содержание школьного курса истории России // Проблемы современного образования. 2011. № 6; Гайдай А.Ю., Любарец А.В. «Ленинопад»: избавление от прошлого как способ конструирования будущего (на материалах Днепропетровска, Запорожья и Харькова) // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2016. № 2 (33); Кирчанов М.В. Историческая политика. политика памяти и война с памятниками в США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2017. 12 (576); Козлов С.В. Политика памяти как инструмент легитимации постсоветской украинской государственности // Вестник Российской нации. 2014. № 1 (33); Плотников Д.С. Изменения в политике памяти в государствах – союзниках России на постсоветском пространстве после 2014 года // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2018. № 1; Столяров А.О. Проблема обращения польских политиков к исторической памяти в отношениях с Россией (1989-2005 гг.) // Клио. 2015. № 3 (99); Тульчинский Г.Л. Историческая память в символической политике и информационные войны // Философские науки. 2015. № 5; Halperin Ch. J. Omissions of national memory: Russian historiography on the Golden Horde as politics of inclusion and exclusion // *Ab imperio*. 2004. № 3; Petrone K. The Great War in Russian Memory. Bloomington, 2011; Snyder T. Memory of Sovereignty and Sovereignty over Memory: Poland, Lithuania and Ukraine, 1939–1999 // *Memory and Power in Post-war Europe: Studies in the Presence of the Past*. Cambridge, 2002.

сделанные указанными авторами в отношении отдельных стран, позволяют выйти на новый, глобальный уровень оценки происходящих процессов.

Таким образом, оценивая степень изученности темы, необходимо отметить такое обстоятельство, как дефицит исследований, посвященных непосредственно политике памяти в отношении Второй мировой войны на фоне обилия работ о мемориальной политике в целом, либо опыту ее реализации на примере конкретных стран. Помимо того, следует отметить, что, несмотря на высокий в целом уровень объективности большинства публикаций, затрагивающих интересующий нас вопрос, отдельные работы несут на себе признаки возможного влияния социального заказа или политической конъюнктуры, что иногда заметно снижает репрезентативность сделанных их авторами оценок и выводов.

Алгоритмы развития мемориальных конфликтов, способы их урегулирования и купирования – все это также остается плохо изученным. При этом указанные аспекты исследуются преимущественно в концептуальном или идеалистическом ключе. Налицо отсутствие направленности на практику: исследуется то, что уже было, тогда как достойных применения рекомендаций, а тем более, какой-либо универсальной методологии решения имеющихся проблем не предлагается. При этом отсутствует классификация причин и факторов трансформации политики памяти; даже ведущие государства не структурированы в отношении их позиции относительно пересмотра итогов войны, хотя реальное положение дел свидетельствует о настоятельной необходимости проработки данного вопроса.

В целом же можно заключить, что тема так и не обрела статуса отдельного объекта исследования. Особенно важным в этой связи представляется то обстоятельство, что память о Второй мировой войне по факту уже является предметом особой политики, требующей, соответственно, специального целенаправленного изучения. Но в самостоятельном качестве данный вопрос не рассматривался. То есть, научное наследие в сфере исследований мемориальной политики характеризуется в отношении войны

лакунарностью, фрагментарностью, и, тем более, отсутствием специальных и обобщающих трудов по данной теме.

Предметом работы является практика мемориализации событий Второй мировой войны в интересах гармонизации отношений между участниками мирового политического процесса и укрепления национально-государственной идентичности отдельных стран в указанных условиях.

В роли **объекта** представленного исследования выступает трансформация политики памяти в отношении Второй мировой войны как политический процесс и одновременно как социальное явление.

Хронологические рамки исследования охватывают **период 2008 – 2018 гг.** Сразу оговоримся, обозначенные временные рамки в нашем исследовании в целом ряде случаев, когда это необходимо для более качественного анализа и понимания ситуации, выходят за свой нижний предел. Иными словами, в исследовании могут рассматриваться более ранние исторические события, вне контекста которых невозможно выявить причинно-следственные связи в рамках трансформации политики памяти. Равным образом в рамках изучения закономерностей эволюции социальной памяти мы вынуждены обращаться в том числе к кейсам событий, не имеющих прямого отношения к истории Второй мировой войны. Последнее является вынужденной мерой, поскольку без проведения сравнительного анализа невозможно установить, является та или иная форма мемориального позиционирования специфическим отличием корпуса представлений о Второй мировой войне либо частным проявлением общей закономерности трансформации социальной памяти. Также жесткое следование обозначенным рамкам лишило бы нас возможности исследовать и заимствовать эффективные мнемонические практики, применяемые в рамках позиционирования событий иных периодов.

Выбор обозначенных временных рамок обусловлен следующими причинами. Во-первых, именно в это время осуществлялись наиболее масштабные изменения в рамках политики памяти в отношении событий Второй мировой войны за последние десятилетия, хотя соответствующие

процессы начались значительно раньше, в особенности – в государствах Европы, достаточно вспомнить небезызвестные «споры историков» в Германии.

Из важнейших событий в указанный период можно отметить, например, произошедшие в 2010 г. официальное признание Россией факта расстрела польских военнопленных под Катынью, принятие властями Японии ответственности за насильственную сексуальную эксплуатацию женщин на «станциях утешения» и т.д.

Во-вторых, в рамках обозначенного периода в России стали появляться или реорганизовываться структуры, призванные отстаивать официальные государственные позиции по вопросам интерпретации событий прошлого на внутренней и международной аренах. Так, например, в 2009 г. создается Комиссия при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России, в 2012 году финансовое обеспечение получают Российское историческое общество и Российское военно-историческое общество. При участии последних двух организаций активно обсуждался новый историко-культурный стандарт. В 2013 году открывается выставка «Православная Русь. Романовы», которая впоследствии станет основой сети парков «Россия – моя история».

В-третьих, с 2008 г. начинается новый этап международных отношений, характеризующийся активизацией напряженности. Решительное вмешательство России в южноосетинский конфликт ознаменовало окончание периода ее пассивной внешней политики, который продолжался с 1991 г. В 2011 г. происходит «цветная революция» в Ливии с последующим вмешательством во внутренний конфликт сил НАТО, преследовавших цель смены политического режима в этой стране. В последующие годы нарастало «холодное» противостояние между Россией с одной стороны, а США и ее союзниками по НАТО – с другой. Последние продолжали поддерживать протестные движения и «оранжевые» перевороты во всем мире, в частности на постсоветском пространстве; Российская Федерация, в том числе в порядке

оказания военной помощи, выступала на стороне законных правительств, как это произошло в Сирии. Апогеем процесса стали события в Украине, которые привели к выходу из ее состава Крыма и к войне на Донбассе.

Результатом всех перечисленных проблем стали санкционные и идеологические конфликты, в которых ресурс памяти, в частности, о событиях Второй мировой войны, занял важное место. В течение последующих лет нарастала трансформация мемориальной политики, которая к 2018 году в целом приобрела нынешний, во многом законченный вид, но в то же время способный трансформироваться под воздействием извне.

Географические рамки данного исследования имеют два «уровня приближения»: анализ глобальных процессов в исследуемой парадигме в целом и детализация полученных выводов на примере нескольких отдельных стран. Это обусловлено следующими причинами.

С одной стороны, выявление закономерностей трансформации политики памяти и лучших мемориальных практик потребовало изучения опыта большого числа стран в глобальных масштабах. С другой стороны, для апробации предложенной автором методики и подробного анализа ситуации в государствах, имеющих кардинальные различия в отношении пересмотра итогов войны, были избраны три из них.

Россия как преемник СССР – государства, внесшего решающий вклад в победу (над державами «оси» или над нацистской Германией), а также понесшего одни из самых больших потерь – рассматривается, помимо прочего, также в качестве автора и наследника т.н. «советского мифа», определившего на длительный период мемориальную политику в целом ряде стран.

Польша представляет собой пример резкой смены мемориального курса после распада мировой социалистической системы, что произошло, в основном, из-за позиции ее политической элиты и не было вызвано отсутствием альтернативных путей развития.

Германия в качестве одного из двух ключевых агрессоров во Второй

мировой войне представляет научный интерес не только с точки зрения страны, которая вынуждена преодолевать последствия своей вины в ее развязывании. В данном случае политика памяти представляется одним из ключевых условий изменения статуса ФРГ в мире в дальнейшем.

Цель представленной работы – предложить пути решения проблемы деструктивного использования памяти о событиях Второй мировой войны в политических целях, вызванной отсутствием общепринятой в мире, мемориальной концепции. В данном случае обозначаются пути выработки универсальных научных и практических механизмов предотвращения и разрешения конфликтных ситуаций, направления происходящих в данной сфере трансформаций в конструктивную плоскость на взаимовыгодных либо компромиссных условиях, учитывающих интересы всех заинтересованных сторон.

Ее достижению должно предшествовать выполнение следующих **задач**:

- проанализировать концептуальные научные подходы к исследованию алгоритмов реализации политики памяти как разновидности символической политики;

- рассмотреть использование таких инструментов ее осуществления, как «символ», «миф» и «ритуал»;

- дать классификацию причин и факторов трансформации мемориальной политики в нынешних условиях;

- классифицировать государства, имеющиеся на современной карте мира, в зависимости от их позиции в вопросах пересмотра итогов войны и их целей относительно этого процесса;

- на примере России, Германии и Польши разработать эффективный метод анализа ситуаций с точки зрения методов символической политики, опирающейся на использование выявленных в ходе классификации закономерностей;

– сформулировать практические предложения относительно моделей политики памяти в отношении событий Второй мировой войны в настоящее время в трех перечисленных странах.

Теоретические и методологические основы исследования.

Принципы социального конструктивизма, системности, историзма и объективности использованы в качестве теоретической основы диссертации. Также в ходе сбора и интерпретации материалов исследования нашли применение следующие подходы социологии и политической науки: системный (идеи Т. Парсонса, Д. Истона и Г. Алмонда), сравнительный (концепции, созданные С. Верба, И. Кимом и Р. Мерритом), политико-культурный (творческое наследие Д. Дивайна и М. Дюверже), социальная феноменология (А. Щюц, П. Бергер, Т. Лукман) и символический интеракционизм (Э. Дюркгейм, Г. Лебон, У. Липпман и Дж. Мид).

Системный подход. Процесс целенаправленного выстраивания политики памяти для воздействия на мировоззрение населения тех или иных стран представляет собой частный случай проявления на практике трех функций политической системы – адаптации, интеграции и постановки целей достижения (Т. Парсонс). Согласно концепции Д. Истона, общая система представлений о событиях прошлого выступает в роли факультативного фактора, определяющего возможность политической системы реализовать такую жизненно важную функцию, как обеспечение принятия широкими массами населения решений относительно распределения ресурсов и ценностей в качестве обязательных. Посредством закрепления в исторической памяти масс определенной картины прошлого конституируются отдельные элементы структуры политической системы, такие как лидерство и совокупность предписанных носителем власти норм поведения, т. е. регламентация (Т. Парсонс). Также необходимо отметить, что процесс выстраивания политики памяти напрямую взаимосвязан с одним из важнейших специфических свойств политической системы – зависимостью от характера общественной среды. (Г. Алмонд).

Сравнительный подход. Все существующие общества объединяет наличие одинаковых наборов форм политической структуры и их функций, однако в то же время каждый социум обладает своей спецификой, обусловленной различиями в их балансе. Последнее, с одной стороны, превращает формирование исторической памяти масс в универсальную задачу любой политической системы, а с другой – обуславливает особенности решения данной задачи в каждом конкретном случае (Г.Алмонд, С.Верба, И. Ким, Р. Меррит).

Политико-культурный подход. Ориентационный уровень политической системы включает в себя три компонента – когнитивный, аффективный и ценностный, каждый из которых (в особенности – последние два) задействуется в ходе формирования системы представлений о прошлом – за счет комбинаций эмпирических убеждений, экспрессивных символов и ценностей соответственно. Благодаря этому данный процесс превращается в одну из важнейших составляющих генерации политической культуры (Г. Алмонд, С. Верба, Д. Дивайн, М. Дюверже, Ф. Бурлацкий).

Социальная феноменология. Политическая власть может быть рассмотрена как феномен, детерминированный коллективным сознанием элит или широких масс населения, его содержанием и способами репрезентации в нем. Таким образом, существование политической системы во многом обуславливается созданием и успешным функционированием исторической памяти социума, встроенной в «коллективные представления» и тем самым формирующей идентичности и ориентации большинства представителей общества (А. Щюц, П. Бергер, Т. Лукман).

Символический интеракционизм. Возможность формирования исторической памяти основывается на существовании феноменов органической солидарности (Э. Дюркгейм), «основополагающих верований» (Г. Лебон), стереотипности сознания (У. Липпман), «самости» и «зеркального Я» (Ч. Кули), конвергенции «Я-концепции» и фактора «они» (Дж. Мид), обуславливающих возможность форматирования и программирования

сознания личности (индивидуальной идентичности) посредством трансляции коллективных представлений.

Кроме того, в процессе выработки практических предложений по гармонизации мемориальной ситуации – как в целом, так и в отдельных обществах и государствах, был использован метод фронезиса, активно продвигаемый в последнее десятилетие Б. Фливбергом в исследовании мегапроектов и получивший признание по отношению к иным объектам исследования в политологии и социологии.

Понятие фронезиса было введено еще Аристотелем, который говорил о нем как о концепции некоего «здорового смысла», что представляло собой практическую рациональность, ситуационное мышление, позволяющее найти решения для «здесь и сейчас». По Б. Фливбергу, в современном прикладном понимании данного метода, при выполнении инфраструктурных проектов любой из них можно очернить или придать ему чуть ли не божественную значимость через современные механизмы передачи информации, например, в социальных сетях. Применение метода в рамках данной работы состоит в том, что фронезис, основываясь на обобщенных данных науки, индивидуализирует ситуацию и способствует конвертации научных усилий в общественно полезные действия. Очевидно, применение данного метода к практике реализации политики памяти может и должно быть с успехом использовано.

Модель эмпирического исследования, использованная при написании работы, включает в себя традиционный анализ, экспертное интервью, мониторинг социальных сетей и новостных сайтов. За счет этого данные изыскания получают методологическую основу посредством комбинирования количественных (мониторинг социальных сетей) и качественных (типологический анализ и экспертное интервью) исследовательских практик. Подобный подход предоставляет исследователю возможность сочетать сведения относительно измеряемых показателей исторической памяти с описанием тенденций, факторов, результатов и перспектив ее динамики.

Использование традиционного анализа позволяет детализировать специфику восприятия населением реализуемой властями политики памяти.

Мониторинг социальных сетей и новостных ресурсов, сопровождаемый применением киберметрического (автоматизированного) анализа дает возможность разрешить проблему малых выборок и предоставляет исследователю шанс выявить характер взаимосвязи между политикой памяти с одной стороны и ответной реакцией населения – с другой.

Включение в структуру методической базы исследования экспертного интервью позволяет опереться на практический опыт историков, политологов, политконсультантов и специалистов в области работы с молодежью в ходе интерпретации выявленных первичных данных и проверке гипотез.

Мониторинг социальных сетей и новостных сайтов реализован с помощью киберметрических инструментов социальных сетей Facebook и Vk и Интернет -СМИ, а также программы IQBuzz, что позволяет использовать тип сплошной выборочной совокупности.

В случае экспертного интервью за основу формирования выборки принимается принцип гетерогенности. Последнее же предполагает использование неслучайной (невероятностной) выборки посредством метода типичных представителей. Как результат, выбор единиц исследования осуществляется по заранее определенному принципу: выделению индивидуальных характеристик, включающих в себя социально-демографические и коммуникативные факторы. Объем выборочной совокупности в экспертном интервью – 20 респондентов.

Анализ результатов проведения интервью был реализован в следующих формах:

- транскрибирование аудио/видеозаписей интервью;
- анализ стенограмм интервью;
- сравнение данных с результатами массовых опросов, проведенных социологическими службами России, Германии и Польши, и мониторинга социальных сетей.

Анализ результатов мониторинга социальных сетей был отражен в форме графической интерпретации, через построение таблиц и диаграмм.

Гипотеза исследования.

Трансформация политики памяти о Второй мировой войне обусловлена целым комплексом причин и определяется в своем развитии множеством факторов. И те, и другие в каждом конкретном случае могут существенно различаться, что приводит к складыванию в разных государствах по-своему уникальных ситуаций, требующих особого подхода.

Масштаб трагедии, запрос на ревизию истории, близость событий Второй мировой войны к нашему времени, конфликты ряда моделей памяти о них в мире – все это привело в совокупности к использованию всего перечисленного в политических, зачастую конъюнктурных целях. Результатом такой деятельности становится рост напряженности, усиление разногласий, ряд других деструктивных тенденций как в мире в целом, так и во многих отдельных странах в частности.

Данная проблема с научной точки зрения усугубляется отсутствием четкого понимания специфики особенностей происходящих процессов, классификации их закономерностей; а с политической – нежеланием отказываться от применения памяти о войне в качестве инструмента решения сиюминутных задач. О поиске компромиссных либо взаимовыгодных путей выхода из этого положения нередко даже не идет и речи.

Между тем, при наличии эффективного метода анализа можно предложить такие решения указанной совокупности проблем, которые позволят снизить мемориальную напряженность как на мировом уровне, так и внутри отдельных стран. В этом отношении критерием эффективности предложенных рекомендаций на практике можно считать гармонизацию, стремление к достижению компромисса на приемлемых для всех участников событий условиях.

С этой точки зрения существующие модели памяти о войне, в большинстве своем неэффективны в силу своей функциональной

ограниченности. Мнемонические акторы либо действуют в рамках логики создания «патриотического мифа», что приводит к возникновению внешних мемориальных конфликтов; либо действуют «по инерции», считая, что их традиционный взгляд не подлежит изменению и пересмотру, а в альтернативные концепции, распространяемые в ряде стран, мало кто поверит. При этом на подобные попытки либо не следует вообще никакой реакции, либо она достаточно скромная и не приносит результатов, что стимулирует к дальнейшим провокациям и наступлению на какую-либо уже существующую модель.

Именно подобная концептуальная основа в отношении официальной политики памяти о войне наблюдалась в России все первое десятилетие XXI века на фоне откровенно русофобской трансформации исторического нарратива во многих странах Восточной Европы. Руководство страны либо не понимало опасности своего бездействия, либо считало проблему настолько второстепенной, что пренебрегло ею.

Практика «жесткого реагирования» на попытки искажения и пересмотра существующих концепций, которую проводят некоторые страны, значительно более эффективна. Израиль и Китай, например, при таком развитии событий в отношении болезненных для них вопросов не ограничиваются не только формальными, но и жесткими дипломатическими выступлениями. В ход может пойти все, начиная от усилий диаспоры по формированию общественного мнения в ведущих странах до прямых угроз экономических и иных санкций.

При этом следует отметить, что важным фактором достижения успеха, при всех перечисленных действиях, в рамках данной практики является целостная, согласованная, обычно не противоречащая общей (хотя и частично устаревшей) международной традиции исторического нарратива относительно событий Второй мировой войны, принятая в этих странах. Поэтому реагировать приходится на действия популистов – творцов «патриотических мифов» в отдельных государствах и случаях. Возникает

мемориальный конфликт – в виде решительного ответа, спровоцированного подобными акторами. Но это останавливает либо заставляет быть более осмотрительными других, что в пролонгированной перспективе может служить целям компромисса и примирения.

В этой связи противоположный эффект наблюдается в случае, когда с теми же целями некоторые политики пытаются частично или полностью заимствовать у бывших противников их традицию исторической памяти вместо поиска сбалансированного решения, которое удовлетворит все стороны. Не принимается во внимание, что это априори подразумевает сугубо негативное позиционирование заимствующей стороны. В результате, попытки такой «прививки» вызывают у широких слоев населения отторжение (поскольку они фактически равнозначны маргинализации собственной идентичности) и лишь провоцируют рост ориентации на «патриотический миф». Более того, сторонники мемориального примирения обретают в глазах массовой аудитории имидж «предателей».

Равным образом часть политического истеблишмента государств, выступающих в качестве «доноров» исторической традиции, начинает использовать признание другой стороной ответственности за какие-либо трагические события совместной истории в качестве обоснования материальных претензий либо для усиления образа «внешнего врага». Все это неизбежно приводит к формированию «токсичного» нарратива, распространение которого способствует росту ксенофобии и политической напряженности как внутри отдельных государств, так и между суверенными державами и, в отдельных случаях, этноконфессиональными группами (рост антисемитизма в Европе, раскол православия в Украине).

Как мы видим, проблема всех перечисленных моделей заключается в том, что отсутствует желание найти реально компромиссные решения «для всех» – в перечисленных ситуациях участвуют обычно две стороны, редко больше, при равнодушии либо невмешательстве всех остальных. Это происходит по той причине, что сложившаяся в послевоенные годы

общепринятая в мире картина событий войны по умолчанию стала подвергаться пересмотру, который в большей степени происходил по субъективным, нежели объективным причинам. Необходимо, учитывая накопленный наукой новый пласт знаний о войне и мемориальной политике в ее отношении, выработать новую, согласованную на международном уровне модель и договориться о механизмах разрешения спорных случаев.

Тем не менее, пока предложенный вариант остается лишь в теоретическом поле, а реализация его представляется делом будущего, следует стремиться к балансу интересов на практике, в тех рамках, в которых обычно происходят трансформации – между двумя и более сторонами. В этой связи необходимо принимать во внимание следующие обстоятельства.

В большинстве ситуаций трансформация является ответом на появление предпосылки в виде новой версии исторического нарратива, которая противоречит широко распространенной в рамках общества в целом либо присущей значимой макросоциальной группе версии интерпретации событий прошлого. Новый нарратив в этом случае содержит в себе отрицание объяснительной модели, относящейся к событию или личности, имеющим символическое значение, ценностную окраску и играющим большую роль в формировании идентичности макросоциальных общностей.

Таким образом, другой вариант интерпретация событий прошлого купирует источник рекультивации ингруппового фаворитизма, снижает престижность принадлежности к соответствующему сообществу и формирует мотивы для выбора иной идентичности. Кроме этого, нередко происходит формирование принципиально нового символического конструкта. Здесь речь идет как об имитации исчезнувшей ранее традиции, так и системе политической идентификации, в роли фундамента которой выступает ценностный разрыв с существующим / существовавшим строем. Последнее подразумевает, в том числе, переоценку событий прошлого с позиций новой системы ценностей.

Продвижение новой модели коллективного прошлого и соответствующей идентичности подразумевает предложение целевой аудитории альтернативных подходов для выработки интрагруппового фаворитизма. Специфической чертой нового исторического нарратива также является наличие установки на размывание гомогенности (которая в полном смысле слова встречается нечасто) ныне существующей идентичности. Исторический нарратив в данном случае выступает в качестве средства создания образа «значимого другого». Последний не всегда позиционируется как «враг». Однако его образ всегда отличает наличие акцента на его «инаковости», несовместимость с новой идентичностью и связанным с нею путем социально-политического развития.

Следует учитывать, что существенное влияние на процесс в ряде стран могут оказать особенности специфики процесса генерации политического и культурного истеблишмента, потребность в легитимации нового политического строя и конфронтация относительно текущего политического курса, проявляющаяся посредством проецирования на события прошлого существующих в период современности противоречий.

Новая модель интерпретации событий прошлого и соответствующая ей идентичность чаще всего выстраиваются с учетом текущей социально-экономической проблематики. В частности, новый вариант исторического нарратива объясняет (в ряде случаев – комплиментарно по отношению к целевой аудитории) возникновение существующих проблем и косвенным образом (через воссоздание сакрального прошлого) предлагает их решение.

В отдельных случаях трансформация политики памяти может быть сопряжена с отсутствием в обществе позитивного образа будущего. В ситуации, когда большая часть социума пессимистически настроена относительно будущего, лидеры общественного мнения, а вслед за ними и широкие массы населения, зачастую начинают концентрировать внимание на событиях прошлого. Оно начинает идеализироваться, ему придается сакральный характер. Соответствующая модель политического,

общественного или экономического устройства позиционируется в качестве эталонной. Ее позиционируют как результат движения общества по «правильному пути». Текущие проблемы, в свою очередь, объясняются отказом от принятых ранее путей и традиций.

В наиболее острых ситуациях могут возникать мемориальные конфликты, порожденные трансформацией политики памяти. Иногда они даже приводят к выходу противостояния за рамки пространства исторического нарратива. Наиболее ярко это проявляется через принятие различных репрессивных законов (и вновь характерен пример Украины).

В роли акторов мемориальной политики выступают не только государства, но также политические партии, общественные организации, церковные институты, бизнес-структуры, представители академического и экспертного сообщества и иные частные лица, обладающие высокой мотивацией к участию в противостоянии.

Все перечисленное следует принимать во внимание и как объективную реальность, от которой приходится отталкиваться, и как частные причины и факторы, имеющие известное значение в каждом конкретном случае. Поэтому и при выработке компромиссных решений для отдельных стран, и в связи с разработкой механизма для предотвращения мемориальных проблем в связи с событиями Второй мировой войны в будущем, все перечисленное необходимо тщательно учитывать.

Положения, выносимые на защиту:

– Вторая мировая война остается для народов значительного числа государств ключевым историческим событием в рамках коллективной памяти, что, наряду с сакрализацией и мифологизацией посвященного ей мнемонического нарратива, превращает любые дискуссии относительно данного конфликта в фактор, провоцирующий политически значимые конфронтации национального и международного масштаба;

– мемориальная политика в отношении Второй мировой войны используется как инструмент комплексной природы, действующий в сферах

соприкосновения политического мифа, символической политики и исторической памяти;

– если трансформация политики памяти, реализуемая каким-либо конкретным культурным или политическим истеблишментом, носит сугубо конъюнктурный характер, ориентирована только на внутреннюю или внешнюю аудиторию, либо с содержательной стороны угрожает консолидирующей общество системе ретроспективных символов, возникает почва для развития мемориальных конфликтов, раскалывающих макросоциальную общность или провоцирующих начало конфронтации с внешними мнемоническими акторами;

– память о войне в настоящее время является составной частью проблемы определения национально-государственной идентичности, выступает в качестве одного из источников обоснования прав и обязанностей, как для политических элит, так и рядовых граждан ряда стран, что подтверждает необходимость проведения в этой сфере особой политики;

– трансформация политики памяти является системным явлением, что дает возможность классифицировать ее причины и факторы, а также структурировать государства по отношению к данным закономерностям;

– существующие противоречия относительно трактовки событий войны разрешимы путем компромисса. Это касается как отдельных государств и обществ, так и общемирового уровня. В этой связи рекомендации, предложенные по отдельным странам, могут послужить основой для снижения напряженности в настоящий момент и в будущем;

– наиболее эффективным механизмом закрепления достигнутых компромиссов, по мнению экспертов, представляется юридический – заключение в каждом конкретном случае специальных договоров, в рамках которых следует предусмотреть механизмы разрешения конфликтных ситуаций, а также санкции для нарушителей ключевых пунктов соглашения с целью недопущения возникновения и развития мемориальных конфликтов в будущем.

Теоретическая значимость данной работы заключается, в первую очередь, в исследовании особенностей трансформации процесса использования памяти о Второй мировой войне такими способами и в таких целях, что она приобрела значение проблемы, требующей особой политики. Кроме того, в процессе работы достигнуты определенные результаты в конкретизации терминов «политика памяти», «политический миф», «ритуал» и «символ» применительно к событиям 1939 – 1945 гг., что должно способствовать повышению конвенциональности указанных понятий.

Помимо того, изучение избранного кейса (российского, польского и германского) позволяет провести апробацию сформулированных в последнее время различными авторами гипотез и проверить актуальность выработанных ранее теоретических конструкций. Также проведение данного исследования способствовало вовлечению ранее не введенных в научный оборот сведений относительно процесса формирования политики памяти и специфики функционирования институтов, выступающих в качестве мнемонических акторов.

Практическая значимость представленного исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы для системного анализа ситуации в любом государстве и обществе на основе выявленных закономерностей. Следовательно, они могут быть применимы при выработке решений в обширном разнообразии конкретных ситуаций в рассматриваемой сфере. Это поможет в коррекции стратегии и методологии мемориальной политики, в частности в России, Польше и Германии. При необходимости предложенные методы и инструменты применимы для гармонизации политики памяти о Второй мировой войне вплоть до глобального масштаба. Также материалы данной диссертационной работы потенциально способны выступить в качестве первоосновы для написания учебно-методических комплексов, лекционных курсов и практических пособий, создания научных и научно-популярных публикаций.

Структура диссертационной работы обусловлена целью и задачами исследования и включает в себя: введение, пять глав, состоящие из десяти параграфов, заключение, список источников и литературы.

Апробация основных положений исследования была проведена в рамках в публикации: 33 статей, в том числе – 23 в научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ. Помимо того, основные результаты работы прошли обсуждение в ходе 20 международных, всероссийских и межрегиональных научных конференций.

Глава 1. Современная политика памяти

1.1. Основные научные подходы к исследованию мемориальной и символической политики

Прежде чем приступить к анализу трансформации политики памяти о Второй мировой войне, следует, прежде всего, рассмотреть ряд вопросов, связанных с пониманием в научных кругах теоретической основы, на которой базируются современные представления о проблеме. Кроме того, нельзя упускать из поля зрения все то, что происходит в сфере реальных политических действий, а эта практика, надо отметить, значительно отличается от теоретических наработок ученых. Осознание того, что пространство как исторической, так и социальной памяти представляет собой, помимо прочего, поле для политических манипуляций, подводит нас к вопросу о том, в чем заключается сущность соответствующих интеракций. И это подразумевает необходимость выработки четкого подхода к **определению** политики памяти.

В первую очередь необходимо обратиться к вопросу о содержании такого понятия, как социальная память (либо память макросоциальных групп).

Для обозначения различных форм данного явления в научный оборот было введено множество терминов: «историческая память», «социальная память», «культурная память» и т.д.

Первые шаги в данном направлении были предприняты М. Хальбваксом. Последний попытался интерпретировать данный феномен, используя в качестве научного фундамента социологическую теорию Э. Дюркгейма. Согласно данной концепции, общество и культура представляют собой элементы единого целого, и развиваются на основе специфических, но универсальных законов. В рамках упомянутой теории большое внимание уделялось коллективным формам сознания. Э. Дюркгейм отстаивал тезис о том, что каждой макросоциальной группе присуще коллективное сознание. Как считал социолог, оно не детерминируется отдельными представителями группы. Напротив, коллективное сознание

сообщества выступает в качестве силы принуждения, регулятора по отношению к конкретным представителям группы¹³.

На практике коллективное сознание сообщества, согласно данной концепции, выражается посредством общих для группы представлений, системы верований, мифологии, норм права и морали. Существование коллективного сознания, по мысли Э. Дюркгейма, невозможно в отсутствии «общей памяти». Коллективное сознание может существовать лишь при наличии условий, обеспечивающих поддержание стабильности сообщества. Это, в свою очередь, требует выработки у членов макросоциальной группы чувства солидарности, исторической преемственности по отношению к предшествующим поколениям. Последнее порождает необходимость «мемориального конформизма»: члены сообщества должны помнить (равно как и забывать) одни и те же события прошлого аналогичным образом. Единообразие подходов к интерпретации событий прошлого достигается путем косвенно репрессивной практики. Общая версия событий прошлого приобретает сакральный характер, в силу чего сомнения в ее истинности автоматически провоцируют применение санкций со стороны социального окружения. Сакральность картины прошлого обуславливает наличие у нее как развитой эмоциональной составляющей, символической подоплеки и привязанной к ней системы регулярно повторяющихся ритуалов, вызывающих у участников и сопричастных состояние экзальтации. Сочетание системы символов и ритуалов, считал Э. Дюркгейм, дает членам сообщества возможность воспроизвести акты священного прошлого, укрепляя солидарность внутри группы. Сакральность коллективной памяти, как подчеркивал социолог, не носит чисто репрессивного, негативного характера.

---

¹³ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007. С. 53; Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. С. 70; Дюркгейм Э., Мосс М. О некоторых первобытных формах классификации. К исследованию коллективных представлений // Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М.: Восточная литература, 1996. С. 31 – 35.

Данное свойство общераспространенной концепции прошлого не только обеспечивает ее защиту от критики, но и наделяет существование сообщества неким особым смыслом, возвышающимся над дилетантским уровнем¹⁴.

М. Хальбвакс развил данную концепцию, выдвинув тезис о существовании в коллективном сознании такого элемента, как общие воспоминания (социальная память). В соответствии с данной теорией, память не может быть интерпретирована как сугубо индивидуальный процесс накопления и обработки полученной информации. М. Хальбвакс утверждал, что носителем памяти может выступать и сообщество. Коллектив, утверждал исследователь, способен накапливать и реконструировать воспоминания. Социальная память при этом не обладает глобальным характером: в нее включаются либо события, которые принципиально возможно воссоздать на профанном уровне, либо ключевые, наиболее значимые для жизни коллектива события. Также для нее характерен высокий уровень схематизма: достаточно подробно воспроизводятся лишь ключевые события прошлого макросоциальной группы¹⁵.

Механизм выработки социальной памяти работает благодаря наличию системы мемориальных рамок, задающих каноническую для сообщества версию событий прошлого. В качестве базовой рамки выступают дискурсивные практики и формируемый ими нарратив. Рамки более высокого уровня представляют собой устойчивые и яркие воспоминания о событии, которые рассматриваются в качестве эталона вне зависимости от их реальной достоверности. Базовые социальные воспоминания выступают, таким образом, в роли ориентиров, посредством которых член сообщества реконструирует своих представления о прошлом. Рамки формируют универсальный социально-мемориальный каркас, при помощи которого

---

¹⁴ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. С. 72 – 75.

¹⁵ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007. С. 152 – 185.

каждый из членов сообщества корректирует или реконструирует собственные воспоминания¹⁶.

М. Хальбвакс также выделял формы, посредством которых осуществляется транзит памяти между поколениями (фигуры памяти). Они представляют собой ключевые, или якорные, фигуры и события прошлого, обладающие такими признаками, как четкие хронологические, топографическая локализация и «координаты личности» (привязка к определенным персоналиям). Благодаря наличию этих свойств в коллективном сознании происходит кристаллизация, т.е. закрепление, определенного круга событий и привязанных к ним фактов. В наиболее четком виде фигуры памяти проявляются через календарный цикл праздников и мемориальных дат¹⁷.

Согласно мнению М. Хальбвакса, фигура памяти всегда имеет назидательную коннотацию, т.е. выступает в качестве инструмента регуляции поведения. Фигура памяти заключает в себе модель мировосприятия, комплекс поведенческих норм культуры и позицию группы, которые легитимируются посредством апелляции к сакральному прошлому. Соответственно, фигуры памяти выступают в качестве одного из ресурсов формирования и поддержания устойчивости коллективной идентичности¹⁸.

Последнее согласуется с тем, что, согласно концепции М. Хальбвакса, социальная память выполняет не только функции хранения и передачи информации. Основной целью ее существования является воспроизводство социальной идентичности: наличие коллективной памяти сплачивает

---

¹⁶ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007. С. 212 – 215, 321.

¹⁷ Хальбвакс М. Коллективная и историческая память [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>, свободный (Дата обращения 27.11.2020).

¹⁸ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007. С. 345 – 347.

сообщество, сглаживая различия внутри корпорации, и в то же время создавая образ внешней, т.е. чуждой, среды¹⁹.

В связи с этим необходимо обратить внимание о том, что теория социальной памяти М. Хальбвакса предполагает оппозицию между историей и коллективной памятью. Согласно данной концепции, сферой деятельности историка является та область прошлого, которая уже не отображается в личных воспоминаниях представителей сообщества, не рефлексирована и не соединяется с настоящим посредством прямой взаимосвязи с локациями и деятелями прошлого. История, таким образом, привязана к моменту разрыва преемственности, распада традиции и самой социальной памяти. Коллективная память, напротив, основывается на консолидации личных воспоминаний и аффектов живых очевидцев событий, и транслируется сугубо посредством живого общения современника описываемого факта с представителями его социального окружения²⁰. В данном случае мы можем поставить достоверность выводов М. Хальбвакса под сомнение. События, относящиеся к отдаленной ретроспективе и объективно не имеющие прямой связи с современностью, также существуют в коллективном сознании и активно подвергаются коррекции посредством мемориальных рамок. Даже в случае наличия достоверной информации, опровергающей устоявшиеся версии интерпретации событий далекого прошлого, именно последние служат основой для формирования представлений об исторических событиях. Фигуры памяти с течением времени сохраняют свое эмоциональное наполнение. Их постоянное воспроизводство в рамках культурных форм способствует актуализации и соответствующего нарратива. Художественная реконструкция исторических сюжетов позволяет потомкам знакомиться с

---

¹⁹ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007. С. 118.

²⁰ Хальбвакс М. Коллективная и историческая память [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>, свободный (Дата обращения 27.11.2020).

псевдорефлексией отдаленных предков. Оппозиция между историей и коллективной памятью проявляется, на наш взгляд, в наличии таких элементов, как основанная на кровнородственных связях эмпатия, наличие такого фактора, как личный авторитет очевидца, и противопоставлении личного опыта коллективному (в качестве примера можно привести «окопную правду войны», формирующуюся в результате попыток экстраполировать индивидуальный опыт в глобальных масштабах).

В то же время историю и коллективную память роднит искусственный характер. В обоих случаях речь идет о социальных конструктах. Как считал М. Хальбвакс, система представлений о прошлом не может формироваться естественным путем. Оно всегда представляет собой результат культурного творчества социальной группы²¹. По нашему мнению, в данном случае имеет место недооценка влияния такого фактора, как устная историческая традиция семьи, если речь идет о ретроспективе жизни нескольких поколений. В первую очередь этого касается событий, затронувших напрямую широкие слои населения. Так, Великая Отечественная война так или иначе затронула все население СССР, благодаря чему подавляющее большинство жителей Советского Союза получило уникальный жизненный опыт, обладающий большим личным значением благодаря его трагическому характеру. Также исследователь, на наш взгляд, недооценивал роль практики модернизации прошлого. Последняя предполагает переоценку исторических реалий на основании современного социального опыта. Последняя происходит на индивидуальном уровне, однако общность социальных ролей и экономических интересов обуславливает типовой характер данного процесса в рамках конкретных макросоциальных групп.

---

²¹ Хальбвакс М. Коллективная и историческая память [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>, свободный (Дата обращения 27.11.2020).

Оригинальную трактовку коллективной ретроспективной памяти выработал Я. Ассман. Опираясь на теорию социальной памяти М. Хальбвакса, он модернизировал концепцию предшественника, включив в объяснительную модель элементы психологического подхода К. Юнга. Исследователь разделил память на два компонента: актуальный (оперативный), ориентированный на обеспечение коммуникативной функции в сообществе, и культурный (ценностно-мифологический). Для культурной памяти, в рамках данной концепции, характерны такие свойства, как формализация в рамках социальных институтов, символическая система кодификации, потребность в носителях традиции, обладающих специальной подготовкой, а также наличие канона, удерживающего исторический нарратив от размывания. Культурная память, согласно данной трактовке, представляет собой набор воспоминаний мифологического характера, построенных на основе системы символов-архетипов, который человек зачастую даже не воспринимает на осознанном уровне²².

Исторический нарратив представляет собой сюжетно оформленное повествование, формирующее предлагающее связное изложение событий прошлого. Исторический нарратив выступает в роли ключевой формы, в которой протекает репрезентация картины прошлого и в рамках научной историографии, и в рамках публичного пространства (фактически – «пространства мифов»). Связанность повествования в данном случае обеспечивается генеалогическим принципом изложения материала²³.

Базовым элементом исторического нарратива являются отдельные события прошлого, которые способны выступать в качестве автономного

---

²² Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 100.

²³ Зенкин С. Критика нарративного разума // Новое литературное обозрение. 2003. № 59. <http://www.zh-zal.ru/nlo/2003/59/zen.html>; Головашина О.В. (Бес)порядок времени и политика памяти // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2016. № 4. С. 199-206.

сюжетного повествования. Их специфической чертой является развернутый характер²⁴.

В абсолютном большинстве случаев исторический нарратив представляет собой результат не столько оригинального истолкования, сколько реинтерпретации событий прошлого. Чаще всего исторический нарратив формируется путем переоценки ключевых событий более раннего нарратива и перестраивания связей между ними. Наглядным примером в данном случае может служить переоценка советской исторической традиции в современной России²⁵.

В рамках своей концепции Я. Ассман четко размежевал такие понятия, как коллективная и культурная память. В первом случае, считал исследователь, память охватывает лишь события, связанные с краткосрочной ретроспективой или «недавним прошлым», которые содержатся в памяти ныне живущего поколения, слабо оформлены, включают в себя большое число вариантов интерпретаций в силу множественности носителей коллективной памяти. Согласно оценке Я. Ассмана, коллективная память охватывает период удаленностью не более чем 80 лет от настоящего момента. Исследователь выделял два типа коллективной памяти. Обосновывающее воспоминание основывается на использовании символических систем и ритуалов,

---

²⁴ Topolski J. The Role of Logic and Aesthetic in Constructing Narrative Wholes in Historiography // *History and Theory*. Vol. 38. 1999. № 2. P. 200; Рубцова В.Ю. Политика памяти в практике конструирования локальной идентичности // *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*. 2017. Т. 1. № 4. С. 450-455.

²⁵ Ефременко Д.В., Малинова О.Ю., Миллер А.И. Политика памяти и историческая наука // *Российская история*. 2018. № 5. С. 128-140; Halperin Ch.J. Omissions of national memory: Russian historiography on the golden horde as politics of inclusion and exclusion // *Ab imperio*. 2004. № 3. С. 131.

библиографическое воспоминание – на практиках коммуникации с людьми-носителями информации и моделей ее интерпретации²⁶.

Культурная память обращена на область отдаленного прошлого. Она обладает символической природой. События прошлого в ее рамках прикрепляются к определенным знакам, в рамках которых кодируется их интерпретация. Целью культурной памяти является не достоверная реконструкция прошлого, а воссоздание прошедших эпох посредством трансформации мифа. Культурная память решает задачу наделения настоящего смыслом посредством истолкования обстоятельств его происхождения. Для культурной памяти характерна сакральность, акцент на значимость групповой идентичности, выражаемая посредством «структурной причастности». Последняя выражается посредством создания ситуаций, в рамках которых сообщество навязывает своему члену статус хранителя исторической традиции. В качестве носителей культурной памяти выступают люди, обладающие специальными навыками, которые зачастую выходят за спектр компетенций собственно историка. В частности, в этом качестве могут выступать лидеры общественного мнения, священнослужители, деятели культуры и т.д.²⁷

Данная концепция, на наш взгляд, содержит ряд дискуссионных положений. Так, Я. Ассман приписывает такие функции и свойства, как наделение настоящего смыслами путем истолкования обстоятельств его происхождения, сакральность и акцент на значимость групповой идентичности, исключительно культурной памяти. Однако следует помнить о том, что система почитания памяти о Великой Отечественной войне, включавшая в себя все перечисленные элементы, сложилась уже в первые десятилетия после завершения конфликта, еще в рамках коллективной памяти.

---

²⁶ Ассман Я. Культурная память: Письмо, память и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 105.

²⁷ Там же. С. 107.

Обобщая озвученные выше выводы исследователей, необходимо подчеркнуть существование оппозицию между историей (как наукой) и памятью, несмотря на наличие взаимосвязи между ними. История представляет собой научную дисциплину, ориентированную на максимально достоверное реконструирование фактов прошлого. Продуцируемые историками знания могут быть подвергнуты научной критике и пересмотру в связи с появлением новой информации или не знакомых ранее методов исследования. Нарратив исторической науки можно рассматривать как интеллектуальную конструкцию, которую можно подвергнуть процедурам верификации и фальсификации. Память представляет собой разновидность социальной практики, которая ориентирована на «реанимацию» прошлого посредством дискурсивных, символических и ритуальных практик²⁸.

При этом в XX – XXI вв., несмотря на методологический прогресс исторической науки, память возобладала над историей, став главным инструментом управления коллективным прошлым. Именно память в настоящее время определяет отношение человека к собственному прошлому. Этому в значительной степени способствовали падение тоталитарных режимов, деколонизация, эмансипация женщин, расовых и этнических меньшинств, а также «сексуальная революция». Описанные процессы положили начало ликвидации «белых пятен» в историческом нарративе, появлению и распространению моделей прошлого, основанных на «памяти проигравших» и «истории жертвы». Все это привело к тому, что история начала восприниматься во многом сквозь призму эмоций, а представители науки столкнулись с обвинениями в следовании политической конъюнктуре. Одновременно увеличился спрос на ревизию истории. При этом речь шла не столько о научных исследованиях, сколько об исторической мифологии,

---

²⁸ Федорова М.М. Понятие долга памяти в контексте современных идеологических дискурсов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 2 (59). С. 134.

эмоционально насыщенной, доступной для массовой аудитории и соответствующей ее политическим запросам²⁹.

Доминирование памяти по отношению к истории закрепляет за последней функциональную роль, которая, как было отмечено Р. Козеллеком, начала формироваться еще в период Просвещения. История все больше наделяется горизонтом социального и политического планирования, устремленностью в будущее за счет превращения опыта прошлого в ресурс выработки образа ожидаемого будущего, появления представлений об объективном историческом должествовании³⁰. Данный тренд способствует усугублению тенденции к интерпретации событий прошлого в ключе культурных контекстов современности, отмеченной Й. Рюзенем³¹.

Также следует констатировать, что в экспертном и академическом сообществах отсутствует единый подход к определению сущности социальной памяти. Однако в ряде аспектов точки зрения разных авторов совпадают.

Именно точки консенсуса разных исследователей служат для нас основой для понимания сущности коллективной памяти относительно исторических событий. Условная «социальная память» представляет собой сложный конструкт, включающий в себя как естественный компонент («живая память», «семейная историческая традиция» и т.д.), так и искусственный элемент (область, формируемая посредством создания и трансляции научного

---

²⁹ Федорова М. М. История/память: трудная дилемма // История философии. 2018. Т. 23. № 1. С. 108, 109.

³⁰ Райнхарт Козеллек. Можем ли мы распоряжаться историей? (Из книги «Прошедшее будущее. К вопросу о семантике исторического времени»). URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2004/5/mozhem-li-my-rasporyazhatsya-istoriej-iz-knigi-proshedshee-budushhee-k-voprosu-o-semantike-istoricheskogo-vremeni.html> (Дата обращения: 01.11.2020).

³¹ Йорн Рюзен. Критерии исторического суждения. <http://gefter.ru/archive/7645> (Дата обращения: 01.11.2020).

и научно-популярного знания). Содержание социальной памяти организуется в соответствии с определенной иерархией значимости, детерминированной наличием эмпатических связей по отношению к событиям прошлого, политической конъюнктурой и иными факторами. Манипуляции с социальной памятью связаны в первую очередь с решением задач в сфере политики идентичности. Они позволяют разрушать, создавать и поддерживать идентичность, формировать представления о легитимности определенных политических институтов и практик, формировать образ «значимого другого» как по отношению к внутривнутриполитическому пространству, так и на международной арене.

Обращаясь к анализу концепта «политика памяти», а также смежных понятий – «историческая политика», «мемориальная политика» и т.д. – в первую очередь необходимо отметить их низкую конвенциональность. Существует множество вариантов их интерпретации, которые зачастую существенно отличаются. Пока это является предметом сугубо научного обсуждения, проблем не возникает, но когда предпринимаются попытки использовать теоретические наработки на практике, возникает ряд сложностей. Поэтому для нас важно выбрать те варианты, которые в наибольшей степени применимы для решения реальных проблем.

В контексте данной работы следует, прежде всего, обозначить следующее обстоятельство, позволяющее понять многообразие и взаимное пересечение различных определений. Наиболее емко и полно ситуация сформулирована О.Ю. Малиновой: «Этот терминологический плюрализм в полной мере отражает состояние описываемого проблемного поля. Усилия разрабатывающих его исследователей объединены скорее объектом (memory studies), нежели схожими методологическими подходами и стремлением к систематической эмпирической проверке немногочисленных пока теорий»³².

---

³² Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М., 2015. С. 17.

Итак, рассмотрим ряд подходов, предлагаемых современными исследователями. Согласно точке зрения А.И. Миллера, политику памяти можно определить, как совокупность практик, направленных на управление созданием и распространением исторического нарратива. Она проявляется в большинстве случаев посредством коммеморации. Последняя представляет собой совокупность разнообразных действий ритуального характера, таких как создание памятников и мемориальных сооружений, проведение торжественных мероприятий по случаю юбилеев событий прошлого и т.д. Также практическая сторона включает в себя регулирование доступа к архивным фондам, коррекцию системы исторического образования, создание и популяризацию произведений массовой культуры на историческую тематику и т.д.³³

Как мы видим, данная интерпретация, с одной стороны, достаточно обширна, а с другой – в целом не раскрывает ряд важных нюансов, прежде всего, что касается дифференциации участников процесса. Кто осуществляет данные практики, с какой целью, стихийное ли это явление, подчиненное только объективным социальным законам, или же управляемый, направляемый и контролируемый процесс? А.И. Миллер для этого конкретизирует данное определение, вводя понятие исторической политики.

Она, по его мнению, представляет собой разновидность политики памяти, специфика которой проявляется через высокую роль государства в ее реализации и ориентацию на достижение интересов властных либо партийных структур. Последнее во многом обуславливает перманентно конфронтационный характер, поскольку значительная часть элит, как в отдельных странах, так и наднациональных структурах, преследует цели, противоречащие мнению части собственного общества и, тем более, других акторов на международной арене.

---

³³ Миллер А.И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века // Историческая политика в XXI веке. Сборник статей. М., 2012. С. 15.

Стремление найти компромиссные варианты, конечно, не отсутствует совсем, но при этом не является и основной целью, за редким исключением, – обычно это практикуется для снижения напряженности внутри государства. Ключевым элементом исторической политики во всех подобных случаях неизменно остается официальный исторический нарратив. В данном случае под этим термином следует понимать принятую на государственном уровне модель интерпретации истории³⁴.

В связи с подобными обстоятельствами, по мнению А.И. Миллера, политика памяти в идеале должна быть направлена на выявление истины, выработку единого понимания истории и, как результат, гармонизацию взаимоотношений заинтересованных сторон. При этом, как отмечает другой эксперт, А.Г. Васильев, и на внутрироссийском, и на международном уровне в последние годы возобладал иной тренд. Все более четко прослеживается тенденция к выстраиванию политики памяти вокруг иной цели – утверждения собственной точки зрения вопреки мнению иных интересантов³⁵. Вызывается это различными причинами, которым посвящен специальный раздел данной работы, ведь именно в отсутствии классификации причин и факторов трансформации мемориальной политики часто заключается непонимание столь агрессивной позиции ряда акторов.

Согласно точке зрения В.В. Бушуева и В.В. Титова, политика памяти представляет собой высокоэффективный механизм трансформации либо коррекции национально-государственной идентичности посредством модификации представлений о прошлом, присущих широким слоям

---

³⁴ Миллер А.И. Указ. соч. С. 19.

³⁵ Васильев А.Г. Политика памяти: российский опыт в свете теоретико-методологической рефлексии // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2014. №14 (136). С. 60; Историки: в России бушуют войны памяти. <https://newizv.ru/article/general/26-09-2017/istoriki-v-rossii-bushuyut-voyny-pamyati>. (Дата обращения: 01.11.2020).

населения, переоценки перспектив общества в историческом контексте и т.д.³⁶ Эти исследователи в данном случае, как правило, не указывают, кто, кроме государства, зачем и как использует указанный механизм, или же мы вновь сталкиваемся с неким самостоятельным явлением.

И вновь для конкретизации понятия авторы обращаются к определению «исторической политики». Она, по их мнению, представляет собой систематизированную и целенаправленную деятельность групп влияния внутри национального политического истеблишмента, контролируемых ими политико-административных структур, а также общественных организаций, направленную на конструирование и поддержание стабильности определенных представлений о событиях прошлого внутри общества и на внешнеполитической арене. Она ориентирована, в том числе, на формирование идентичности. В рамках решения данной задачи историческая политика предполагает целенаправленное воздействие на ключевые элементы – смысловые, эмоциональные, символические – идентификационных паттернов сообщества³⁷.

Исходя из указанных примеров видно, что конкретизация ключевого определения путем введения понятия «историческая политика» частично искусственна. Такого же мнения придерживается и Н.Е. Копосов, считая эти понятия синонимами³⁸. Иными словами, авторы сначала всего лишь выделяют некий, изначально абстрактный инструмент, коим являются как механизм, так и совокупность практик, только затем привязывая его уже к тем акторам, которые его используют, и к определенным целям, для достижения которых это делается. То есть вся разница заключается в интегрировании

---

³⁶ Бушуев В.В., Титов В.В. Национально-государственная идентичность в современном мире и роль исторической политики в ее формировании (теоретико-методологический анализ) // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. История и политология. 2011. № 4. С. 79-80.

³⁷ Там же. С. 79, 83.

³⁸ Копосов Н.Е. Память строгого режима. М., 2011. С.52.

рассмотренного механизма в некий процесс. Подчеркнем, при знакомстве со всеми указанными трактовками изначально становится очевидным, что рассматривается не явление.

Поэтому, по нашему мнению, все эти дополнения можно и нужно было изначально ввести в определение «политики памяти», поскольку, с одной стороны, без обращения к истории она по определению невозможна. С другой, как мы увидим в дальнейшем, элемент стихийности здесь, хотя и присутствует, но минимален. В подавляющем большинстве случаев на практике доминирует конструирование и целенаправленное управление, то есть использование инструмента для осуществления процесса. Однако такой подход является только частью того, что нужно нам для полного понимания происходящего. Восполнить недостающие элементы в разных аспектах исследования поможет использование понятия «символическая политика».

Дело в том, что инструменталистский подход – о необходимости в настоящем исследовании уделять ключевое внимание именно ему будет сказано далее – как ни парадоксально, упускает особенности «материалов», между которыми происходит взаимодействие. То есть, если допустить такое сравнение, он рассматривает, например, малярные работы как нечто общее, но не тот вопрос, какие кисти и краски использовать. Обошли вниманием и стену – ее размеры, состав, размещение, внешние воздействия и т.д. Кроме того, если на вопрос, кто является малярами, дизайнерами и заказчиками работ, ответ имеется – А.И. Миллер создал в достаточной мере функциональную классификацию акторов мемориальной политики – то проблема того, с какой целью затевались работы, в каждом конкретном случае индивидуальна, хотя и подчиняется, как мы увидим далее, определенным закономерностям.

Между тем, ответить на вопрос, «что, как и чем красить», можно только с помощью анализа глубинных особенностей социального, исторического и политического сознания, психологических нюансов восприятия населением тех или иных явлений, событий и процессов. Это возможно сделать при

исследовании данной проблемы, лишь используя наработки именно символической политики.

Прежде чем приступить к такому анализу, следует сделать ряд важных оговорок относительно понимания политики как таковой и особенностей ее осуществления в практическом поле. К несчастью, хотим мы того или нет, современные условия характеризуются тем, что, подавляющее большинство политиков воспринимают свои обязанности отнюдь не в плоскости урегулирования имеющихся в обществе противоречий, исходя из идеи общего блага. Это обстоятельство имеет несколько важных последствий.

Во-первых, как мы уже говорили, эти люди могут отстаивать такие цели и интересы, которые важны для определенных национальных и наднациональных элит и группировок, но отнюдь не всегда даже для населения собственных государств, не говоря уже о мировом сообществе.

Во-вторых, политика для них – нередко всего лишь управление теми или иными процессами посредством каких-либо инструментов и механизмов. Чем проще и эффективнее они работают, тем более востребованными являются. Это с неизбежностью приводит к вульгаризации и максимальному упрощению в понимании многих политиков сущности различных понятий и явлений. К слову, нередко именно этим, а не только нежеланием «читать умные книги», объясняется невостребованность результатов усилий научного сообщества в практическом поле.

В-третьих, говоря собственно о политике памяти, следует отметить, что данный вопрос занимает далеко не ведущее место даже в работе крупных деятелей, например, глав государств и правительств. В том числе речь идет случаях, когда – что редкость – есть искреннее желание гармонизации ситуации в этой области. Круг проблем, с которыми политикам приходится ежедневно иметь дело, чрезвычайно широк и разнообразен. Такими нагрузками во многом объясняется их желание решать как текущие, так и эпизодические задачи посредством использования простых инструментов. Поэтому и примитивизация многих понятий, о которых пойдет речь далее,

является обычной практикой. Всё то, о чем классическими и современными учеными написаны целые тома, воспринимается и используется в столь упрощенном виде, что при исследовании данной проблемы, желая добиться использования результатов работы в реальной жизни, нам не остается иного выбора, кроме как отталкиваться от реального положения вещей.

Исходя из этих трех причин, в данной работе при дальнейшем анализе нами будет использован, как правило, именно инструменталистский подход, как наиболее распространенный и востребованный в наши дни в политической сфере. Он, помимо прочего, нуждается в коррекции относительно целей истинной политики – гармонизации общественных отношений и разрешению противоречий в целях достижения общего блага. Только таким путем мы сможем добиться использования результатов данного исследования и предложенных рекомендаций в реальной жизни, тогда как в противном случае они рискуют остаться лишь на бумаге.

Что касается использования нами таких категорий символической политики, как «миф», «ритуал» и «символ», учитывая опять же реальное положение дел в оперировании данными понятиями практикующих мнемонических акторов, нам также придется отталкиваться от упрощенного, вульгаризированного и даже примитивного понимания этих терминов. Поясним это на следующем примере.

Те, кому необходимо с определенной целью создать и внедрить в массовое сознание тот или иной политический миф – начиная от заказчика и заканчивая разработчиком, не говоря уже о задачах непосредственных исполнителей – будут озабочены, прежде всего, быстротой и эффективностью данного процесса. Будет ли кто-то из них отталкиваться от такого понимания мифа, который предложил, например, А.Ф. Лосев? Станут ли они ставить себя на место самого носителя мифа, для которого он – неотъемлемая часть реальной жизни или сама жизнь? Нет, они будут рассуждать, используя самые упрощенные закономерности, а действовать они станут в качестве инженеров и конструкторов, высокомерно «становясь над массой». Вправе ли мы ожидать

чего-либо иного от людей, для которых избиратели – а с ними нужно взаимодействие – давно превратились в «электорат», над которым производится действие извне?

Для реализации задуманного будет, в первую очередь, создан «новый нарратив», опирающийся на некую старую, реже – новую, а в подавляющем большинстве случаев – реинкарнированную / обновленную систему символов и ритуалов. Задумается ли при этом кто-либо над тем, что «мемориальный всплеск в значительной степени обусловлен кризисом исторического сознания модерна, рефлексией над этим кризисом и возникающим новым ощущением исторического времени»³⁹? При разработке нарратива опять-таки вряд ли кто-то примет во внимание, скажем, наработки Г.Б. Гутнера. Да, такие составляющие как легитимизация, идеология и идентичность, несомненно, не пройдут мимо внимания архитекторов очередного «проекта».

Возможно даже, если это потребуется для реализации конкретных целей, будут использованы выдвинутые еще К. Ясперсом понятия «моральной» и «метафизической» вины. Сиюминутная задача окажется выполненной. Но тот факт, что «это история прошлого и одновременно наша собственная история»⁴⁰, очевидно, будет упущен, а о каком нарративе можно говорить без понимания этого обстоятельства?

Таким образом, мы видим, что особенности политической практики заметно отличается от теоретических наработок академического сообщества. Соответственно, в нашем исследовании поневоле приходится отталкиваться в первую голову от этих обстоятельств. Поэтому применение нами закономерностей символической политики в инструментальном ключе, равно как и использование ряда понятий в их вульгаризированном смысле,

---

³⁹ Федорова М.М. Мемориальный феномен и кризис исторического сознания модерна // Вопросы философии. 2020. №6. С.39.

⁴⁰ Гутнер Г.Б. Национальный нарратив и национальная ответственность // Этическая мысль. 2017. Т. 17. №1. С. 101.

подчеркнем, не является результатом некомпетентности автора в данных вопросах. Оно, увы, вызвано настоятельной практической необходимостью.

Вернемся, однако, к проблеме необходимости использования в настоящей работе закономерностей символической политики. Она обусловлена, в первую очередь, особенностями восприятия человеком окружающей действительности, в том числе и собственной истории. Существующая в сознании большинства представителей любой макросоциальной общности картина событий прошлого играет роль одного из главных источников политических мифов и связанных с ними ритуалов и символов⁴¹. Именно посредством этих инструментов осуществляется реальное осуществление мемориальных практик. При этом социум не только воспроизводит и трансформирует мифологию, он является потребителем новых интерпретаций, нередко создавая запрос на них. Исходя из этого, можно заключить, что существует, как минимум три варианта процессов в данной сфере. Это воспроизводство и трансформация имеющегося наследия, «переваривание» новых, искусственно навязываемых концепций, а также своего рода социальный заказ.

Посредством перечисленного «инструментария» можно решать широкий круг задач, связанных как с историей, так и с современными проблемами, что перекликается с уже рассмотренной нами интерпретацией политики памяти как некоего «механизма». Все это, в частности, дает представителям элит и контрэлит, помимо прочего, возможность конструировать либо разрушать идентичности, наделять легитимностью (либо

---

⁴¹ Осипян А. Этнические чистки и чистка памяти: украинско-польское пограничье 1939-1947 годов в современной политике и историографии // *Ab imperio*. 2004. № 2. С. 297; Белов С.И. Методы конструирования исторических мифов как элемент политики памяти (на материалах украинских учебников истории) // *PolitBook*. 2017. № 4. С. 90; Тимофеев И.Н. Российская политическая идентичность сквозь призму интерпретации истории // *Вестник МГИМО Университета*. 2010. № 3 (12). С. 57.

лишать ее) политические режимы⁴². Как мы видим, наличие одних только перечисленных фактов является достаточным основанием для того, чтобы в рамках нашего исследования обратиться к конкретным вопросам символической политики.

Сначала рассмотрим, какие трактовки данного понятия используются в научной и практической деятельности. В концепции «символической борьбы» П. Бурдьё, приписывая власти рефлекторное стремление к легитимации, определил символическую политику как стратегическое использование символических же ресурсов в контексте установления наименований и интерпретаций элементов социальной жизни⁴³.

При этом автор допускает, на наш взгляд, два упущения. Во-первых, не говорится – хотя между строк подразумевается, что речь идет о власти, кто, собственно, пользуется данным инструментом и с какими целями. Во-вторых, очевидно несоответствие между стратегическим, то есть масштабным и долгосрочным, действием и его объектом – элементами. Получается, воздействие происходит над некими отдельно взятыми составляющими, а не крупными явлениями и процессами социальной жизни.

В концепциях Г. Алмонда и Дж. Пауэлла, символическая политика направлена на формирование идентичности и консолидацию макросоциальных групп. В качестве одного из главных ее ресурсов политологи выделяли обращение к «национальным чувствам» этноса, выработку у его представителей системы взглядов на гражданский долг, обеспечение доверия к публичной власти⁴⁴. И хотя мы сталкиваемся с

---

⁴² Сургуладзе В.Ш. Введение в научную историю становления и развития идеологии и политики идентичности Соединенных Штатов // Проблемы национальной стратегии. 2018. № 3 (48). С. 201; Дюков А.Р. Историческая политика или политическая память // Международная жизнь. 2010. № 1. С. 135.

⁴³ Бурдьё П. Практический смысл. СПб., 2001. С. 260.

⁴⁴ Алмонд Г. Сравнительная политология сегодня: мировой обзор. М., 2002. С. 257.

вопросом – кем инициируется и производится данный процесс, но видим, с какими целями это делается.

О.Ю. Малинова, длительное время изучающая данный вопрос, демонстрирует определенную эволюцию взглядов на проблему. В работе 2010 г. она истолковывает сущность символической политики, определяя ее как совокупность действий политических акторов, направленных на выработку и продвижение форм интерпретации социальной реальности, с последующим превращением их в основные объяснительные⁴⁵ модели⁴⁶.

Несколько обновленное определение она дает в 2015 г., определяя теперь символическую политику как «деятельность, связанную с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование в публичном пространстве»⁴⁷.

Несмотря на различия в трактовке понятия, большинство исследователей проявляет солидарность в отношении того, что эффективная символическая политика предполагает использование одних и тех же ресурсов. В ряду первостепенных из них власть опирается на историческое наследие для оправдания существующего режима, характера политического настоящего, основываясь на значимых событиях прошлого. Ресурс коллективной памяти и «изобретенных традиций» задает историческое измерение символической политики. Другим значимым ресурсом является ресурс национализма. Изучая систему властных отношений, И.В. Бурковский выделяет такие символические ресурсы власти как политическая идеология, политическая символика и религия – здесь имеется в виду использование

---

⁴⁵ Под термином «объяснительная модель» в нашей работе здесь и в дальнейшем подразумевается не некая научная концепция, а простая и понятная широким массам людей схема относительно какого-либо волнующего их события или явления.

⁴⁶ Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. 2010. №2. С. 93.

⁴⁷ Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М., 2015.

чувств и настроений верующих в политических целях через взаимодействие с религиозными организациями⁴⁸.

Поскольку современные политические технологии актуализируют использование символизма в политике, важнейшими инструментами ее реализации на практике выступают такие социокультурные и символические формы как миф и ритуал. Они находят свое воплощение в реализуемой любыми акторами политике памяти и политике идентичности, которые нередко невозможно отделить друг от друга, рассматривая какой-либо конкретный контекст.

Тем не менее, прежде чем переходить к разработке перечисленных понятий, следует обратить внимание на своеобразное переходное звено между реальной социальной и политической действительностью и сферой деятельности символической политики. В качестве данного «моста» выступают так называемые «фреймы»⁴⁹ – данное понятие введено в научный оборот специалистом в области нейросетей М.Л. Мински, а впоследствии адаптировано для использования в социологии И. Гофманом. Это устойчивые когнитивные структуры, оперируя которыми, люди объясняют, например, прошлое через призму культурно доступных смысловых шаблонов, которые, однако, нельзя представить в качестве мифов, ритуалов или символов. Более правильно будет сравнить их с некоей матрицей, в которую все перечисленное можно встраивать.

Для наглядности описания можно использовать разработки О.Ю. Малиновой в отношении проблематики использования фреймов в выступлениях президентов России в 2000-2014 гг. о событиях Второй мировой войны. Заслуживает внимания и постановка вопроса, отраженная в сводной таблице, а именно «Фреймы репрезентации символа Великой Отечественной

---

⁴⁸ Бурковский И.В. Символические ресурсы в системе властных отношений // Среднерусский вестник общественных наук. Политология. 2009. № 2. С. 103.

⁴⁹ Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. М., 2004.

войны». Так, среди выделенных ею 16 ключевых фреймов можно отметить, например, «память о павших, война как история страданий и жертв»; «благодарность ветеранам»; «преемственность поколений»; «праздник, который всех объединяет»; «опыт солидарности с партнерами по антигитлеровской коалиции»; «задачи укрепления Вооруженных Сил»; «политические уроки войны»; «война как напоминание о фундаментальных общечеловеческих / европейских ценностях» и другие.

Как мы видим, фреймы реально являют собой «связку» символической политики с реальностью, матрицу для репрезентации символов, при этом представляется также очевидным, что в роли таких когнитивных структур выступают весьма разнообразные положения.

Столь же ясно, что фреймы как предмет исследования находятся лишь в самом начале их разработки. И Гофман, как основоположник, а также те, кто использует его наработки, только приоткрывают для науки этот феномен. Нужно провести массу исследований в данном поле, классифицировать по различным признакам многообразие фреймов, определить их границы и со стороны «реальности» и в сфере перехода к инструментам символической политики, и т.д. Одним словом, по данной проблематике требуется ряд совершенно самостоятельных исследований. В данной же работе, учитывая уже проведенные относительно Великой Отечественной войны и не требующие повторения изыскания О.Ю. Малиновой, к данному вопросу мы будем обращаться, как правило, говоря о зарубежных странах, уделив в исследовании отечественной проблематики основное внимание «классическому» инструментарию.

Теперь, для окончательного понимания сути проблемы, следует более предметно рассмотреть такие понятия как «символ», «миф» и «ритуал», поскольку, как мы выяснили, они могут рассматриваться как субинструмент, то есть в качестве неотъемлемых частей определенного механизма. Реализация символической политики, а именно работа этого механизма на практике осуществляется обычно посредством исполнения четкого алгоритма

действий: а) формирование политического мифа б) создание соответствующей ему системы символов в) выработка комплекса периодических ритуалов⁵⁰.

В связи с многозначностью интерпретации понятия «миф», необходимо теперь обратиться к специфике трактовки данного термина. Чаще всего исследователи позиционируют миф как элемент традиционного сознания, синкретическую форму познания и описания окружающей действительности, в значительной степени определяющую функционирование социальных систем⁵¹. Так, Ф.Х. Кессиди интерпретировал его как специфический вид мироощущения, синкретическое, т.е. неструктурированное, сочетающее в себе прямо противоположные элементы, представление о явлениях природы и жизни общества. Именно по этой причине он органично сочетает в себе научные представления с мистическими⁵².

Например, национальный миф может сочетать в себе рациональные познания относительно антропо- и этногенеза, но в то же время утверждать наличие у народа особого предназначения. Ярким примером этому, как считают опрошенные эксперты, могут служить представления о мессианском предназначении американского народа или набирающая популярность «новая хронология» вместе с ее производными в виде представлений о том, что большинство великих достижений древности – вплоть до строительства египетских пирамид – совершили предки россиян.

По мысли того же исследователя, миф вырабатывается в сознании коллектива людей, т.е. представляет собой результат группового творчества. Здесь можно поспорить: нередко, будучи выработанным конкретным актором, миф может закрепляться в народе, обогащаясь и трансформируясь в этом процессе уже стихийно. При этом в его содержании отражаются не только

---

⁵⁰ Edelman M. Politics as symbolic action: Mass arousal and quiescence. New York, 1971. P. 17.

⁵¹ Рязанова С. В. Роль религии в формировании политического мифа // Ценности и смыслы. 2013. № 2 (24). С. 14.

⁵² Кессиди Ф. Х. От мифа к логосу. М., 1972. С. 61.

представления сообщества об окружающем мире, но и присущие его представителям мечты и ценности. Примером подобного могут служить такие концепты, как «американский образ жизни», Pax Britannica, «мировая революция» или «Великая Польша от моря до моря»⁵³.

Поэтому миф скорее представляет собой одну из ранних вариаций социальных технологий, ориентированную на решение таких задач, как формирование мировоззрения и выработка смыслов общественного бытия. Он конструирует также представления людей о пространстве и времени. Иллюстрацией подобного может служить идея многих поколений российских политиков и мыслителей об обретении контроля над Константинополем – «священным городом» для православных. Хорошим примером также выступают ценностно-окрашенные топонимы и гидронимы – «Севастополь – город славы русских моряков», «Волга-матушка река», и т.д.

Равным образом миф формирует представления о ходе времени – включает в себе установку на восприятие определенного периода в качестве «золотого века»⁵⁴. Например, согласно данным, полученным в ходе проведенного нами экспертного опроса, в политической культуре американских консерваторов эту роль исполняет период правления Р. Рейгана, для польских националистов – времена режима санации, для неонацистов Германии – эпоха существования «третьего рейха».

Существует и иная трактовка понятия «миф». Мифология определяется многими представителями академического сообщества как система представлений, посредством которой человек объясняет для себя окружающий мир. В качестве главного средства познания при этом выступает

---

⁵³ Кессиди Ф. Х. От мифа к логосу. М., 1972. С. 61.

⁵⁴ Рязанова С.В. Архаические мифологемы в политическом пространстве современности. Пермь, 2009. С. 4. 141; Стоянова Е. В. От ритуала и мифа к метафоре // Вестник РУДН, серия Русский и иностранный языки и методика их преподавания 2008. № 4. С. 27.

сфера эмоционально-чувственного, т.е. не проводится грани между чувственным образом и самой реальностью⁵⁵.

При этом мифология понимается учеными как специфическая разновидность дологического мышления, в рамках которой основным инструментом осмысления окружающей действительности и воздействия на нее становятся символы и построенная на их основе система ритуалов⁵⁶. В качестве наглядного примера в данном случае могут служить программы подготовки детей и подростков в военно-спортивных лагерях на современной Украине.

Подрастающее поколение не перегружают информацией относительно событий Евромайдана и конфликта на Донбассе, дозировано, пока не будет окончательно подготовлена почва для усвоения националистической версии, транслируют события Второй мировой войны. Однако через песни, речёвки, слоганы и различные виды взаимодействия – танцы, соревнования, походы – формируют биполярную систему представлений «хорошее/плохое» с глубоким ассоциативным подтекстом. Так, у детей вырабатывается позитивное восприятие национальной символики (гимн, флаг, вышиванка, трезубец), которое автоматически проецируется на ее носителя, вне зависимости от того, что этот человек в реальности из себя представляет.

В основе этого типа мышления лежат коллективные представления, которые вырабатываются благодаря возникновению чувства сопричастности, что, кстати, делает миф эффективным инструментом формирования идентичности. Добиться его выработки достаточно просто: для этого необходимо простимулировать психологические механизмы, традиционно выступающие в качестве инструмента мобилизации и консолидации социальных групп – эмоциональное заражение, подражание и внушение. За счет этого современные политические процессы, несмотря на развитие науки

---

⁵⁵ Стоянова Е.В. Указ. соч. С. 27.

⁵⁶ Там же.

и техники, оперируют в основе своей все теми же схемами и технологиями, которые были аккумулированы в традиционном мифе для установления связи элиты с сознанием подвластных масс.

Л. Витгенштейн внедрил в научный оборот понятие «картина мира». Его смысл исследователь раскрывал через систему воззрений, в вульгаризированной, упрощенной форме отображающих комплекс представлений об окружающем мире, присущий конкретной культурной или научной традиции. Подобная модель мира позволяет членам коллектива ориентироваться в пространстве современной политики, а ресурс мифологии при этом выступает в роли ключевого элемента формирования нужных элитам коллективных представлений, легитимирующих существующий режим. Фрагменты традиционной модели видения мира при этом не отмирают, а превращаются в средство, используемое правящей элитой для консолидации общественных групп.

Потенциал мифа определяется его способностью вмещать в себя ценности, которые свойственны наиболее древнему и устойчивому, архаическому пласту сознания народа, заключенные в языковой семантике и символической. Он создает культурную идентичность, воспроизводит менталитет и специфические мировоззренческие установки, присущие этническим, конфессиональным и иным социальным группам⁵⁷.

Важно подчеркнуть, что ценность мифа заключается в первую очередь в том, что он позволяет объяснить реальность гораздо быстрее и доходчивее, чем наука. Например, как отмечают опрошенные эксперты, мифология истории России, в отличие от соответствующей академической дисциплины, не ставит на повестку дня вопрос о том, имело ли место «призвание варягов» или какую роль оно сыграло в становлении государства: миф постулирует истинность «ортодоксальной», традиционной трактовки событий прошлого и за счет этого отсекает все потенциально сложные для понимания моменты,

---

⁵⁷ Сухова О. А. Десять мифов крестьянского сознания. М., 2008 С. 3.

делая информацию непротиворечивой и потому легко доступной для осмысления среднестатистическим обывателем.

Таким образом, данный «инструмент» не только не может, но и не должен выступить в качестве источника истинного знания. Практическая ценность мифа заключается в возможности его применения как ресурса консолидации, мотивации и мобилизации социальной группы, а также восполнения лакун в системе представлений о том или ином социальном или природном объекте⁵⁸. Здесь мы уже наблюдаем переход от архаической или традиционной форм, которые по основным признакам трудно четко разграничить между собой, к политическому мифу, который является, как правило, специально созданным конструктом, предназначенным для решения как перечисленных, так и иных задач.

В обобщенной форме сущность политического мифа можно определить как убеждение или верование, присущее социальной группе, выступающее в качестве инструмента для надления смыслом наблюдаемых событий и процессов. И.И. Кравченко предлагает следующее определение: «миф политический – это превращенная форма политического сознания, в котором знание и понимание фактов политики замещается образами, символами, вымыслами, легендами и верой в них»⁵⁹.

Для манипуляций с мифологическим политическим сознанием характерна, еще раз подчеркнем это, ключевая роль форм воздействия, ориентированных на обращение к сфере эмоций – внушения, заражения и подражания⁶⁰. Данная специфическая особенность обуславливает принципиальную невосприимчивость политических мифов к эмпирической проверке и исправлению. Благодаря последнему приобретаются черты

---

⁵⁸ Шестов Н. И. Миф и политика. <http://rospolitics.ru/234-nikolay-shestov-mif-i-politika.html>.

⁵⁹ Миф политический. <http://philosophy.niv.ru/doc/encyclopedia/new-philosophical/articles/925/mif-politicheskij.htm> (Дата обращения 01.11.2020).

⁶⁰ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995. С. 31.

когнитивной схемы, в рамках которой не соответствующие убеждению-догме наблюдения подсознательно отрицаются и/или подавляются⁶¹.

Коренное отличие современного политического мифа от архаического (традиционного) заключается в том, что его создатель не столько стремится объяснить реальность и адекватно отразить ее, сколько сконструировать картину мира особым образом в таком ключе, чтобы коллективным сознанием и поведением подвластных проще было управлять, добиваясь достижения поставленных целей. Для этого политическая мифология оперирует не абстрактными идеями, а вполне конкретными и понятными визуальными образами⁶². И всегда, подчеркнем это еще раз, источник формирования находится «сверху» или «со стороны», но естественным образом среди социума возникновение такого явления почти не наблюдается.

Причины возникновения политических мифов заключаются в сочетании двух факторов. С одной стороны, актуальные проблемы приводят массы в состояние тревожности, создают ощущение отсутствия безопасности и неудовлетворенности⁶³. При этом абсолютное большинство представителей широких слоев населения не обладают компетенциями, необходимыми для адекватной интерпретации происходящего, и даже количеством времени, чтобы воспринять картину происходящего в целом. Как результат, в обществе формируется запрос на способ познания, облегчающий восприятие реальности за счет упрощения и селекции фактов⁶⁴.

С другой стороны, правящие элиты постоянно испытывают потребность в инструментах по мобилизации общества и манипуляции им. Последнее, в свою очередь, создает заказ на выработку когнитивных схем, позволяющих

---

⁶¹ Мещеркина Е.Ю. Историческая память и политики меморизации // Россия реформирующаяся: Ежегодник - 2005 / отв. ред. Л.М. Дробижева. М., 2006. С. 199.

⁶² Шестов Н.И. Политический миф теперь и прежде. М., 2005. С. 21.

⁶³ Ольшанский Д.В. Психология масс СПб., 2002. С. 28.

⁶⁴ Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1995. С. 24.

легко нагнетать и канализировать общественные настроения⁶⁵. Такие схемы, как уже описанные выше фреймы, с легкостью наполняются «мифическим содержанием», связанным как с конкретной эпохой, так и с людьми, их воспринимающими. Достаточно сравнить разницу в восприятии и истолковании, например, такой когнитивной схемы как «демократическое общество» в древней Греции, в начале XX века, в «социалистических» и «капиталистических» государствах эпохи «холодной войны», а также современное понимание этого феномена в разных странах. В каждом случае, естественно, в сознании доминируют разные «мифы» о демократии.

За счет подобного сочетания факторов политический миф обретает амбивалентность. Данное свойство находит свое выражение в первую очередь через субъектность политического мифа. Его акторами выступают и широкие слои населения, и истеблишмент, хотя их интересы и цели могут существенным образом различаться. При этом необходимо подчеркнуть, что далеко не всегда элита воспринимает миф сугубо прагматически: ее представители зачастую сами заражаются созданными для управления рядовыми гражданами убеждениями и верованиями⁶⁶.

Помимо того, двойственность политического мифа проявляется в одновременном существовании данного явления в двух ипостасях: 1) «версии событий», предназначенной для «верующих» масс и отдельных представителей истеблишмента, и 2) деятельности по управлению массовыми коммуникациями хорошо организованными группами элит, преследующими собственные специфические интересы⁶⁷.

Обобщая сказанное выше, можно заключить, что политический миф представляет собой изначально искусственно конструируемую форму

---

⁶⁵Сигеле С. Преступная толпа. Опыт коллективной психологии. М., 2011. С. 53.

⁶⁶Бойков В.Э. Состояние и проблемы формирования исторической памяти // Социс. 2002. №8. С. 87.

⁶⁷Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М., 1998. С. 41.

мировосприятия, основанную на обращении к сфере эмоций и направленную на мобилизацию общества и манипуляцию им. В то же время он обладает свойством с течением времени обретать автономность, заражая собственных создателей. Имманентное свойство упрощения реальности обуславливает зависимость сроков существования мифа от стабильности проблемы-первоисточника, породившей потребность в создании убеждений, направленных на успокоение или активизацию населения.

Как только критическая масса кризисных явлений нарастает до предельных размеров и присущие мифу примитивизация и селективность в восприятии действительности перестают работать, политическое «верование» умирает, после чего через некоторое время на смену ему приходит другая система убеждений, адекватная новым реалиям политики.

Например, в начале Великой Отечественной войны многие в СССР надеялись, что немецкие рабочие, призванные в Вермахт, не желая сражаться с «братьями по классу», начнут массово сдаваться или дезертировать. Другой пример – вера в то, что «Красная Армия могучим ударом разобьет врага на его территории». Оба эти «мифа» в первый же месяц войны потерпели крах. В случае Германии можно привести распространяемые нацистской пропагандой для собственного населения представление об отступлении как «сокращении линии фронта».

Важно отметить и то обстоятельство, что политическая мифология, способствуя консолидации общества, активизирует важнейшую для формирования коллективной идентичности дихотомию «свои» – «чужие». Нередко именно на такой основе складывается определенный образ будущего, связанный с ожиданиями и чаяниями населения, который позволяет справляться с повседневными трудностями и отвлекает от насущных проблем, поскольку предоставляет определенную надежду на счастье спустя какое-то время.

Также политический миф обладает свойством создавать солидарность, когда общие задачи ставятся выше собственных личных интересов⁶⁸. В этом же аспекте, однако, заключается и его «слабое место». В случае, когда, например, призыву власти «затянуть пояса» следует все конкретное общество, механизм работает. Но если население видит и понимает, что данные установки не соблюдаются элитами, а в отдельных случаях еще и наблюдает очевидное пренебрежение с их стороны, к задачам, казалось бы, возложенным на все общество без исключений, тогда такой «миф» может иметь прямо противоположный задуманному его создателями результат.

Таким образом, можно констатировать следующий итог. Политические мифы, обеспечивая символизацию практик политического доминирования на уровне повседневности, посредством симбиотических символов власти, являются важным и необходимым звеном современных политических коммуникаций⁶⁹. Они являются важнейшим инструментом достижения разнообразных задач, в том числе в области памяти о Второй мировой войне.

Теперь рассмотрим подробно, при помощи каких субинструментов происходит воплощение теоретических наработок на практике. Так, обретая законченный вид, еще на стадии формирования концепции политического мифа вырабатывается комплекс взаимосвязанных символов. Последние в данном контексте представляют собой действие или образ, наделенные особым смыслом и по этой причине представляющий собой особенно сильный стимул.

Символ, с позиции данного подхода, обладает дуалистической природой, являясь одновременно и конвенциональным знаком, и отображением реалий действительности в сознании масс. Например,

---

⁶⁸ Корниенко Т. Сущность и структура мифа // Власть 2009. № 10. С. 55.

⁶⁹ Завершинский К.Ф. Политический миф в символических практиках властных коммуникаций: теоретические экспликации // Символическая политика: Вып. 3: Политические функции мифов. М., 2015. С. 106.

Георгиевская ленточка, повязанная в День Победы, отражает и сопричастность событиям, и одновременно подтекст: «мы имеем возможность праздновать, и делаем это по своим правилам». Благодаря наличию такой системы, становятся возможным осуществление многих социальных практик, гарантирующих осуществление представителями сообщества согласованного поведения⁷⁰.

Коммуникация между воспринимающими символическими субъектами обеспечивается за счет того, что составляющие ее знаки обладают содержанием, служащим для выражения иного, более объемного культурного наполнения. За счет этого символ обретает функцию вместилища для «сжатых» форм политических и социальных смыслов. Иначе говоря, он облегчает политическую коммуникацию благодаря присущему ему свойству редуцировать трудную для восприятия информацию⁷¹.

Например, этим свойством было обусловлено в годы войны смещение акцентов советской пропаганды с коммунистических на патриотические. Если первые мотивировали идеологизированную, то есть не самую большую часть общества, то вторые воспринимались предельно просто: «наших бьют». Такая схема не только работала на самые широкие массы, но и в ряде случаев перетягивала «чашу весов» для тех, кто мог теоретически выступить на стороне врага, но оставаясь патриотом, выбирал лозунг «за Родину».

При этом необходимо подчеркнуть, что интерпретация символов, как это происходит и с мифом в целом, осуществляется скорее на уровне эмоций, нежели сквозь призму рационального восприятия. Причина этого заключается в том, что истолкование неизменно происходит в рамках актуального опыта. Соответственно, создатель знака лишь абсорбирует из социального процесса ситуацию, которая уже в нем присутствует. За счет этого реакция на знаковый

---

⁷⁰ Mead G.H. The social psychology of George Herbert Mead. Chicago, 1956. P. 177.

⁷¹ Лотман Ю.М. Символ в системе культуры // Лотман Ю.М. Чему учатся люди. Статьи и заметки. М., 2010. С. 294.

жест обретает не вполне осмысленный характер, так как на нее оказывают влияние испытанные человеком в предшествующий период переживания, полученный опыт или ранее усвоенные стереотипы⁷².

Благодаря наличию данного свойства наборы символов, закрепляя в своей структуре сложившиеся в рамках социального поведения смыслы, обуславливают существование проективного уровня опыта, тем самым обеспечивая возможность целеполагания и формирования представлений о будущем⁷³. Не напрасно на завершающем этапе войны повсеместно устанавливались дорожные знаки «На Берлин», «До Берлина ... км.», а при выходе на границу Германии нередко на данной линии ставились плакаты «Логово фашистского зверя».

Политический символ в обязательном порядке должен обладать определенным набором свойств, в отсутствие которых он в принципе не способен обрести необходимую степень конвенциональности. Обладая высокой узнаваемостью в потенциальной группе признания, он должен быть глубоко интегрированным в культурный контекст, иначе без такой почвы получается нечто подобное той ошибке, которую допускали французы в учебниках для колоний, где дети в букваре читали: «мы – потомки галлов». Поэтому культурно-исторический контекст как основа политического мифа должен влиять на него и в то же время постоянно трансформироваться под его воздействием и, наконец, отличаться диахронностью⁷⁴.

Последнее означает, что символ всегда принадлежит как будущему, так и прошлому, и настоящему, проходя сквозь структуру каждого из синхронных срезов культуры. В качестве конкретных примеров подобных символов можно

---

⁷² Mead G.H. The social psychology of George Herbert Mead. Chicago, 1956. P. 177.

⁷³ Ibid. P. 199.

⁷⁴ Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 296, 297; Бурдые П. Социология социального пространства. М.- СПб., 2007. С. 23, 27.

назвать московский Кремль, картину Яна Матейко «Битва при Грюнвальде» или «Стену плача» в Израиле.

Следует отметить, кроме того, еще одно важное свойство, на которое, на наш взгляд, не обращалось существенного внимания. Почти любой символ может иметь амбивалентную природу в зависимости от его роли в конкретном мифе. Например, в интерпретации большинства граждан как СССР, так и современной России братская могила времен войны отражает и сожаление о потерях, но в большей степени героизм: ради защиты Родины люди не пощадили своих жизней. Результат – в целом позитивное восприятие с подтекстом, что данный пример достоин подражания.

В то же время в глазах авторов такого мифа, как «трусами завалили» очевиден негативный подтекст: памятники с десятками, сотнями, а иногда и тысячами имен погибших, что не редкость на полях сражений, является символом некомпетентности и руководства страны, и командиров, и даже плохого умения воевать простыми солдатами⁷⁵.

Широкой общественности малоизвестно, что в 2014-2015 гг. в ряде регионов произошло укрупнение воинских захоронений – перенесение многих братских могил на территории конкретных районов в одну точку – в райцентр. Из-за этого может возникать почва как для недопонимания, так и для фальсификаций. С точки зрения политики памяти такой шаг местных властей следует считать спорным. И молодежь, и люди, впервые оказавшиеся в населенном пункте, могут подумать, что тысячи перезахороненных в одном месте солдат погибли лишь при освобождении населенного пункта N, тогда как они отдали свои жизни на территории всего района в его нынешних границах.

Кроме перечисленных свойств, следует отметить многообразие символов в контексте их восприятия разными органами чувств человека. Так, С.Г. Кара-Мурза в процессе исследований манипуляции сознанием выявил,

---

⁷⁵ Кремлев С. 10 мифов о 1941 годе. М., 2013. С. 8, 9.

что, помимо визуальных образов, в данном качестве могут выступать слова, как письменные, так и устные – имеется в виду их использование не только по отдельности, аббревиатуры, звуки вообще, числа и даже запахи⁷⁶.

Относительно Второй мировой войны существует достаточно много подобных примеров. Из отечественного опыта в качестве речевой символики можно отметить не только военные песни, но и голос Левитана, его известное «От советского Информбюро...». В качестве звуков – стук метронома, используемый и сейчас в памятных мероприятиях, в особенности относительно блокады Ленинграда. Наиболее известная аббревиатура, имеющая, к слову, сильный фоносемантический подтекст – СМЕРШ.

Что касается цифр – это могут быть не только данные о потерях, но и количество уничтоженной вражеской техники, например, летчиком-асом, число освобожденных городов и т.д. В подобном качестве можно оценивать и праздничные надписи «9 мая», «1941-1945» и т.д.

Запахи сами, как таковые, почти не практикуются в политике памяти, но и их образ присутствует в художественной культуре: «запах крови», «кислый запах взрывчатки», «Этот День Победы порохом пропах».

Отметив, что роль знаков и образов самих по себе, понятна, следует сказать, что реализовать полностью их потенциал в рамках символической политики можно лишь посредством создания системы ритуалов. Как элементы общекультурной социальной практики, они представляют собой средства выработки и укрепления связей внутри коллектива. В рамках реализации данной функции они содействуют воспроизводству традиций, норм и ценностей, дисциплинируют участников, а также обеспечивают подготовку индивида к обретению новых социальных статусов⁷⁷. Благодаря этому

---

⁷⁶ Кара-Мурза С.Г. Власть манипуляции. М., 2009. С. 77, 98, 113, 122.

⁷⁷ Durkheim E. The Elementary Forms of the Religious Life. New York. 1995. P. 17; Малиновский Б. Магия, наука и религия. М., 1998. С. 14; Тернер В. Символ и ритуал. М., 1983. С. 8.

подобные практики выступают в роли инструмента медиации, формирующего и поддерживающего идентичность сообщества, минимизирующего в нем девиантные проявления в вопросах памяти. За счет этого закрепляется миф, обеспечивая продолжение его существования путем регулярного воспроизводства символического ряда⁷⁸.

Взаимосвязь с мифом обуславливает наличие у соответствующих практик еще одной стороны: они всегда направлены на выработку образов, призванных упорядочивать социальную действительность⁷⁹. Еще одним существенным свойством, как отмечает К. Ривьер, является то, что любые манипуляции с символической нагрузкой обретают форму полноценного ритуала лишь тогда, когда соответствующие действия становятся привычными, обыденными, «нормальными»⁸⁰.

Эти свойства являются общими, но на них могут базироваться различные подходы. Теперь поэтому обратимся к трактовкам данного понятия, имеющим место в современной науке. Согласно оценке Д. Керцера, ритуал является во многом скорее аналитической категорией, чем объектом материального мира, что создает широкие возможности для выработки разнообразных истолкований.

По мнению Э. Лича, соответствующий аспект содержится в любом действии человека, а К. Ривьер настаивает на ритуальном характере большинства повседневных практик современного человека, включая покупку билетов на автобус и проверку багажа в аэропорту⁸¹.

---

⁷⁸ Топоров В.Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М.: Наука, 1988. С. 15, 16.

⁷⁹ Элиаде М. Космос и история М., 1987. С. 50; Евзлин М. Космогония и ритуал. М., 1993. С. 84.

⁸⁰ Riviere C. Le rite enchantant la concorde // Cahiers internationaux de sociologie. 1992. A. 39. V. 92. P. 22.

⁸¹ Лич Э. Культура и коммуникация. Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии. М., 2001. С. 43.

Однако большинство исследователей выступают против подобного максимализма: излишне широкая трактовка делает невозможным практическое использование данного термина в рамках научных исследований. Именно по этой причине одним из главных направлений в изучении данного феномена в последние десятилетия стала конкретизация понятия «ритуал». Проведенные экспертами изыскания позволили выработать несколько подходов к пониманию данного термина.

К. Белл предложила рассматривать ритуал как форму культурной связи, позволяющую передавать познавательные категории и диспозиции, которые обеспечивают выработку у членов коллектива различных аспектов ощущения действительности. Таким образом, под данным понятием подразумевалась практика, создающая и выражающая культурные образцы, конструируя отношения власти и подчинения⁸².

Оригинальную трактовку предложил также В. Фукс, определивший ритуал как регулируемую обществом последовательность коллективно осуществляемых действий, перерабатывающих символы и ведущих к символическому же изменению ситуации. Последнее подразумевает, что ритуал предусматривает не только расшифровку, но и трансформацию смыслов, заключенных в символе.

Например, поднятие государственного флага в праздничной, но мирной обстановке отражает лишь торжественность момента. В то же время, в годы Великой Отечественной войны партизаны и подпольщики, вывешивая на оккупированных территориях, в частности на важных объектах, красные флаги на 1 мая и 7 ноября, вкладывали в это действие совсем иной смысл. Привычный ритуал и символ в новой ситуации трансформировались по содержанию – они не столько отражали прежний революционный смысл, сколько непокорность врагу и веру в победу: наш флаг все равно развевается в праздник, и так должно быть всегда.

---

⁸² Bell C. Ritual: perspective and dimensions. New York, 1997. P. 82.

Минус данной трактовки заключается в том, что символическое действие по изменению ситуации может в ее рамках рассматриваться и в ином смысле. Когда верующий ставит свечку перед иконой, он также рассчитывает, что благодаря его ритуальному действию – имеется в виду именно оно как таковое, в отличие от молитвы, которая уже является просьбой – ситуация в каком-либо деле изменится.

Большой популярностью пользуется подход к пониманию сущности ритуала, выработанный В. Тернером. Классик интерпретировал это понятие как стереотипную последовательность действий, охватывающую слова, жесты, и объекты, которые предназначены для воздействия на целевую аудиторию в интересах и целях исполнителей и осуществляются в рамках определенной локализации⁸³. Здесь отличие от концепции В. Фукса заключается в том, что акцент, во-первых, смещается с коллективности, а во-вторых, подчеркивается использование данных практик как инструмента.

При этом исследователем было отмечено, что ритуалы обладают семантической структурой. Последнее подразумевает, что она включена в отношения знаков и символов с материальными объектами, с которыми она взаимосвязана. За счет осуществления ритуальных действий происходит сжатие и упаковка в доступную для массового сознания форму идей-символов, а также обеспечивается их взаимодействие между собой. Как полагает В. Тернер, ритуал транслирует определенный постулат, явный или подразумеваемый, который призван установить контроль над поведением аудитории или простимулировать к определенным типам деятельности⁸⁴.

По мысли автора концепции, символическая структура ритуала обуславливает наличие у него ядра, включающего доминантные образы и их референты, а также имиджи инструментального характера. Доминантные символы образуют основу системы ритуалов конкретного общества, в то

---

⁸³ Тернер. В. Символ и ритуал. М., 1983. С. 32.

⁸⁴ Там же. С. 34.

время как инструментальные образы обретают значение в зависимости от контекста, в рамках которого они используются⁸⁵.

В российской науке также сложилось несколько широко распространенных трактовок понятия «ритуал». В частности, многие исследователи придерживаются подхода, автором которого является Ю.А. Левада. Согласно данной интерпретации, ритуал представляет собой сложную форму символического действия, используемую как инструмент закрепления отношения целевой аудитории к определенным объектам, статусам и принадлежности к конкретному коллективу⁸⁶.

В.И. Гараджа и Е.Д. Руткевич выработали не менее популярный вариант истолкования понятия, важный в контексте данного исследования, поскольку позволяет раскрыть ряд важных нюансов. В соответствии с этой концепцией, ритуал представляет собой производную определенного мифа. Сущность соответствующих манипуляций, согласно данной точке зрения, сводится к выполнению трех функций: выражения отношения к значимому объекту, идентификации и закрепления традиции⁸⁷.

Как отмечает М. Рольф, несмотря на отсутствие универсальной трактовки понятия «ритуал», в научном сообществе все же существует конвенциональное отношение к базовым свойствам соответствующих практик. Во-первых, исследователи сходятся во мнении, что ритуалам присущи высокий уровень стандартизации, стабильность художественной стилизации действий. Во-вторых, они солидарны и в отношении понимания регламентационной стороны. Все манипуляции должны проходить в специальных помещениях (местах), в строго определенное время, их

---

⁸⁵ Тернер. В. Указ. соч. С. 35.

⁸⁶ Левада А.Ю. Ритуал // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М., 2010. С. 458.

⁸⁷ Гараджа В.И., Руткевич Е.Д. Религия и общество. Хрестоматия по социологии религии М., 1994. С. 150, 151.

реализацию должны привязывать к значимым для коллектива поводам. В-третьих, для ритуалов должна быть характерна экспрессивность⁸⁸.

Наконец, все без исключения специалисты признают неизменную актуальность выводов, сделанных учеными-первооткрывателями данного феномена – Э. Дюркгеймом, М. Моссом, Б. Малиновским, Дж. Фрэзером и В. Тернером. По их мнению, ритуалу должно быть свойственно строгое следование определенному алгоритму действий, который невозможно произвольно изменить, как и его интерпретацию. Нежелание участвовать в ритуале отдельных групп или индивидов должно провоцировать у прочих представителей сообщества реакцию в форме непонимания или агрессии.

При этом подчеркивалось, что единственным способом разрешения конфронтации в данном случае может быть либо отказ отданной практики, либо изменение отношения к ней в коллективном сознании. Что также весьма важно, роль аксиомы обрел выработанный основоположниками тезис, согласно которому ритуал представляет собой попытку манипуляции и/или принудительного изменения индивидуального сознания⁸⁹.

Политические ритуалы представляют собой различные манипуляции, связанные с использованием внешних атрибутов власти. В частности, к их числу относятся торжественные церемонии, парады, вручение наград, присвоение званий, шествия, демонстрации, официальные приемы, публичные встречи политиков, праздничные мероприятия и пр.⁹⁰ Единого

---

⁸⁸ Рольф М. Советские массовые праздники М., 2009. С. 19.

⁸⁹ Дюркгейм Э., Мосс М. О некоторых первобытных формах классификации // Мосс М. Общества. Обмен. Личность: М., 2011. С. 99 - 102; Малиновский Б. Указ. соч. С. 30; Фрэзер Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии: В 2 т. Т. 1: Гл. I-XXXIX. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2001. 528 с. <http://yanko.lib.ru/books/sacra/fraser-1volumes-1.pdf>; Тернер В. Указ. соч. С. 55.

⁹⁰ Гаджиев К.С. Политическая культура: концептуальный аспект // Политический исследования. 1991. № 6. С. 69-83; Мисюров Д.А. Политическая символика: между идеологией и рекламой // Политические исследования. 1999. № 1. С. 168-174.

четкого общепринятого определения для понятия «политический ритуал» наука на сегодняшний день так и не выработала.

Тем не менее, можно, в продолжение мысли о сложившемся конвенциональном отношении в научных кругах, к уже перечисленным свойствам, добавить в данном случае наличие мифологической подоплеки, драматургический характер эффекта и ориентация на легитимацию и укрепление стабильности политического режима и его институтов.

Д. Керцер определил этот термин как любой символический акт власти, стандартизированный в социальном отношении, характеризуемый цикличностью повторения и несущий определенное значение⁹¹. В то же время К. Бэлл интерпретирует это понятие как один из ритуальных жанров, формирующих систему властных отношений. Специфика политического ритуала, согласно данной точке зрения, заключается в том, что он отображает людскую массу в виде пронизанного взаимосвязями упорядоченного сообщества, основанного на общих ценностях и целях, параллельно подкрепляя легитимность последних⁹².

Реализация политического ритуала предполагает определенную последовательность. Сначала его участники извлекаются из пространства повседневности и помещаются в условия, обеспечивающие переживание значимого опыта, после чего происходит возвращение акторов к рутинным обязанностям, но они получают дополнительный багаж знаний и смыслов, усвоенных в ходе ритуала. Развернутое описание схемы структурных стадий ритуала разработано Е. Галкиной. Она выявила такую последовательность: 1. Подготовка. 2. Обряд входа. 3. Собственно ритуал. 4. Обряд выхода. 5. Послеритуальные действия⁹³. На практике часть элементов может отсекается, или же данную конструкцию могут дополнять иные составляющие.

---

⁹¹ Kertzer D.I. *Ritual, Politics, and Power*. New Haven, 1988. P. 5.

⁹² Bell C. *Ritual: perspective and dimensions*. New-York, 1997. P. 129.

⁹³ Галкина Е. П. *Политическая мифология: курс лекций* Ульяновск, 2010. С. 40.

Подводя итоги, можно заключить, что политический ритуал выполняет конституирующую, интегрирующую роль в обществе. Посредством этого механизма транслируются ценности и традиции, обосновывается существование политической системы, закрепляется смена социальных ролей и властных позиций. Наконец, эта процедура формирует в сознании масс определенную картину мира, придает политике эстетическую оболочку, воспроизводя символы, при помощи которых производятся транзакции внутри общества. Иными словами, именно ритуал позволяет расшифровать значение символов для широких слоев населения, придавая реальные черты соответствующему политическому мифу.

Таким образом, рассмотрев три ключевых инструмента, посредством которых осуществляется всякая символическая политика, мы можем сделать вывод, что политика памяти, как ее разновидность, подчиняется тем же самым выявленным закономерностям. Использование мифов, символов и ритуалов в рамках ее реализации связано в первую очередь со спецификой отображения прошлого в коллективном сознании. Это тем более актуально в отношении Второй мировой войны как события, и по масштабу, и по последствиям охватившего значительную часть человечества. Теперь мы имеем возможность дать такое определение политики памяти, которое в наибольшей степени соответствует ее реальным практическим задачам. Именно этот аспект является одним из важнейших в нашей работе.

* * *

Рассмотрев многообразие подходов к проблеме, можно сделать следующий вывод: политику памяти в контексте данного исследования необходимо рассматривать как разновидность символической политики. На практике она – целенаправленная деятельность тех или иных акторов по достижению определенных, различных в каждом конкретном случае целей, через механизм, опирающийся в своей реализации на политические мифы относительно событий Второй мировой войны. Осуществляется она

посредством использования символов и ритуалов, составляющих, раскрывающих и транслирующих содержание данных мифов.

Функции политики памяти как разновидности символической политики (в контексте данной работы) сводятся к формированию и поддержанию национальной и национально-государственной идентичности, легитимации политического и социально-экономического строя, маскировке изъянов существующей властной системы и политической социализации основной массы населения посредством формирования общедоступной картины событий Второй мировой войны и связанного с ними настоящего и будущего в сознании населения.

Реализация политики памяти и в целом, и в отношении конкретного, рассматриваемого нами исторического периода, не является привилегией одного лишь государства. Воплощением в жизнь соответствующих программ могут заниматься любые внешние и внутренние акторы, обладающие заинтересованностью в трансформации сознания масс и соответствующим объемом ресурсов. На практике данный процесс осуществляется посредством выработки, поддержания и трансформации комплекса мифов о войне, содержание которых зашифровывается в серии символов, а затем декодируется посредством проведения ритуалов.

Трансформация политики памяти, таким образом – всегда итоговый результат взаимодействия всей совокупности акторов данного процесса в конкретно-исторических и политических условиях. Поскольку процесс этот происходит постоянно, то трансформации оказываются закономерным явлением, а указанный результат не статичен.

Естественно, далеко не в каждом случае тот или иной мнемонический актор добивается поставленных целей. Но его деятельность, даже безуспешная, в любом случае оставляет след в виде каких-либо последствий, которые могут сыграть важную роль в будущем. Например, семьдесят лет борьбы советской власти с украинским национализмом, казалось бы, завершились полной победой над ним. Тем не менее, в известных условиях он

возродился, что объясняется, прежде всего, итогами воздействия этой идеологии на память населения, особенно в периоды после двух мировых войн; впрочем, существенное значение здесь имела и деятельность ряда акторов в последние десятилетия.

1.2. Закономерности трансформации политики памяти о Второй мировой войне

Исследовав сущность мемориальной политики и ее «инструментарий», следует теперь обратиться к другому важному вопросу, который имеет непосредственное отношение к выработке практических рекомендаций и решений. Применимо к рассматриваемой теме до нашего исследования ни сами причины трансформации политики памяти, ни определяющие факторы этого процесса, ни даже направленность интересов различных государств – иными словами, объективные закономерности процесса – классифицированы не были. Системность данных категорий позволяет сгруппировать их по различным признакам и дать три классификации. В настоящей работе все это представлено впервые.

Все перечисленное применимо к каждой конкретной стране позволяет получить своеобразный срез, наглядно иллюстрирующий текущую ситуацию, следовательно – дать наиболее перспективные и актуальные практические предложения. Кроме того, отметим два направления, в которых все это должно работать: внешнее, то есть уровень международных отношений, и внутреннее – для собственного населения. Они могут полностью совпадать или пересекаться частично, но целеполагание создателей того или иного концепта мемориальной политики, в ряде случаев может иметь важные последствия, в частности, если «нарратив для внутреннего потребления» вызывает внешнеполитические проблемы.

Наиболее перспективным представляется путь, в основе которого лежит принцип политической необходимости. Иными словами, следует ответить на вопрос, что в каждом конкретном случае заставляет те или иные акторы

пересматривать сложившееся, казалось бы, окончательно, положение дел? Т.е. каковы причины?

Первой причиной можно считать непрерывное взаимодействие и противоборство национальных (реже блоковых) интересов. Это явление было всегда, и оно нечасто перетекает в «горячую» форму. Поскольку, как известно, любая война является лишь «продолжением политики иными средствами», окончание Второй мировой априори подразумевало складывание нового мироустройства, в котором взаимодействие – здесь не принципиально, под отрицательным или положительным знаком для тех или иных стран оно развивалось – как собственно национальных, так и блоковых интересов не прекращалось ни на минуту⁹⁴.

Изменения, которые произошли на политической карте планеты в конце XX – начале XXI вв., обусловили появление ряда дополнительных факторов, но общий знаменатель в виде непрекращающегося взаимодействия национальных и блоковых интересов будет иметь место в обозримой перспективе еще очень долго, если не всегда⁹⁵.

Вторая причина – отход от марксистской идеологии подавляющего большинства стран и территорий мира, где она господствовала. Это закономерно повлекло за собой необходимость поиска сколько-нибудь приемлемой альтернативы для государства и общества, складывание новых идентичностей, изменение мировоззрения населения и власти, их политических ориентиров. Пересмотр прошлого в этом случае абсолютно неизбежен. Говоря о данной причине, не следует думать, что она на сегодняшний день не является актуальной.

Перед правящими элитами многих постсоциалистических стран стоит реальная проблема: после опыта, полученного населением в 1990-е и 2000-е

---

⁹⁴ Kaplan R. Imperial Grunts: the American Military on the Ground. New York. 2005. P 7, 8.

⁹⁵ Waltz K.N. Structural realism after the Cold War // International Security, Vol. 25. №1. Summer 2000. P.28.

гг., многие с ностальгией вспоминают советское прошлое. Главная причина – понимание того, что нынешние власти не обеспечивают должного уровня социальной справедливости⁹⁶. Кроме того, у многих не вызывает энтузиазма и новый виток конфронтации с Россией. На этот «соцренессанс» следует закономерный ответ в виде продолжения атаки на марксизм в рамках того или иного, принятого в период после 1991 г., курса политики памяти.

Кроме того, наследие «тоталитаризма» играет свою роль в образе мышления и действия как политиков и ученых, так и населения. А. Миллер сформулировал данную проблему так: «Наследие прежнего режима на уровне интеллектуальных привычек и рефлексов необходимо признать важным фактором ситуации во всех восточноевропейских странах»⁹⁷. Кроме того, стоит добавить, что и на Западе подобная проблема стоит зеркальным образом: привычки и отношение времен «холодной войны» также очевидны в политическом дискурсе, риторике, и т.д.

Данная концепция подразумевает, что выработанные в коммунистический период объяснительные модели используются многими современными авторами во многом на рефлексорном уровне, в силу высокой устойчивости сложившихся ранее алгоритмов интеллектуальной деятельности.

Впрочем, необходимо отметить, что вопрос о степени ригидности интеллектуальной традиции в посткоммунистических странах носит дискуссионный характер. Следует отметить, что многие когнитивные модели, приписываемые наследию тоталитаризма или авторитаризма, нельзя рассматривать как продукт непрерывной традиции (часть из них была отринута в конце 1980-х – начале 1990-х гг., но затем пережила своеобразный

---

⁹⁶ Богатые и бедные - вчера и сегодня. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=79> (Дата обращения: 01.11.2020).

⁹⁷ Миллер А.И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века // Историческая политика в XXI веке. Сборник статей. М., 2012. С.11.

ренессанс уже в XXI в.). Обращает на себя внимание и то, что в большинстве научных дисциплин в странах бывшего соцлагеря в массовом порядке наблюдалось вытеснение марксистского подхода новыми объяснительными моделями (например, различными вариациями цивилизационного подхода). И методологическое обоснование этого перехода закономерно сопровождалось критикой положений марксизма, который фактически на длительное время был маргинализован (и во многих странах продолжает пребывать в этом положении в рамках официальной академической традиции). Упомянутые обстоятельства свидетельствуют скорее не о ригидности мышления представителей старой интеллектуальной элиты, а своеобразной реставрации объяснительных моделей коммунистического периода, обусловленной кризисом развития мейнстримных научных концепций.

В данном случае необходимо подчеркнуть, что возврат к прежним когнитивным моделям на фоне ревизии национальной истории детерминируется целым комплексом обстоятельств. Во-первых, используемые марксистами подходы предполагают наличие четких закономерностей общественного развития под воздействием объективных факторов, которые потенциально можно оценить через систему количественных показателей. И в этом отношении марксизм больше соответствует вектору развития гуманитарных наук после бихевиористского поворота, нежели значительная часть концепций, заимствованных исследователями из постсоветских государств у своих зарубежных коллег. Во-вторых, многие из глобальных объяснительных моделей, получивших широкое распространение в 1990-х гг., впоследствии были подвергнуты острой критике по причине отсутствия должной эмпирической базы либо выявления принципиальных противоречий с данными исторической науки. В частности, теория пассионарности Л.Н. Гумилева не содержит научно обоснованного описания того, каким образом энергия из космоса может через точечное воздействие на поверхность Земли влиять на формирование системы мышления и модели поведения целых поколений представителей одного

этноса. Одновременно тезисы Л.Н. Гумилева о характере взаимодействия Руси и Орды и материальных последствиях нашествия Батыя прямо противоречат данным не только нарративных источников, но и археологических исследований (в частности, информации, полученной в ходе раскопок санитарных захоронений в Киеве, Владимире, Летописной Рязани, Ярославле, Изяславле, деревне Фатьяновка и др.). В-третьих, авторитет новых когнитивных моделей во многом был подорван влиянием политической конъюнктуры на содержание новых исторических концепций⁹⁸.

Третья причина – появление новых игроков, либо выступление прежних в ином качестве, в политическом поле современного мира. В первую очередь это новые независимые государства, которые являются «осколками» СССР, Югославии, и т.д. Во вторую очередь сюда можно отнести страны, которые существовали и ранее, но их политическая ориентация изменилась столь существенно, что можно говорить о них как совершенно новых акторах процесса, поскольку на международной арене они выступают в совершенно ином качестве, нежели прежде, например, Польша⁹⁹.

Естественно, и первые, и вторые включились в уже упомянутое мировое взаимодействие интересов, что не могло не найти отражения в вопросах политики памяти. При этом нередко опорой данного утверждения на мировой арене служил ресурс национализма, события, связанные с фигурами «культурных героев», к которым нередко у соседних странах существует весьма спорное отношение¹⁰⁰.

Четвертая причина – специфика современной глобализации. С одной стороны, неизбежность этого процесса должна, казалось бы, повлечь все

---

⁹⁸ Насонов А. Н. Монголы и Русь. М. – Л., 1940. С. 179.

⁹⁹ McFaul M. Transitions from Postcommunism // *Journal of Democracy*. Vol 16. № 3. July 2005. P.11-19.

¹⁰⁰ Нургалиева Ж.К. Национализация истории как ключевой ресурс конструирования новой коллективной идентичности // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика*. 2012. № 1. С. 237.

большее сближение различных сил, а значит, побудить их к поиску компромиссных решений, при которых политика памяти становится если не объединяющим, то, как минимум, и не разделяющим фактором. Тем не менее, такое развитие событий является пока что делом будущего; этому посвящены рекомендации, предложенные в другом разделе настоящей работы. На данный момент можно говорить об обратном явлении – формат нынешней глобализации не устраивает значительное число участников мирового политического процесса, нередко воспринимается ими как несправедливый¹⁰¹. Следовательно, неизбежны «перегибы» в ту или иную сторону до тех пор, пока не будет выработан более приемлемый для всех вариант глобализации «с человеческим лицом».

Пятая причина – усиление в мировой повестке роли стран и регионов, которые либо не были затронуты Второй мировой войной совсем, либо она повлияла на них крайне незначительно. Соответственно, это определяет ключевую политическую тематику современного мира, отводя вопросам, связанным с памятью о Второй мировой войне, достаточно узкий сегмент, особенно что касается ведущих стран планеты.

На первом месте, как правило, стоит ближневосточная, в более широком географическом смысле – исламская, повестка дня, и только затем северокорейская, латиноамериканская и другие¹⁰². Страны мусульманского мира до 1945 г. либо были колониями ведущих держав, в связи с чем боевые действия их в некоторой степени затронули – это Египет, Ливия, Марокко, Индонезия, Малайзия, либо не участвовали в войне совсем, как Турция или Иран. В любом случае события послевоенного времени и современности в глазах населения и руководства всех этих стран значительно перевешивают ту эпоху. А значимость происходящих там в наши дни событий такова, что она оказывает влияние в глобальном масштабе.

---

¹⁰¹ O'Tuathail D. *Critical Geopolitics: The Politics of Writing Global Space*. London, 1996. P.119.

¹⁰² Ehteshami A. *Globalisation and geopolitics in the Middle East*. London, 2007. P. 29.

На трансформации политики памяти это отражается двумя путями. С одной стороны, крупные мировые державы вынуждены уделять значительное внимание арабо-израильскому конфликту, иранской ядерной программе, вопросам борьбы с международным терроризмом, нелегальной миграцией и т.д. Все это отвлекает от проблем мемориальной политики, заставляя правительства ведущих государств заниматься этим «по остаточному принципу», как правило, только по случаю какого-либо «очередного юбилея». Тем временем малые страны – новые акторы могут допускать настолько существенные, обычно негативные, изменения, что приходится всерьез бороться с последствиями такого положения дел вместо предотвращения подобных случаев, как это произошло на Украине¹⁰³, где неонацизм превратился в крупную международную проблему.

С другой стороны, например, наплыв мигрантов и беженцев в странах западной Европы заставляет их руководство уделять наиболее существенное внимание не каким-либо старым обидам, а решению гораздо более важных текущих вопросов внутренней повестки, напрямую связанных со странами, для которых, как уже говорилось, проблемы памяти о Второй мировой войне не имеют сколько-нибудь существенного значения, что также не может не влиять на трансформацию политики памяти¹⁰⁴.

Шестой причиной можно назвать искусственное раскачивание мемориальной ситуации в границах какой-либо страны с целью решения внутриполитических (гораздо реже – внешнеполитических) проблем. Можно даже говорить не столько о решении каких-то вопросов, что обычно в таких случаях сделать не удастся, сколько о целенаправленном переключении

---

¹⁰³ Козлов С.В. Политика памяти как инструмент легитимации постсоветской украинской государственности // Вестник Российской нации. 2014. № 1 (33). С. 125.

¹⁰⁴ Максимычев И.Ф. Новый национальный вопрос // Германия. Вызовы XXI века. М., 2009. С. 771.

внимания общественности¹⁰⁵. Побочным эффектом, как для части собственных граждан ряда стран, так и для внешних акторов, чьи интересы затрагивает введение где-либо нового нарратива, стала «необходимость ответа». Однако подчеркнем, она является лишь следствием, а первопричина состоит в непродуманной трансформации.

Сюда же можно отнести и попытки получения экономической выгоды отдельными акторами. Выставив себя или свой народ в качестве незаслуженно забытых «пострадавших», некоторые государства начинают ставить вопрос о компенсациях и т.д. В ответ, «обвиняемые» стремятся не допустить подобного давления, стараются в корне подавить данные проявления. Это приводит к непризнанию многих фактов, поскольку само по себе такое признание закономерно повлечет материальный ущерб. Поскольку никаких гарантий, что одних лишь извинений будет достаточно, никто не дает, взаимные обиды не исчезают и даже нарастают¹⁰⁶. Есть и другие случаи конкретных проявлений этой причины. В каких именно направлениях канализируется внимание и энергия общества, зависит от ряда других факторов, их классификация также будет дана ниже.

Седьмой причиной мы считаем отсутствие сколько-нибудь определенной картины и модели развития будущего ряда стран и народов. Решать даже обыденные, текущие политические проблемы в этой ситуации сложнее, к тому же могут иметь место проявления внешнего давления, незавершенность поиска новой идентичности, социальный пессимизм и т.д. В подобных условиях обращение к историческим сюжетам является

---

¹⁰⁵ Гайдай А.Ю., Любарец А.В. «Ленинопад»: избавление от прошлого как способ конструирования будущего (на материалах Днепропетровска, Запорожья и Харькова) // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2016. № 2 (33). С. 39-40.

¹⁰⁶ Тульчинский Г.Л. Историческая память в символической политике и информационные войны // Философские науки. 2015. № 5. С. 25.

закономерным явлением¹⁰⁷. При этом нередко случается так, что и в прошлом не находится каких-либо героических или приемлемых для нынешних властей вариантов. Тогда остается заниматься мифотворчеством, единичные факты представлять как системные явления, переписывать историю, где преступники выставляются героями и наоборот. Затем новая картина методично внедряется в массовое сознание.

Даже с точки зрения здравого смысла этот путь проблему не решает: позитивной картины будущего в глазах населения все равно не создается, тогда как обостряются отношения с теми странами, в которых неприятие новых трактовок, героизация пособников нацизма является абсолютно неприемлемыми. Естественно, что и текущие трудности в лучшем случае получают лишь отсрочку. Народ невозможно пропитать факельными шествиями, сносом памятников, дискуссиями о «болевых точках» прошлого, и т.д. Немногие готовы конструировать свою модель будущего на основе мести и ненависти, а если таковые появляются в значительном числе, то это приводит к расколу в обществе – в особо тяжелых случаях вплоть до вооруженных конфликтов внутри страны¹⁰⁸.

Восьмая причина – в мире до сих пор нет полной, достоверной и объективной картины истории Второй мировой войны, общепризнанной всеми. Почти в каждой стране есть собственные версии, которые нередко пересматривались. В целом же все, в чем имеется солидарность, сводится к формуле: «Союзники путем тяжких усилий победили мировое зло в виде нацизма, фашизма и милитаризма»¹⁰⁹. Во всех остальных аспектах есть

---

¹⁰⁷ Косик В.И. Футурология прошлого (к вопросу об исторической памяти и исторической политике) // *Bulgarian Historical Review*. 2013. Т. 42. № 3-4. С. 159.

¹⁰⁸ Белов С.И. Недостатки формирования политики памяти в России (результаты обобщения экспертных мнений) // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Политология. 2018. Т. 20. № 2. С. 275.

¹⁰⁹ Кремлев С. Указ. соч. С.385, 388.

существенные разночтения, что приводит к множеству вариантов трактовок, в том числе таких, которые провоцируют масштабные трансформации.

Итак, выявленные нами эти восемь причин являются ключевыми среди тех, что оказывают влияние на трансформацию политики памяти во всем мире. Поскольку представляется очевидным, что их влияние мы будем наблюдать еще длительный период времени, все это следует принимать во внимание как при разработке национальной политики любой страны в данном вопросе, так и при создании рекомендаций в поиске компромиссных решений на международном уровне. Все остальные, которые в большинстве своем, как уже говорилось, носят второстепенный характер, поэтому их можно отнести лишь к факторам. Их влияние не столь значительно, а часть из них уже в обозримой перспективе может потерять свое значение. Рассмотрим теперь этот аспект проблемы.

В основе следующей классификации главным критерием является существенная значимость, но не причинность тех или иных факторов в вопросах трансформации мемориальной политики. Наиболее важными для данного исследования представляются следующие из них.

1. Комплиментарность. В рассматриваемой парадигме этот фактор можно трактовать как безотчетные симпатии или антипатии между странами и народами в рамках наднациональных – цивилизационных по С. Хантингтону или суперэтнических по Л.Н. Гумилеву¹¹⁰ – взаимоотношений. Она может быть положительной, отрицательной либо нейтральной; возможны и иные сочетания. При этом прагматическая целесообразность отступает на второй план, а мнение и позиция отдельных индивидов нивелируются общим отношением¹¹¹. Не столь давно как нечто самоочевидное представлялось, что

---

¹¹⁰ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка // Полис. 1994. №1. С. 40, 41; Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 2005. С. 402.

¹¹¹ Mercer J. Rationality and Psychology in International Politics // International Organisation, 2005. Vol 59. P. 78.

«весь мир – варварская периферия Европы», отсюда ее высокомерие, цивилизаторская миссия, и т.д. Инерция такого отношения не изжита и сегодня, только мессианскую инициативу во многом перехватывают США.

В наши дни для западной цивилизации характерна, например, нейтральная или нейтрально-отрицательная комплиментарность в отношении православных стран Восточной Европы и отрицательная к России, исламскому миру и т.д. «Все крайне просто. Мы ненавидим Россию» – заявлял эстонский дипломат политологу П. Ханна¹¹². При этом Россия, что интересно, испытывает нейтрально-положительное отношение к Западу.

На практике в исследуемой проблеме данный фактор проявляется, например, следующим образом. Поляки с точки зрения здравого смысла исторически должны быть обижены на немцев, австрийцев и русских примерно в одинаковой степени за разделы Польши, и в то же время выделить последних в положительном качестве по итогам Второй мировой войны как освободителей от нацизма. Вместо этого Германия и Австрия, как «свои» в рамках западной цивилизации, подвергаются значительно меньшим претензиям, нежели «чужая» Россия, которая обвиняется даже в том, чего не происходило, например, в массовом изнасиловании польских женщин.

2. Степень самостоятельности акторов в принятии соответствующих решений. Совершенно естественно, что сила и влияние разных государств и народов не могут быть одинаковыми. Среди них есть те, кто диктует, в том числе агрессивно, свою волю для достижения собственных интересов, и те, кто подчиняется. Так, в ряде стран ЕС в силу политических и экономических причин более весомы позиции Вашингтона, а не Брюсселя.

Степень зависимости в принятии решений обратно пропорциональна влиянию любой отдельной страны на международной арене. То есть, такие титаны, как Германия или Франция достаточно самостоятельны, хотя и вынуждены нередко считаться с волей США, например, в вопросах санкций,

---

¹¹² Ханна П. Второй мир. М., 2010. С. 29.

но в то же время сами оказывают весомое влияние как на политику ЕС в целом, так и на ряд восточноевропейских государств¹¹³.

Если же мы возьмем в качестве примера страны Балтии или Польшу, то они в любом случае находятся в зависимом положении уже длительное время. Более двухсот лет они были в подчинении то у русских, то у немцев или шведов, а нынешняя ситуация, когда они находятся в большей зависимости от США, чем даже от Германии, «центра силы» ЕС, уникальной не является¹¹⁴. Хотя интересы националистических элит Восточной Европы совпадают с американскими, это чаще всего не приносит выгод для самих указанных стран и их народов даже в европейских союзных рамках, не говоря уже об отношениях с Россией. В отношении мемориальной политики все это проявляется особенно наглядно, прежде всего, в степени отсутствия ее самодостаточности с точки зрения здравого смысла. Больше всего в этой сфере как раз склонны самоутверждаться наиболее зависимые от ключевых акторов государства.

3. Неписанные правила поведения участников тех или иных военных и политических блоков. Этот фактор наиболее существенно взаимодействует с двумя перечисленными выше. Самых таких негласных установок можно перечислить значительное количество, но следует ограничиться наиболее важными для данного исследования примерами.

Так, в государствах ЕС в связи с большим притоком мигрантов и их существенной ролью в ряде секторов экономики на официальном уровне активно продвигаются практики, связанные с концептами мультикультурализма и толерантности. В силу этого неприемлемым считается, например, публично упоминать о фактах массовых грабежей

---

¹¹³ Moravchik A. Despotism in Brussels? Misreading the European Union // Foreign Affairs, Vol. 80, №3.

¹¹⁴ Столяров А.О. Интеграция Польши с Европейским Союзом и историческая память польских политиков о России и СССР // Клио. 2014. № 8 (92). С. 94.

населения и эпизодами изнасилования женщин в Германии солдатами колониальных, частей союзных армий в 1944 – 1945 гг. В то же время допускается возможность поднимать тот же самый вопрос в отношении советских войск, причем заметно преувеличивая данные факты, а с азиатскими и североафриканскими мигрантами принято считаться, не задевая их национальных чувств¹¹⁵.

Другой пример. В рамках НАТО, особенно среди его новых членов, интересы США ставятся негласно выше европейских. Поэтому другое правило ЕС – препятствовать проявлениям неонацизма – считается обязательным для «старой Европы», но в Прибалтике допускаются и марши ветеранов СС, и реинкарнация откровенно нацистских организаций, поскольку эти государства находятся в большей зависимости от Вашингтона, нежели от Брюсселя, а иногда становятся инструментом давления на него¹¹⁶. При этом не менее важно их расположение «на переднем крае» НАТО, у границ с Россией, в «холодном» противостоянии с которой для данного блока в лице его американских лидеров все средства хороши.

Третий пример. Табу на проявления антисемитизма в любой форме действует в рамках обоих блоков в силу дружественных отношений с Израилем и влияния мировой еврейской диаспоры. Поэтому в любые неонацистские действия, допускаемые в основном для поддержания антироссийских элит, следует чрезвычайно жесткое вмешательство лишь в случае попыток оправдания Холокоста в целом и даже отдельных участников этого преступления¹¹⁷. На повседневном же уровне действие происходит иначе. Если бывший полицейай или коллаборационист участвовал в репрессиях против мирных советских, польских или иных граждан не еврейской

---

¹¹⁵ Максимычев И.Ф. Указ. соч. С. 772, 773.

¹¹⁶ Ачкасов В.А. «Политика памяти» как инструмент строительства постсоциалистических наций // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16. № 4. С. 122.

¹¹⁷ Goldberg M. Why Should Jews Survive? Looking Past the Holocaust Toward a Jewish Future. Oxford. 1995. P. 285.

национальности, то он – борец за независимость. Но если выясняется его причастность к Холокосту, то такого «героя» могут и теперь отдать под суд.

Подобных примеров для иллюстрации того, как на проявления мемориальной политики влияют негласные правила военных и политических блоков, вполне достаточно. Впрочем, это ни в коем случае не означает, что их перечень и проявления на этом исчерпываются, тем более что такие установки тоже могут претерпевать изменения под воздействием ряда причин, например, не актуальных ранее.

4. Тактика отдельных акторов при реализации политики памяти. Этот фактор представляется важным уже в силу того, что правильно или же ошибочно выбранная модель поведения отдельной страны или народа часто определяет развитие положения дел на длительный период, как в отношении собственного общества, так и на внешней арене¹¹⁸. Здесь сразу стоит оговориться, что речь не идет о конкретном историческом нарративе или же идеологическом содержимом, точно так же как и о собственно стратегии, которая охватывает значительно больше параметров. Проблема состоит в степени твердости или, как вариант, агрессивности продвижения либо защиты тех или иных идей¹¹⁹.

Поскольку в данном вопросе мы вновь сталкиваемся с отсутствием классификации, следовало бы уделить этому отдельный раздел работы, но в силу необходимости более подробного изучения иных аспектов, мы ограничимся перечислением того, что наблюдается в политическом поле в наши дни. Итак, вне зависимости от контента, мы можем видеть:

- а) тактику агрессивного продвижения (Украина, Польша, Прибалтика и т.д.);
- б) последовательное системное давление (Германия, США и др.);

---

¹¹⁸ Плотников Д.С. Изменения в политике памяти в государствах - союзниках России на постсоветском пространстве после 2014 года // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2018. № 1. С. 101.

¹¹⁹ Fraser N. Transnationalizing the Public Sphere: On the Legitimacy and Efficacy of Public Opinion in a Post-Westphalian World // Theory, Culture & Society. 2007. Vol. 24. № 4. P. 67.

- в) оборону на принципах жесткого ответа (Израиль, Китай);
- г) инерционную модель, при которой существующее положение дел актерам кажется незыблемым, либо вопрос является второстепенным (ряд западноевропейских стран, Россия рубежа XX – XXI вв.);
- д) поиск компромиссных решений или модель «мягкого наступления» (Австрия, Финляндия, современная Россия).

В случае использования трех первых вариантов нередко является неизбежным возникновение мемориальных конфликтов, однако не следует считать их абсолютным злом. Например, многолетняя принципиальная позиция Израиля в вопросах Холокоста и поиска военных преступников иногда приводила к острым столкновениям в политическом поле¹²⁰. Однако положительный результат заключается в том, что попыток навязывания иного видения ситуации в наши дни практически не происходит, а если они случаются, то для инициаторов заканчиваются неудачно. Будь подобный подход у России после разрушения СССР, многих проблем в мемориальной политике, в частности стран Восточной Европы, удалось бы избежать.

5. Наличие особенно принципиальных для конкретных стран и народов «болевых точек», которые существенно выделяются на фоне других событий. Их можно выделить два типа: с одной стороны – святое, на что нельзя покушаться, а с другой – «темные пятна». На примере России – сам факт победы, решающая роль страны в ее достижении и та цена, которую пришлось за нее уплатить; справедливость войны – это вопросы, покушение на которые воспринимается особенно болезненно. Остальное, как роль Сталина и партии, политические игры союзников в отношении Второго фронта и т.д. – второстепенны, об этом можно дискутировать.

---

¹²⁰ Де Ланж М. Иудаизм: древнейшая мировая религия. М., 2012. С. 291.

«Черные пятна» – те события, за которые стыдно, их хочется забыть или нивелировать даже в собственном сознании, не говоря уже о других¹²¹. Для России их не столь много, но они есть: это чудовищные потери в самом начале войны (особенно болезненный вопрос – пленные), это предатели-власовцы и значительное число других коллаборационистов. Наиболее проблемным фактом здесь стоит считать депортации целого ряда народов.

Причина повышенной сложности решения данного вопроса заключается в первую очередь в неоднозначности соответствующих событий и активной политизации соответствующих тем в связи с актуальными внешне- и внутривнутриполитическими конфликтами.

Во-первых, жертвы депортации в массовом сознании россиян воспринимаются достаточно противоречиво. Часть общества видит в них именно жертв тоталитарной диктатуры, часть объясняет, а иногда оправдывает, применение репрессий, позиционируя представителей конкретных этносов как активных коллаборационистов. В данном случае необходимо помнить об общей специфике восприятия политических репрессий 1930-х – 1950-х гг. в российском обществе. Опрос 2017 г., проведенный ВЦИОМ, показал, что 43% респондентов считают репрессии вынужденной мерой, которая позволила И.В. Сталину обеспечить порядок в обществе. 24% опрошенных заявили, что репрессиям чаще всего подвергались «враги народа, предатели, заговорщики», 23% обозначили жертв преследований со стороны государства как «воров, жуликов, преступников»¹²².

---

¹²¹ Махинин А.Н. "Политика памяти" и "культурной травмы" в контексте формирования российской гражданской идентичности // Костромской гуманитарный вестник. 2017. №11. С. 57.

¹²² Сталинские репрессии: преступление или наказание? URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/stalinskie-repressii-prestuplenie-ili-nakazanie-> (Дата обращения: 22.08.2020).

Во-вторых, на восприятие событий прошлого влияет специфика памяти о недавних исторических событиях, таких как активные выступления части крымскотатарских националистов против воссоединения Крыма с Россией или вооруженные конфликты в Чечне.

В-третьих, неоднозначное отношение к теме депортаций во многом является производной специфической практики разработки и применения нормативно-правовых актов, призванных обеспечивать защиту интересов и прав жертв политических репрессий. В частности, в настоящее время правительство ведет работу по совершенствованию законопроекта, предусматривающего особый порядок надления жильем жертв репрессий 1930-х – 1940-х гг. взамен недвижимого имущества, изъятого властями у них или родителей. Согласно информации Комиссии при президенте России по реабилитации жертв политических репрессий, на начало 2019 г., общая численность россиян, пострадавших от действий советского руководства и имеющих право на различные компенсации, составляла около 530 тыс. человек. Первоначально законодатели наделили репрессированных правом на первоочередное получение жилья, однако в 2004 г. этот порядок был пересмотрен: недвижимость начали предоставлять в порядке, предусмотренном законодательством субъектов федерации. Политическая логика этого решения носила достаточно прозрачный характер: удовлетворение претензий репрессированных и их потомков предполагало фактический отказ от удовлетворения потребностей всех прочих граждан, обладающих правом на получения жилья. Однако это решение имело неоднозначные последствия с точки зрения мемориальной и национальной политики. С одной стороны, власти подверглись ожесточенной, а во многом обоснованной, критике за отказ выполнить взятые на себя обязательства перед репрессированными и членами их семей. С другой стороны, признание необходимости компенсации понесенного урона жертвам политических репрессий превратилось в глазах широких слоев общественности в угрозу для системы социального обеспечения. И последнее закономерный образом

способствовало распространению в обществе негативных стереотипов относительно жертв политических репрессий. Катализатором развития данного процесса служит практика массовой подачи исковых заявлений с требованием крупной денежной компенсации от государства со стороны представителей депортированных народов. Так, в 2012 – 2013 гг. более 2,7 тыс. жителей Калмыкии добивались сначала в российских судах, а затем в ЕСПЧ выплаты компенсаций за причинение морального вреда в результате преследования советскими властями их родственников в размере 1,5 – 3 млн. руб. (на уровне муниципальных судов Республики Калмыкия аналогичные требования заявили 10 тыс. человек)¹²³.

Помимо того, отрицательную роль сыграла разработка нормативно-правовых актов, отдельно посвященных обеспечению прав «малых народов», подвергнутых репрессиям, в том числе – депортациям. Соответствующие процедуры активно применялись и к представителям крупных этнических групп, однако это не повлекло за собой адресного оказания помощи соответствующим национальностям. Как результат, данная практика способствовала распространению ксенофобских исторических мифов.

Наконец, непоследовательная и во многом непродуманная политика властей в отношении представителей конкретных депортированных этносов привела к формированию эффекта относительной депривации, сопутствующему росту недовольства и отрицанию официального мемориального нарратива. В частности, летом 2014 г. крымскими законодателями начал обсуждаться законопроект, предусматривающий наделение представителей депортированных из Крыма народов правом на компенсацию расходов на переезд и перевоз багажа в Республику Крым, получение единовременной материальной помощи на завершение строительства индивидуального жилья, предоставление жилья или земельного

---

¹²³ ЕСПЧ отклонил жалобу депортированных в 1940-х годах калмыков. URL: <https://graniru-org.appspot.com/Society/Law/m.212610.html> (Дата обращения: 22.08.2020).

участка для его строительства. Предполагалось также организовать для депортированных отдельный квартирный учет и наделить их правом на льготное начисление трудового стажа. Однако этот проект так и не обрел силу закона, по причине чего возникло противоречие между уже сформировавшимися позитивными ожиданиями потенциальных бенефициаров и реалиями текущей действительности. Льготы для представителей депортированных народов были ограничены сокращением наполовину размера платежей за услуги ЖКХ и стоимости подключения водоотведению, газоснабжению и электроснабжению, правом на бесплатную установку стационарного телефона, льготный проезд в общественном транспорте внутригородского и пригородного сообщения, а также символической ежемесячной денежной компенсацией в размере 500 р.¹²⁴.

Можно констатировать, что перечень таких вопросов, свой для каждого государства и народа, надо принимать во внимание как при реализации политики памяти внутри страны, так и на международной арене. Некоторые проблемы поднимаются и раздуваются до невообразимых масштабов искусственно, тогда как ранее они длительное время не вызывали тех эмоций, которые имеют место сегодня. Однако если какая-либо острая тема начинает, независимо от причин, овладевать умами значительного количества людей, с этим необходимо считаться в любом случае¹²⁵.

6. Возрастающее значение молодежи и снижение роли реальных участников в трактовке событий. Резкий перелом в восприятии травмирующих фактов прошлого происходит на 3-4 поколениях, при передаче

---

¹²⁴ Бугай Н.Ф. Иосиф Сталин – Лаврентию Берию: «Их надо депортировать»: документы, факты, комментарии. М., 1992. С. 9; Закон Республики Крым от 18.02.2016 № 218-ЗРК “О мерах социальной поддержки реабилитированных лиц и лиц, пострадавших от политических репрессий” URL: <https://lgoty-vsem.ru/regiony/krym/lgoty-posobiya-i-preferentsii-deportirovannym-krymskim-tataram.html> (Дата обращения: 22.08.2020).

¹²⁵ Бастид Р. Коллективная память и социология бриколажа // Социологический ежегодник. 1970. № 3. С. 94.

семейной традиции от внуков к правнукам. На данном этапе трансляции исторической памяти степень эмпатии предку снижается в геометрической прогрессии. Именно так обстоит сегодня ситуация в отношении Второй мировой войны, когда ее живых участников осталось немного, а значительная часть потомков как раз приходится на указанные поколения.

Ключевую роль при этом играет принципиальная невозможность взаимодействовать с предком – участником исторического события. Вымывание трагедийного компонента из воспроизводимого поколениями описания травмирующих фактов приводит в итоге к тому, что в массе своей потомки либо приобретают и закрепляют индифферентное отношение к драматическим событиям прошлого, либо дают им истолкование с позиций морали, прямо противоположное ранее господствовавшей точке зрения. Данный процесс, учитывая степень его специальной направленности, сегодня отчетливо наблюдается в ряде стран бывшего СССР и ОВД. Иными словами, там происходит демонизация героев или, напротив, обеление персонажей, ранее воспринимавшихся сугубо отрицательно¹²⁶.

Именно на данном этапе возникает возможность для появления множества вариантов трактовок описываемых событий, включающих, в том числе, интерпретации прошлого, основанные на фальсификации и политизации истории. И в то же время возникает возможность полноценного конструирования коллективной памяти за счет создания новой системы политических мифов, символов и ритуалов. Внедряется она, как правило, первоочередным образом среди школьников¹²⁷.

Изначально низкая степень эмпатии по отношению к дальним предкам позволяет использовать метод изменения контекста описываемых событий,

---

¹²⁶ Бочаров В. Власть и время в культуре общества // Пространство и время в архаических и традиционных культурах. М., 1996. С. 160.

¹²⁷ Никифоров Ю.А. О современных приёмах искажения прошлого // Преподавание истории в школе. 2010. № 9. С. 7.

применение которого приводит к трансформации эмоционального состояния целевой аудитории. Первые акторы, «отформатированные» подобным способом, превращаются в ретрансляторов сконструированного творцами политики памяти восприятия событий прошлого, вызывая своеобразную «цепную реакцию» у представителей последующих поколений¹²⁸.

Теперь необходимо понять, как сгруппированы в наши дни государства в отношении их взгляда и политического подхода в отношении памяти о событиях 1939 – 1945 гг. Критерием данной классификации является степень заинтересованности в трансформации памяти о Второй мировой войне – иными словами, в пересмотре ее итогов; цели, задачи и направленность этого процесса. В результате данного анализа станет ясно, какая картина взаимодействия ключевых игроков происходит сейчас, а также может быть спрогнозирована в дальнейшем.

К первой группе можно отнести государства, не заинтересованные в пересмотре итогов войны в целом. Это Россия, Беларусь, Китай, Израиль, и т.д. Объединяет указанные страны то, что их народы пострадали в наибольшей степени от нацистской, фашистской и милитаристской агрессии. В ряде случаев в них могут быть некоторые внутренние разногласия, связанные, например, с изменением идеологии. В России и некоторых странах СНГ в связи с отходом от марксистского подхода до сих пор продолжаются дискуссии о роли в войне коммунистической партии, отдельных политических и военных лидеров, о том, вопреки или же благодаря тоталитаризму была одержана победа. Могут подниматься новые научные проблемы, которым не уделялось должного внимания ранее.

При этом самоценная значимость победы в войне, недопустимость распространения нацизма, пересмотра итогов войны не вызывают сомнения

---

¹²⁸ Евгеньева Т.В., Регнацкий В.В. Формирование национально-государственной идентичности московских школьников // Ценности и смыслы. 2015. № 2. С. 9.

ни у большинства граждан, ни у руководства¹²⁹. Однако жертвам агрессии приходится подвергаться ей в наши дни снова, уже в политическом поле. Например, на Россию пытаются возложить ответственность за перегибы и преступления сталинского режима; израильтян обвиняют в том, что евреи сами спровоцировали их тотальное физическое истребление и т.д.

Вторая группа стран – США и Великобритания, ключевые союзники СССР по антигитлеровской коалиции, которые стремятся преувеличить свой вклад в победу, либо показать себя единственными демократическими победителями на фоне «битвы тоталитарных титанов». Американцы и британцы напрямую редко ставят вопрос именно таким образом. Однако деятельность в сфере политики памяти, которая ими проводится – образовательные программы, поддержка ученых, ставящих знак равенства между Гитлером и Сталиным, давление в ряде существенных вопросов на зависимые страны – все это и многое другое свидетельствует именно о деятельности в указанном направлении.

При этом данные государства в еще большей степени стремятся скрыть «темные стороны» своей деятельности в военные и предвоенные годы, поскольку их широкое обсуждение может повлечь не только имиджевые, но и экономические потери¹³⁰. Такие широко известные факты, как применение атомного оружия против Японии, а также варварские бомбардировки ряда германских городов, до сих пор пытаются списать на военную необходимость, хотя давно уже доказано научно, что это не так. В отсутствие политического и

---

¹²⁹ Плотников Д.С. Изменения в политике памяти в государствах - союзниках России на постсоветском пространстве после 2014 года // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2018. № 1. С. 102; Мультиатули П.В., Музафаров А.А. Великая Отечественная война. Победа духа и традиции. М., 2016; Чжу Си. Изменение концепции внешнеполитической пропаганды Китайской Народной Республики // Путь. 2005, №3, С.20-32.

¹³⁰ Herdsgaard M. The Eagle's Shadow: why America Fascinates and Infuriates the World. New York, 2002. P.21.

экономического давления побежденные страны уже давно поставили бы вопрос если не о компенсациях, то, как минимум, о признании военных ошибок и извинениях; такой ход событий не исключается и в будущем.

Но если победителей не судят, то тех, кто способствует развязыванию агрессивных войн, можно законно обвинить согласно всем международным нормам. Поэтому Мюнхенские соглашения, кредитование Германии и Японии, поставки этим странам стратегических материалов в предвоенные годы и т.д. – все эти неблагоприятные страницы прошлого США и Великобритания стремятся перевести в плоскость достояния узкого круга специалистов, не заинтересованных поднимать такие факты публично¹³¹.

И, наконец, о чем уже упоминалось, предпринимаются попытки пересмотреть состав победителей. Приравнивание тоталитарных режимов СССР и Третьего Рейха преследует именно эту цель¹³². Выставив советский режим оккупационным по отношению к странам восточной Европы и даже его бывшим республикам, можно добиться решения целого ряда задач, связанных с текущими политическими интересами как местных прозападных элит, так и их вдохновителей. Например, именно на этой основе появляются мнимые основания для территориальных и иных претензий к России, а сами инициаторы в этом случае оказываются единственными полноценными победителями в силу их «демократичности».

Третья группа – государства-агрессоры, желающие избавиться от данного, пусть и справедливого, ярлыка. Здесь мы видим несколько направлений действия. Наиболее часто на уровне именно политики памяти проявляется желание представить дело таким образом, что сами эти страны и народы стали жертвой обстоятельств – например, утверждается, что немецкий народ и Вермахт выполняли преступные приказы Гитлера лишь вследствие принуждения. Ряд государств-сателлитов пытается, в свою очередь, показать,

---

¹³¹ Нарочницкая Н.А. Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? М., 2011. С. 17.

¹³² Безыменский Л.А. Сталин и Гитлер перед схваткой. М., 2009. С. 4.

что они присоединились к нацистской Германии в силу объективных обстоятельств – либо для того, чтобы самим не оказаться ее жертвой (как Венгрия), либо опасаясь советской угрозы (Финляндия).

Общим знаменателем, кроме всего перечисленного, для многих из этих стран является и другой, более объективный фактор: «неужели за прошедшие годы, несмотря на все репарации, компенсации, осуждение нацистской идеологии и конкретных военных преступников, мы все еще не искупили нашу вину?» – именно таким вопросом задаются теперь все чаще немцы.

Эти мысли привели к действиям в совершенно практической плоскости: Германия долго настаивала на исключении из устава ООН так называемых «вражеских статей», дискриминационных по отношению к государствам, побежденным в ходе Второй мировой войны. Сделать это не удалось по той причине, что исключение любого, даже устаревшего пункта вызывает множество проблем и цепных реакций в силу целостности данного документа. Выход был найден в том, что члены ООН по согласованию объявили, что воспринимают данные статьи как более недействующие¹³³.

В отдельных случаях проблема заходит еще дальше. Если постановку вопроса о том, не искуплена ли вина, можно понять и с политической, и с общечеловеческой точки зрения, то претензии иного рода объективно воспринимаются как цинизм. Ряд стран, вполне объективно по итогам войны лишившихся территорий, до сих пор предпринимает попытки поднимать вопрос об их возвращении. На официальном уровне это происходит редко, но идея популярна среди населения, подогревается политиками-популистами, журналистами и некоторыми интеллектуалами. То, что по окончании войны воспринималось как справедливое возмездие – часто считалось, что удалось «легко отделаться» – теперь воспринимается как несправедливость.

Таких примеров немало. Япония ставит вопрос о южных Курилах, цинично говоря о «проблеме спорной ситуации вокруг северных

---

¹³³ Германия. Вызовы XXI века. М., 2009. С. 29.

территорий»¹³⁴. Венгрия желает вернуть целиком или частично Трансильванию, Финляндия претендует на юго-западную Карелию, Германия – на Калининградскую область. При этом любая уступка в территориальных вопросах способна повлечь цепную реакцию как минимум в европейском масштабе. Поэтому подобный пересмотр даже при наличии веских оснований, например, преимущественно венгерском, а не румынском населении Трансильвании¹³⁵ чреват катастрофическими последствиями.

Четвертая группа стран – государства Восточной Европы, находящие новую идентичность в структурах ЕС и НАТО (как существовавшие ранее, так и возникшие после разрушения СССР и Югославии). Сразу оговоримся, что речь идет не только о полноценных членах упомянутых блоков, но и о тех, кто стремится туда войти. Характерная особенность таких территорий – их политическая и экономическая зависимость от США и наиболее развитых стран Европы, а также их блоковых институтов.

Наиболее характерные представители этой категории – Польша и прибалтийские республики. Хотя все они с полным правом считаются жертвами нацистской агрессии, равно как и победителями, однако в настроениях как политиков, так и части населения внутренние идеологические конфликты, обиды довоенного времени, а также период зависимости от СССР и ОВД перевешивают все остальное¹³⁶. При этом, как правило, отсутствует полноценная картина позитивного будущего, поскольку членство в ЕС и НАТО не означает процветания экономики и защищенности граждан от реальных угроз, не связанных, например, с Россией.

После отхода от марксизма этой группой стран был избран не самый эффективный путь поиска новой идентичности и интеграции в Европу. Здесь

---

¹³⁴ Мак-Клейн Д.Л. Япония. От сёгуната Токугавы – в XXI век. М., 2006. С. 845.

¹³⁵ Gallagher T. Ceausescu's Legacy: Threats to Romania's Internal Security // The National Interest. Summer 1999.

¹³⁶ Мельтюхов М.И. Советско-польские конфликты. М., 2017. С. 23; Воробьева Л.М. Прибалтийский вопрос: эстонское направление (1920 – 2016 гг.). М., 2016. С. 242.

собственное социалистическое прошлое априори признается ошибочным и порицаемым, нередко с целью того, чтобы у населения не возникало даже мысли о «хороших временах», когда социальная справедливость и защищенность порой нередко превосходили нынешний уровень. При этом все советское автоматически приравнивается к русскому; следовательно, самоотрицание закономерно переходит в русофобию, которая, помимо того, искусственно подогревается внешними силами. Для этих государств пересмотр итогов войны, в особенности за счет России, более чем желателен, а на уровне политики памяти наблюдается откровенная агрессивность в совершенно конкретном направлении.

Кроме того, к данной группе как некую подкатегорию можно отнести ряд восточноевропейских стран, которые в годы войны часть времени воевали на стороне Германии, а затем, в силу разных причин, выступили на стороне антигитлеровской коалиции. Это, например, Болгария, Румыния, Словакия, Хорватия. Именно за то, что они «искупили вину» на поле боя, по решению союзников эти государства практически никакой ответственности, за исключением суда над военными преступниками, не понесли, а порой даже получили территориальные приобретения. В случае же с Хорватией и Словакией они после своей краткой независимости вновь на полных правах вошли в состав прежних федераций, а новую самостоятельность получили относительно недавно¹³⁷.

В отношении политики памяти у перечисленных стран наблюдается иной подход. Здесь наибольшую важность приобретает не столько стремление стать полноценными членами ЕС и НАТО, сколько доминирует проблема какого-либо «заклятого соседа». Для Румынии это Венгрия, для Болгарии – Греция, для Хорватии – Сербия и в меньшей степени Босния, причем хорваты, боснийцы и албанцы воспринимают Сербию не иначе как «дом посреди

---

¹³⁷ Ханна П. Указ. соч. С. 57.

дороги»¹³⁸. Проблема заключается в основном в старых обидах, нередко уходящих корнями еще в довоенное время. Членство в Европейском Союзе и НАТО, по неписанным правилам, должно было бы подразумевать и существенный градус русофобии, однако усилия руководящих сил в этом направлении дают на порядок меньший результат, чем в Прибалтике или Польше. В условиях, когда перевешивают иные факторы, в сознание масс подобную идею внедрить нелегко. Поэтому вопросы о Второй мировой упираются в соседские счеты, и вот здесь в наши дни пересмотр каких-либо территориальных споров, в том числе силовым путем, сдерживается наднациональными структурами ЕС.

Отдельным пунктом в данной группе также следует упомянуть активно стремящиеся, но еще не принятые в НАТО и ЕС страны. Самыми характерными в этом отношении примерами являются Украина и Грузия. В целом ситуация там развивается по польскому и прибалтийскому сценариям, но при этом обозначился явственный раскол общества, в части которого антисоветская и антироссийская риторика не находят достаточно массового признания. В итоге данного противоборства происходит цепная реакция: возникшие вооруженные конфликты и сепаратизм еще более накаляют обстановку, появляются новые жертвы, а политика памяти снова возвращается на реальное поле боя.

Пятая группа – относительно нейтрально настроенные в отношении политики памяти, преимущественно западноевропейские государства, как пострадавшие от войны, так и формально в ней не участвовавшие.

Как правило, это высокоразвитые в экономическом отношении страны, что в нынешних условиях привело к тому, что они несут подавляющую часть нагрузки, связанной с нелегальной миграцией, финансированием

---

¹³⁸ Там же. С. 59, 63.

общеевропейских институтов, и т.д.¹³⁹ Для них события Второй мировой войны на этом фоне актуальны лишь на короткое время при наступлении памятных дат. Кроме того, моральная самодостаточность и политическая культура «старой» Европы подразумевает отсутствие таких крайностей, как война с памятниками, героизация коллаборационистов, и т.п.

Есть и другая причина: например, военные и гражданские потери Франции в войне составили около 600 тыс. человек, тогда как Польши – около 6 млн., причем за освобождение последней было отдано примерно столько же жизней советских солдат, сколько потеряли французы вообще, включая мирных жителей¹⁴⁰. Естественно, на востоке Европы болезненность ситуации гораздо острее, даже если рассматривать только одну проблему безвозвратных людских потерь, а она – не единственная. Кроме того, важным представляется тот факт, что западноевропейские страны не попали в зону влияния социализма и не оказались вынужденными преодолевать его наследие – например, переживать жесткие трансформации идентичности.

Аналогичная ситуация наблюдается в странах, которые можно считать частью западной цивилизации – это Канада, Австралия и Новая Зеландия. Их войска внесли значительный вклад в победу в рядах солдат Британской Империи, несмотря на отсутствие боевых действий на их собственной территории. В отличие от той же Индии или ЮАР ситуация там весь послевоенный период, вплоть до наших дней остается достаточно стабильной¹⁴¹. Крупных внешних или внутренних конфликтов не было, а отдельные контингенты войск, отправленные в Корею или Вьетнам, по численности несопоставимо меньше, чем те, что участвовали во Второй

---

¹³⁹ Иванов И.Д. Единый внутренний рынок ЕС: свет, тени, историческая перспектива // Современная Европа. 2004. № 2. С.26-27.

¹⁴⁰ Кривошеев Г.Ф. Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010. С. 101, 105.

¹⁴¹ India and the Balance of Power // Foreign Affairs. Vol. 85. №3. July – August 2006.

мировой. Память о войне там жива, достаточно стабильна, эксцессов не происходит, но и интерес, в силу текущих проблем, невелик.

Ситуацию в странах «старой Европы» следует рассмотреть подробнее. Нельзя, конечно, утверждать, что она всюду абсолютно стабильна, но интересно проследить параллели – как ведут себя в аналогичных условиях новые члены ЕС. Так, жертвы нацистской агрессии, такие как Франция, Бельгия, Нидерланды, Норвегия, Дания и другие, по достоинству оценивают вклад Советского Союза в победу и не стремятся исключить его из числа победителей, в отличие от американских и британских союзников по НАТО.

Важно, что на местах ценят и чтут память русских и советских участников движения Сопротивления. Немало эмигрантов из царской России – по разным оценкам, от 10 до 15 тыс. чел.,¹⁴² и значительно большее число бежавших из концлагерей бывших советских военнопленных и других граждан, примерно 50 тыс. чел.,¹⁴³ активно включились в годы войны в борьбу с нацизмом и фашизмом по всей Европе. Никому даже в голову не приходит объявлять их преступниками и сносить либо осквернять мемориалы их подвигам.

Те страны, которые в войне не участвовали совсем, как Швеция, Швейцария, Португалия, Ирландия, как правило, оказываются заинтересованными в целом вообще не поднимать эту тематику. Тот факт, что они поставляли нацистам нередко значительные объемы различных материальных ресурсов, вплоть до оружия, как собственного производства, так и закупленных в третьих странах, не способствует их политическому престижу. Отдельно следует сказать об Испании, которая была союзницей Германии, но не на поле боя. Помимо всего перечисленного, а также отправки добровольцев «Синей (голубой) дивизии», она в остальном мало отличалась

---

¹⁴² Окорочков А.В. Русская эмиграция. Политические, военно-политические и воинские организации 1920 – 1990 гг. М., 2003. С 314.

¹⁴³ Кривошеев Г.Ф. Указ. соч. С.95.

от формально нейтральной Швеции. Для испанцев наиболее болезненным является вопрос о собственной гражданской войне, а событиям Второй мировой также не принято уделять внимание.

Шестая группа – участвовавшие в войне страны, в которых новые конфликты отодвинули события Второй мировой войны на вторую роль. Наиболее ярким примером здесь можно считать Корею, которая хотя и сильно пострадала от японской агрессии, но дальнейшее разделение страны, военные действия между ее частями, нынешнее противостояние – все это сегодня доминирует. К этой же группе можно отнести многие бывшие колонии западных стран, в которых войны за независимость и гражданские конфликты после 1945 г. достигали гораздо большего ожесточения, чем противостояние нацистским, фашистским и милитаристским агрессорам. Это ряд стран юго-восточной Азии, Ближнего Востока, Африки. Отдельного упоминания достойны ЮАР, Индия, Пакистан, Вьетнам, Малайзия, Индонезия – именно здесь развивались подобные сценарии¹⁴⁴.

Из европейских государств сюда можно, в некоторой степени, включить Грецию, где в послевоенные годы имела место и гражданская война, и военная диктатура, и кипрский конфликт с Турцией 1974 г., несмотря на членство обеих стран в НАТО. Также к этой группе можно отнести ряд территорий бывшей Югославии, учитывая драматические события 1990-х гг. Однако для жителей Балкан память о Второй мировой войне, как правило, еще достаточно сильна, а все перечисленное скорее влияет на вектор трансформации политики в этом направлении, чего нельзя сказать о перечисленных выше неевропейских государствах.

Седьмая группа охватывает все остальные страны, которые фактически в войне не участвовали. Можно, конечно, с формальной точки зрения перечислить длинный список тех, кто присоединился к 1945 г. к

---

¹⁴⁴ Mercer J. Rationality and Psychology in International Politics // International Organisation, 2005, Vol 59. P. 75.

антигитлеровской коалиции. Однако их участие было столь невелико, что Вторая мировая в глазах как руководства, так и населения значительной части мира является событием, не имеющим к ним никакого отношения. Следовательно, в плане последствий для политики памяти их можно приравнять к государствам, которые не воевали совсем. Для них актуальны совершенно иные вопросы.

Подводя итоги данной классификации, нельзя сказать, что она полностью исчерпывает все многообразие тенденций и ситуаций. В ряде случаев отдельная страна может отражать несколько из них, а изменение внешней или внутренней обстановки может повлиять на ее переход в другую группу. Тем не менее, в практическом отношении предложенная система достаточно универсальна, поскольку позволяет выработать конкретный подход в каждом отдельном случае, что и является проявлением особой политики, которого требует исследуемая нами проблема.

* * *

Выявленные нами закономерности позволяют проводить анализ ситуации в любом конкретном обществе и государстве, при этом важно, что можно сделать определенный «срез» не только настоящего времени, но и более ранних периодов. Например, говоря о России середины 1990-х и середины 2010-х гг. мы можем констатировать, что речь как будто идет о двух разных странах, настолько существенные отличия в области политики памяти мы обнаруживаем. Чтобы понять причины такой трансформации, а также спрогнозировать развитие событий в будущем, дать рекомендации, имеет смысл использовать двухэтапную методiku, основанную на результатах, полученных в данной части нашего исследования.

На первом этапе мы анализируем ситуацию с точки зрения тех причин и факторов, которые были классифицированы выше. В случае России становится очевидным, что именно изменение степени их воздействия привело к столь существенной разнице в реальном срезе приведенных хронологических периодов. В других странах указанный подход показывает

аналогичный результат, что будет продемонстрировано на примерах Германии и Польши.

На втором этапе происходит непосредственно оценка трансформации памяти о войне через призму используемых в реальной практике в качестве «инструментов» символической политики мифов, ритуалов и символов. Понимая, какие именно из них задействованы в конкретный момент, как они взаимодействуют со старыми и новыми моделями, какие при этом решаются проблемы или же возникают сложности, можно снова выдвигать прогнозы и предлагать действенные рекомендации по улучшению сложившегося положения.

Допустимо также применение предложенного метода не в качестве двухуровневой схемы, а параллельно. Главное условие эффективности анализа – он не должен сводиться к использованию только одной из указанных составляющих – причинно-факторной либо символической.

Глава 2. Политика памяти о Второй мировой войне в СССР и России

2.1. Становление и эволюция «советского мифа»

Прежде чем исследовать положение дел в конкретных, избранных нами странах, следует рассмотреть советскую модель памяти о войне, которая составляла основу мемориальной политики всего СССР и большей части стран социалистического лагеря до 1991 года. Сразу подчеркнем, что название «советский миф» является условным, обобщающим как реальные факты и достижения, так и заблуждения и вымыслы, включая неоднократно изменявшиеся трактовки событий войны. Без понимания данной ситуации невозможно объективно говорить ни о причинах и факторах трансформации на данных территориях в наши дни, ни об историческом фундаменте, на котором до сих пор строится восприятие событий Второй мировой войны в значительной части мира.

Кроме того, указанный «советский миф» о войне, как ни парадоксально, остается изученным недостаточно. Хотя мы не ставим задачи его исчерпывающего исследования, ограничиваясь наиболее важными выводами, угол зрения, под которым будет рассматриваться данная модель, представляет большой научный интерес.

Ключевой, концептуальной основой всего советского подхода к событиям войны с самого начала является ее привязка к марксистско-ленинской идеологии. Ее наднациональность, а также «важная особенность марксизма – неотделимость прогноза будущего от действий по изменению будущего»¹⁴⁵, свойственные, впрочем, всему модерну, явились до некоторых пор полезными качествами для реализации советской модели памяти о войне. Они, в частности, оказались важным преимуществом перед сугубо национальными моделями ряда стран, нередко обращенными исключительно

---

¹⁴⁵ Турчин А.В., Батин М.А. Футурология. XXI век: бессмертие или глобальная катастрофа? М., 2013. С.26.

в прошлое. В связи с этим ключевой акцент был сделан даже не на сами события, а, естественно, на их трактовку, наиболее выгодную действующему режиму. Рассмотрим указанные изменения подробнее.

Во-первых, во главе угла был поставлен вопрос о природе данной войны – эту традицию ввел еще В.И. Ленин, говоря о событиях 1914-18 гг., и акцентируя на этом внимание. Первый этап Второй мировой (до второй половины 1940 гг.) характеризовался как несправедливый: «...война со стороны нацистских государств носила империалистический характер. Англия и Франция, вступившие в войну против Германии в 1939 г., также преследовали империалистические цели. Они хотели сохранить и укрепить свои позиции колониальных держав и ослабить конкурентов»¹⁴⁶. Далее расписывается единое желание всего «капиталистического мира» уничтожить СССР, подавить силы прогресса и демократии. Справедливый, освободительный характер, со стороны жертв стран «оси», по мнению советских ученых, война в целом приобретает, повторим, со второй половины 1940 года; основываются они на том, что «освободительные тенденции усиливаются»¹⁴⁷.

Во-вторых, Великая Отечественная война, как таковая, изначально признается справедливой, что не удивительно; однако главным ее итогом советским идеологам представлялись даже не разгром нацизма, фашизма и милитаризма, а формирование мировой социалистической системы. В ходе обоих процессов роль советского солдата подчеркивалась не просто как освободителя, а как некий «интернациональный долг», хотя данное понятие в массовом сознании постсоветского пространства связано с войной в Афганистане, а никак не с событиями 1941-1945 гг.

Именно на этой концептуальной основе сложился тот самый «советский миф» с вариациями для внутреннего употребления в СССР и в странах

---

¹⁴⁶ Великая Отечественная война Советского Союза. М., 1970. С. 27.

¹⁴⁷ Там же. С. 28.

социалистического лагеря. При этом нельзя рассматривать его как нечто неизменное на протяжении всего своего существования: он претерпел, как минимум, две крупных трансформации, не считая этапа его изначального формирования, пока примерно в 1965 – 1970 г. не приобрел законченный вид, обогащаясь в дальнейшем лишь деталями.

Итак, рассмотрим сначала этапы становления советского «мифа» о Великой Отечественной войне. Естественно, под «мифом» здесь имеются в виду, еще раз подчеркнем, не сами факты победы над нацизмом или образования в результате социалистического лагеря, а общая картина, сочетающая как реальные факты, так и трактовки этих и других событий, включая умолчания, интерпретации и вымыслы.

Первые изменения происходили уже в ходе боевых действий, когда общая картина войны только складывалась, насыщаясь конкретными событиями. В тот момент, особенно в 1941-1942 гг., преследовалась абсолютно утилитарная задача: поднять боевой дух войск, дать живые примеры для подражания из текущих событий, а не времен Гражданской войны. Так родилась конкретика, определившая военно-патриотическое воспитание в СССР на десятилетия вперед. Уже тогда она стала «мифологией», которая подчинялась тем закономерностям, выявленным нами еще при анализе специфики символической политики как таковой.

Военные корреспонденты не задавались конкретными нюансами относительно достоверности событий: могли приукрасить факты, изменить место действия, состав его участников, вложить в их уста слова, которых они не произносили, и т.д. Так родились всем известные до сих пор интерпретации подвигов 28 героев-панфиловцев, Зои Космодемьянской, Александра Матросова, Виктора Талалихина, Алексея Маресьева и многие другие. После развала СССР поспешность «создания» этих «мифов» сыграла негативную роль. «Разоблачители», как правило, выясняли, что дело было не в отсутствии

самого подвига, а в ошибках при его подаче, а далее все зависело от личной позиции автора и его интерпретации событий¹⁴⁸.

На данном этапе войны происходили также такие трансформации, как вычеркивание кого-либо из списка героев в связи с изменением обстоятельств. Так, фигура генерала А.А. Власов в связи с переходом на сторону врага приобрела сугубо отрицательное значение. Его фигура стала символом предательства и остается таковой до сих пор¹⁴⁹. При этом до сих пор остро стоит вопрос о том, почему около 1,5 млн. советских граждан¹⁵⁰ – речь идет не только о власовцах, но и всех иных коллаборационистских формированиях – добровольно, напрямую или косвенно участвовали в боевых действиях против своей страны. Реальные или близкие к ним цифры по понятным причинам не озвучивались, предательство выставлялось явлением единичным.

Данное обстоятельство, будучи применимым к нашей теме, в условиях России, а нередко и стран, где действовали сформированные из бывших советских граждан формирования, до сих пор является удобным полем для манипуляций. При этом трактовки могут диаметрально различаться. Если в Польше, в рамках нынешнего русофобского курса, нередко акцентируют внимание на участии в подавлении нацистами Варшавского восстания некоторых «русских» частей, то в Чехии есть сторонники оправдания власовцев, поскольку часть из них, надеясь на снисхождение, при освобождении Праги повернула оружие против гитлеровцев. На Украине и в Прибалтике часто приходится слышать о почти автоматическом зачислении в ряды «борцов за независимость» пособников нацизма только за участие в антисоветской деятельности.

---

¹⁴⁸ Один из положительных примеров – Зимулин В.Н., «Прохоровка. Неизвестное сражение Великой войны» (Москва, 2017).

¹⁴⁹ Александров К.М. Власовцы и восточные добровольцы во Второй мировой войне. СПб., 2003. С. 4.

¹⁵⁰ Данная оценка представляется наиболее близкой к истине. Источник: Молло Э. Вооруженные силы Второй мировой. М., 2004. С. 201.

Следующим этапом войны, связанного с ним развития «мифа», равно как и его продолжающейся трансформации, стало освобождение оккупированных советских территорий и части европейских государств. Если ранее акцент делался на героизме – прежде всего, в обороне; на перемалывании живой силы противника по простому принципу «убей немца», квинтэссенция которого содержится в одноименном воззвании И. Эренбурга, то теперь встал вопрос о преодолении одного за другим укрепленных рубежей далеко еще не ослабленного врага. Поэтому примерно с момента Сталинградской битвы и до выхода к довоенной границе главным стал акцент на месть.

Свидетельств нацистских преступлений на освобожденных территориях хватало с избытком. Несли потери и войска. Поэтому под лозунгом мести – как за павших боевых товарищей, так и за страдания мирного населения, наступление оказывалось наиболее эффективным.

Параллельно наблюдался и другой процесс – все большее смещение акцента с коммунистической пропаганды к патриотическим истокам. Этим объясняется введение аналога старой русской формы с погонами в армии и сотрудничество с РПЦ, вплоть до восстановления И.В. Сталиным патриаршества¹⁵¹. Руководство СССР осознало реальную действительность: для подавляющего большинства солдат Великая Отечественная война подразумевала сражение не только и не столько за советскую власть, за социалистические идеалы, а за все дорогое, родное, святое, что объединялось понятием «Родина».

Когда встал вопрос о наступлении за пределами советских границ, ситуация вновь изменилась. Перед правительством страны встала задача активного участия в послевоенном переустройстве Европы. Соответственно, требовалось изменить имидж солдата с фигуры «мстителя» на великодушного

---

¹⁵¹ Катунин Ю.А. Русская православная церковь в годы Второй мировой войны (1939 – 1945 гг.). Симферополь, 2000. С. 59.

даже к бывшему противнику освободителя угнетенных нацизмом народов. С этой целью еще в продолжение войны сугубо на территории СССР были предприняты два шага.

Во-первых, происходит формирование национальных частей, причем как в рядах собственно советской армии, так и самостоятельных иностранных. В ходе сражений в республиках Прибалтики, в особенности в их столицах, акцентировалось внимание на участии эстонских, латышских и литовских корпусов и дивизий. В данном случае учитывалось предвоенное вхождение этих территорий в состав Союза и возможная нестабильная обстановка после освобождения от нацистской оккупации – как показала практика, расчет был правильным. Когда, наряду со всей армией, которая могла позиционироваться населением как сугубо «русская» в наступлении участвовали национальные части, это существенно меняло картину восприятия ситуации местными жителями.

Кроме того, особенно важным оказалось формирование Войска Польского и Чехословацкого корпуса. Боевой путь они начали еще на советской территории. Сделано это было также не случайно: помимо приобретения необходимого опыта, они вносили свой, пусть и небольшой вклад в освобождение сначала советской страны, а только затем – своих собственных государств. В результате возникала реальная, скрепленная кровью дружба, рожденная на полях сражений. Побочная задача состояла и в том, что создавался костяк будущих национальных армий, который затем в ходе военных действий в Польше и Чехословакии пополнялся из местного «классово благонадежного» населения, которое тоже вовлекалось в процесс с целью достижения тех же итогов.

В дальнейшем на этой основе все годы существования социалистического лагеря во многих странах-участницах, активно пропагандировался миф о том, что эта боевая дружба была подкреплена почти абсолютной поддержкой населения, например, Польши и Чехословакии, за исключением наиболее реакционных элементов.

Во-вторых, начинается огромная по своим масштабам работа с личным составом советских частей. С одной стороны, всячески пропагандируется «освободительная миссия», превратившаяся со временем во «всемирно-историческую». Однако при этом, с другой стороны, четко прописываются правила поведения бойцов и командиров по отношению к местному населению, в том числе не только оккупированных нацистами стран, но и самой Германии и ее союзников. Требования, вызванные опасением актов мести, здесь становятся даже более жесткими, чем на собственной территории¹⁵².

Таким образом, советскому командованию на протяжении всей войны удавалось вовремя «переключать» психологический настрой солдат и их мотивацию в сторону наиболее эффективных на том или ином этапе действий. Войска прошли путь от лозунга «убей немца» в 1941 г. до почетного осознания своей освободительной миссии в 1945 г. Все это время та или иная «мифология», в основном именно в виде положительного образа поведения, а также чуть ли не поголовной поддержки населения освобождаемых от нацизма территорий, сопутствовала военным действиям, изменяясь в соответствии с поставленными перед армией задачами.

По завершении всей Второй мировой войны в течение примерно 5 лет формируется сталинская модель ее интерпретации. Ее основные положения были сформулированы самим И.В. Сталиным в работе «О Великой Отечественной войне Советского Союза» в 1947 г.¹⁵³ Теперь органам пропаганды на этой концептуальной основе предстояло свести воедино как уже упомянутые элементы, так и новые вводные. Еще раз подчеркнем, в тот момент происходило создание именно крупного, системного, с

---

¹⁵² ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2727. Д. 20. Л. 1, 10,12, 19; Конев И.С. Записки командующего фронтом. М., 1972. С. 236 – 276.

¹⁵³ Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947.

определенными целями и задачами «политического мифа», который с самого начала проектировался в качестве инструмента.

Особое значение при этом приобрели следующие объективные факторы:

а) включение в сферу влияния СССР значительного количества стран Европы и Азии, пока еще не превратившихся в мировую социалистическую систему;

б) итоги Нюрнбергского и Токийского процессов;

в) начало «холодной войны»;

г) понимание длительности перспективы противостояния с Западом.

Итак, в данных условиях в качестве важнейшего инструмента сталинскому режиму потребовался многофункциональный миф, предназначенный как для «внутреннего потребления», так и для решения внешнеполитических задач. Отметим, что официально озвучивать всю правду о войне, даже в рамках идеологии марксизма-ленинизма, в указанных условиях было недопустимо. Именно поэтому пришлось прибегнуть к мифотворчеству, опираясь, однако, в основе на реальные факты.

Итак, внутри страны следовало мобилизовать силы для восстановления экономики, предотвратить межнациональные конфликты, укрепить новую идентичность. Если с первым пунктом цель была третьестепенной, поскольку сам народ был кровно заинтересован в скорейшем улучшении условий жизни, то в национальном вопросе дело обстояло сложнее.

Затянувшуюся на долгое время борьбу на западной Украине с формированиями ОУН-УПА, а в Прибалтике – с «лесными» и «зелеными» братьями, только для масс можно было списать на то, что в их рядах одни только бывшие пособники нацистов и «классово чуждые элементы», которые живы лишь тем, что их подпитывают «силы международной реакции». Именно такую, «мифическую» трактовку событий многие годы предлагали советским гражданам, особенно жившим за пределами этих республик. При этом руководство страны понимало, что, как минимум, без идеологической убежденности и социальной базы существование описанных явлений

происходить не могло. Помимо того, разнообразные «борцы за независимость» явно рассчитывали на скорое начало конфликта Советского Союза с Западом, а эта надежда заставляла их проявлять немислимое упорство длительное время¹⁵⁴.

При этом ключевой проблемой было именно существование такой вооруженной борьбы на территориях, присоединенных к СССР перед самой войной. Как показал затяжной характер конфликта, здесь, помимо репрессивных мер, следовало показать, что вплоть до Берлина теперь находятся союзные страны, с территории которых бессмысленно ждать какого-либо вторжения.

И, наконец, новая (точнее – укрепленная старая) идентичность требовалась для всего населения. Прежняя модель заключалась в попытке показать, что жители первого в мире социалистического государства есть общество принципиально нового типа, в котором разрешены все социальные и национальные противоречия. Оно смогло поднять страну из руин Первой мировой и Гражданской войн, осуществило индустриализацию, коллективизацию и иные масштабные проекты. Только благодаря всему этому появилась возможность победить и во Второй мировой войне.

Тем не менее, и национальный вопрос, что видно не только на вышеприведенных примерах, но и особенно выразилось в депортациях целых народов, и социальные противоречия полностью решены не были. Оценивая вышеприведенную концепцию в целом, можно сделать вывод – для продолжения очередных свершений внутри страны созданной ранее идентичности было достаточно, а для продвижения идей социализма на внешний уровень, а эта задача стала особенно актуальной, – уже нет.

«Новый миф» оказался необходим и в качестве инструмента внешней политики. За рубежом не особенно представляли, какой ценой Советский Союз достиг и довоенных экономических успехов, и победы в войне. Поэтому

---

¹⁵⁴ Ткаченко С.Н. Повстанческая армия. Тактика борьбы. Минск, 2000. С. 23-24.

новый имидж советского солдата – великодушного освободителя, становился только началом экспансии социализма. Нужен был целостный позитивный образ, в котором будет велика как роль СССР и его армии, так и неразрывный с ним «единственно правильный» вариант дальнейшего пути развития. Этот подход предназначался преимущественно для тех стран, которые уже оказались в советской сфере влияния.

Помимо прочего, данный миф был призван оказать влияние также и на все другие народы мира; как минимум с целью создания дружественной или нейтральной позиции населения в случае конфликтов их правительств с Советским Союзом. Как максимум, опять же, позиционировалось то, что социалистическая модель априори лучшая. Было важно, чтобы такой имидж распространялся как можно шире в мировом масштабе.

Всех перечисленных целей удалось достичь путем создания такого мифа, в основу которого легли не национальные интересы, а марксистско-ленинские догматы, о которых говорилось выше. Стройная, логичная и соответствовавшая поставленным задачам модель сформировалась примерно в 1949-50 гг. В свете отношений с Западом хронология становится понятной: создается НАТО – блок, направленный против СССР; что важно, это совпало с появлением советского атомного оружия, то есть ознаменовало переход к длительному противостоянию.

Были и другие «детонаторы» процесса: не удалось решить вопрос о единой Германии, вследствие чего в ответ на образование ФРГ советской дипломатией инициируется создание ГДР. К этому времени уже полным ходом осуществлялись социалистические преобразования в остальной зоне влияния в СССР в Европе; в Азии Мао Цзэдун в 1949 г. побеждает в гражданской войне в Китае и создает КНР, год спустя начинается Корейская война, которая завершилась уже после смерти И.В. Сталина.

При этом есть и первые трудности, показавшие, что процессы не будут легкими: события в Польше 1949 г., конфликт Сталин – Тито, и т.д. Поэтому в предложенном мифе предусматривались частности, имевшие известное

значение для отдельных стран и народов, но и эта «начинка» выверялась строго в духе ключевых постулатов. Теперь необходимо их перечислить, попутно рассмотрев, какие при этом преследовались цели.

Итак, нарратив сталинской версии «Советского мифа».

Вторая мировая война рассматривалась как борьба «всех прогрессивных сил» человечества, с 1941 г. во главе с Советским Союзом и коммунистами всего мира против международной реакции, которую возглавляли нацистские, фашистские и милитаристские правительства стран «оси». СССР сначала сделал все, чтобы предотвратить конфликт, но это не удалось из-за позиции ведущих держав, с которыми не складывались переговоры, а затем вследствие нарушения Гитлером пакта о ненападении. При этом война, как уже говорилось, со второй половины 1940 года признавалась справедливой и освободительной для всех, кроме агрессоров. И даже из их числа можно было попасть в упомянутые «прогрессивные силы», как это произошло с Румынией и Болгарией, которые перешли на сторону антигитлеровской коалиции и участвовали в 1944-1945 гг. в военных действиях на ее стороне.

Решающий вклад в победу безоговорочно декларировался за Советским Союзом, а основным театром военных действий в Европе признавался восточный фронт. Поэтому относительно западных союзников ситуация показана двойственной. С одной стороны, сами народы этих стран требовали от своего руководства решительных действий, помогали, как могли Советскому Союзу вопреки противодействию «империалистов». В их лице представлялись правительства США и Великобритании, которые затягивали и поставки снаряжения, и открытие Второго фронта, и вообще хотели советскими руками решить все сложные задачи, а в войну вступили лишь тогда, когда СССР мог справиться в одиночку – с целью не столько даже получить долю плодов победы, сколько сохранить капиталистические порядки на тех территориях, которые освобождались их войсками.

Особенно подчеркивался факт, что в прямых военных действиях на востоке Европы из всех западных держав принимала участие лишь

французская добровольческая эскадрилья «Нормандия-Неман», тогда как ни американского, ни британского вмешательства, особенно в начале войны, когда ситуация оказалась предельно острой, не последовало. Значение поставок по ленд-лизу не столько недооценивалось, сколько умалчивалось¹⁵⁵.

Относительно Движения Сопротивления продвигался постулат, что только решительные действия советских войск на фронте, а партизан – в тылу врага побудили и жителей оккупированных стран Европы к подобным действиям. Особенно подчеркивалось, что инициаторами борьбы всегда были члены коммунистических и рабочих партий.

Отдельно освещалась роль тех стран, которые в будущем стали полноправными участниками мировой социалистической системы. Как уже говорилось, польские и чехословацкие формирования вступили в войну еще на советской территории, а в своих странах постоянно пополнялись и внесли значительный вклад не только в их освобождение, но и в наступление на Германию. Болгария и Румыния перешли на сторону союзников и кровью искупили свою предыдущую вину «сателлитов».

Относительно всего восточноевропейского пространства особенно акцентировалась боевая дружба, поскольку почти все перечисленные страны сражались с нацизмом плечом к плечу с советскими войсками. Кроме того,

---

¹⁵⁵ Отмечалось, что поставки по ленд-лизу осуществлялись в неполном объеме, техника зачастую имела серьезные дефекты (на определенных этапах войны из 90 поставленных самолетов принимались как пригодные для использования лишь менее 20%). При разработке четвертого протокола об оказании помощи американская сторона попыталась включить в него пункт, обязывающий СССР вступить в войну против Японии. Подчеркивалось, что Советский Союз получил поставки лишь на 9,8 млрд долларов, в то время как воевавшая менее интенсивно Великобритания получила 30,3 млрд. Доля поставок по ленд-лизу оценивалась приблизительно в 4% от общего объема выпуска продукции советской промышленностью. Современные зарубежные историки У. Кимболл, Д. Херинг и некоторые другие оценивают вклад поставок по ленд-лизу в пределах от 7 до 11% от общего объема индустриального производства в Советском Союзе (Муравьева Л.А. Ленд-лиз и проблема российского долга // Финансы и кредит. 2004. № 7 (145). С. 67-76.).

постулат о «реакционных силах» позволял указанным народам произвести некую «отстройку» от своих довоенных правительств. То есть получалось, что важно с точки зрения политики памяти, преодолеть диссонанс. Теперь поляки после режима санации и угнетения нацменьшинств, преданные своим руководством чехи и словаки, а также бывшие сателлиты Германии могли с достоинством причислять себя к «странам народной демократии» и силам мирового прогресса.

Оставались Венгрия и ГДР, в которых, помимо денацификации, предпринимались и другие шаги. Репарации и территориальные потери рассматривались как закономерная компенсация за злодеяния. В остальном всячески подчеркивалась деятельность даже отдельных широко известных антифашистов (антинацистов) этих стран и в особенности коммунистов. Так, фигура Эрнста Тельмана в восточной Германии стала центральной основой местного мифа о войне – с точки зрения построения социализма в стране требовалось отделить сам немецкий народ от бывшего нацистского руководства. При этом, что интересно, он не выставлялся ни виновником конфликта, ни его жертвой; последнее, скорее применялось к отдельным эпизодам, например, ковровым бомбардировкам союзной авиацией Дрездена и Кельна.

Что касается военных действий против Японии, то в данном случае внимание акцентировалось на двух аспектах. Так, подчеркивалось, что без вмешательства СССР в войну и разгрома японских сил на континенте, она могла продолжаться еще длительное время несмотря даже на применение США атомного оружия. Кроме того, освобождение значительных территорий Китая и Кореи советскими войсками показывалось как предпосылка победы в этих странах прокоммунистических сил. Результатом стало образование социалистических режимов в КНР и КНДР.

Для внутреннего потребления внутри Советского Союза была создана вариация мифа с акцентом на патриотическую составляющую. Решающий вклад в победу представлялся результатом не столько усилий народа, сколько

следствием «руководящей роли» коммунистической партии и лично И.В. Сталина. Довоенным успехам СССР отводилось важное место: они представлялись экономическими основами победы, а ликвидация враждебных классов и решение национального вопроса – ее политическими предпосылками. Исходя из принципов историзма и объективности, добавим, что, несмотря на наличие ряда межнациональных проблем, ситуация в СССР в то время была куда более оптимистичной, чем в западных «демократиях» с их расизмом и колониализмом.

Лишь на втором месте был поставлен собственно героизм народа. Особенно подчеркивалась его массовость. Как неотъемлемая составная часть общей модели политики памяти, широко постулируется и конкретный миф: «С первого дня войны навстречу германскому нашествию встала грудью вся страна – как один человек. РККА с самого начала сражалась умело и мужественно под руководством испытанных командиров, и лишь внезапность вероломного нападения не дала возможности достойно отразить агрессию»¹⁵⁶.

Этот миф, к слову, был единственным, возникшим в советские годы, из десятка выявленных в указанной монографии, относительно 1941 г., остальные возникли в наши дни. Проблема «списывания» неудач начала войны лишь на внезапность нападения, равно как и мнимое единство и согласованность действий всего народа в этот период также представляет широкое поле для манипуляций в пространстве политики памяти.

Тем не менее, при акценте на массовый героизм был подобран значительный перечень конкретных подвигов и людей, их осуществивших. По сути, использовался такой метод политической технологии как «storytelling» –

---

¹⁵⁶ Кремлев С. 10 мифов о 1941 годе. М., 2013. С. 215.

продвижение нужной модели поведения через живые, запоминающиеся истории, а не скучные наставления и инструкции¹⁵⁷.

Так, в этот «обязательный набор», который в дальнейшем стал изучать каждый советский школьник, вошли подвиги героев фронта, тыла и партизанского движения. Среди них были представлены примеры разных народов и возрастов, как мужчины, так и женщины. Подобная подборка создавалась и во всех видах вооруженных сил, затем в каждой союзной и автономной республике. Частично эту основу составили мифы, которые возникли благодаря перу военных корреспондентов еще в годы войны, а многие другие изыскивались исходя из специфики заказа «сверху».

Надо отдать должное, что из огромного количества реальных подвигов нашлись все, которые было необходимо особенно подчеркнуть. Не пришлось ничего придумывать – оставалось только приукрасить детали, в чем, собственно, и состоял каждый миф, основанный на реальном событии. Так в пантеон героев попали и старики, и дети, и женщины, и большинство национальных меньшинств, и всевозможные представители армии, авиации и флота, как из руководства всех уровней, так и рядового состава. В итоге создавался пласт примеров для военно-патриотического воспитания, который служил целям единства, укрепления идентичности, продвижения идеологии. За исключением последнего пункта, для остальных упомянутых целей весь выверенный еще в те годы набор подвигов с небольшими корректировками во многом актуален и сейчас.

На третьей по важности позиции был поставлен набор символов, в число которых попали и собственно освободительная миссия советского солдата, и ряд образцов вооружения и техники, и ключевые сражения войны. Помимо Московской, Сталинградской, Курской битв, в качестве единого «проекта»

---

¹⁵⁷ Евсева М.С. Сторителлинг как гуманитарная технология для социализации и самореализации молодых людей // Технологии воспитания подростков и молодежи, подготовки кадрового резерва молодежной политики. М., 2014. С. 332.

представлялись «Десять сталинских ударов». Они в наши дни представлены как самостоятельные операции, не связанные единым замыслом. Заметны и многие другие отличия от привычных для нас сегодня практик. Так, День Победы, был фактически всего лишь памятной датой, не являясь даже выходным в период с 1948 по 1965 г., хотя и обозначался в качестве государственного праздника. Соответственно, не был систематизирован и общепринят комплекс связанных с ним ритуалов.

Отдельно следует сказать, что с первых послевоенных лет события войны фиксируются – и это происходит на протяжении всего советского периода – в топонимике, главным образом, в названиях улиц. Это могли быть не только имена отдельных лиц, но и, например, панфиловцы, молодогвардейцы, герои Н-ской обороны, и т.д., и естественно, сама Победа. Однако нигде и никогда, даже в городах, жестоко пострадавших от войны, число таких наименований не превысило аналоги, связанные с революционным движением.

Заглядывая вперед, приведем следующую информацию. В качестве эксперимента мы подсчитали, что в Санкт-Петербурге по данным 2006 г., когда был издан использованный нами справочник,¹⁵⁸ имелось 151 название, связанное с революционно-повстанческой тематикой, включая отдельных людей. В то же время выявлено 112 топонимов, связанных с историей Второй мировой войны, в том числе событиями Финской войны, которую сегодня в ряде стран принято считать ее частью. Кроме того, сюда относятся и имена известных конструкторов вооружений, а не только непосредственных участников боевых действий. Таким образом, уже в наши дни, когда многие коммунистические названия заменены, даже в городе-герое Санкт-Петербурге они доминируют над военными.

---

¹⁵⁸ Горбачевич К.С. Хабло Е.П. Почему так названы? О происхождении названий улиц, площадей, островов рек и мостов Санкт-Петербурга. СПб., 2006.

Что касается проблем топонимики в первое послевоенное десятилетие вообще, следует признать двойственность политики, проводимой советским руководством в этой сфере. Например, в Восточной Пруссии, которая перешла к СССР и стала Калининградской областью, было переименовано практически все, что можно. В наши дни это выступает в положительном качестве: в случае сохранения немецких названий в глазах европейской общественности данная территория воспринималась бы в качестве объекта претензий в значительно большей степени, нежели это происходит.

С другой стороны, в западной Карелии, вторично отвоеванной у финнов в 1944 г., изменений не произошло. Вероятно, это случилось по той причине, что до 1956 г. республика называлась Карело-Финской ССР. При этом некоторые наименования имели смысл «вернуть к истокам» – например, г. Сортавала еще с древнерусских времен известен как Сердоболь. Ведь именно таким образом поступили с г. Петсери, который в 1944 г. был переведен из состава Эстонской ССР в РСФСР и получил прежнее название – Печоры. При смешанном составе русских, финских и карельских топонимов, как это происходит в восточной части Карелии, опять-таки минимизировались бы шансы на территориальные претензии.

Совсем необоснованной и непоследовательной выглядела политика переименований в Ленинградской области. До войны здесь имелось пестрое разнообразие из русских, шведских, финских и немецких слов, причем последние были результатом деяний еще Петра Великого и в некоторой степени его преемников. То есть фактов проживания немцев на данной территории они не отражали, зато были известны всякому русскому и советскому образованному человеку как некие культурно-исторические символы. После 1945 г. большинство германоязычных, в том числе шведских, названий было заменено на русские, хотя отдельные, по непонятным причинам, были сохранены, например, Кронштадт и Выборг.

При этом Ораниенбаум превратился в 1948 г. в Ломоносов, Кексгольм – в 1944 г. в Приозерск, Шлиссельбург – в Петрокрепость, Петергоф – в

Петродворец. На этом фоне еще более непонятным кажется возвращение в 1944 г. исторического названия городу Гатчина, который в 1923-29 г. назывался Троцк, а с 1929 г. вполне по-коммунистически – Красногвардейск. В наши дни «немецкие» наименования возвращены большинству указанных городов в окрестностях Петербурга.

Стоит ли уделять вопросу о географических названиях, как мелких, так и крупных, столь существенное внимание? Безусловно, поскольку в сфере мемориальной политики, как мы видим, они могут провоцировать или, наоборот, сдерживать территориальные споры. Они, особенно в восточноевропейских странах, уже неоднократно служили причинами мемориальных конфликтов местного масштаба. В этой связи очевидно, особенно когда речь идет о городской топонимике, что названия могут служить для формирования исторической памяти. Большинство людей рано или поздно задаются вопросом, в честь кого названы те или иные объекты, а если при этом на улице или площади имеется памятник, мемориальная доска или табличка, дело существенно упрощается. Что касается начатых после 1945 г. в этой сфере процессов, следует пока считать их незавершенными.

Вернемся к другим аспектам проблемы. Наибольшим вкладом в память о войне в сталинский период стало отражение ее событий в художественной культуре. Книги, фильмы, песни, и в меньшей степени все остальные сферы искусства, как политический инструмент использовались советской властью с 1917 г. Относительно исследуемого вопроса следует констатировать, что тема Великой Отечественной войны в рамках советской мифологической основы продолжала формироваться и дополняться с 1941 г. вплоть до исчезновения СССР с карты мира. Значительная часть художественного наследия, например, песни о войне, написанные уже после ее окончания, превратилась в символы, многие из которых используются и в наши дни.

Таковы основные характеристики первоначального варианта советской модели интерпретации памяти о Второй мировой войне. Сразу отметим, что и концептуальная, и нарративная ее основа оставались в целом почти

неизменными вплоть до 1991 г. Тем не менее, прежде чем осветить две ключевых трансформации данного «мифа», сразу отметим его недостатки с точки зрения эффективности применения на практике.

Во-первых, не была должным образом отражена цена победы. Официальные цифры потерь и в войсках, и среди мирного населения многократно преуменьшены, хотя в течение всего XX века они корректировались в большую сторону. Одно только это обстоятельство могло поставить под сомнение правдивость и всех других положений, что и произошло уже после распада СССР.

Во-вторых, многие несоответствия официальной версии реальным событиям, а также и их дальнейшие пересмотры в условиях, когда участники войны составляли значительную часть активного населения, приводило к появлению альтернативной «окопной правды». В СССР, конечно, не сложилось условий для ее широкого распространения кроме как среди близких. Зато уже в странах «народной демократии» они были, что сыграло подспудную роль в формировании и укреплении в народной памяти иной картины событий, а заодно и недоверия к официальным трактовкам.

В-третьих, линия освещения действий союзников оказалась неэффективной. Акцент делался на постоянном откладывании ими под любыми предлогами открытия Второго фронта и умалчивании значения их помощи по ленд-лизу. Все это в области мемориальной политики привело в дальнейшем, после 1991 г., когда западные версии событий получили распространение, к эффекту «нас обманывали!» и принятию новых точек зрения без всякой критики.

В-четвертых, многие «болевые точки» как для самого СССР, так и для стран Восточной Европы либо совсем замалчивались, либо освещались сугубо через призму «борьбы прогресса с реакционными силами». С одной стороны, это упрощало восприятие (в чем заключается одно из важнейших качеств мифа вообще) подрастающим поколением многих проблем, но с другой не способствовало их реальному решению. Все это не могло не «всплыть» в

дальнейшем, послужив причиной многочисленных проблем и даже мемориальных конфликтов.

И, наконец, вне этого списка следует констатировать главную проблему «советского мифа» на всем протяжении его существования: будучи заточен главным образом на достижение цели укрепления и распространения социализма, он мог быть эффективным и в остальных своих положениях лишь при условии непрерывного, причем живого и творческого процесса – как в самой идеологии, так и в ее территориальном распространении. Поэтому в период «застоя», как мы увидим в дальнейшем, с возрастанием формализма в КПСС, доминирования речей над делами и миф переставал пользоваться доверием или, как минимум, интересом. После 1991 г. собственно сам отказ от марксизма как такового, даже плюсы данного «мифа» превращал в минусы на то время, которое требовалось людям на отделение «партийного» от героического.

Первая трансформация советской модели была инициирована с приходом к власти в СССР Н.С. Хрущева. Ее обусловили, главным образом, XX съезд КПСС и разоблачение культа личности И.В. Сталина¹⁵⁹.

Несмотря на то, что в основе своей «советский миф» остался неизменным, целый ряд ключевых позиций был пересмотрен. В условиях, когда угроза скорой новой мировой войны отодвинулась, а противостояние в «холодной» форме затягивалось на неопределенный срок, советское руководство пыталось улучшить отношения с «народными демократиями». В этой связи разоблачение культа личности без тщательного продумывания реализации этого процесса и возможных последствий привело на практике к тому, что «целились в Сталина, а попали в СССР», и даже в

---

¹⁵⁹ Тихонов В.В. Революционный миф и политика памяти в СССР в эпоху "оттепели" // Великая российская революция, 1917: сто лет изучения материалы Международной научной конференции. 2017. С. 673.

восточноевропейских союзников. Критиковалось все, что было связано с именем вождя – и то, что он совершал, и то, чего не сделал.

Ключ проблемы заключался в том, что в предыдущей версии событий реальные заслуги И.В. Сталина не слишком преувеличивались; при этом все, от генералов до крупных политиков, в том числе и лидеры соцстран, о них были прекрасно осведомлены. Другое дело, что умалчивались недостатки, просчеты, ошибки и особенно преступления. Если бы акцент делался именно на этом, можно было решить задачу без ущерба для достижения целей, ради которых, собственно, и создавался «изначальный миф».

В результате пересмотра «сталинской версии» происходит множество нежелательных для СССР процессов в стане союзников: восстание 1956 г. в Венгрии и менее известные события того же года в Польше; выход КНР из советской сферы влияния. От демократизации отношений пришлось отказаться, вернувшись к старым методам. Политические и имиджевые потери СССР оказались большими; кроме того, они заложили множество «мин замедленного действия», которые впоследствии, в том числе в сфере политики памяти, сыграли негативную роль. Кроме того, приход к власти каждого нового советского руководителя нередко сопровождался в дальнейшем «испытанием на прочность» в виде очередного конфликта в союзных государствах, не без участия западной агентуры, в результате чего обиды и недоверие только накапливались.

Что касается «внутренней» части мифа, то у граждан СССР провоцируется недоверие к власти и выдвигаемым ею трактовкам, поскольку фигура И.В. Сталина в массовом сознании неразрывно связывалась с памятью о войне, ведь в бой шли «за Родину, за Сталина». Кроме того, очевидна некомпетентность Н.С. Хрущева в понимании роли и значения символов в политике. В их числе на тот момент был и сам «диктатор», и проект «10 сталинских ударов» и особенно Сталинград.

Для внешних недружественных сил город, сражение в нем, и даже само слово уже тогда стали символом страха: окружения врага и его тотального

разгрома в «котле». Это обстоятельство надо было продолжать использовать. А для советских граждан, помимо перелома в войне и полководческого искусства Ставки, «Сталинград» даже с точки зрения фоносемантики символизировал стальную твердость духа и мужество его защитников.

Единственным неоспоримым плюсом пересмотра стала реабилитация народов, депортированных в годы войны. Для большинства из них были восстановлены национальные республики, разрешалось вернуться на место прежнего проживания. Но – это надо особо подчеркнуть – не для всех. Например, так и не была восстановлена республика немцев Поволжья¹⁶⁰.

Более спорным моментом представляется реабилитация ряда видных советских военных деятелей, репрессированных в предвоенные годы. С одной стороны, их заслуги в развитие оборонной мысли неоспоримы и внесли вклад в победу. С другой, как доказала современная наука, часть «заговоров» не была вымыслом, то есть не всякий осужденный в те годы по политическим статьям может считаться невинной жертвой режима. Кроме того, в пользу данного тезиса свидетельствует тот факт, что из всех 10 офицеров в крупных званиях, сотрудничавших с А.А. Власовым (четверо и до того были генералами), двое были осуждены в 1938 г. и реабилитированы в 1940 г. Это генерал-майор В.Ф. Малышкин и полковник ВВС В.И. Мальцев. К этому же числу относится полковник С.К. Буняченко, осужденный в 1942 г., и получивший право «искупить кровью» свою вину в рядах действующей армии¹⁶¹.

Тем не менее, с того момента существует и получил широкое развитие миф о том, что одной из главных причин неудач начала войны стали как раз репрессии против самых выдающихся военачальников. А именами М.Н. Тухачевского, И.Э. Якира, И.П. Уборевича, В.К. Блюхера и других

---

¹⁶⁰ Бугай Н.Ф. Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать»: документы, факты, комментарии. М., 1992. С. 98.

¹⁶¹ Александров К.М. Указ. соч. С. 358-359.

реабилитированных при Н.С. Хрущеве стали называть топонимические объекты, тогда как все названное именем Сталина переименовывалось, а в будущем существовал как бы негласный запрет на «сталинские» наименования.

Наиболее полная трактовка «хрущевского» варианта, которую можно охарактеризовать как «миф о Победе без Сталина» была отражена в шести томах «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза»¹⁶², изданной в 1960-61 гг. Причем, очевидно, выход в свет этого коллективного труда планировался еще к 10-летию Победы в 1955 г., но был отложен до момента, когда будет готова новая интерпретация. Дополнительно была издана и сокращенная однотомная версия.

Вторая трансформация советской модели условно относится к двадцатилетнему юбилею победы. На самом деле ключевым условием изменений снова стала смена руководителя страны, но привязка к дате не случайна – именно с того времени День Победы становится выходным днем и выступает как официальный праздник с использованием комплекса символов и ритуалов, многие из которых практикуются и сейчас.

Остановимся на этом аспекте подробнее. В частности, можно отметить «Могилу неизвестного солдата» – как общий символ воспринималась обычно московская, но во многих городах есть свой памятник с таким названием. В День Победы стал постоянно практиковаться ритуал возложения цветов и венков именно к ней, а также к другим памятникам и воинским захоронениям, которые имелись в конкретных местах¹⁶³.

Кроме того, в этот период установка мемориалов с именами не вернувшихся с войны земляков стала массовым явлением. Их теперь можно найти почти в любом населенном пункте. Именно они до сих пор являются центром местных памятных мероприятий. На международном уровне общим

---

¹⁶² История Великой Отечественной войны Советского Союза. М., 1960, 1961. ТТ. 1-6.

¹⁶³ Рольф М. Советские массовые праздники М., 2009. С. 70.

для всех – и советских людей, и жителей стран «народной демократии» – символом Победы стал памятник воину-освободителю в Трептов-парке, в Берлине, хотя в каждом государстве соцлагеря имелся свой мемориал, например, знаменитый Алеша в Болгарии.

Общепризнанными ритуалами в праздник теперь стали Парад Победы на Красной Площади, проводившийся в 1945, 1965, 1985, 1990 и с 1995 года включительно ежегодно, и встречи ветеранов. Отдельно отметим ношение парадной формы с наградами. Учитывая особое пристрастие к ним Л.И. Брежнева, по поводу любой юбилейной даты, в том числе не связанной с войной (столетие В.И. Ленина, годовщины образования советской армии, милиции, и т.д.), учреждалась очередная памятная медаль.

С каждым годом их число на груди фронтовиков все возрастало, продолжается это и по сегодняшний день. В целом ничего негативного в этом нет, поскольку ветеран с наградами на кителе сам по себе является неотъемлемым символом Победы. Однако отдельно в этом качестве надо сказать об ордене Отечественной войны II степени. Боевая награда в 1985 г. превратилась в юбилейную. Она вручалась всем участникам войны по случаю ее сорокалетней годовщины. Тем не менее, сам орден превратился в символ, не потерявший значения до сих пор.

Что касается изменений в содержании нарратива для советского населения, то первым шагом стало частичное возвращение фигуры И.В. Сталина. Конечно, учитывая его реальное значение в ходе войны, по-другому не могло быть. Тем не менее, несмотря на упреки в «ресталинизации», весь период «застоя» характеризуется амбивалентным на практике отношением к вождю.

Его положительный образ вернулся в художественную культуру, но при этом не было отмечено ни возвращения памятников, ни топонимов с его именем, хотя многие улицы продолжали называть, как уже говорилось ранее, в честь репрессированных до войны военачальников. Вместе с тем, когда речь заходила о конкретных пострадавших в годы сталинизма лицах, не

принципиально, военных или нет, в любой литературе дата их смерти не сопровождалась примечанием «расстрелян», что продолжалось вплоть до краха СССР. Речь будто бы шла о естественной смерти. Если возникала особая необходимость, использовалась формулировка «пал жертвой произвола в период культа личности», причем эта личность не называлась.

Вторым шагом стало постоянное включение при любом удобном случае упоминаний имени Л.И. Брежнева, делалось это совершенно несоразмерно с его реальными заслугами. Например, когда маршал Г.К. Жуков в 1966 г. написал мемуары, ему, после трех лет цензурной проверки, по итогам которой часть воспоминаний была вырезана, прислали записку с требованием включить в текст дополнение: «Я поехал в 18-ю армию перед тем, как завершить операцию на Кавказе, мне надо было посоветоваться с полковником Брежневым». В случае отказа возможность выхода книги в свет была поставлена под сомнение.

Тяжело больной Жуков вынужден был согласиться, и с 1969 г. данная вставка была включена в первые восемь изданий, в том числе на иностранных языках. Таким способом была предпринята очередная попытка Л.И. Брежнева представить свои заслуги в достижении Победы равными с ведущими полководцами. Но верил ли кто-то всерьез в такую нелепость, как желание командующего фронтом «посоветоваться» с мало кому тогда известным полковником?

Сама же «Малая Земля» – плацдарм под Новороссийском, где лично воевал Л.И. Брежнев – стала занимать одно из ведущих мест даже в научной литературе, приравниваясь к крупным сражениям. Вышла и одноименная брошюра, в числе трех других, якобы написанная самим генсеком. Поскольку данные факты были достаточно известными, такое положение вызывало лишь смех и рост недоверия к официальным трактовкам. Население отвечало юмором. Не случайно названия брежневских книжек оказались в пародийном тексте на мотив итальянской песни «Felicita»: «Перечитай. “Малую Землю” и “Возрождение” – перечитай».

Параллельно указанной тенденции – чем дальше, тем настойчивее – говорилось о все большей роли партии в победе. Этому способствовало, с одной стороны, формирование фактически пожизненной номенклатуры, которая была напрямую в этом заинтересована, а партийная принадлежность стала окончательно ключевым условием любой карьеры. С другой стороны, чем больше фактических проблем появлялось в стране, тем сильнее говорилось о ключевой роли КПСС даже в мелочах.

Естественно, помимо уже упомянутых изменений, все это было отражено в очередном многотомном издании. Впрочем, количество новых страниц не является показателем роста качества исследования проблемы, оно скорее отражает изменения в конъюнктуре эпохи. Это доказывает и сравнение текстов. Как и в случае с хрущевской трансформацией, брежневскую версию в подробном изложении можно прочитать в «Истории Второй мировой войны 1939 – 1945 гг.» в 12 томах¹⁶⁴.

Каждое переиздание почти всякого другого труда о войне – будь то воспоминания любого из полководцев, рассказ о конкретных битвах и операциях и т.д., также всегда сопровождалось предисловием, где постоянно говорилось о еще большем внимании к роли партии. Исключение составляли переводы отдельных избранных иностранных авторов, в том числе и бывших противников. Нашим военачальникам не так повезло – их, по сути, принуждали уделять внимание тем сюжетам, которые не являлись главными.

Возьмем в качестве примера мемуары командующего Северным флотом А.Г. Головки. В предисловии ко второму изданию, составленному – естественно – начальником Политуправления ВМФ адмиралом В.М. Гришановым говорится: «При переиздании книги – об этом не раз шел разговор – А.Г. Головки хотел шире показать работу политорганов Северного флота»¹⁶⁵. Подобные этому «замечания и пожелания читателей, к которым

---

¹⁶⁴ История Второй мировой войны 1939 – 1945 гг. М., 1973 – 1975. ТТ. 1-12.

¹⁶⁵ Головки А.Г. Вместе с флотом. М., 1979. С. 5.

прислушался автор» относительно не военных событий, а политической стороны дела, встречаются практически во всех без исключения переизданиях литературы о Великой Отечественной войне.

Такое сверхдавление и «упор на партию» приводили к прямо противоположным результатам. Население понимало, что возникшая разница между военным / послевоенным временем в КПСС, современниками которой они являлись, была отнюдь не в пользу последних лет. И снова отвечало юмором. Как это отразилось на политике памяти, можно проиллюстрировать на примере двух анекдотов, возникших примерно на рубеже 1970-80-х гг.

Пример 1. Чем отличается политрук Красной Армии от современного замполита? Тем, что первый говорил: «делай, как я», а второй требует – «делай, как я сказал».

Пример 2. Чем отличается партия времен Великой Отечественной войны от современной КПСС? Во время войны коммунистов было немного, их единственная привилегия – идти первым в бой; но в победу коммунизма верили все. Сегодня партбилета нет только у ленивого, без него не «вырастешь» дальше звания старшины, но в наступление коммунизма уже не верит почти никто.

Почему мы так акцентируем внимание на этих, казалось бы, общеизвестных событиях? Дело в том, что данное положение привело к тотальному формализму. Дела подменялись пышными речами. Не была исключением и память о войне. В итоге от простого недоверия, о котором уже говорилось, население пришло к внутреннему расколу восприятия событий. Можно говорить, что партийной элитой в рамках общей концепции памяти о войне был создан отдельный «миф о роли партии», причем навязать это видение населению не удалось, настолько топорной и искусственной выглядела эта попытка.

Официальная точка зрения без особых сомнений принималась только в той части, где речь шла собственно о конкретных подвигах и всей страны, и отдельных людей. В остальном же имело место подспудное осознание того,

что партия и ее номенклатура теперь служит не «интересам трудящихся», как при И.В. Сталине и даже Н.С. Хрущеве, а своим собственным, прежде всего – удержанию всей полноты власти. Что еще важнее, такая же ситуация складывалась в восточноевропейских странах.

Закономерным поэтому стало обращение людей не к идеологическому, а к национальному императиву, хотя оно еще находилось в зародыше. Если почти на всей территории СССР этим все пока и ограничивалось, то в Прибалтике и на западной Украине, в местах, куда после ссылок и заключения вернулись многие оставшиеся в живых бывшие пособники гитлеровцев и участники националистических формирований, складывается, пока «для посвященных» альтернативная картина событий. Уже в период перестройки она отчетливо дала о себе знать.

Теперь следует сказать об изменениях в нарративе, которые вносились преимущественно для союзников из стран «народной демократии» и всего «мирового сообщества», а не для советских граждан. Поскольку многие «неудобные вопросы» стало невозможно обходить молчанием, пришлось о них говорить, как например, о Варшавском восстании. Но и советское, и польское руководство предпочло придерживаться давно привычной и выгодной для него версии. Случившееся однозначно представлялось провокацией Армии Крайовой по поручению эмигрантского правительства в Лондоне с целью захвата власти для сохранения старых порядков. Мало того, это преподносилось как преступление «империалистов, не смилившихся с победой польского народа».

Суть концепции состояла в том, что советские войска не были поставлены в известность о восстании, а после длительного наступления продолжать его не могли. В качестве оправдания приводился пример попытки взятия Будапешта измотанными войсками, что привело к усложнению обстановки. Массовость восстания объяснялась стихийностью: население присоединилось к повстанцам из ненависти к оккупантам, и было, таким образом, как и сам город, отдано эмигрантским правительством на

растерзание нацистам. При этом восставшие получали советскую помощь по воздуху: оружие, боеприпасы, медикаменты, продовольствие.

Тем не менее, несмотря на сам факт реагирования, которого раньше почти не отмечалось, каких-либо радикальных перемен в трактовке болезненных для ряда народов событий не последовало.

В целом сам «советский миф» как таковой в целом, в период с 1965 г. и до разрушения СССР только дополнялся отдельными деталями, причем они касались не столько вопросов исторического нарратива, сколько идеологии. Однако его положительными факторами стали формирование комплекса символов и ритуалов, с одной стороны, а с другой – жесткая тактика отстаивания собственной точки зрения, в основном в противовес альтернативам, высказанным на Западе в научных и политических кругах и в мемуарах участников событий.

Что касается периода 1985-91 гг., то, в отличие от многих других вопросов, Второй мировой войне на официальном уровне уделялось не больше внимания, чем раньше, в основном в связи с возобновлением борьбы с наследием сталинизма¹⁶⁶. Последнее, однако, привело к ряду опасных последствий в области мемориальной политики. Часть населения восприняла, как и после XX съезда, данную политику как преступную и антисоветскую. Многие другие, наоборот, с радостью были готовы поверить всякой новой информации. В данном же случае появилась иная проблема: первые фальсификации «болевых точек» сталинского режима в сторону преувеличения их роли, количества репрессированных и т.д.

Отметим показательный пример из данной области. Когда в 1989 г. готовилось очередное переиздание воспоминаний Г.К. Жукова, в его семейном архиве была «неожиданно обнаружена» рукопись мемуаров, нетронутая цензурой. Именно в этой редакции с того времени они и

---

¹⁶⁶ Память о Сталине: за и против. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116323> (Дата обращения: 01.11.2020).

переиздаются. Анализ расхождений в версиях историками уже проведен, учитывая результаты брежневской цензуры. Главное, о чем следует сказать – сопоставление этих текстов позволяет сделать вывод, что в годы перестройки редакторы поставили перед собой цель сфальсифицировать именно восприятие фигуры И.В. Сталина. Причем новый конструкт нарушил логичность изложения текста: даже при противоречивом восприятии той или иной фигуры одним лицом такого «люфта» мнений никогда не происходит.

Отметим также другие изменения: в данный период были озвучены новые цифры потерь, близкие к реальным. Однако сам миф оставался в целом неизменным. Стоит добавить, что интерес к событиям Второй мировой войны вообще в тот момент выглядит снижающимся. Это объясняется кардинальными переменами жизни в стране, а также внешнеполитическими событиями.

* * *

Проанализировав влияние «советского мифа» на всем протяжении его существования, можно сделать два главных вывода. Во-первых, вследствие его опоры, прежде всего, на идеологические постулаты марксизма, он мог эффективно выполнять свою функцию только в случае искреннего следования данным догматам руководства страны. Во-вторых, всякая новая трансформация ставила под удар его нарративные основы, что каждый раз приводило к росту недоверия со стороны населения. В конечном итоге обе эти причины, как в СССР, так и в странах ОВД привели данный миф к краху, что поставило под сомнение даже те факты, которые были абсолютно реальными, тот стержень, вокруг которого почти каждый советский лидер развивал свою разновидность мифотворчества. Тем не менее, комплекс символов и ритуалов, сформированный тогда, сохранился и получил развитие уже в наши дни.

2.2. Ситуация в России: от растерянности к созданию стратегии

После разрушения СССР и роспуска ОВД трансформацию политики памяти можно условно разделить на три периода. При этом, сразу оговоримся,

четких границ нет – одни процессы плавно переходили в другие. Начальный этап, примерно до 1993 г., можно охарактеризовать как инерционный. Внутри страны в массовом порядке дело ограничилось просто изъятием из новых учебников и официальных материалов всего, что было связано с КПСС. Можно сказать, что осуществилась деполитизация старого мифа, при этом его фактологическое содержание в тот момент претерпело несущественные изменения. Практика ритуалов и символов тоже сохранилась, хотя на данном этапе не развивалась.

Тому, что происходило в сфере политики памяти среди бывших союзников, не уделялось вообще никакого внимания, они оказались предоставлены сами себе. В этом заключалось ключевое упущение. Многих нынешних проблем можно было успешно избежать, выработав общую, плавную стратегию поиска новых идентичностей и перехода к новым реалиям, тем более что это было актуально во всех других сферах.

Говоря о втором и третьем периодах, складывается ощущение, будто речь идет о двух принципиально разных странах, настолько разительно отличался подход к мемориальной политике. Если второй период можно условно обозначить как инерционно-либерально-пораженческий, то третий – державно-патриотический.

Объяснить ситуацию позволяет предложенная нами методика анализа, которая показывает, что в эти два промежутка российской истории доминирующее влияние оказывали различные причины и факторы. В частности, особенно велико значение первой¹⁶⁷, в данном случае – под знаком

---

¹⁶⁷ Непрерывное взаимодействие и противоборство национальных (реже блоковых) интересов.

минус, второй¹⁶⁸, третьей¹⁶⁹ и седьмой¹⁷⁰ причин, выявленных нами в ходе классификации. Итак, если проанализировать эпоху 1990-х гг., мы видим, что Россия, потерпев поражение в «холодной войне», временно исключается как активный участник из противоборства блоковых интересов; мало того, даже национальные интересы сведены в тот момент к минимуму.

На этом фоне происходят изменения, связанные с отказом от марксистской идеологии, в частности попытки поиска новой идентичности, а особенно – стремление новой власти придать себе легитимность в глазах населения. Также теперь приходится иметь дело не только с привычными игроками политического поля, но и с новыми, большинство из которых составили бывшие республики СССР и сменившие ориентацию союзники. И, наконец, никакого определенного будущего, кроме надежд на нечто лучшее, население себе не представляло.

Что касается факторов, наибольшее влияние оказали первый¹⁷¹, второй¹⁷² и четвертый¹⁷³. Так, комплиментарность к Западу в тот момент и в руководстве страны, и в массах была максимально положительной – возможно даже за всю историю наших взаимоотношений. Соответственно, это определило искренность желания прийти «к демократии и цивилизованному обществу». Что еще важнее, априори считалось, что после всех сделанных уступок будут предприняты встречные шаги, то есть Россию везде «должны» встречать с распростертыми объятиями. Факт отрицательной или, в лучшем

---

¹⁶⁸ Отход от марксистской идеологии подавляющего большинства стран и территорий мира, где она господствовала.

¹⁶⁹ Появление новых игроков, либо выступление прежних в ином качестве, в политическом поле современного мира.

¹⁷⁰ Отсутствие сколько-нибудь определенной картины и модели развития будущего ряда стран и народов.

¹⁷¹ Комплиментарность.

¹⁷² Степень самостоятельности акторов в принятии соответствующих решений.

¹⁷³ Тактика отдельных акторов при реализации политики памяти.

случае, нейтральной комплиментарности в ее отношении полностью игнорировался.

Что касается степени самостоятельности в принятии решений, можно сказать, что она была в значительной степени утрачена. Главнейшей причиной можно считать даже не позицию властей, а экономическую несостоятельность. Очевидно, что страна, бюджет которой формируется за счет иностранных кредитов, не только не может кому-либо диктовать условия – она редко бывает в состоянии даже внутри, на собственной территории жить по своим правилам. Вследствие этого роль и значение внешних акторов естественным образом возросло многократно.

И, наконец, мы видим полное изменение тактики реализации мемориальной политики. Если советская практика «жесткого реагирования» оказалась утраченной вместе с СССР и его союзниками, это не означало, что потеряно ее содержание. Однако его сохранением, не говоря уже о продвижении и даже защите, никто в стране озабочен не был. Именно поэтому стали наблюдаться такие явления, как инерционность, непоследовательность, отсутствие понимания, как действовать даже в критических ситуациях. Стало нормой, что «акторы, выступавшие от имени государства, предпочитали не занимать четких позиций»¹⁷⁴. Рассмотрим теперь, как все актуальные для данного случая причины и факторы сработали на практике.

Итак, примерно с 1994 г. и в активной фазе до середины 2000-х гг. происходил процесс не просто отказа от старой модели, а ее радикального неприятия. Почва для этого была подготовлена в среде преимущественно интеллигенции еще в период «диссидентства», перестройки и первых постсоветских лет. Одновременно резко усилилось влияние внешних акторов. Рассмотрим эти процессы подробнее.

---

¹⁷⁴ Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М., 2015. С. 6.

Влияние интеллигенции, на наш взгляд, освещено в исследуемой проблематике совершенно недостаточно. Между тем, ее позиция на некоторое время становилась, наряду с действиями руководства страны, определяющей¹⁷⁵. Проявилось это преимущественно в двух аспектах. Первый заключался в искреннем желании «исправить ошибки», «искупить вину». Комплекс раскаяния вообще свойственен данному слою общества, особенно в нашей стране. Достаточно вспомнить недавние события – одиночный пикет Л. Ахеджаковой у японского посольства с плакатом с надписью: «Простите нас, японцы». Если сейчас такие случаи можно рассматривать как «рецидивы девяностых», то тогда они были массовым, во многом определяющим повестку дня явлением. Происходит и выдвижение ряда таких «интеллектуалов» в публичное поле, что переходит в их тесное взаимовыгодное сотрудничество с правящей элитой.

С середины 1990-х под лозунгом «нас обманывали» начался процесс переосмысления всего и вся. Если ранее все научные силы в СССР были мобилизованы на поддержание «официального мифа», то теперь добровольно началась атака на него. Были подняты все «болевы точки» прошлого, известные тогда; другие будут вводиться в оборот уже при иностранном участии. Возникает целый комплекс новых мифов, как правило, под знаком «минус» для России. Среди них выделяются откровенные фальсификации, такие, как «труды» В.Б. Резуна-Суворова и М.С. Солонина. К счастью, с точки зрения символической политики они не нашли выражения в каких-либо символах и ритуалах, то есть не оказались закрепленными таким путем в массовом сознании населения. Это подтверждает ту закономерность, что одного только создания мифа для кардинальных перемен недостаточно.

Рассекреченные документы освещаются также однобоко. Появляется практика ссылаться на некие «архивные материалы», сноски на которые не

---

¹⁷⁵ Горин Д.Г. Политика памяти в условиях социально-политической трансформации: особенности России // Среднерусский вестник общественных наук. 2012. № 2 (23). С. 99

приводятся, или же при проверке они оказываются не существующими в природе. Данные процессы не были случайны: вся указанная деятельность в целом способствует легитимации нового истеблишмента, о чем подробно скажем ниже, более всего заинтересованного в том, чтобы неприятие в обществе всего советского стало нормой на долгосрочную перспективу¹⁷⁶.

Одновременно продолжают попытки найти какую-либо новую идентичность, «национальную идею», а резкое обращение с этой целью как к имперскому периоду, так и к «демократическим ценностям» нужного результата не давало. Пласт 70-летней истории оказывается слишком великим, чтобы подвергнуть его полному отрицанию и забвению¹⁷⁷. Тем не менее, безуспешность таких попыток не привела к отказу от атаки на советское прошлое. Общим итогом этих процессов для государства стало то, что выражено в появившемся чуть позже афоризме: «целились в СССР, а попали в Россию».

Роль внешних акторов в процессе также трудно переоценить. Уловив возникшую тенденцию, различные общественные организации, такие как фонд Сороса, фонд Макартуров и им подобные, развивают бурную деятельность. Этому способствует, помимо указанной позиции интеллигенции, пока еще отсутствие разочарования в ее среде политикой страны, а особенно – резкое снижение финансирования науки. Трудности расценивались как неизбежное краткосрочное явление переходного периода. В итоге на западные гранты, получением которых ученые и преподаватели даже гордились, переписывались учебники, созывались конференции, на которых поднимались очередные «трудные вопросы» с неизменным результатом – негативацией роли СССР в войне.

---

¹⁷⁶ Дождиков А.В. Фальсификация истории России в контексте идентичности: новая плоскость противостояния // Ценности и смыслы. 2012. № 5 (21). С. 179.

¹⁷⁷ Шнирельман В.А. Идентичность и политика постсоветской памяти // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2009. № 2. С. 211.

На примере учебников указанные тенденции прослеживаются наиболее ярко. Так, в некоторых из них Сталинградской битве уделяется менее страницы, а американо-японскому столкновению у атолла Мидуэй – в 2-3 раза больше. Сюжет об обороне Брестской крепости занимает меньше места, чем тенденциозный рассказ о судьбе одного из ее организаторов, майора П.М. Гаврилова. Подчеркивается не его роль в сражении, а то, что он попал в плен, после освобождения был репрессирован и отправлен в лагерь. При этом тот факт, что он был удостоен звания Героя Советского Союза, упускается совсем. В подобном же ключе освещаются и другие события войны¹⁷⁸.

Особо стоит подчеркнуть роль государственного руководства. Правящая элита Российской Федерации пришла к власти на волне «перестройки». Использовать в тот момент протестный потенциал населения политикам позволила эксплуатация ультралиберального и отчасти даже националистического дискурсов. При этом, подобно большевикам в первые годы после установления советской власти, и младореформаторы периода начала 1990-х гг. прибегли к тактике демонизации предшествующей исторической эпохи и соответствующих моделей государственного строя. За счет этого они легитимировали свои действия, направленные на демонтаж прежней политической системы, и подавляли устремления граждан вернуться к прежней форме общественно-политического устройства.

При этом представителям элиты пришлось освоить часть интеллектуального наследия лидеров общественного мнения, в роли которых выступали преимущественно представители и последователи диссидентских кругов. Последние же упорно настаивали на ревизии истории Великой Отечественной войны, подразумевающей, по сути, ее десакрализацию и разрушение непротиворечивой и удобной для усвоения массовым сознанием картины событий прошлого. Подобный подход был чреват существенными

---

¹⁷⁸ Единый учебник: за и против. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116389> (Дата обращения: 01.11.2020).

деструктивными последствиями – память о событиях Великой Отечественной войны представляет собой системообразующий фактор (миф основания) в процессе воспроизводства как советской, так и российской идентичности. Однако в то же время он соответствовал интересам политического истеблишмента в период начала – середины 1990-х гг.

Позитивное восприятие советского прошлого ослабляло легитимность политического и экономического истеблишмента новой России и формировало дополнительные риски в возможности пользования оппозиционными силами столь существенным ресурсом, как остатки имиджевого капитала, сохранившегося от СССР и КПСС. Поэтому война стала позиционироваться исключительно как подвиг народа, а опиралось это утверждение на спектр «культурно одобряемых фреймов – национальная слава, героизм, борьба за свободу и т.д.»¹⁷⁹

Для «отстройки» от советского прошлого и, вместе с тем, попытки использования столь мощного ресурса, как память о войне, в сфере внутренней политики властью были предприняты некоторые шаги, в большинстве своем – весьма спорные. Так, в 1993-1994 гг. празднование Дня Победы перенесли на территорию нового мемориального комплекса на Поклонной горе – сам он был заложен еще в конце 1950-х, но поэтапно вводился в строй до 1995 г. Разумеется, новая «изобретенная» традиция не просто не имела успеха, но и оказалась опасной для власти, так как открывала прежнее место для деятельности политических конкурентов¹⁸⁰.

Более того, в рамках ревизии истории Второй мировой войны начали формироваться новые установки в отношении операций советских войск в Европе. Последние стали рассматриваться сугубо как часть «порабощения» ее народов, смена одной диктатуры другой. Дошло до того, что в 1994 г. Б.

---

¹⁷⁹ Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М., 2015. С. 89.

¹⁸⁰ Там же. С.92.

Ельцин даже пообещал вернуть Германии трофейные культурные ценности. Последнее объяснялось во многом господством ультралиберального дискурса внутри политического истеблишмента.

Отношение к пребыванию советских войск в Европе к середине 2000-х гг. позиционировалось преимущественно сквозь призму двух точек зрения. Согласно первой, Красная армия, достигнув западных границ СССР, должна была остановить свое движение, выстроить прочную систему обороны и предоставить освобождение Европы силам демократических держав – Соединенных Штатов, Великобритании и Франции. Появление советских солдат и офицеров в Европе рассматривалось с этой точки зрения почти исключительно как попытка экспорта если не революции, то хотя бы тоталитарного политического строя¹⁸¹.

В соответствии со второй точкой зрения, советское руководство должно было действовать аналогичным образом, но по несколько иным мотивам. В частности, представители этой позиции доказывали, что СССР напрасно потратил значительный объем ресурсов ради освобождения стран, которые никогда особо не симпатизировали ни советскому строю, ни идее альянса с Россией. При этом после завершения Второй мировой войны Советский Союз был вынужден содержать установленные в Восточной Европе режимы, хотя в то же время был вынужден отказываться во многих благах собственным гражданам.

Таким образом, на оценку освободительной миссии проецировался тот же самый подход, посредством которого была придана негативная коннотация взаимоотношениям РСФСР с прочими союзными республиками. Т.е. была использована модифицированная версия политического мифа, в рамках которого РСФСР позиционировалась исключительно как донор для развития прочих регионов Советского Союза.

---

¹⁸¹ Столяров А.О. Интеграция Польши с Европейским Союзом и историческая память польских политиков о России и СССР // Клио. 2014. № 8 (92). С. 94.

Свою роль в выборе подхода к подаче исторического материала сыграли также внешнеполитические ориентиры российского руководства. Вплоть до вмешательства сил НАТО в конфликт в Косово тогдашнее руководство Российской Федерации вынашивало планы политической и экономической интеграции со странами ЕС и США, что подразумевало, в том числе, необходимость вымывания из исторической памяти позитивных сюжетов, связанных с выстраиванием взаимоотношений с бывшими союзными республиками и странами социалистического лагеря. Кроме того, смена ориентиров во внешней политике России привела к своеобразному структурному перекосу в подходе к выстраиванию системы международных отношений. Развитие контактов со странами Западной Европы и США получило абсолютный приоритет, в то время как бывшие союзники по Организации Варшавского договора оказались на периферии внешнеполитических интересов России.

Рассмотрим теперь те немногие проявления символической политики в ее «чистом» виде в данный период. В этом контексте заслуживает внимания, прежде всего, эпизод с попыткой выдвижения фигуры маршала Г.К. Жукова в качестве некоего общего символа Победы. Очевидно, это делалось с целью замены образа Сталина и смещения акцентов в восприятии событий населением. Конкретное выражение данная практика получила в целом ряде шагов: установка памятника на Красной Площади, учреждение ордена и медали Жукова, повсеместное использование его портретов в ходе празднования 50-летнего юбилея Победы. В этом свете уже описанная выше ситуация с фальсификацией мемуаров маршала именно в отношении фигуры Сталина представляется не просто актуальной, а выглядит первым звеном в цепи определенного плана.

Тем не менее, очевидно, из-за того, что в рамки нового политического курса маршал Жуков как личность не слишком-то вписывался, программу его мемориализации вскоре свернули. Тем не менее, в 1995 г. юбилей Победы прошел с акцентом на его фигуру. Стоит также отметить и «шаги назад»,

связанные с этой датой, предпринятые, видимо, из-за понимания практической пользы. В частности, празднование было возвращено на Красную Площадь. Год спустя также произошло официальное утверждение Знамени Победы, уже задействованного в торжествах, и регламентировано его применение по случаю государственных праздников. Кроме того, в 1996 г. было принято еще два решения – о ежегодном теперь проведении Парада Победы и о введении новой памятной даты – Дня памяти и скорби¹⁸².

На всех перечисленных примерах мы видим наглядное подтверждение эффективности предложенного нами метода. Обратимся теперь к следующему периоду, когда стали доминировать иные причины и факторы. Постепенный переход к третьему, «державно-патриотическому» периоду начался примерно с 1999-2000 гг. В данном случае можно отметить изменение знака действия первой причины – теперь он стал положительным и Россия начала возвращение к здоровой практике защиты своих национальных интересов, а затем и к блоковым институтам (БРИКС, ШОС). Возросло также влияние четвертой причины – именно несогласие с американской моделью глобализации во многом привело Россию к активной позиции на внешнеполитической арене.

Вместе с тем до сих пор продолжает, хотя и в гораздо меньшей степени, сохранять актуальность проблема отказа от наследия социализма. С одной стороны, по ряду важных вопросов пришло понимание границ, за которые в этом процессе нельзя переступать без ущерба для собственной страны. При этом, однако, ряд проблем, в особенности исторического характера, остается нерешенным. С другой стороны, власть, особенно после ухудшения уровня жизни в 2014 – 2015 гг., вызванного санкционными войнами, опасалась попыток выступлений под левыми лозунгами, приуроченных к столетию

---

¹⁸² Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М., 2015. С. 98-99.

революции. Этого удалось избежать, и в данный момент ситуация в данном вопросе близка к стабильности.

Кроме того, стал возрастать вес пятой и шестой причин – то есть усиление в мировой повестке ситуации в странах, мало связанных с событиями войны. Это закономерно отвлекло внимание от вопросов политики памяти в этой сфере. При этом искусственное раскачивание мемориальной ситуации в ряде соседних государств создало запрос на трансформацию. Однако ответ был дан лишь частично, и подробности данного процесса мы увидим на примерах новых ритуальных практик.

Что касается факторов, изменилась роль почти всех, которые были нами выявлены, за исключением третьего – неписанные правила различных блоков актуальны в основном для стран, входящих в НАТО и ЕС. Это обусловлено тем, что именно для них, а не для тех союзов, в которых участвует Россия, характерна политика «двойных стандартов».

В остальном перечне мы видим – комплиментарность России к Западу приобрела адекватный характер: в зависимости от конкретной страны, он теперь либо нейтрально-дружественный, либо нейтрально-отрицательный. Самостоятельность на международной арене возросла колоссально. Тактика продвижения политики памяти свидетельствует о переходе к «мягкому наступлению». Внимание к собственным и чужим, но связанным с нами «болевым точкам» возрастает, хотя компромиссные решения найдены далеко не везде. Амбивалентный характер носит возрастание роли молодежи: с одной стороны, значительная ее часть по-прежнему подвергается риску попасть под влияние внешних акторов, а с другой – сформировалось ядро, которое на длительное время может способствовать сохранению и воспроизводству привычного в основе своей нарратива, обогащенного новыми практиками, которые мы проиллюстрируем ниже.

Рассмотрим теперь действие указанных факторов и причин на конкретных примерах. С приходом к власти В.В. Путина наблюдается две тенденции: рост материального благосостояния людей и возвращение России

в число стран, определяющих мировую политическую повестку. И то, и другое сформировало запрос в обществе на патриотический миф. Человеку «из девяностых» приходилось думать о банальном выживании, ему было мало дела до ситуации с проблемами Второй мировой войны. Теперь, когда материальные трудности преодолевались, появилось время и желание понять, что происходит. К тому же, сам факт улучшения жизни психологически способствовал «отстройке» многих людей от «левых» идей, т.к. население восприняло это в качестве достижения цели, которую ему внушали еще со времен перестройки. Коммунистический реванш оказался сомнительным, потеряв и социальную базу, и потенциальное руководство в лице КПРФ, которая лишь использовала демагогию в отношении своего избирателя для сохранения своих позиций в политической жизни в новых реалиях, не желая на деле добиваться возвращения социализма.

Возрастание внешнеполитического влияния вкупе с долей разочарования, то есть с усталостью от ультралиберальных экспериментов, вызвало и у власти, и у населения потребность в самоуважении и достоинстве. Постепенно менялась позиция интеллигенции, которая уже почти расслоилась на патриотическую и либеральную. «Эффект покаяния» развернулся в противоположную сторону: мысль о том, что ошибочные действия в предыдущее десятилетие подрывали интересы собственной страны, все больше овладевала умами. В частности, это выразилось в практике «разоблачения мифов», которые были созданы в предшествующий период и имели явный антисоветский / антироссийский характер.

Отдельно следует выделить то обстоятельство, что, вследствие развития коммуникационных технологий, создания новых видов масс медиа, роста доступа к ним у широких слоев населения, падением роли традиционных СМИ и связанных с ними лидеров общественного мнения, культурной глобализации – произошел рост числа случаев пересечения конфликтующих нарративов. Действия по отстаиванию тех или иных точек зрения нередко стихийно стали переходить из виртуального пространства на реальные улицы и площади

городов. Из недавних событий в качестве примера можно привести использование активных форм гражданского протеста в Санкт-Петербурге в 2016 году, в ходе которых мемориальный знак – памятная доска фельдмаршалу К.Г. Маннергейму – был демонтирован спустя четыре месяца после установки под эгидой Российского военно-исторического общества¹⁸³.

Кульминацией данного процесса в предшествующие, 2000-е гг. можно назвать события по защите «бронзового солдата» в Эстонии. Широкая инициатива «снизу» при отсутствии у российских властей понимания, какие же инструменты следует использовать, и что вообще предпринимать, привела к активизации молодежной политики. Именно тогда широкие массы узнают о существовании движения «Наши», что было уникальным новшеством для современной России. Этот же момент можно считать и неким рубежом: именно тогда новое патриотическое восприятие стало перевешивать прежние тенденции, которые оставались в значительной степени сильны до окончания президентства Д.А. Медведева.

История с «бронзовым солдатом» примечательна еще и тем, что показывает внутреннее восприятие современными россиянами парадигмы «свой – чужой», по существу являясь критерием идентичности. Прообразом памятника был реально существующий человек, причем эстонец по национальности. Этот пример иллюстрирует вновь сложившуюся ситуацию: любой советский солдат Великой Отечественной войны, независимо от происхождения, воспринимается как «свой».

Точно так же массовым сознанием интерпретируются военные действия на территориях, ныне не входящих в состав Российской Федерации. То есть оборона Брестской крепости, Одессы или Киева, освобождение европейских городов – это наш подвиг. Этот тезис разделяют как россияне, так и жители ряда бывших союзных республик, что является сильным интеграционным

---

¹⁸³ Доска Маннергейму в Петербурге: зачем открыли, кто поддержал и почему ее не хотели снимать: <https://paperpaper.ru/doska/> (Дата обращения – 15.08.2019).

фактором, до сих пор используемым минимально. В то же время население, последовавшее новому нарративу на Украине, в Прибалтике и т.д. так утверждать не может, а альтернатива в виде «подвигов» националистов отторгает от данной парадигмы, автоматически включает ее приверженцев в число потомков побежденных и «угнетаемых» режимом людей, а не в ряды гордых равноправных победителей.

Инициатива и восприятие событий простыми людьми понятны. Нарративное наследие «советского мифа» после его декоммунизации, оказалось востребованным¹⁸⁴. Как показал опрос ВЦИОМ, проведенный в июне 2016 г., 81% россиян считает, что СССР внес основной вклад в победу Объединенных Наций. 67% респондентов полагают, что Советский Союз был способен одержать победу в войне без помощи союзников. Последнее указывает на наличие и широкое распространение системы представлений о наличии у Советского Союза, правопреемницей которого является современная Россия, особой мессианской роли, гарантировавшей его гражданам особый статус «спасителей человечества». Последнее дает россиянам, наследникам СССР, основание претендовать на высокое положение в неформальной глобальной иерархии наций или хотя бы транслировать эту идею на уровне внутренней политики¹⁸⁵.

Значение мемориальных дат может существенно меняться с течением времени, в зависимости от изменения внешней и внутривнутриполитической конъюнктуры. Таким рубежом можно назвать 2014 г., когда для России данная обстановка резко изменилась. Так, в 2012 г. о готовности принять участие в праздновании Дня Победы заявляли лишь 37% совершеннолетних россиян. В 2018 г., согласно данным ВЦИОМ, этот показатель составлял уже 55%.

---

¹⁸⁴ Белов С.И. Недостатки формирования политики памяти в России (результаты обобщения экспертных мнений) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2018. Т. 20. № 2. С. 275.

¹⁸⁵ День памяти и скорби: 75 лет с начала ВОВ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=346> (Дата обращения: 01.11.2020).

Одновременно увеличилась и личная вовлеченность граждан в празднования. В 2010 г. о присутствии на Парадах Победы сообщали 10% респондентов, в 2018 г. – уже 29%. За период 2014 – 2018 гг. число россиян, участвовавших во встречах с ветеранами, увеличилось с 30% до 45%. Количество респондентов, посещающих места боевой славы и посвященные войне музеи, увеличилось с 30% до 61%. Доля опрошенных, сообщивших о посещении воинских захоронений, выросла с 28% до 51%. Рост популярности мемориальных торжеств и мероприятий был обусловлен всплеском патриотических настроений после вхождения Крыма в состав России, а также эмоциональным эхом от нарастания конфронтации со странами Запада и событий политического кризиса на Украине¹⁸⁶.

Значительно сложнее дело в данный период обстоит с политикой на официальном международном уровне. Общие заявления российских властей о том, что мы «никому не позволим» переписывать историю и глумиться над памятью победителей, не оказываются подкрепленными реальными действиями. Исключая «бронзового солдата» множество других инцидентов с памятниками осталось без должной реакции. Никаких специализированных организаций, наподобие «институтов национальной памяти» в ряде стран, у нас не создано, а Комиссия по борьбе с фальсификацией истории при правительстве Российской Федерации, как и всякая межведомственная комиссия, за недолгое время своего существования – с мая 2009 по февраль 2012 г. – не имела ни четкого плана работы, ни полномочий при возникновении спорных случаев.

В особенности важно то, что данная тематика не позиционируется как принципиальная, когда ни один, даже небольшой инцидент не остается без должного ответа, когда ради соблюдения российских интересов вводились бы,

---

¹⁸⁶ День Победы: сохраним память о подвиге! <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9082>
(Дата обращения: 01.11.2020).

например, экономические и персональные санкции. В целом, избегать возникновения одного-двух мемориальных конфликтов ради предотвращения их в будущем, не следует. В противном случае последствия могут быть более тяжкими, чем кратковременная напряженность в отношениях с каким-либо конкретным государством. В этом отношении следует позаимствовать многое из израильского опыта. Пример такого инцидента с Польшей рассмотрен в соответствующей главе как показательный.

Исходя из всего сказанного, можно поставить вопрос, можно ли рассматривать данный период постсоветского этапа как державно-патриотический? Да, можно и нужно, но преимущественно в отношении внутренней ситуации в стране. Здесь достигнута высокая степень единства и идентичности людей относительно событий Второй мировой войны. В данном случае упомянутый показатель можно оценить, используя второй этап предложенной нами методики, а именно, проанализировав ситуацию теперь через призму символической политики.

В связи с этим стоит осветить применение трех новых практик, которые можно охарактеризовать как «мягкое наступление». Это акции «Георгиевская ленточка», «Бессмертный полк» и «Свеча памяти». Первые две из них из «внутреннего инструмента» довольно быстро превратились в международные ритуалы, которые в значительной степени компенсировали просчеты в данном направлении. Бытует мнение, что перечисленные явления абсолютно стихийны и не являются проявлением участия государства в осуществлении мемориальной политики. Однако без его поддержки, в том числе информационной, организационной, и, прежде всего, финансовой, их проведение, особенно на начальном этапе, следует признать невозможным.

Георгиевская ленточка долгое время не входила в число символов Победы. Она существовала еще в императорской России, а в СССР использовалась лишь для оформления одной награды – медали «За победу над Германией». Принята она была в 2005 году, очевидно, из обращения к позитивному историческому наследию прежних эпох, и на этом ее роль

заканчивалась. В наши дни лента стала символом с новым значением. Вплоть до конфликта на Украине и запрета ее как «советской символики» она повсеместно распространилась далеко за пределами России, правда, в основном среди постсоветских диаспор, как неотъемлемый символ всех памятных дат, связанных с историей войны. Ныне ее ношение 9 мая, 22 июня, в дни освобождения конкретных городов среди их населения стало общепринятым ритуалом.

Акция «Свеча памяти», которая ежегодно проводится в ночь на 22 июня, то есть в День памяти и скорби, и призвана отразить трагическую составляющую войны. Данная практика, и то сначала далеко не повсеместно, более-менее массовой стала с 2011 г., то есть спустя десятилетие с момента учреждения в 1996 г. памятной даты. Международного распространения, равно как и массового признания – в качестве ритуала, в котором участвует значительное число людей – она не получила.

Тем не менее, ее значение не следует недооценивать. Дело в том, что, несмотря на ночное время, необходимость утром идти на работу, находится достаточное число участников, для которых указанные обстоятельства не являются препятствием. Если рассматривать это в контексте символической политики, выясняется, что эти люди олицетворяют собой стойкость памяти даже в сложных условиях.

Однако и по внутренним результатам, которые далеко превзошли ожидаемые, и даже по степени вовлеченности иностранных граждан, совершенно не связанных с русскоязычными диаспорами, наиболее эффективной оказалась акция «Бессмертный полк». Возникла она в 2012 г. по частной инициативе «снизу», но стремительно приобрела популярность у населения России, а затем распространилась и за ее пределы. Почти сразу государство осознало, насколько функциональный инструмент оно получило. Не вдаваясь в подробности «освоения» государством данной инициативы – это

успешно проведено А.М. Понамаревой¹⁸⁷ – остановимся на аспектах, важных с точки зрения символической политики. Итак, оказав не слишком затратную поддержку – она в основном заключалась в использовании «административного ресурса», руководство страны усилило и закрепило новую тенденцию, которая по своей реальной пользе в отношении политики памяти превзошла все, что было сделано в этой сфере с 1991 г.

С точки зрения символической политики, «Бессмертный полк» – это ярко выраженный политический ритуал. Фотографии родственников-участников Великой Отечественной войны в данном случае олицетворяют самих ветеранов. Использование портретов и даже табличек с именами, что практикуется, когда фото фронтовика у потомков отсутствует, в рамках шествия позволяет организовать символический парад самих участников войны, воспроизвести сакральное прошлое. При этом трудно найти более сильную мотивацию, чем личная сопричастность великим событиям. В отношении эффективности данной конкретной практики мемориализации, как для внутреннего, так и для внешнего использования, следует отметить несколько важных обстоятельств.

Во-первых, совершенно не важны подробности биографии. Главное – причастность к победе. Второстепенными становятся вопросы, прошел ли конкретный человек всю войну, в каком он был звании, остался ли живым, пропал без вести или погиб, при этом не принципиально, на фронте или в госпитале от ран; в плену или при исполнении служебных обязанностей в тылу страны. Рядом с портретами фронтовиков – труженики тыла. Все это свидетельствует о том, что данная акция символизирует единение в одном

---

¹⁸⁷ Понамарева А.М. «Огосударствление» гражданских инициатив в практике политического использования прошлого (на примере движения «Бессмертный полк») // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы. СПб. 2020. С. 188-201.

строю всех, кто приближал победу, даже если не застал ее живым, и их потомков, которые могут сейчас мирно жить благодаря подвигу предков.

Во-вторых, подобный подход делает «своими» в этом ритуале всех союзников «с поля боя» – причем, не только тех, которые наступали вместе с советскими войсками в восточной Европе, как, например, Чехословацкий корпус или Войско Польское. Когда выходцы из бывшего СССР стали принимать участие в акции в разных странах мира, к ним (при полном одобрении и понимании!) начали по собственной инициативе присоединяться родственники американцев, англичан, французов, израильтян, фронтовиков других наций. В массовом сознании большинства постсоветских граждан простой солдат или офицер, где бы он ни воевал против нацизма, фашизма и милитаризма, все равно «свой». Каждый год число таких случаев возрастает в разы, а самое, на наш взгляд, показательное обстоятельство – многие иностранцы на 9 мая специально приезжают в Москву, чтобы пройти по ее улицам с портретами своих ветеранов.

Это добровольное решение несет в себе уникальный символический смысл: оно означает стихийное признание и решающей роли СССР в победе, и Москвы как ее высшего символа. При этом надо отметить, для россиян наиболее желательным было бы пройти в строю «Бессмертного полка» по Берлину, до которого мечтал дойти как победитель каждый участник войны. Кроме того, важно следующее сравнение: задолго до этого и многократно в праздновании Дня Победы в Москве участвовали иностранные делегации, отдельные подразделения государств – бывших союзников, приглашались фронтовики западных стран. Однако все эти мероприятия носили официальный характер. Тем не менее, такого гармоничного, осознанного, искреннего единения, как «Бессмертный полк» не давала никакая другая мемориальная практика.

В-третьих, обращает на себя внимание полная экстерриториальность в процессе проведения данной акции. От небольшой деревни в глубинке до крупнейших городов – почти везде, где у людей появляется желание провести

свою часть единого «Бессмертного полка», они могут это сделать. Вовлечение в процесс зарубежных стран, даже тех, которые не принимали участия в войне, тоже показательно – в ходе миграций XX – XXI вв. не осталось, по-видимому, ни одного государства, в котором бы ни проживали потомки участников войны – как выходцы из бывшего СССР, так из других стран – его союзников.

При этом, что следует считать важным политическим успехом, трудно, даже явно антироссийским политикам, найти благовидный повод для запрета акции или ограничения участия в ней всех желающих. Тот, кто предпринимает такие попытки, воспринимается общественным мнением как неонацист или пособник нацизма, что грозит как внутренними, так и международными репутационными потерями. Важно также отметить, шествие почти везде проходит по тем правилам, которые возникли с самого начала, то есть, что психологически читается как бы между строк – «правильно». Например, это проявляется в ношении Георгиевской ленточки, которая благодаря этому продолжает утверждаться как международный символ общей победы, несмотря даже на запрет в некоторых странах как нежелательной символики, что только подчеркивает ее значение.

В-четвертых, весьма важно, что в тех государствах, где победе в войне придается наиболее существенное значение, в рядах «Бессмертного полка» вместе идут представители всех слоев общества – от самых «низов» до элиты, вплоть до глав государств и правительств. Это крайне актуально в условиях, когда социальное неравенство остается реальной проблемой. Когда люди видят, что все мы – потомки тех, кто вместе, в одних окопах приближал победу, на некоторое время, чему немало способствует и праздничная эйфория, достигается общее чувство искреннего единения, напряженность снижается. Как результат – для России День Победы можно признать наиболее объединяющим и востребованным в народе среди всех государственных праздников.

Участие в акции подпитывает ингрупповой фаворитизм россиян, посредством символической интеракции давая им наглядное подтверждение

высокой престижности их национально-государственной идентичности. Как показало исследование, проведенное ВЦИОМ в мае 2016 г., акция порождает у них «чувство гордости за отцов и дедов, за страну» (35%), пробуждает дух патриотизма (10%) и т.д. Всего о возникновении разнообразных позитивных эмоций, связанных с чувством радости или гордости за «страну и предков», заявили 65% опрошенных. Эмоциональный эффект от ритуала усиливает наличие чувства эмпатии по отношению к родственникам¹⁸⁸. Для большинства важно сохранить память о члене своей семьи, избежать забвения его подвига.

С очевидностью проявляется и показанный ранее нами механизм ритуала как политического действия: отказ от участия в акции без основательной причины, а, тем более, какая-либо критика вызывают общее чувство недоверия, неодобрения и протеста. Конечно, есть и такие случаи, когда людьми движет не память и чувство долга, но их немного. Также мотивацию отдельных участников, вероятно, подпитывает и стремление подкрепить собственный престиж: продемонстрировать высокую роль своих родственников в событиях прошлого и посредством этого укрепить как авторитет своей семьи, так и личный статус¹⁸⁹.

В отношении политики памяти важно отметить и косвенные последствия. С самого начала не знакомые до этого участники акции начинали общаться и рассказывать друг другу о тех, чьи портреты или имена они держали в руках. Стало выясняться, что многие обладают скудными сведениями о своих героях. Результатом стало резкое и массовое увеличение интереса к проблеме, люди в поисках информации начали активно обращаться в архивы и к уже созданным ранее Интернет-ресурсам (Обобщенный банк

---

¹⁸⁸ «Бессмертный полк»: помним, гордимся, участвуем! URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115698> (Дата обращения: 01.11.2020).

¹⁸⁹ «Бессмертный полк»: помним, гордимся, участвуем! URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115698> (Дата обращения: 01.11.2020).

данных «Мемориал»¹⁹⁰, Электронный банк документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»¹⁹¹, «Память народа. 1941-1945»¹⁹² и другие). Многие, узнали, например, из строк наградных листов такие подробности героизма своих предков, о которых и не подозревали. Это синкретично слилось с уже имевшимися знаниями о войне, полученными из школьных учебников, фильмов, от всего наследия еще старого, «советского мифа». Таким образом, сухие официальные знания соединились с живой памятью конкретных людей, взаимно обогатились и значительно укрепились в обществе.

Отдельно следует сказать и о роли «Бессмертного полка» в свете деятельности традиционных и современных СМИ. Сам сайт проекта выступил площадкой, где все желающие могли поделиться собственными историями. Что касается официального освещения мероприятия, оно, главным образом, позволило усилить уже описанные достигнутые эффекты. Ни один участник акции, даже в Москве и других крупных мегаполисах, не может увидеть весь ее масштаб, все величие. Когда телезритель или интернет-пользователь видит съемки с воздуха огромных, многокилометровых колонн с сотнями тысяч участников, причем и в своем городе, и в других, это оставляет сильное эмоциональное впечатление.

В политическом смысле актуальны трансляции из других стран. Они позволяют российским гражданам почувствовать не только единство, но и роль своей страны и столицы как центра мировых событий 9 мая. Очень важны и интервью с иностранными участниками, никак не связанными по происхождению с русскоязычными диаспорами. Когда обычный житель Парижа или Лондона обоснованно рассказывает, почему он «присоединился к

---

¹⁹⁰ Обобщенный банк данных «Мемориал». <https://obd-memorial.ru/html/> (Дата обращения: 15.06.2020).

¹⁹¹ Подвиг народа. <http://podvignaroda.ru/?#tab=navHome> (Дата обращения: 15.06.2020).

¹⁹² Память народа. https://pamyat-naroda.ru/?static_hash=52583aa8da96d00d6f64ad2114772c5c (Дата обращения: 15.06.2020).

русским», это не только подпитывает уже упомянутый ингрупповой фаворитизм россиян. Это дает пример открытости мероприятия для других людей по всему миру, ненавязчиво приглашает к участию. И, конечно, еще большее значение имеют репортажи о тех, кто специально приехал в Москву из-за рубежа, с целью пройти с портретом своего героя по Красной Площади. О глубоком символическом значении такой тенденции мы уже говорили.

Исходя из анализа всего сказанного, можно констатировать: после всех исследованных нами трансформаций, происходивших в СССР и после его разрушения, в последние годы современная политика памяти российского руководства о Второй мировой войне демонстрирует свою высокую эффективность для собственного населения внутри страны. При этом еще требуют решения некоторые трудные вопросы, актуальные для отдельных групп, но их значение важно для предотвращения каких-либо теоретически возможных мемориальных проблем в будущем.

На внешнеполитической арене в этом отношении очевидна незавершенность, непоследовательность и половинчатость¹⁹³. Пока что через новые ритуальные практики успешно продвигается модель «мягкого наступления» и, таким образом, мы можем наблюдать, как создается неофициальное, но при этом массовое и позитивное общественное мнение во всем мире, но, естественно, разделяемое не всеми. Оно поддерживает роль нашей страны в победе над нацизмом, а также предлагает перспективную модель международного взаимодействия в будущем, опираясь на опыт и лучшие союзнические традиции, возникшие в ходе войны. Репутация России в глазах большого количества обычных людей улучшается в принципе, несмотря на текущие политические проблемы.

---

¹⁹³ Ефременко Д.В., Малинова О.Ю., Миллер А.И. Политика памяти и историческая наука // Российская история. 2018. № 5. С. 130.

Теперь следует дать ряд рекомендаций для России, которые, исходя из изложенных выше результатов анализа ситуации, являются на сегодняшний день и ближайшие годы наиболее перспективными и актуальными.

Что касается внутренней повестки, в целом ситуацию можно признать стабильной. Сложившийся комплекс старых и новых ритуалов и символов является на данный момент устойчивым, понятным и эффективным. Тем не менее, наблюдения показывают, что требуется внести небольшие корректировки, связанные, в частности, с нюансами практики проведения «Бессмертного полка». Так, уже были случаи, когда в его рядах появлялись изображения людей, не связанных с событиями Второй мировой войны. Наиболее известны два эпизода: участие студента с фотографией героя войны в Сирии Александра Прохоренко, а также Н. Поклонской – с портретом императора Николая II. С одной стороны, с патриотической точки зрения вопрос не принципиален, но относительно политики памяти в случае роста подобной тенденции возможна профанация данной практики.

В этой связи представляется перспективным создание похожего ритуала, привязанного к другой дате, например, к 4 ноября – Дню народного единства. Тогда все желающие смогут принять участие в акции, которую можно, например, назвать «Гордость России», и прийти с портретами великих деятелей страны и даже любых своих родственников, которые внесли вклад в ее процветание. Помимо прочего, все это позволит не только сохранить «Бессмертный полк» в качестве инструмента памяти именно о Второй мировой войне, но и наполнить живым смыслом не слишком популярный в народе новый осенний праздник.

Для нивелирования попыток внешних акторов использовать «слабые места» в виде неразрешенных вопросов российского прошлого, следует также заранее принять нужные меры. По-прежнему лидирующим по степени потенциальной опасности представляется отсутствие единой утвержденной концепции отечественной истории вообще. При этом данный дискурс выходит за рамки событий Второй мировой войны. Так, ни в обществе, ни в науке до

сих пор нет внутреннего примирения относительно восприятия даже Гражданской войны, а тем более советской истории, в том числе и двух ее ключевых фигур – В.И. Ленина и И.В. Сталина.

Наилучшим выходом из положения следует признать мышление на перспективу, а именно предотвращение ситуаций, когда сиюминутные решения оказывают долгосрочное негативное влияние. В XX веке такое положение уже возникало дважды – во-первых, когда большевики, придя к власти, демонизировали дореволюционное прошлое и только в годы Великой Отечественной войны стали использовать его положительный ресурс. Во-вторых, и мы это уже отмечали, с распадом СССР повторилась подобная же ситуация, только теперь началось отрицание советского периода. Для России не может быть никакого иного выхода, кроме как признание всей ее истории единым целым, принимая во внимание достоинства и недостатки каждого периода. В основе этого должен быть положен принцип патриотизма – всегда большинство наших граждан желали своей стране процветания.

Данная концепция должна быть отражена, прежде всего, в единых учебниках для школы и вузов. Императивом для составителей, равно как и для ученых, не только историков, но и политологов, необходимо принять правило: не надо целиться в имперское, советское и другое прошлое – все равно есть риск «попасть в Россию». Только в этом случае можно предотвратить как заявления о нашей «тридцатилетней истории», так и связанные с этим возможные проблемы.

Что касается непосредственно Второй мировой войны, требуется научное, обоснованное с точки зрения политики памяти решение ряда совершенно конкретных вопросов: роли И.В. Сталина, примирению в связи с депортациями, а также проблемы «власовцев» – их ни в коем случае нельзя приравнивать к тем же белогвардейцам, которые однозначно должны позиционироваться как патриоты (за исключением персонажей, сотрудничавших с нацистскими оккупантами или добывавшихся отделения от России части ее территории). Стоит также продолжать практику развенчания

явно антироссийских мифов. Все перечисленное позволит предотвратить возможные внутренние «войны памяти» в будущем.

Кроме того, первостепенное внимание следует уделить перечню «болевых точек», предъявляемых России другими странами. Только на основе компромиссного научного разрешения таких проблемных мест следует принимать конкретные внешнеполитические решения. В данных вопросах ситуация на сегодняшний день такова, что ученым следует добиться, как минимум, обращения к ним за консультациями со стороны власти в подобных случаях, следовательно, необходимо «поднимать шум», чтобы не оказаться незамеченными. Как в период эпидемии потребовалось обращаться к микробиологам, так и в мемориальных вопросах – и до руководства эту мысль надо доносить постоянно – следует принимать во внимание изыскания соответствующих специалистов.

Таким образом, можно перейти к рекомендациям для российского руководства относительно внешнеполитических действий в указанной сфере. Сегодня политику памяти на официальном уровне следует признать далекой от эффективности. Нет единой нарративной концепции, отсутствует продуманная стратегия, тем более – закреплённая законодательно. При этом важным, облегчающим решение задачи обстоятельством, которое совершенно не используется на практике, является почти полное совпадение и необходимая для компромиссов пластичность российской интерпретации событий Второй мировой войны с той, которая считается общепризнанной в мире. В таких условиях лишь из-за отсутствия четкой стратегии и закона могут допускаться ошибки, обусловленные, например, личными особенностями или позицией главы государства, как это произошло с признанием Россией в период президентства Д. Медведева событий в Катыни в их польской трактовке.

Кроме того, нерешенность вопроса о степени принципиальности для страны, всего, что можно назвать «глумлением над памятью», например, фактов сноса мемориалов, посвященных подвигам наших войск, установки

памятников пособникам нацистов или «жертвам советской оккупации» может порой ставить в тупик руководство страны относительно предпринимаемых ответных действий. На данный момент в этом отношении можно констатировать наличие тактики «избегания конфликтов», поскольку более принципиальными, чем жесткий ответ, оказываются экономические интересы или, возможно, боязнь обострения отношений. Здесь требуются существенные корректировки – подчеркнем еще раз – на законодательном уровне, когда четко прописаны и основные понятия, и трактовка определенных действий, и алгоритм ответа в конкретных ситуациях.

В качестве последнего можно, еще раз подчеркнем это, использовать и временный переход к мемориальному конфликту. Это может быть, например, жесткая внешнеполитическая реакция, вплоть до введения санкций, согласованная с несколькими другими странами. Наиболее близкой можно считать позицию Израиля, поскольку именно эта страна проявляет наибольшую последовательность в защите своих интересов в данной области. Что важно, как правило, любые антисоветские и антироссийские акции в восточноевропейских странах часто сопровождаются подтекстом антисемитизма. Данный ресурс антинацистского сотрудничества представляется весьма эффективным. Например, если националисты где-либо говорят о сносе памятника советским солдатам или военачальникам, на его месте обычно хотят поставить мемориал местным коллаборационистам, которые зачастую являются соучастниками Холокоста. Два-три совместных жестких выступления против подобных попыток могут предотвратить их появление в перспективе на долгое время.

Отдельно стоит сказать о мониторинге перспектив мемориальной политики в связи с прогнозированием изменений ситуации в мире. Исходя из имеющихся тенденций, можно предположить усиление «холодного» противостояния, причем, если раньше США противопоставлялся Советский Союз, то теперь его место занимает Китай. Попыток втянуть Россию в данный конфликт, очевидно, будет предпринято немало. В этой связи ресурс политики

памяти тоже может быть активизирован извне, причем совершенно неважно при этом, займет ли Российская Федерация независимую позицию, вступит ли в более тесный союз с КНР или же выступит на стороне США и НАТО. Подробные рекомендации относительно перспектив мирового развития будут даны в заключительной главе настоящей работы.

* * *

Итак, созданная в СССР мемориальная модель восприятия Второй мировой войны изначально проектировалась в качестве инструмента внутренней и внешней политики, что делает честь руководству страны, понимавшему всю важность данного аспекта. Однако два наиболее слабых места – ориентировка на идеологию и непродуманность трансформаций – привели в конечном итоге к утрате ее эффективности.

Наибольшая вина в этом лежит на функционерах КПСС эпохи «застоя». Они, не решая текущих проблем, пытались закрепить свое положение усилением роли партии везде, где считали нужным. При этом было упущено из вида возникновение в стране образованного «среднего класса» и априори считалось, что «пролетариат» должен безоговорочно верить всему, что скажет партия. Усталость граждан от политизации и нерешаемости жизненно важных проблем привела, с одной стороны, к краху самого государства и всего комплекса его политических мифов, в том числе не связанных с событиями Второй мировой войны, а с другой – облегчила адаптацию к новым реалиям, складывавшимся после 1991 г.

При этом комплекс символов и ритуалов, созданных в годы советской власти, равно как и исторический нарратив, очищенный от идеологических догматов, прочно закрепился среди населения и оказался той основой, на которой мемориальная политика в Российской Федерации осуществляется для собственного населения до настоящего времени.

В современной России, после трудностей прохождения этапа экономических, социальных и политических экспериментов, ситуация характеризуется амбивалентностью. С одной стороны, были созданы новые

ритуальные практики, гармонизировавшие ситуацию внутри страны и выступившие элементом «мягкого продвижения» за рубежом. С другой стороны, четкая концепция реакции на внешние вызовы так и не создана, никаких признаков ее разработки в обозримом будущем не прослеживается.

Глава 3. Польша: возвращение к конфронтационной модели политического дискурса без учета долгосрочной перспективы

3.1. Антироссийская риторика как элемент парадигмы польской политики памяти

После смены политического режима в Польше в результате «бархатной революции» 1989 г. страна оказалась в уникальном положении. Освободившись, по сути, от советского влияния, она на некоторое время оказалась свободной от любых союзных обязательств, получила возможность выбора политического пути, обладая для этого достаточной ресурсной базой. Сюда можно отнести и экономический потенциал, и в целом дружественный настрой соседей, и современную, достаточно хорошо вооруженную армию при отсутствии какой бы то ни было внешней угрозы. Такое положение позволяло на длительное время сохранять независимую позицию, извлекая максимальную пользу для государства и населения.

При этом мемориальное наследие, основанное на одной из интерпретаций советского мифа, на тот момент можно назвать устойчивым. Будучи очищенным от марксистского и социалистического влияния, оно могло выступить основой выстраивания добрососедских отношений со всеми окружающими странами и с ключевыми игроками мирового политического поля, в том числе и на перспективу, учитывая возможности усиления или ослабления позиций тех или иных государств или блоков. Однако политическое руководство страны избрало иной путь, который представляется неэффективным ни с точки зрения международной стабильности, ни даже с позиции национальных интересов Польши.

Если применить предложенную нами методику, мы увидим, что этому способствовали многие из выявленных нами причин и факторов. На начальном этапе ключевую роль сыграли разрушение СССР и ОВД, то есть получение вследствие этого максимальной независимости от военно-политических блоковых структур с одновременным отказом от социалистической идеологии. Как уже сказано выше, нейтральный статус

открывал широкие возможности. Исходя из этого, можно однозначно утверждать: постановка вопроса о том, что у Польши не было выбора, как поступить, можно считать демагогической.

К подобной самостоятельности руководство страны оказалось либо неготовым, либо, что наиболее вероятно, оно даже не собиралось всерьез рассматривать такую возможность. Обусловлено это влиянием внешних акторов, которые и способствовали приходу к власти новой элиты. Она предпочла избрать позицию интеграции в Европейское Сообщество и НАТО. У этих организаций были различные интересы в отношении данной страны. Если ЕС, в основном в лице Германии, еще учитывал некоторые объективные озабоченности, то для США, судя по дальнейшему развитию событий, Польша изначально рассматривалась в качестве подчиненного режима, который должен отстаивать американские интересы, причем не только военные, но и экономические. Она неоднократно затем становилась рычагом давления на государства «старой Европы».

Как почти везде на постсоциалистическом пространстве восточной Европы, ситуацию усугубили экономические реформы либерального характера, которые привели к резкой социальной дифференциации. В связи с этим в обществе возникает запрос на картину лучшего будущего, и для достижения этой цели предлагается только один вариант – таковое возможно только путем интеграции в ЕС и НАТО. Этому, в частности, способствовал и фактор комплиментарности – некритичное тяготение к западным структурам и одновременно антисоветские настроения, которые и до этого отождествлялись с антироссийскими. Таким образом, был выбран вектор поиска новой идентичности.

Параллельно, в связи с отказом от марксизма как идеологии, а также из опасения, что на фоне обеднения части общества может возникнуть желание возвращения социализма, даже «с человеческим лицом», перед новой элитой страны встала задача: выстроить новую идентичность, которая обеспечила бы легитимацию «Третьей Речи Посполитой». Для этого необходимо было

выстроить политическую мифологию, которая подразумевала бы смену ценностных полюсов при оценке событий и деятелей прошлого. Для этого, что естественно в свете вышеописанных процессов, был избран антисоветский и антироссийский вектор, чему немало способствовало временное ослабление позиций России в мире. Кроме того, постепенное искусственное раскачивание мемориальной ситуации позволяло отвлечь силы и энергию протестно-настроенной части населения.

Таким образом, мы видим, что на данном этапе сработали, из выявленных нами ранее, первая¹⁹⁴, вторая¹⁹⁵ и седьмая¹⁹⁶ причины трансформации, к ним затем добавилась шестая¹⁹⁷. То есть произошли смена места в противоборстве блоковых и национальных интересов, отказ от марксизма, необходимость создания иного образа будущего. Позднее ситуация стала специальным образом обостряться, для чего веских оснований не имелось.

Из факторов, помимо первого¹⁹⁸, ключевую роль сыграл второй¹⁹⁹. Представляется очевидным, что свободной позицией руководство страны не обладало, и это уже в 1990-е гг. привело к неэффективному в долгосрочной

---

¹⁹⁴ «Непрерывное взаимодействие и противоборство национальных (реже блоковых) интересов».

¹⁹⁵ «Отход от марксистской идеологии подавляющего большинства стран и территорий мира, где она господствовала».

¹⁹⁶ «Отсутствие сколько-нибудь определенной картины и модели развития будущего ряда стран и народов».

¹⁹⁷ «Искусственное раскачивание мемориальной ситуации в границах какой-либо страны с целью решения внутривнутриполитических (гораздо реже – внешнеполитических) проблем».

¹⁹⁸ «Комплиментарность».

¹⁹⁹ «Степень самостоятельности акторов в принятии соответствующих решений».

перспективе выбору пути. После интеграции в ЕС и НАТО к указанным факторам добавляются четвертый²⁰⁰ и пятый²⁰¹.

Все перечисленное позволяет отнести Польшу к четвертой группе в предложенной нами классификации государств, то есть к странам, заинтересованным в пересмотре памяти о Второй мировой войне, следовательно – и ее итогов. Направление, которое было выбрано для данной цели – преимущественно восточное, то есть в подавляющем большинстве ситуаций за счет интересов России, в меньшей степени Украины и Беларуси. Теперь осуществим второй этап анализа, согласно нашей методике – рассмотрим реализацию новых установок польским руководством через конкретные инструменты символической политики (и политики памяти).

На протяжении всего периода с момента распада ОВД политическая элита Польши, выстраивая новую идентичность, усиленно культивировала в массах отрицательное отношение к Российской империи, ее историческому приемнику – Советскому Союзу²⁰², а также и к нынешней Российской Федерации. При этом следует отметить минимизацию возможностей обострения отношений в польско-германском дискурсе, во всяком случае в той его части, которая могла бы оказаться чреватой экономическими или даже территориальными потерями. На Германию оказывалось давление, как правило, в одном случае – когда это совпадало с интересами США на европейском пространстве. Любые объективные озабоченности немцев, как правило, игнорировались.

Институт Национальной Памяти (ИНП), созданный в декабре 1998 г. на основе Главной комиссии по расследованию преступлений против польского

---

²⁰⁰ «Тактика отдельных акторов при реализации политики памяти».

²⁰¹ «Наличие особенно принципиальных для конкретных стран и народов «болевых точек», которые существенно выделяются на фоне других событий».

²⁰²Петровская О.В. Польша. Концепция двух врагов // «Расскажу вам о войне...»: Вторая мировая и Великая Отечественная войны в учебниках и сознании школьников славянских стран. М., 2012. С. 122.

народа²⁰³, оказался главным инструментом реализации выбранного политического курса. Помимо изучения истории спецслужб ПНР, к числу функций этой структуры были включены отслеживание биографии бывших секретных сотрудников «тайной полиции», что фактически подразумевает сбор компромата. Институт отвечает за регулирование доступа к архивам, расследование «преступлений против польского народа» – в структуру ИНП включены сотрудники прокуратуры – научные исследования, просвещение и пропаганда, а также проведение люстраций представителей госаппарата.

Отдельно следует подчеркнуть, что специфика современного польского законодательства подразумевает отсутствие сроков давности по «преступлениям против народа». Соответственно, в поле ответственности сотрудников ИНП входит, в том числе, расследование эпизодов, произошедших в начале 1930-х – первой половине 1940-х гг. При этом данная структура фактически уже изначально была ориентирована преимущественно на борьбу с «наследием коммунистического режима». 70% проведенных ее представителями расследований были направлены против номенклатуры бывшей Польской Народной Республики и лиц, в прошлом представлявших интересы СССР, что, с учетом польских реалий, означало неприкрытую антироссийскую направленность деятельности института²⁰⁴.

Однако вернемся к главному вектору – трансформации мемориального курса. Реализацию данной задачи облегчало наличие в политической и художественной культуре Польши достаточно глубокой традиции негативного позиционирования России. Национальная литература, начиная, как минимум, с эпохи романтизма, т.е. с 1820-х – 1830-х гг., изобиловала образами жестоких царских чиновников и офицеров. Негатив четко

---

²⁰³ Коваленко В.И. Историческая память и историческая ответственность против фальсификаций истории // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2013. № 1. С. 38.

²⁰⁴ Коваленко В.И. Указ.соч. С. 39.

ассоциировался с самим понятием «русский». Например, А. Мицкевич так характеризовал персонажа одного из своих произведений капитана Рыкова – «москаль, но добрый человек». Подобная постановка вопроса, практикуемая и в наши дни, поневоле, между строк подразумевает, что «москаль» это, вероятнее всего, «плохой человек»²⁰⁵.

Эта традиция получила мощный стимул к развитию в период Первой мировой войны. Начало глобального конфликта спровоцировало мощный всплеск польского национализма антироссийской направленности, который активно подпитывался официальными властями Германии и Австро-Венгрии как средство ослабления противника. В качестве конкретных примеров произведений культуры соответствующего характера можно назвать немые художественные кинофильмы «Варшавская охранка и ее тайны», снятый в 1916 г., а также «Царизм и его слуги», который вышел на экраны в 1917 г.²⁰⁶ Эти фильмы пользовались огромной популярностью у зрителей, закрепляя сложившиеся ранее стереотипы относительно России и русских.

Особенно интересно отметить, что в этих кинокартинах впервые начал активно эксплуатироваться образ русского, стремящегося заполучить польскую женщину²⁰⁷. Надо отметить, что в самой основе концепции не было ничего нового. В качестве культурного прототипа в данном случае, что наиболее вероятно, выступил созданный еще в XIX в. А. Мицкевичем образ литовца Будрыса и его сыновей, которые рассматривали полячек в качестве наиболее желанной военной добычи: «Нет царицы краше польской девицы». Только теперь была произведена смена национальности персонажа, а также и

---

²⁰⁵ Pamięć o zbrodni Katyńskiej i ocena jej znaczenia dla stosunków polsko-rosyjskich / CBOS. Warszawa, 2008. Maj. S. 5; Opinia publiczna o zbrodni Katyńskiej i jej znaczeniu dla stosunków polsko-rosyjskich / CBOS. Warszawa, 2010. Maj. S. 5.

²⁰⁶ Krasnodębski Z. Poprzedni i obecny koniec dziejów // Europa, № 3, 19 stycznia 2005, s.12,13.

²⁰⁷ Захарова Т. Анджей де Лазари: «Меня раздражают политики и журналисты, которым нужен враг» // Gazeta w Petersburgu. Polski miesięcznik w Sankt Petersburgu. № 9 (111) 2009. URL: <http://www.gazetapetersburska.org/pl/node/558> (Дата обращения - 24.12.2019).

постановка проблемы – в большинстве подобных случаев как относительно этого примера, так и многих других, женщина не рассматривалась в качестве будущей супруги, а только как сексуальный объект.

В 1920-х – 1930-х гг. также был создан ряд успешно растиражированных произведений массовой культуры, позиционирующих Россию, и дореволюционного, и советского периода, как угрозу для национальной безопасности Польши. Тот факт, что могли возникнуть и другие опасности, полностью игнорировался – как и теперь, польское руководство полагало, что существующее положение дел останется прежним.

В акцентировании внимания лишь на восток характерны примеры экранизации романа С. Жеромского «Верная река», посвященного восстанию 1863 г., и работа А. Струга «Могила неизвестного солдата». В первой киноленте демонизировался образ императорской России, во втором – советской. При этом использовался один и тот же набор технологий: дегуманизация противника, лишение индивидуальности отдельных его представителей и т.д. Аналогичным образом был воплощен на киноэкране роман А. Мицкевича «Пан Тадеуш»²⁰⁸.

Был также создан ряд произведений на тему войны 1920 г.: фильмы «Для тебя, Польша», «Чудо над Вислой», «Любовь сквозь огонь и кровь» и пр. Их отличало наличие трех тенденций в отображении советской стороны: во-первых, наличие стереотипно семитских черт лица у представителей «большевистского руководства»; во-вторых, подчеркнутая жестокость и склонность к злоупотреблению спиртным, присущие красноармейцам; в-третьих, подчеркнутая слабость Красной Армии. Также получила развитие традиция акцентирования внимания на стремлении «русских» надругаться над

---

²⁰⁸ Де Лазари А. Русскость, советскость и российскость в польской культурной запрограммированности. Зарисовка вопроса. URL: http://www.gyulakiraly.hu/pdf/Andrzej_deLazari.pdf (Дата обращения - 24.12.2019); De Lazari A. Putinofilia i putinofobia // Przegląd. nr 36/2009. URL: <http://www.przegladtygodnik.pl/index.php?site=artykul&id=15612> (Дата обращения - 24.12.2019).

польскими женщинами. Последнее подразумевает в том числе определенный символизм: насилие над конкретной женщиной, выступающей в образе Матери-Польши, как бы олицетворяет устремления Советской России по отношению к ней²⁰⁹.

Обращает на себя внимание то, что тесное сочетание русофобских, антисоветских и интегрированных в последние антисемитских мотивов в польской пропаганде и политике памяти данного периода не пытались завуалировать. При этом техника работы с массовым сознанием во многом была построена опять же на символике. В частности, в визуальных материалах активно обыгрывалось сходство между советскими эмблемами и звездой Давида. В качестве наглядного подтверждения данного тезиса можно привести следующий плакат 1920-х гг.²¹⁰

Рис. 1

**Антисоветский плакат с антисемитским подтекстом
(межвоенный период)²¹¹**

²⁰⁹ Łagowski B. Sprawa polska i rosyjska // Przegląd, 26 października 2003, S.68.

²¹⁰ De Lazari A. Katalog wzajemnych uprzedzeń Polaków i Rosjan [pod red. Andrzeja de Lazari] – Warszawa 2006.

²¹¹ URL: <http://perevodika.ru/upload/iblock/aec/22zyd.jpg> (Дата обращения - 01.11.2020).

С точки зрения используемой символики обращает на себя внимание также сходство человека на данном изображении с В.И. Лениным, а горящие церкви с очевидностью показаны православными. То есть то, что в царский период, а именно религия, выступало разъединяющим фактором, здесь второстепенно: кровавый атеизм ужасен еще больше всех прежних страхов. Впоследствии, в 1944-45 гг. созданный в этом направлении информационный «задел» активно использовали нацистские пропагандисты, в рамках решения задачи демотивации польского населения относительно сотрудничества с Красной армией. В частности, можно четко проследить стереотипные семитские черты лица у основного персонажа следующего плаката²¹².

Рис. 2.

Немецкий антисоветский плакат периода Второй мировой войны, адресованный польскому населению (Надпись: «Вы хотите, чтобы это произошло и с Вашими женщинами и девушками? Защищайте их всеми силами от большевизма!»)²¹³

²¹² Де Лазари А. Русскость, советскость и российскость в польской культурной запрограммированности. Зарисовка вопроса. URL: <http://www.gyulakiraly.hu/pdf/AndrzejdeLazari.pdf> (Дата обращения - 01.11.2020).

²¹³ URL: <http://10hobby.ru/wp-content/uploads/2013/08/antisojetskie-plakaty-4.jpg> (Дата обращения - 01.11.2020).

Отдельно следует выделить серию кинокартин, в рамках которых поднимается тема взаимоотношений представителей российских властей и польских повстанцев в XIX в. – «Красоты жизни», «Дочь генерала Панкратова», «Княгиня Ловицкая»²¹⁴. Создатели фильмов активно эксплуатируют тему перехода этнических русских на сторону поляков, причем она имеет ярко выраженный гендерный аспект.

Большинство «перебежчиков» относится к представительницам женского пола, причем в этом случае присутствует двойной выбор – личный, т.е. любовная линия, и цивилизационный. Это в очередной раз подчеркивает значимость фактора комплиментарности в мемориальной политике. Важно обратить внимание, что подобные альянсы отнюдь не символизировали возможность примирения двух наций. Польская культура межвоенного периода в 1918 – 1939 гг. являлась традиционной и патриархальной, и, в соответствии с присущими ей представлениями, русская женщина символически становилась польской, утрачивая связи с Россией²¹⁵.

В послевоенный период представители творческой интеллигенции Польши продемонстрировали достаточно устойчивую приверженность прежним культурным паттернам, хотя и были ограничены в этом идеологическими фильтрами. В частности, в изначальной версии сценариев первых фильмов, посвященных истории Второй мировой войны – «Запрещенные песенки», «Непокоренный город», роль Красной армии в освобождении Польши в принципе никак не отражалась. Соответствующие коррективы были внесены лишь после вмешательства политического руководства для большей корреляции с польской версией советского мифа.

---

²¹⁴ Петровская О.В. Указ соч. С. 124.

²¹⁵ Де Лазари А. Русскость, советскость и российскость в польской культурной запрограммированности. Зарисовка вопроса. URL: <http://www.gyulakiraly.hu/pdf/AndrzejdeLazari.pdf> (Дата обращения - 01.11.2020).

В дальнейшем противоречивое восприятие русской / советской стороны в исторической памяти поляков нашло свое отражение в том, что в рассчитанных на массовую аудиторию произведениях художественной культуры бойцы Красной армии, как правило, выступали в роли объекта спасения. Иногда события позиционировались таким образом, что командование советских войск не могло бы добиться успеха без помощи поляков. Последнее не стоит воспринимать как признак сохранения высокого уровня русофобии и антисоветизма. Данный способ был избран, в числе прочего, еще и потому, что сама советская сторона оказывалась заинтересованной в самоуважении своих союзников и их готовности прийти на помощь, что было особенно важным в рамках военного альянса.

К началу 1960-х гг. заявленная тенденция развивается – например, тема «фронтального братства» получила достаточно широкое освещение в фильмах «Где генерал?», «Четыре танкиста и собака»²¹⁶. В то же время ряд негативных стереотипов эпизодически проявлялся на фоне в целом позитивного позиционирования взаимоотношений двух сторон. В частности, советские персонажи в массе своей злоупотребляют алкоголем и периодически создают своими действиями опасные ситуации для поляков. При этом показательно, что в период прохождения сценария фильма «Четыре танкиста и собака» через органы цензуры авторов фактически обвинили в просоветской подаче материала. В частности, критике был подвергнут момент, связанный с тем, что, командир танка хотя и являлся этническим поляком, но родился и вырос на территории Сибири (являлся потомком ссыльных)²¹⁷.

В более поздний период, в связи с событиями в Чехословакии, а затем – с появлением профсоюза «Солидарность», позиционирование СССР и России

---

²¹⁶ Петровская О.В. Указ соч. С. 124.

²¹⁷ Де Лазари А. Русскость, советскость и российскость в польской культурной запрограммированности. Зарисовка вопроса. URL: <http://www.gyulakiraly.hu/pdf/AndrzejdeLazari.pdf> (Дата обращения - 01.11.2020).

в дискурсе польской культуры снова начало смещаться в сторону негатива. В 1990-х – 2000-х гг., как мы уже говорили, обозначился четкий вектор усиления мемориальной деятельности именно в этом направлении. В качестве основы для конструирования новой политической мифологии был выбран ряд травмирующих событий, слабо отдаленных в исторической перспективе и потому обеспеченный наличием живых очевидцев в лице старших современников. Что интересно, опора на данный ресурс давала различные результаты в зависимости от того, какой именно период оказывался в ракурсе соответствующих акторов.

Первым элементом этой мифологической цепочки стали события советско-польской войны 1920 г. Последние, необходимо отметить, выступают для современной Польши во многом как аналог «мифа основания». Для того, чтобы использовать этот эпизод в указанных целях, польские интеллектуалы-гуманитарии подвергли исторические факты тщательному препарированию. Из учебников истории, художественных фильмов и популярной литературы исчезли упоминания об аннексии Польшей территории западных районов Украины и Белоруссии накануне конфликта, равным образом было заретушировано то обстоятельство, что официальная Варшава первой напала на РСФСР²¹⁸.

Например, в фильме «Варшавская битва. 1920», в период проката которого польские власти организовали обязательное посещение этой кинокартины школьниками и военнослужащими, данный исторический эпизод был подан зрителям следующим образом. Создатели фильма формируют у аудитории представление о том, что вторжение польских войск на Украину объяснялось стремлением передать ее территорию украинским националистам и тем самым получить верного союзника в лице гетмана

---

²¹⁸ Pamięć o zbrodni Katyńskiej i ocena jej znaczenia dla stosunków polsko-rosyjskich / CBOS. Warszawa, 2008. Maj. S. 5; Opinia publiczna o zbrodni Katyńskiej i jej znaczeniu dla stosunków polsko-rosyjskich / CBOS. Warszawa, 2010. Maj. S. 7.

Петлюры. При этом игнорируется тот факт, что в ходе оккупации Западной Украины польские войска активно сражались с петлюровцами²¹⁹.

Само начало кампании в кинофильме практически не описывается. А фактически в качестве начала конфликта массовому сознанию был преподнесен момент, когда войска Южного фронта разгромили польские части в районе Киева и Житомира и перешли в контрнаступление. При этом всячески педалировалась тема, что официальная Москва в своих действиях руководствовалась желанием осуществить экспорт революции на территорию Польши. За счет этого в умах поляков закреплялись одновременно две установки, доминировавшие еще в политическом дискурсе «Солидарности»: антикоммунизм и образ России как субъекта, угрожающего европейскому – цивилизационному – выбору Польши²²⁰.

Следует подчеркнуть, что в рамках реализации этого направления политики памяти в массовой культуре Польши был создан ряд ярких, эмоционально насыщенных образов-символов.

Например, значительное воздействие на целевую аудиторию оказал эпизод упомянутого кинофильма «Варшавская битва. 1920», в котором красноармеец снимает сапоги со смертельно раненного польского солдата. В том же фильме солдаты и офицеры Красной армии на вопрос одного из героев относительно того, ради чего они пришли в Польшу, отвечают, что хотят шоколада и «...баться». Последние слова являются прямой цитатой из фильма. Символичным является и образ красноармейца, испражняющегося на пол, сидя рядом со сломанным роялем в старинной усадьбе. Политработники прямо обещают бойцам, что в Варшаве их ждет «много еды и женщин».

С военной точки зрения наступление Красной армии демонстрируется как воплощение тактики планомерного «заваливания врага трупами». Один из героев киноленты даже шутит по этому поводу, что польская армия победит,

---

²¹⁹ Петровская О.В. Указ соч. С. 125.

²²⁰ Krasnodębski Z. Poprzedni i obecny koniec dziejów // Europa, № 3, 19 stycznia 2005, S.15.

лишь бы у нее хватило патронов. Подобная подача материала призвана сформировать у зрителя не только представление о безразличии советского командования к жизням солдат, но и создать образ красноармейцев как некой безликой и безвольной массы, готовой безропотно выполнить любой приказ. Последнее призвано подпитывать систему представлений об авторитарном характере политической культуры России и присущих ментальности ее жителей соответствующих негативных чертах. «Между строк» читается и безальтернативность ситуации: у солдата нет выбора – или убивать, не жалея сил, или этот «каток» раздавит его.

Обращает на себя внимание и внешний вид актеров, представлявших красноармейцев. Подавляющее большинство военнослужащих Красной армии в польском кинофильме небрежно одеты, небриты, имеют неправильные черты лица. Использование признаков вырождения, а также монголоидной расы вообще является на Западе давней традицией при создании образов русских. Все это резко контрастирует с привлекательным визуальным рядом при освещении эпизодов, связанных с жизнью по другую сторону фронта. Наглядно ознакомиться с изображением красноармейцев в указанном фильме можно на следующем ниже кадре.

Рис. 3

Образ красноармейцев в кинофильме «Варшавская битва. 1920»²²¹

²²¹ URL: <http://10hobby.ru/wp-content/uploads/2013/08/antisojetskie-plakaty-4.jpg> (Дата обращения - 01.11.2020).

Успешное внедрение подобного восприятия событий прошлого создало благоприятную конъюнктуру для коррекции восприятия поляками более поздних событий. Демонизация образа Красной армии закономерным образом содействовала началу смены восприятия пребывания советских войск на территории Польши в 1944 – 1945 гг. Данную тенденцию закрепила активная ревизия событий 1934 – 1939 гг. Из публичного пространства исчезли упоминания о заключении Берлином и Варшавой пакта о ненападении в 1934 г., аннексии Тешинской области Чехословакии в 1939 г. и отказе от сотрудничества с СССР в ходе переговоров между Польшей, Советским Союзом, Великобританией и Францией. Особенно замалчивался факт желания множества политических и военных деятелей присоединиться к немецкому «походу на Восток» на правах союзной А. Гитлеру страны.

В то же время ввод частей Красной армии на территорию Виленской области и западных районов Украины и Белоруссии после уничтожения польской государственности силами нацистской Германии начал позиционироваться как «удар в спину сражающейся Польше». Совершенно игнорировался при этом тот факт, что советское вторжение произошло лишь только после того, как польское правительство бежало за границу государства, оставив и армию, и население на произвол судьбы.

Отдельно стоит акцентировать внимание на параллельном данному процессу комплексе мероприятий в антироссийском векторе польской политики памяти. Были приложены значительные усилия по выработке у населения ассоциативного ряда между коммунизмом и национал-социализмом, между пактом Молотова-Риббентропа и вторым и третьим разделами Речи Посполитой. То есть русский любой эпохи априори стал выступать в качестве врага, причем этот образ явно спроецирован в будущее.

Интересно отметить, что впоследствии эта система ассоциаций была использована не только для конструирования идентичности, но и мобилизации общественного мнения ради обеспечения решения задач внешней политики. В частности, после анонсирования Германией и Россией планов строительства

газопровода «Северный поток», позволявшего обеспечить экспорт «голубого топлива» в страны ЕС в обход территории Польши, представители официальной Варшавы назвали этот проект «новым пактом Молотова-Риббентропа».

Отметим, что такая активность была обусловлена не только желанием польского руководства получить долю прибыли от транзита энергоресурсов. Налицо было негласное вмешательство США, заинтересованных в продаже в Европе собственного сланцевого газа с одновременным сокращением данного рынка для России. Признаком американского влияния на принятие решений восточноевропейскими странами обычно служит тот факт, что они при обычных условиях стараются избегать обострения отношений с Германией как экономическим лидером ЕС. Кроме того, именно как раз неоднократные попытки такого давления привели к необходимости поиска альтернативных путей поставок углеводородов из России в страны западной Европы, минуя риски, связанные с сухопутным транзитом.

Тем не менее, польское население не имеет ни возможности, ни желания углубляться в объективный анализ данной ситуации. Подобное ее позиционирование властями страны через известный символ, позволило автоматически обеспечить негативное восприятие этой инициативы широкими массами населения Польши, тем самым обеспечив поддержку общественным мнением избранного курса на международной арене²²².

Параллельно архитекторы политики памяти посткоммунистической Польши развернули масштабную работу по конструированию образа поляков как народа-жертвы, ставшего, наряду с еврейским этносом, объектом репрессий со стороны двух тоталитарных режимов – национал-социалистического и советского. Поначалу это обеспечивало рост симпатий к Польше со стороны общественности и властей ЕС, цементировало легитимность нового политического строя и снижало шансы на переход

---

²²² Krasnodębski Z. Poprzedni i obecny koniec dziejów // Europa, № 3, 19 stycznia 2005, S.15.

умеренной части элит к проведению многовекторной внешней политики, что подразумевало нормализацию отношений с Россией. В то же время данная тенденция оказалась непоследовательной: политика отождествления советского руководства с еврейством, а также периодические проявления антисемитизма как такового, привели в итоге лишь к популяризации дискурса о «тоталитарных титанах» в лицах И.В. Сталина и А. Гитлера, но не более того.

Тем не менее, как отмечают опрошенные эксперты по данной теме, в данном концептуальном русле, во-первых, была подвергнута ревизии точка зрения на действия советских партизанских отрядов на территории Белоруссии, Литвы, Украины и Польши. Они стали позиционироваться либо в качестве бандформирований, либо как сила, ответственная за целенаправленное уничтожение этнических поляков и в целом католиков. Наглядно это проявилось в переоценке истории отряда Ш. Зорина. Согласно официальной историографии современной Польши, в состав данного формирования входили преимущественно этнические евреи, которым была присущи как приверженность леворадикальным идеям, так и антипольские настроения. Это формирование якобы целенаправленно занималось вытеснением этнических поляков из исторических районов проживания, а нападение на него отрядов Армии Крайовой было спровоцировано попыткой ограбить католический монастырь.

Как уже говорилось, подобная интерпретация событий прошлого имела неоднозначные последствия. В частности, она способствовала росту активности правых радикалов и увеличению масштабов антисемитизма, что вызвало ряд затруднений во взаимодействии Польши и Израиля на международной арене. Представители официальной Варшавы не учли в данном случае, что активное участие этнических евреев в деятельности партизанских отрядов в годы войны вообще, независимо от территории их действия, активно популяризировалось влиятельными общественными организациями как в Израиле, так и в России, Белоруссии и на Украине.

Во-вторых, была разработана концепция «смены оккупаций». В основу этой конструкции был положен тезис о том, что Красная Армия не освобождала Польшу от нацизма: диктат одного тоталитарного режима лишь сменила зависимость от другого. При этом государство начало активно финансировать разработку таких направлений в изучении истории, как противоправные деяния советских военнослужащих против гражданского населения, роль СССР в поражении варшавского восстания 1944 г., борьба националистического подполья против ПНР и советской группы войск, судьба этнических поляков, проживавших восточнее «линии Керзона».

Эти концепции также органично вливались в парадигму символической политики. Эмоциональная насыщенность соответствующего ряда образов достигалась за счет использования образов насилия со стороны красноармейцев над наименее защищенными членами общества – женщинами, детьми и стариками, представителями католического клира.

В первом случае у целевой аудитории провоцировались вспышки не только агрессии, но и стыда. Архетипы сознания поневоле возлагали часть ответственности на польских мужчин, не сумевших защитить своих близких. Подобный подход к освещению темы способствовал значительному усилению негативного восприятия России, в том числе за счет того, что идейные предшественники так и не сумели одержать военной победы над Советским Союзом. Последнее сформировало своеобразный «запрос на реванш» над Россией, в какой бы форме он не произошел²²³.

Во втором случае в качестве ресурса построения модели исторической памяти использовалась религиозность значительного числа поляков, органично сочетавшаяся с негативным отношением Ватикана к советскому режиму. В то же время польские власти начали активно выстраивать в массовом сознании образ католической церкви как организатора борьбы с большевизмом, что накладывалось на образ представителя клира как

---

²²³ Krasnodębski Z. Poprzedni i obecny koniec dziejów // Europa, № 3, 19 stycznia 2005, S.19.

«характерной» жертвы красноармейцев. Такое позиционирование позволяло представить противостояние с СССР как своеобразную «священную войну», в ходе которой Советский Союз наделялся inferнальными признаками.

Рис. 4

Польский священник поднимает солдат в атаку против наступающей Красной Армии (кинофильм «Варшавская битва. 1920»)²²⁴

Обращает на себя внимание то, что использование inferнальных моментов в построенном польской пропагандой образе Советского Союза и России уходит корнями, как минимум, к периоду войны 1920 г. То есть налицо очередной признак возвращения к конфронтационной модели, хотя в тот период обоснование было более веским – борьба с атеистическим СССР. Для подтверждения данного тезиса можно привести следующие плакаты.

---

²²⁴URL: http://www.zodiakfilm.pl/images/cms_images/bw_2010/bw_2010_0059.jpg (Дата обращения - 01.11.2020).

Плакат периода советско-польской войны, отображающий РСФСР в виде дракона (инфернальный символ в христианстве). Перевод надписи – «К оружию, вступай в армию добровольцем»²²⁵

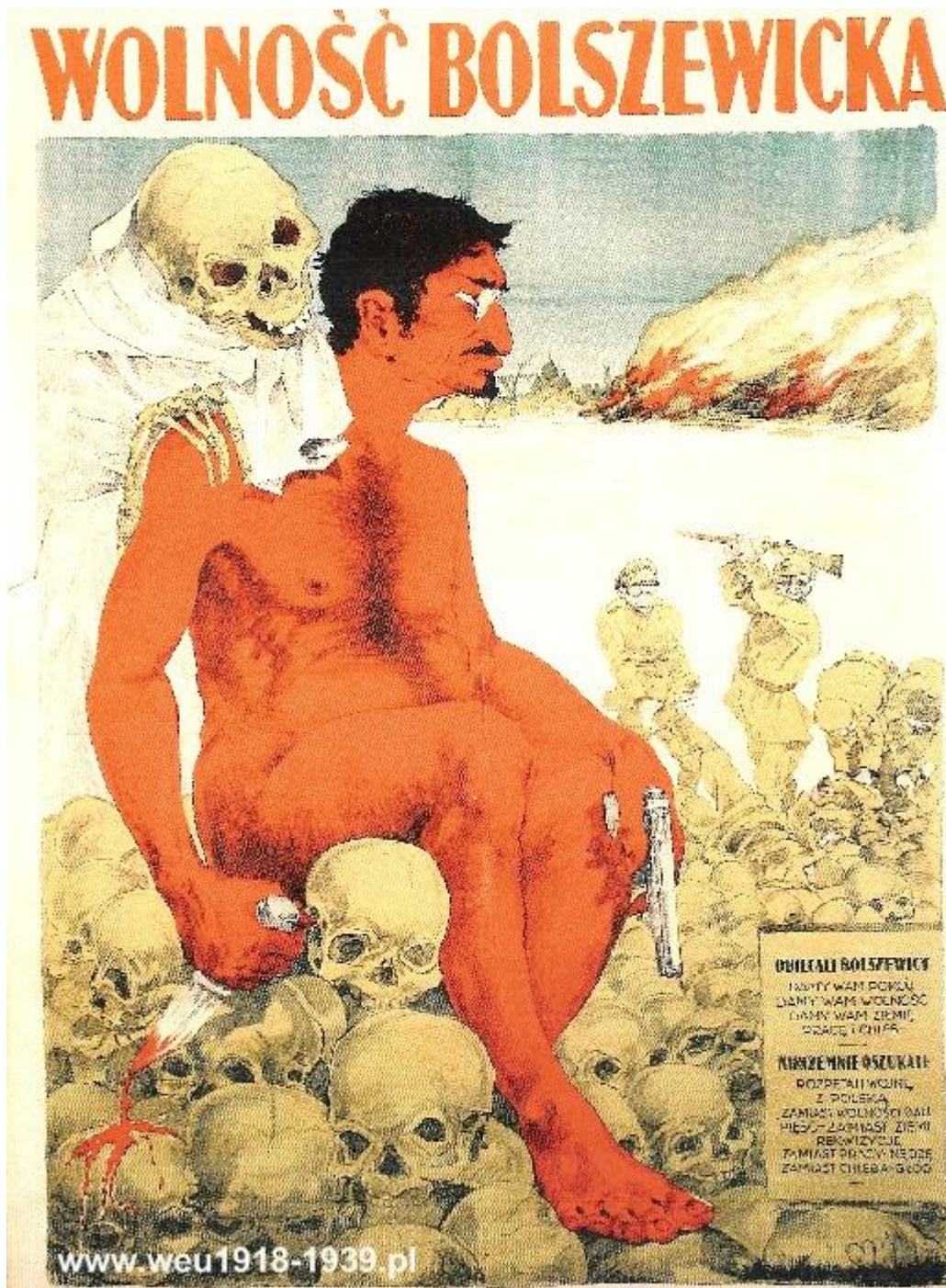

²²⁵ URL: http://m7.i.pbase.com/o6/50/666450/1/101799577.pD0fqzRR.IMG_5459.jpg (Дата обращения - 01.11.2020).

Лев Троцкий, изображенный в формате, традиционно используемого для начертания демонов в христианской иконографии.

Перевод надписи – «большевистская свобода»²²⁶

Помимо inferнальных моментов, налицо активное задействование такого ресурса, как территориальные претензии. В интерпретации событий

²²⁶ URL: http://pervodika.ru/upload/iblock/890/16_bolsz.jpg (Дата обращения - 01.11.2020).

прошлого, предназначенной для массовой культуры, был сделан акцент на отторжении у Польши владений на территории Литвы, Белоруссии и Украины. И в то же время на тему присоединения к Польше части Восточной Пруссии, Силезии и Померании было наложено негласное табу. Что любопытно, факт членства Литвы в ЕС и НАТО, равно как и ее католическое вероисповедание, не послужил препятствием к постановке вопроса о тех землях, на которых располагается столица этой страны, что является дополнительным показателем «двойных стандартов» в указанных блоках.

Также предметом для манипуляций с исторической памятью стали сюжеты, связанные с положительным взаимодействием частей Армии Крайовой и войск Красной армии, а таковые имели место. Кроме того, были изъяты из публичных источников любые упоминания о фактах нападения польских националистов на советские части летом и осенью 1944 г. В то же время начал масштабно наращаться негативный дискурс вокруг совместных операций Армии Крайовой и Красной армии в Литве и на Украине: поведение советской стороны интерпретировалось как «удар в спину союзнику».

Творцы польской политики памяти также стали активно использовать столь мощный ресурс, как память о «болевых точках», в частности событиях Варшавского восстания. В массовое сознание начали активно внедрять представление о том, что причиной поражения восставших стали действия советского руководства, сознательно остановившего наступление частей 1-го Белорусского Фронта на Варшаву. За счет этого Красная армия начала уравниваться с вермахтом по своей роли в ходе данных событий. Что особенно интересно, была также предпринята добиться роста русофобских настроений за счет акцентирования внимания на участии в подавлении восстания частей, укомплектованных этническими русскими – одной из бригад 29-й гренадерской дивизии СС под командованием Б.В. Каминского.

В художественной культуре продолжалась и продолжается негативация Красной армии. Так, в кинофильмах, посвященных пребыванию советских войск на территории Польши в период Второй мировой войны – «Цинга»,

«Барышни и вдовы», «Все самое важное», «Галоп», «Полковник Квятковский», «Кольцо с орлом в короне» – солдаты и офицеры показаны преимущественно в негативном свете. Их отличает изощренная жестокость и полный правовой нигилизм. Например, в «Барышнях и вдовах» советский офицер применяет к одной из главных героинь не только физическое, но и психологическое насилие. В киноленте «Полковник Квятковский» советские военнослужащие в массовом порядке грабят дома мирного населения. Периодически авторы также возвращаются к теме надругательства над женщинами, символизирующего в данном контексте политическую судьбу Польши.

Активная эксплуатация польской стороной сюжетов, связанных с восстанием, была во многом обусловлена тем, что именно эти события, выступили осью новой редакции новейшей национальной истории: их итог, как принято считать, определил судьбу послевоенной Польши. Иными словами, произошла смена поляризации восприятия: если в социалистическом мифе, как уже говорилось, проблема рассматривалась как преступление эмигрантского правительства, поставившего под удар повстанцев, то теперь в этом качестве представляется отсутствие его победы. Последнее, в том числе, позволило использовать технологию драматизации при конструировании картины событий прошлого для широких слоев населения: «не случись подобного, мы жили бы лучше».

В этой связи особенно следует заострить внимание на зачистке информационного пространства от контента, ранее созданного в рамках позитивного позиционирования сотрудничества поляков с Красной армией. Ярким примером этого может служить запрет на демонстрацию на телевидении сериала «Четыре танкиста и собака».

Примечательно, что столь жесткие меры встретили непонимание даже среди многих поляков, в том числе симпатизирующих правому флангу политического спектра. Последнее было связано с тем, что успехи Войска Польского в ходе противоборства с вермахтом по-прежнему воспринимаются

значительной частью населения как более значимые достижения в борьбе с нацистской оккупацией, нежели итоги борьбы Армии Крайовой. Важно помнить о том, что скоротечность военной кампании 1939 г. и отсутствие серьезных достижений в ходе атак националистов, направленных против оккупационных сил, остаются болезненной темой для немалой части жителей Польши. В то же время почти весь позитивный опыт военного противостояния с вооруженными силами Германии после сентября 1939 г. сводится именно к действиям Войска Польского.

Исключением можно было бы считать солдат армии Андерса, участвовавших в боевых действиях в Италии, но им так и не удалось поучаствовать в освобождении территории самой Польши. В силу данного обстоятельства попытки властей изъять из исторической памяти населения соответствующие эпизоды или поменять их восприятие закономерно вызывали у многих граждан весьма болезненную реакцию, в отличие от той, которая была достигнута пересмотром трактовки Варшавского восстания.

Провалу таких попыток способствовало и то, что предки значительной части граждан «Третьей Речи Посполитой» служили в Войске Польском и даже в рядах Красной армии. И их потомки, несмотря на свои политические предпочтения, бережно хранят память о них.

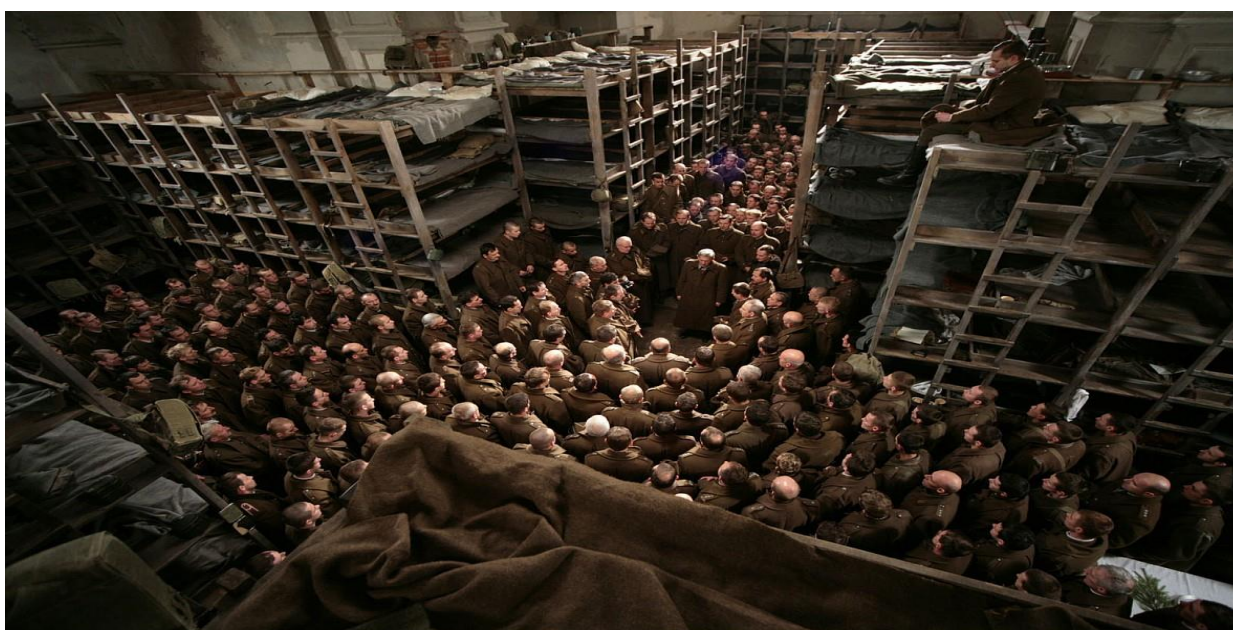
При создании исторической мифологии посткоммунистической Польши особую роль сыграла разработка «катынской» тематики. Вина за трагедию изначально возлагалась сугубо на советскую сторону. При этом произошедшее трактовалось как акт геноцида. За счет этого образ СССР, а, следовательно, и России, обретал черты абсолютного, «настоящего врага». Тот факт, что в польской истории имели место гораздо более значительные масштабы насилия над советскими военнопленными в 1920-е гг., умалчивается. С большой вероятностью это вызвано не только отсутствием встречных претензий с российской стороны, но и пониманием, что таковых не приходится ожидать, поскольку какой-либо веской причины для обращения к данным событиям раннего советского периода, у России нет.

Обращает на себя внимание и то, каким образом «катынский» нарратив был визуализирован в кинопроизведениях. Например, обстановка в казармах военнопленных в фильме Анджея Вайды «Катынь» соответствует «классическому» образу немецкого концентрационного лагеря. Вероятно, это было сделано специально, для еще большего закрепления ассоциирования сталинского и гитлеровского режимов. В качестве примера подобного приема визуализации можно указать на следующее ниже изображение.

Рис. 7

Казармы польских военнопленных в фильме «Катынь»²²⁷

Нельзя проигнорировать и то, каким образом в фильме продемонстрированы расстрелы. Процедура полностью не соответствует действовавшим в советских спецслужбах регламентам, но совпадает со стереотипами, присущими произведениям о нацистских преступлениях, в т.ч. о Холокосте. Наглядным подтверждением этого может служить приведенное ниже изображение.

---

²²⁷ URL: http://belsat.eu/wp-content/uploads/2016/11/2768493_original.jpg (Дата обращения - 24.12.2019).

Расстрел польских военнопленных в фильме «Катынь»²²⁸

В фильме, кроме того, акцентируется внимание на наличии среди красноармейцев и сотрудников НКВД представителей монголоидной расы. Последнее перекликается с широко растиражированными еще в период Второй мировой и «холодной» войн концепциями об СССР как оплоте «азиатчины». Например, нацистская пропаганда активно использовала образ «диких монголов». Под этим термином подразумевались, в том числе, солдаты Красной армии – этнические калмыки, буряты, казахи и т.д.

В опубликованных в уже послевоенный период «полумемуарах» Эриха Хартмана также подчеркивается, что допрашивающий его следователь имел монголоидные черты во внешности. Немецкий летчик-ас Ганс Ульрих Рудель в своих мемуарах даже писал о том, что «сражавшиеся в Сталинграде советские войска состояли почти исключительно из казахов и таджиков». При этом отождествление двух последних наций было нонсенсом даже с точки зрения нацистских расовых идеологов: таджики, родственные иранцам, имеют

---

²²⁸URL:<http://st3.imhonet.ru/element/x400/3e/d6/3ed6d38010c3be03be54bcbb31ab6d00/varshavskaya-bitva-1920-goda.jpg> (Дата обращения - 01.11.2020).

монголоидную примесь не больше, чем русские. Нацистами они часто приравнивались к арийцам, и в ряде случаев в плену отношение к ним было лучше, чем к славянам.

Особый характер фильма «Катынь» в плане продвигаемой символической составляющей показательно характеризует также наличие следующего эпизода: один из красноармейцев на глазах пленных использует флаг Польши вместо портянки. Данный ход, т.е. публичное оскорбление национального символа, был призван сконструировать такую негативную оценку действий Советского Союза по отношению к Польше создателями киноленты, что автоматически бы повлекло ответную реакцию.

Привлекает внимание и другая особенность подачи материала в фильме. Солдаты и офицеры Красной армии показаны А. Вайдой максимально безлично, за исключением персонажа А. Гармаша – советского офицера, стремящегося спасти одну из героинь польской национальности. При этом именно за появление на экране этого персонажа режиссера активно критиковали в Польше. Тот факт, что нет никаких доказательств содержания женщин в Катыни вместе с пленными, во внимание вообще не принимался. Учитывая практику ГУЛАГа вообще, это могло практиковаться в таком виде наказания как ссылка, но никак не при содержании в спецлагерях.

Приведенных нами примеров достаточно, чтобы прийти к совершенно определенному выводу: политика памяти в Польше, во-первых, характеризуется узкой векторной направленностью против советского прошлого и отождествляемой с ним России. Во-вторых, учитывая ее историческую основу в сравнении с новым наследием, созданным за период после 1991 г., можно говорить о том, что политика памяти современной Польши базируется на своих традициях позиционирования России – в широком смысле слова. В наши дни, помимо прочего, следует учитывать и новые веяния, совершенно игнорируемые мнемоническими акторами данной страны. В частности, полностью отсутствует анализ возможных в ближайшее время трансформаций в международных отношениях, тогда как

существующая политика предусматривает лишь вариант, при котором Польша, интегрированная в западные структуры, противопоставляет себя России при любом развитии событий.

* * *

Подводя итоги проведенного анализа, можно заключить, что политика памяти польского руководства после распада социалистического лагеря подразумевала преимущественно негативное позиционирование России при освещении истории взаимоотношений двух стран. При этом истеблишмент активно использовал пропагандистские ресурсы, унаследованные от режима санации и польских революционеров XIX в. Необходимо признать, что технологии демонизации и дегуманизации были использованы не только в отношении советского периода истории России, но и предшествующей эпохи. При этом возможный ресурс в виде независимого и нейтрального развития страны, как и освещения ее истории, который мог дать как безопасность, так и экономические выгоды, был упущен.

Поэтому политика памяти официальной Варшавы была направлена на укрепление легитимности нового политического режима и формирование идентичности, закрепляющей геополитический и культурный выбор новых элит. Мнение населения не просто игнорировалось, оно до сих пор находится под сильным прессингом официальной точки зрения. В рамках заданной системы координат власти Польши получили возможность существенным образом трансформировать идентичность граждан в сторону вымывания из нее элементов «социалистической прошлого» и управлять настроениями населения, в особенности – в плане мобилизации общественного мнения в ходе принятия спорных внешнеполитических решений. В краткосрочной перспективе, с точки зрения элит, избранную модель можно считать успешной. Однако уже на данный момент накопилось такое количество рисков, которые могут привести к непредсказуемым последствиям.

3.2. Риски существующего положения

Однобокость избранного направления мемориальной политики Польши уже к данному моменту привела к накоплению достаточно существенной «критической массы» рисков для страны. Меньшая часть из них может реализоваться при определенном стечении обстоятельств, тогда как большая – в случае, если заинтересованные стороны начнут принимать решительные меры против продолжения агрессивного навязывания даже уже имеющейся в настоящее время, включая конкретный нарратив, модели политики памяти.

В пользу данного тезиса свидетельствует мемориальный конфликт между Польшей и Израилем, произошедший из-за не слишком значительного эпизода, если сравнивать данный повод с той масштабной кампанией, которая проводится в антироссийском направлении. Польскому руководству в этой связи следовало бы попытаться спрогнозировать, к каким последствиям их действия могут привести, если Россия перестанет игнорировать данные действия. Западная цивилизация склонна не принимать во внимание повторяющееся раз за разом положение: «русский медведь» долго терпит, дает шансы образумиться; это расценивается как слабость, агрессия продолжается, а когда наступает «пробуждение от спячки» становится уже слишком поздно исправить ситуацию.

Но рассмотрим сначала конфликт между Польшей и Израилем, спровоцированный тем, что в 2018 г. в польское законодательство были включены удаленные ранее поправки, введившие уголовную ответственность за утверждения о причастности польской нации к Холокосту. Преступнику грозило тюремное заключение на срок до 3 лет. При этом предполагалось, что действие закона будет распространяться фактически за пределами польской юрисдикции. Первые обвинения в нарушении данной нормы законодательства были предъявлены против редакции аргентинского новостного сайта.

Эта новелла вызвала жесткую реакцию со стороны официального Тель-Авива, поскольку подразумевала запрет на упоминания польских

националистов, в том числе коллаборационистов, в уничтожении еврейского населения, в частности в ходе трагических событий в Едвабне в 1941 г.²²⁹

К конфликту также подключился ближайший союзник Израиля – США. В результате польские власти столкнулись с целым рядом проблем. С одной стороны, власти Израиля запустили обсуждение возможности переноса Марша жизни – ежегодной массовой акции, посвященной поминовению жертв Холокоста – с территории Польши в Чехию либо на Украину, что в перспективе означало ущерб для польской туристической индустрии в размере почти 3 млрд. долларов и серьезное ухудшение имиджа страны на международной арене. Одновременно Вашингтон отменил назначенную ранее встречу президента США с премьер-министром Польши Т. Моравецким. Как следствие, возникла угроза срыва планов закупки официальной Варшавой зенитно-ракетных комплексов «Пэтриот».

Одновременно власти США анонсировали намерение внести поправки в закон, регулирующий порядок обращения с собственностью жертв Холокоста – закон 447 «Justice for Uncompensated Survivors Today». Выносимые на рассмотрение новшества предусматривали возможность привлекать к материальной ответственности как представителей власти, так и отдельных граждан зарубежных стран. Было отмечено, что, по данным Соединенных Штатов, граждане и органы власти Польши владеют собственностью жертв Холокоста, общая стоимость которой оценивалась в пределах до 300 млрд. долларов. Поправки в законодательство должны были наделить Вашингтон полномочиями арестовывать или изымать финансовые активы нарушителей, находящиеся на счетах в зарубежных банках в случае отказа добровольно

---

²²⁹ Новый американский закон может обременить польскую казну. Глава Белого дома обязал вернуть жертвам Холокоста утраченное имущество. http://www.ng.ru/vision/2018-05-14/6_7224_polska.html; Зачем евреям тратить деньги в Польше? <http://www.translarium.info/2018/02/why-would-any-jews-spend-money-in-poland.html>; Из-за «закона о Катастрофе» США бойкотируют лидеров Польши. <http://detaly.co.il/varshava-iz-zakona-o-holokoste-ssha-podvergli-bojkotu-liderov-polshi/>

вернуть собственность жертв Холокоста или компенсировать ущерб иным образом. В результате власти Польши были вынуждены исключить из законодательства ранее принятые поправки²³⁰.

Каковы могут быть последствия, если подобного рода действия начнет применять Россия, можно прогнозировать по-разному. С одной стороны, и об этом уже говорилось, имеются все основания для тесного российско-израильского сотрудничества, поскольку проявления русофобии и антисемитизма в значительном числе случаев совпадают. Несомненным плюсом такой кооперации действий станет также влияние позиции США, на которую мировое лобби еврейской диаспоры имеет рычаги воздействия.

Польшей совершенно игнорируется также возможность российско-германского сотрудничества, очевидно в силу доминирования собственного мировоззрения. Германия и Россия многократно демонстрировали, что проблемы прошлого они умеют отодвинуть на второй план, когда речь идет о реализации текущих, прежде всего, экономических интересов. В последние годы польская позиция не раз препятствовала эффективному осуществлению совместных проектов. Еще раз подчеркнем, немалую роль в этом играло то, что США, будучи незаинтересованными в усилении обеих стран, использовали Польшу, точнее, ее элиту, в качестве инструмента.

Если учитывать, что основная цель немцев – добиться международного признания того, что вина Германии за преступления Второй мировой войны искуплена – в обозримом будущем может осуществиться, то следующим этапом возможно выдвижение целого ряда обоснованных претензий. В их числе, в частности, следует ожидать поднятия вопроса о действиях Войска

---

²³⁰ Новый американский закон может обременить польскую казну. Глава Белого дома обязал вернуть жертвам Холокоста утраченное имущество. http://www.ng.ru/vision/2018-05-14/6_7224_polska.html; Зачем евреям тратить деньги в Польше? <http://www.translarium.info/2018/02/why-would-any-jews-spend-money-in-poland.html>; Из-за «закона о Катастрофе» США бойкотируют лидеров Польши. <http://detaly.co.il/varshava-iz-za-zakona-o-holokoste-ssha-podvergli-bojkotu-liderov-polshi/>

Польского на германской территории. Этому, помимо прочего, способствует такое упущение в польской мемориальной политике, как замалчивание собственных «темных пятен» в истории войны. Архивные документы в данном случае подтверждают реальность подобных рисков.

Таким образом, в обозримой перспективе следует ожидать, что антироссийская повестка не останется без ответа. Наиболее вероятно, что реакция последует после какого-либо очередного выпада, причем она будет носить не односторонний, а международный характер. Наиболее вероятно объединение усилий России, Израиля и даже Германии, в зависимости от контекста события-детонатора. Наихудшим для Польши вариантом может стать согласованное одномоментное поднятие всех замалчиваемых ею «черных пятен» – этого сценария нельзя исключать хотя бы потому, что польская позиция становится настолько неприемлемой для многих внешних акторов, что может потребоваться «отрезвляющий удар» большой силы.

И, наконец, игнорирование исторического опыта, возможно, является одной из самых опасных проблем для руководства Польши. Все самые болезненные эпизоды в отношениях с соседями на протяжении нескольких столетий были обусловлены замыканием элиты на собственных интересах, тогда как реальные нужды страны и населения игнорировались. Поговорка «паны дерутся, а у холопов чубы трещат» относится отнюдь не только к украинской тематике. Все разделы страны между Германией, Австрией и Россией были обусловлены не столько ослаблением страны, сколько амбициями ее элиты, не подкрепленными реальной устойчивостью.

История зависимого положения во многом обусловлена этой же причиной. Император Николай I, подавивший одно из восстаний, откровенно говорил, что «Польша нам не нужна», но ее приходится контролировать лишь по той причине, чтобы она не превратилась во внешнего врага или союзника таковых. И.В. Сталин в дискуссии с У. Черчиллем подчеркивал, что «вопрос о Польше является для СССР не только вопросом чести, но и вопросом безопасности». Заявляя о том, что «у нас много грехов перед Польшей» вождь

в то же время отмечал, что именно через ее территорию только в XX веке осуществлялось два вторжения.

Кроме того, односторонне видение истории в виде копирования конфронтационной модели при определенных условиях может способствовать развитию сценария, близкого по сути своей к тому, который уже произошел в 1939 году. Тогда польское руководство надеялось пойти войной на СССР вместе с Гитлером, будучи, в то же время, абсолютно уверенным, что западные союзники не дадут Польшу в обиду диктатору. Дело кончилось тем, что в военные действия непосредственно на территории страны вмешательства не последовало. В наши дни, размещая на своей территории американские ракеты, участвуя в кампаниях НАТО по всему миру и одновременно лоббируя интересы США в Европе, польская элита надеется именно на их помощь в случае конфликтных ситуаций.

При этом игнорируется, как минимум, три возможных сценария, которые можно спрогнозировать, исходя из международных реалий, на фоне заблуждения, что в обозримом будущем ситуация в мире останется стабильной. Первый заключается в том, что объединенная Европа стремится стать самостоятельным центром силы, одним из полюсов многополярного мира. Ключевым условием здесь является минимизация американского влияния. Такое развитие событий подразумевает нейтрально-дружественные отношения с Россией при резком расширении экономического сотрудничества. Польша в этом случае рискует оказаться либо «изгоем», либо «домом посреди дороги». У соседей не останется выбора, кроме как найти способ поставить на место «гонимую» и «панскую», придерживающуюся старых стереотипов элиту.

Второй сценарий основан на росте противоречий между КНР и США. Последние желают использовать европейский ресурс в данном, все возрастающем противостоянии в свою пользу, а позиция Российской Федерации может оказаться решающей в целом. На этом фоне страны «старой Европы» будут всеми силами стремиться сохранить нейтральный статус и

видеть Россию если не союзником, то, как минимум, и не противником. В случае же оформления китайско-российского союза, что не исключено, учитывая американскую позицию, Польша может быть использована как провокатор, а подобного сценария европейцы всеми силами попытаются не допустить. Последствия для нее будут такими же, как и в первом случае.

Третий сценарий во многом подобен второму, с той лишь разницей, что на фоне американо-китайского противостояния может сформироваться некий интеграционный евразийский альянс, возможно по известному принципу «от Лиссабона до Владивостока». Не исключено и расширение его на пространство «от Дублина до Токио». Основой подобного развития событий будет желание не только экономической интеграции, но и возможность на данной «северной линии» остаться в стороне от возможной войны. Такой ход событий нельзя считать чем-то маловероятным, поскольку многие тенденции говорят сегодня в пользу такой ситуации.

Ни Европа, ни Россия пока не могут обеспечить собственную полную экономическую самодостаточность, особенно на фоне китайских темпов развития. Американское доминирование давно уже не импонирует здравомыслящим европейским элитам. Объединение общих ресурсов может оказаться достаточным как для конкуренции с Китаем, так и для обеспечения мирного развития даже в случае военного столкновения США и КНР. Польша и в этом случае рискует оказаться жертвой собственной предыдущей политики, поскольку слишком велики опасения других стран, что она «сделает что-то не так», в пользу американского истеблишмента, но не во благо общему делу. Возможны и другие сценарии, однако перечисленные представляются наиболее вероятными.

Кроме всего перечисленного, что можно отнести к внешним рискам, следует упомянуть и такой момент, как возможность внутреннего мемориального конфликта. Его основой может послужить эффект «запретного плода» в виде уже упомянутой политики по ограничению, в числе прочего, демонстрации культурного и художественного наследия социалистического

периода истории Польши. На фоне обострения каких-либо внутренних проблем, а также протестных настроений молодежи, отнюдь не под «левыми» лозунгами весьма вероятно появление разного рода «альтернативной правды». Даже при отсутствии педалирования подобного контента извне он может представлять серьезную угрозу. Нечего и говорить, какими могут быть последствия в случае внешней подпитки со стороны Германии, России или других заинтересованных сторон.

Таким образом, мы видим, что, несмотря на краткосрочные успехи избранной модели – имеется в виду, конечно, элита страны, а не ее ключевые национальные интересы – уровень внешних и внутренних рисков уже сейчас можно признать высоким. Однако есть и ресурсы, которые позволяют гармонизировать ситуацию как внутри государства, так и в его отношениях на международной арене. Идеальным вариантом можно считать изменение концепции польским руководством вообще, но пока такие шансы следует признать минимальными. Остается, тем не менее, здоровая часть общества, которая даже в существующих рамках может сыграть важную роль в данном процессе и подготовить почву для нормализации «сверху».

Чтобы понять тенденции в данном направлении, мы проанализировали настроения польского населения в ряде ключевых вопросов. Параллельно, учитывая антироссийский вектор направленности официальной политики памяти, были изучены мнения россиян по перечисленным проблемам. Роль эмпирической основы для анализа выполнил пул материалов, собранных с 9 новостных ресурсов: «РИА Новости», «Коммерсантъ», «Комсомольская Правда», «Известия», «Независимая газета», «Onet», «Rzeczpospolita», «Super Express», «Puls Biznesu» – всего 335 публикаций.

Помимо того, были подвергнуты анализу 500 уникальных сообщений, размещенных в популярных социальных медиа – «Facebook», «Twitter», «ВКонтакте», «Живой журнал», «НК»²³¹ и набравших наибольшее количество

---

²³¹ «НК» - польская социальная сеть.

лайков и репостов. Контент был выявлен при помощи онлайн-сервиса мониторинга социальных медиа IQBuzz и инструментов киберметрического поиска социальных сетей «Facebook» и «ВКонтакте». Запросы для формирования рубрик составлялись параллельно на русском и польском языках, с использованием кириллицы, а также польского и английского вариантов латиницы. В ходе предварительной обработки данных из выборки был устранен контент, размещенный на русском языке гражданами других государств – Украины, Белоруссии и т.д.²³²

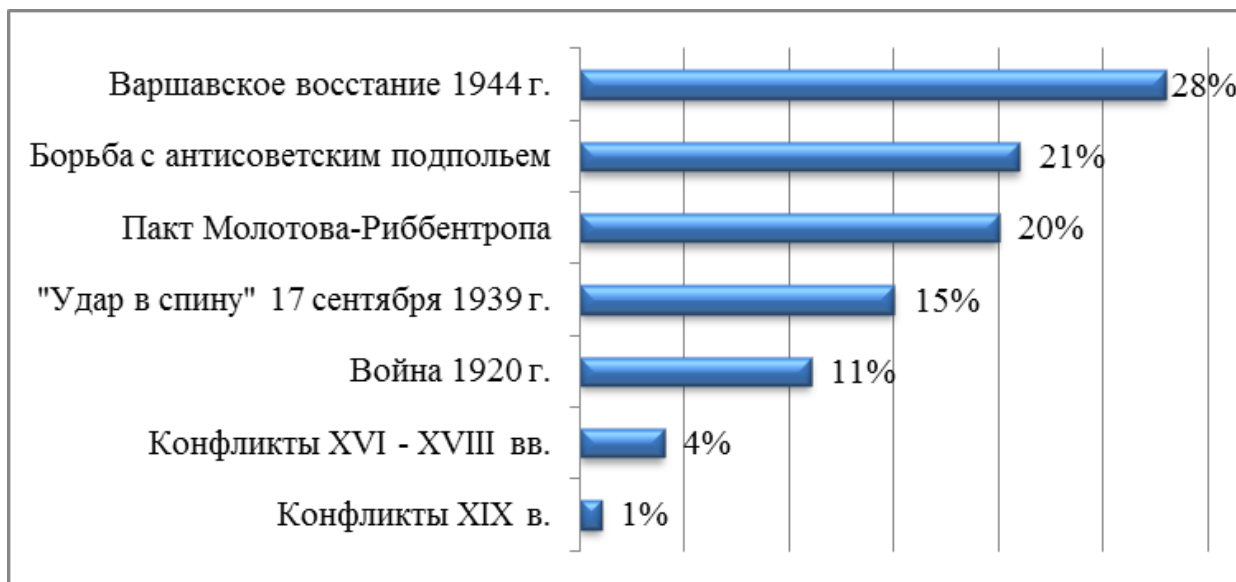
В качестве периода наблюдений нами выбран хронологический отрезок 2008 – 2011 гг. Нижняя временная рамка соответствует периоду начала «мемориального поворота» во взаимоотношениях России и Польши после прихода на пост президента Д.А. Медведева, верхняя – периоду наибольшего обострения мемориального конфликта во взаимоотношениях двух государств, последовавшего за авиакатастрофой с участием президентского авиалайнера Ту-154М Воздушных сил Польши и публикацией отчетов по данному инциденту со стороны Межгосударственного авиационного комитета и Комиссии государственной авиации по расследованию авиакатастроф МВД Польши.

Сначала отметим, какие темы представляются наиболее острыми для граждан обоих государств. Приведенные ниже схемы показывают, что официальный подход польского руководства к расстановке приоритетов противоречил реальной картине исторической памяти граждан в обеих странах. Проблема Катыни, в частности, в 2008 г. ими не поднимается.

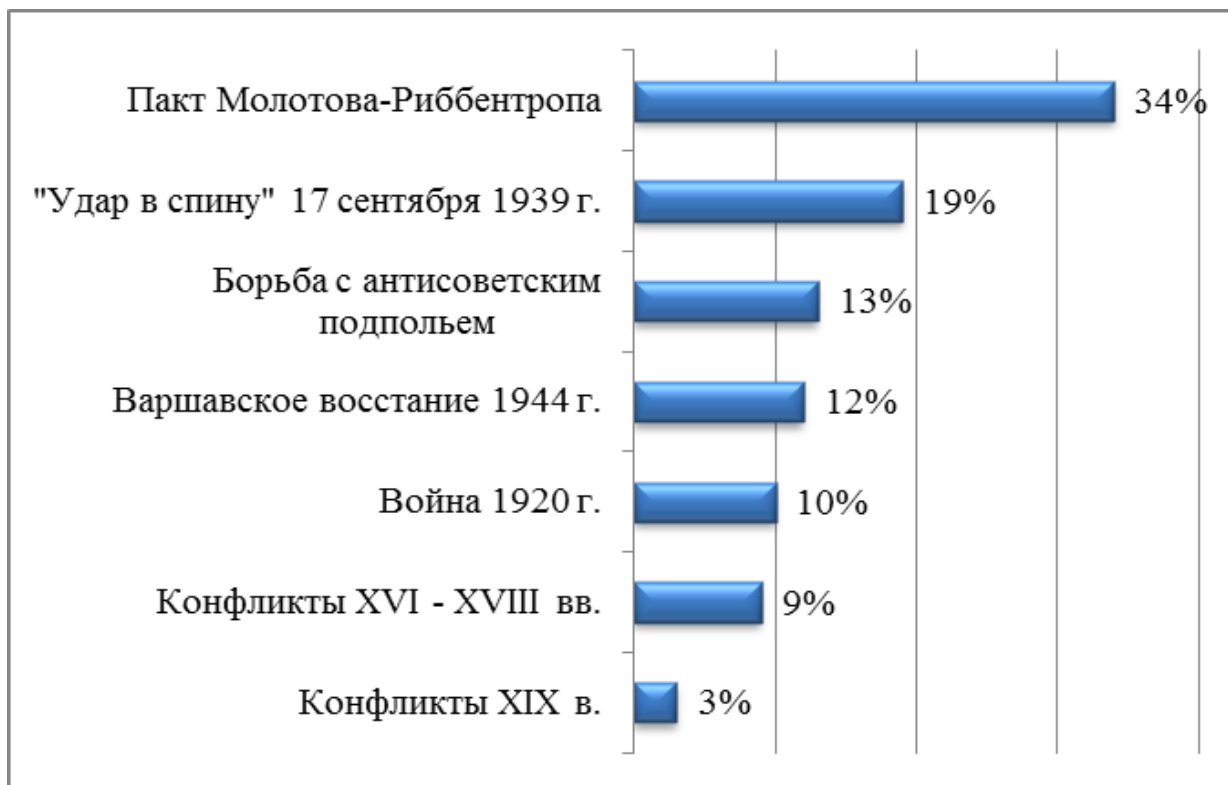
²³²Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru> (Дата обращения – 29.08.2019); Комсомольская Правда. URL: <https://www.kp.ru> (Дата обращения – 29.08.2019); Известия. URL: <http://iz.ru> (Дата обращения – 29.08. 2019); Независимая газета. URL: <http://www.ng.ru> (Дата обращения – 29.08. 2019); Onet. URL: <https://www.onet.pl> (Дата обращения – 29.08. 2019); Rzeczpospolita. URL: <http://www.rp.pl/> (Дата обращения – 29.08.2019); Super Express. URL: <http://www.se.pl> (Дата обращения – 29.08. 2019); Puls Biznesu. URL: <https://www.pb.pl> (Дата обращения – 29.08. 2019).

**Структура упоминаний о «сложных вопросах» российско-польских
взаимоотношений в пуле изученных материалов за 2008 г.
(с польской стороны)**

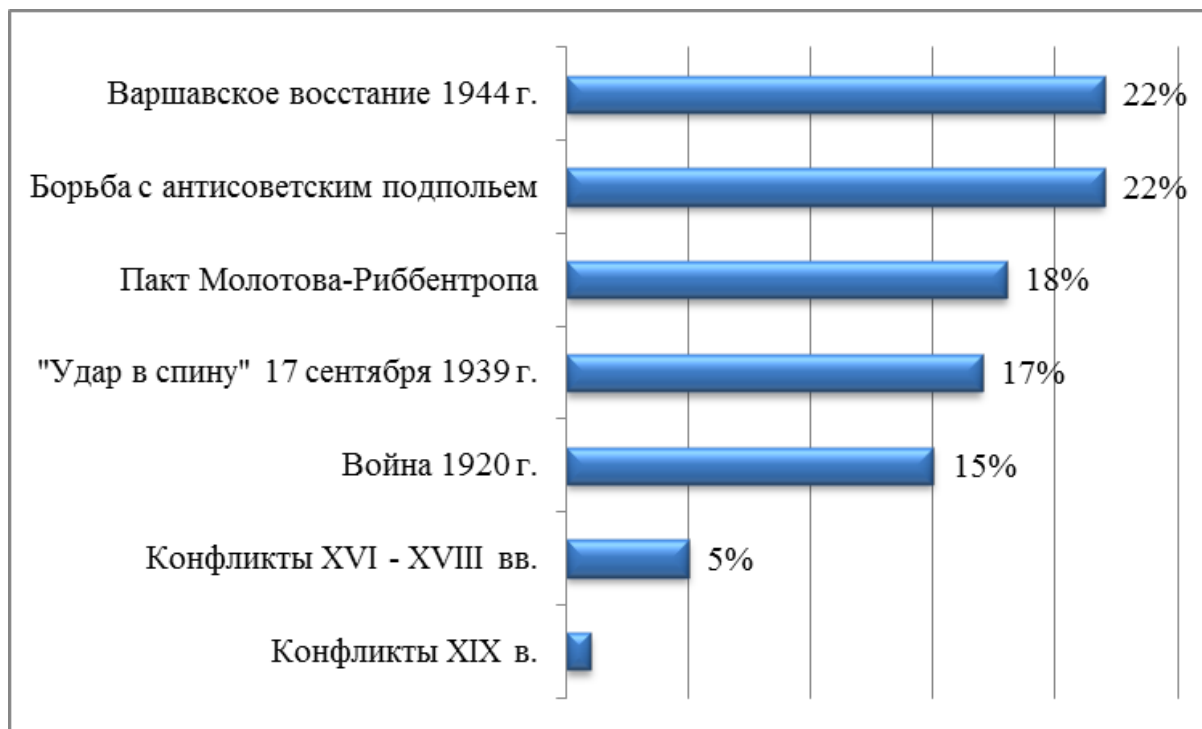
В рассматриваемый период данная проблематика сохраняла высокую актуальность и для российских граждан. Что интересно, велико внимание к борьбе с антисоветским подпольем – удельная доля в 13% от общего количества упоминаний, уступая по значимости лишь темам заключения пакта Молотова-Риббентропа (34%) и ввода советских войск на территорию Западной Белоруссии и Западной Украины в сентябре 1939 г. (19%). Особо следует подчеркнуть, что указанный вопрос привлекал со стороны россиян даже большее внимание, чем Варшавское восстание 1944 г. и советско-польская война 1920 г. Более подробно с данной информацией можно ознакомиться в следующей ниже диаграмме.

**Структура упоминаний о «сложных вопросах» российско-польских взаимоотношений в пуле изученных материалов за 2008 г.
(с российской стороны)**

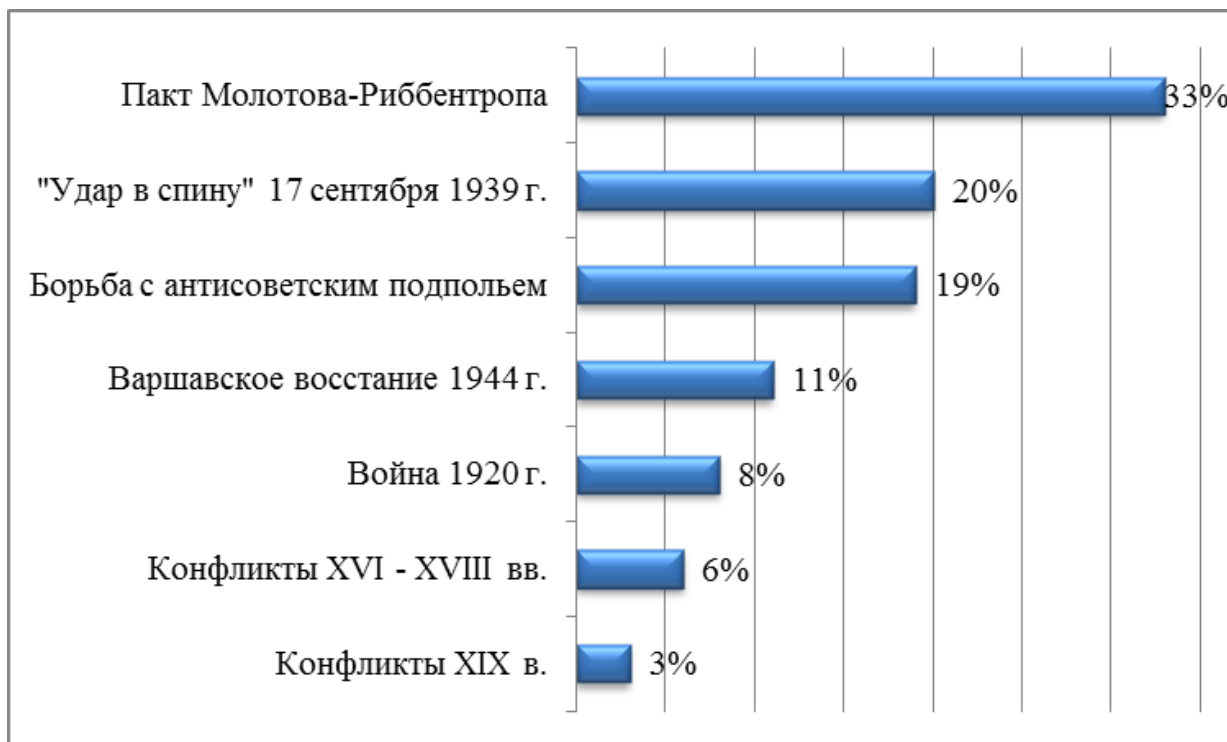
Интересно отметить, как за четыре последующих года изменяется расстановка приоритетов в восприятии польскими гражданами наиболее актуальных, по их мнению, проблем. Снова обращает на себя внимание отсутствие «катынской» тематики, несмотря даже на то, что в 2010 г. произошло официальное признание Россией данных событий именно в той трактовке, которая была представлена Польшей.

**Структура упоминаний о «сложных вопросах» российско-польских взаимоотношений в пуле изученных материалов за 2012 г.
(с польской стороны)**

Как мы видим, даже столь педалируемое польскими властями событие как Варшавское восстание характеризуется снижением интереса. Сравним указанные данные с результатами анализа мнений россиян.

**Структура упоминаний о «сложных вопросах» российско-польских взаимоотношений в пуле изученных материалов за 2012 г.
(с российской стороны)**

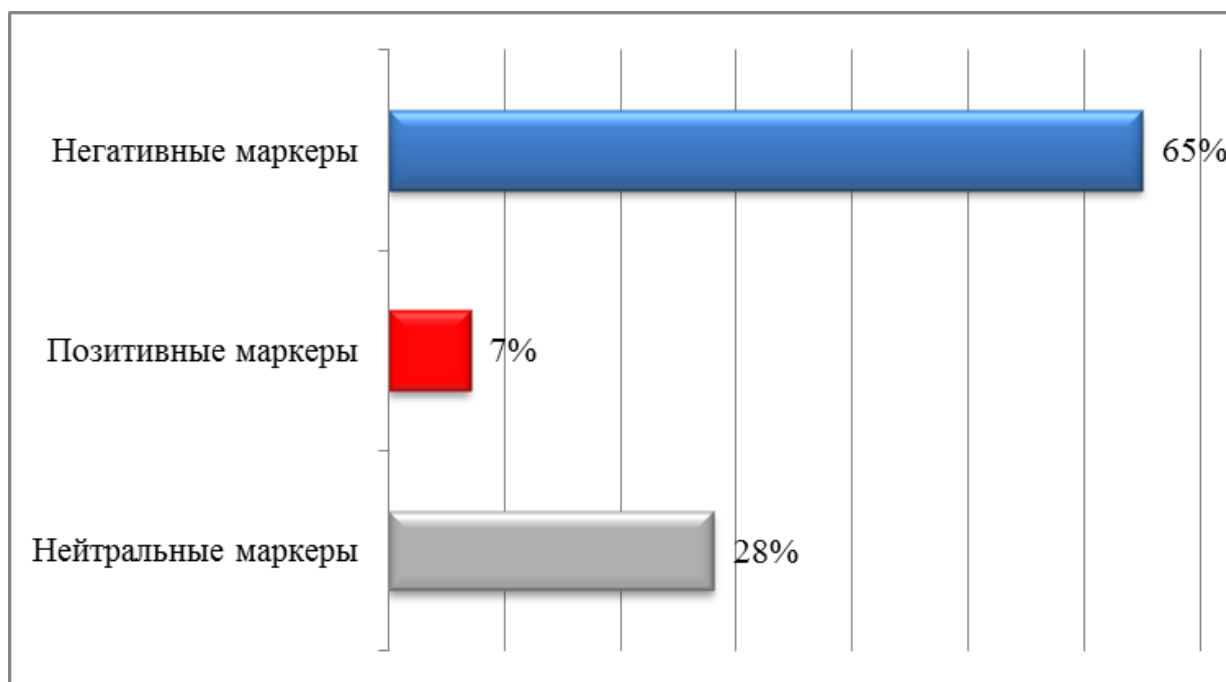
Наиболее важным изменением следует признать высокое изначально и возрастающее в дальнейшем внимание к проблеме вооруженной борьбы с антисоветским подпольем, характерное для обеих сторон. При этом темы, которые официально продвигались польским руководством, оказались даже в «минусе» динамики внимания граждан и прессы.

В свете обозначенных фактов не вызывает удивления факт негативного восприятия поляками истории освобождения Польши от немецких оккупантов войсками СССР. Ведь именно на них легли основные задачи борьбы с разнообразными незаконными вооруженными формированиями. В их число входили различные силы – от идеологических противников до отрядов, занимавшихся обыкновенным бандитизмом. Однако все они стали восприниматься населением Польши как некий единый антисоветский фронт.

Это привело одновременно к росту интереса к указанной проблематике и негативного отношения поляков к Красной армии.

Рис. 13

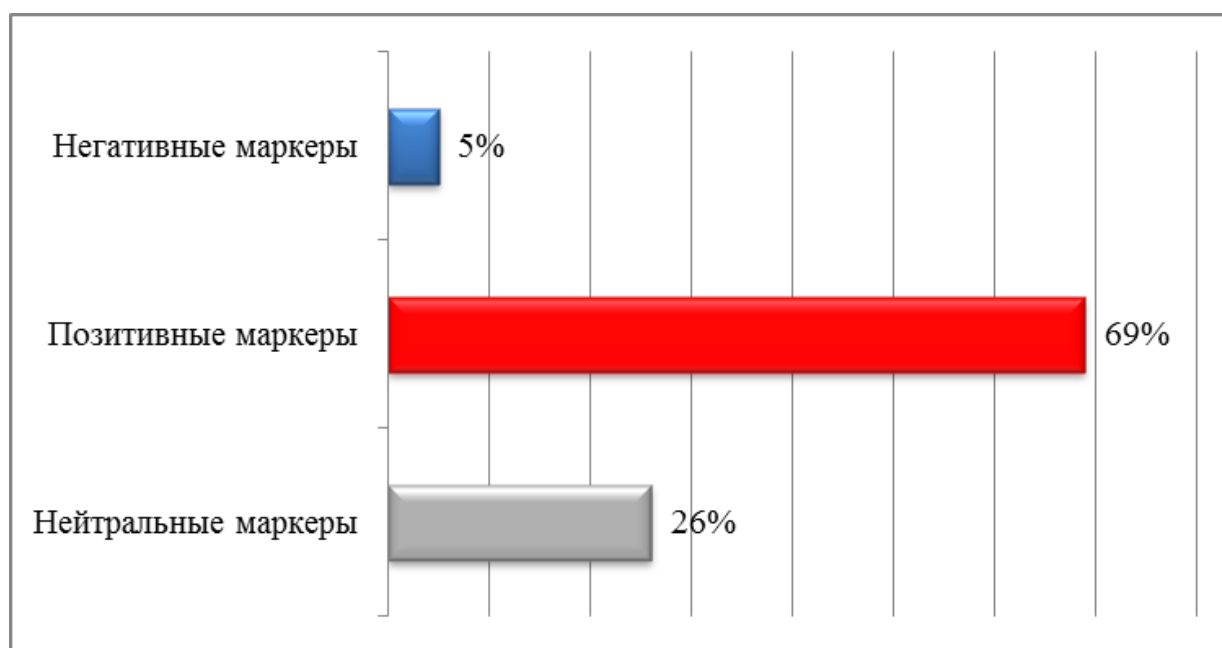
Позиционирование отношения поляков к пребыванию Красной армии на территории Польши в 1944 - 1945 гг. (по данным за 2008 г.)

Как мы видим, изучение входящего в выборку контента, сгенерированного за 2008 г. на польском языке, показывает, что в 65% сообщений, затрагивающих вопрос о пребывании Красной армии на территории Польши в 1944 – 1945 гг., носят ярко выраженный отрицательный характер. На долю контента с нейтральной маркировкой приходится лишь 28 % сообщений, позитивные же отклики занимают только 7 % от общего числа упоминаний данной темы.

В то же время большинство сообщений о деятельности Армии Крайовой – главного противника советских войск из числа вооруженных формирований польской оппозиции – носит положительную окраску (69%), в то время как доля негативных откликов сведена к минимуму на грани статистической погрешности (5%). Эта информация визуализирована в виде размещенной ниже диаграммы.

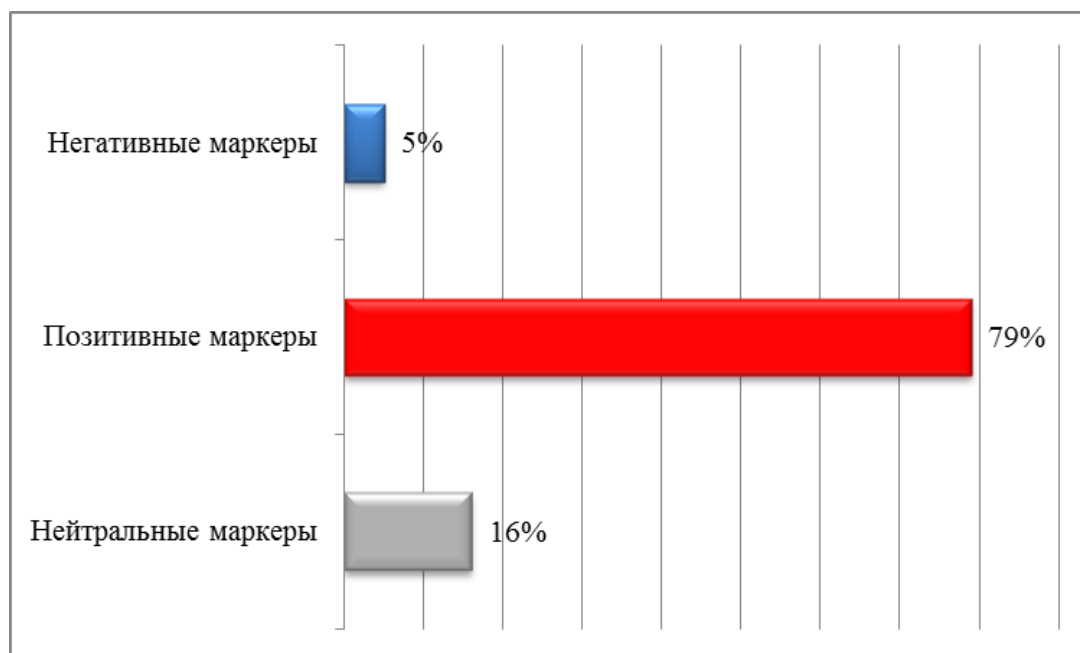
**Позиционирование отношения поляков к Армии Крайовой
(по данным за 2008 г.)**

Структура контента, посвященного напрямую истории антитетского вооруженного подполья, еще более ярко характеризует предпочтения поляков на 2008 г. То есть оно установилось на уровне 16/1 соответственно, при удельной доле нейтрального контента в 16% – см. расположенную ниже иллюстрацию. Таким образом, мы видим, что официальная модель политики памяти польского руководства заостряла внимание далеко не на тех сюжетах, которые представляются людям действительно важными. Возможно, это объясняется тем, что с политтехнологической точки зрения использовался ивент-подход, то есть привязка продвигаемого контента с точки зрения акцентуации внимания на конкретных событиях.

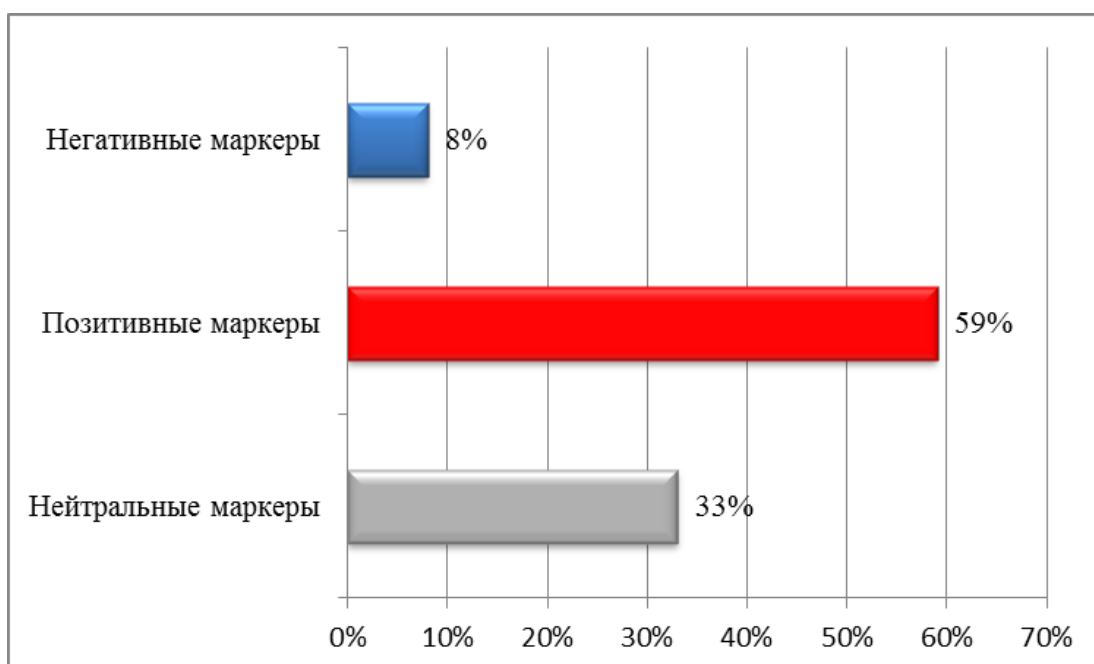

**Позиционирование отношения поляков к деятельности вооруженного
антисоветского подполья (по данным за 2008 г.)**

В то же время анализ русскоязычного контента показал, что интернет-пользователи из Российской Федерации занимают прямо противоположную позицию по обозначенным вопросам.

**Позиционирование отношения россиян к пребыванию Красной армии
на территории Польши в 1944 - 1945 гг. (по данным за 2008 г.)**

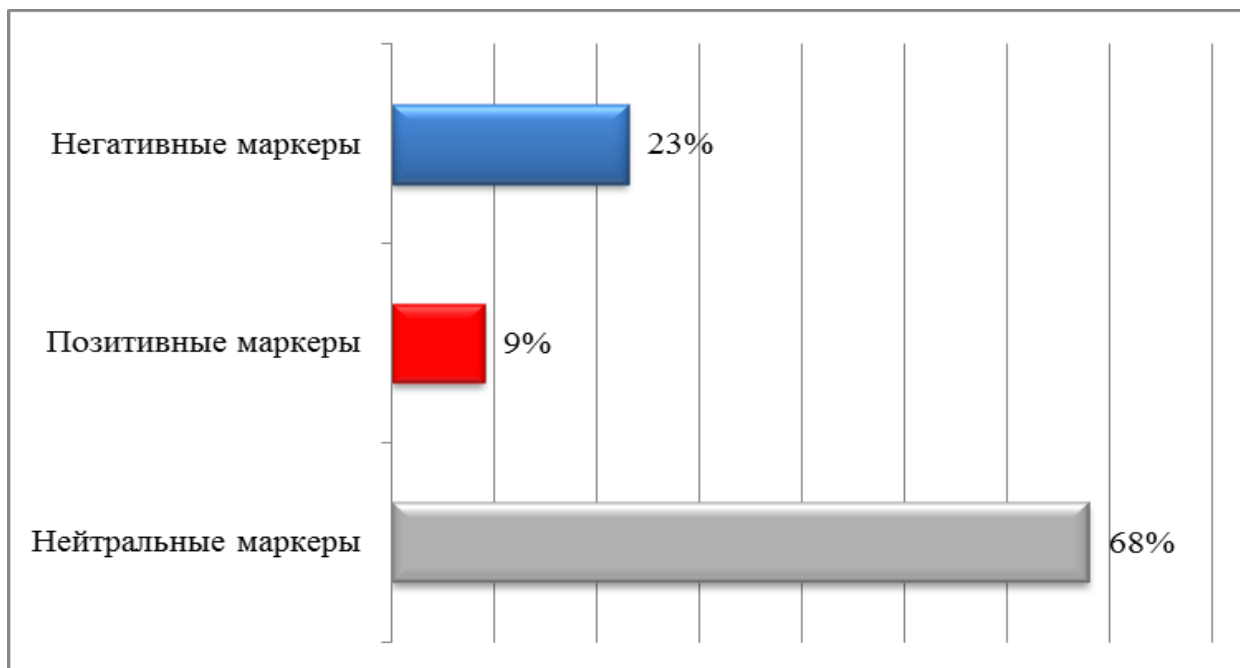

Как мы видим, действия советских войск на территории Польши положительно оцениваются в 59% сообщений, негативные же маркеры, в частности, упоминания таких терминов, как «оккупация», «мародерство», «изнасилование» и т.п. обнаруживаются лишь в 8% случаев.

В восприятии Армии Крайовой гражданами России доминировала нейтральная коннотация 68% упоминаний. Это свидетельствует о том, что русский обыватель в целом слабо осведомлен в данном вопросе. Однако соотношение позитивных и негативных маркеров, то есть мнений тех, кто «в теме», выражает явное преобладание последних – 9% против 23%, как указано на следующей диаграмме. Так, представителей Армии Крайовой позиционировали в качестве радикальных националистов, русофобов, которые не вели реальной борьбы с немецкими оккупантами, но прилагали все усилия, чтобы затруднить продвижение Красной армии по территории Польши.

Рис. 17

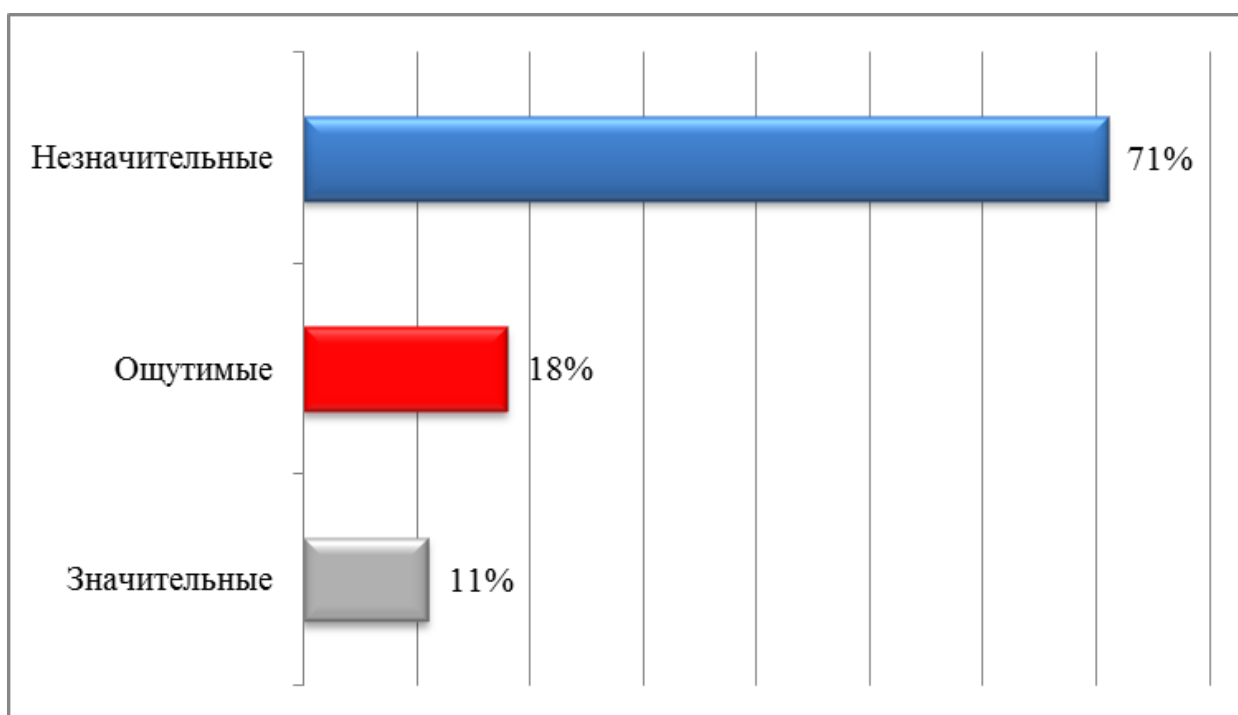
**Позиционирование отношения россиян к Армии Крайовой
(по данным за 2008 г.)**

Логично теперь рассмотреть восприятие россиянами урона, понесенного советскими войсками от действий польского антисоветского подполья – в 71% случаев они расцениваются как незначительные, что свидетельствует об отсутствии в сознании масс образа Армии Крайовой и аналогичных структур как опасного врага, неприязнь к которому постоянно подпитывается памятью о принесенных жертвах. Для сравнения, в отношении деятельности вооруженных формирований украинских националистов лишь в 32% случаев нанесенные ими потери были охарактеризованы как незначительные. Помимо прочего, из анализа данного обстоятельства, учитывая текущую политическую проблематику, можно сделать вывод, что тему совместной советско-польской борьбы с Украинской повстанческой армией и бандеровцами можно считать перспективной для гармонизации ситуации.

Рис. 18

Характер оценок советских потерь в результате деятельности вооруженного подполья по данным за 2008 г. (со стороны россиян)

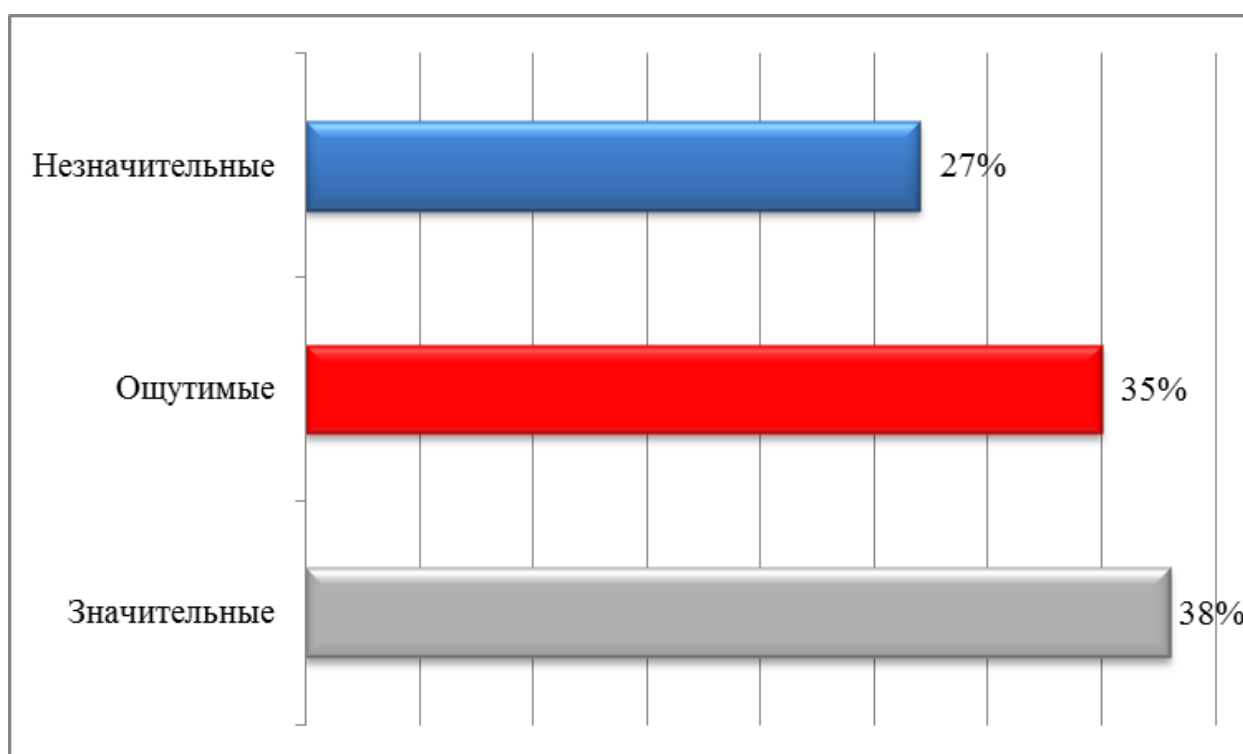
Однако обратим внимание на восприятие поляками действий Армии Крайовой в плане нанесенных потерь. При этом следует учитывать факторы,

которые повлияли на формирование данного убеждения. Как следует из материалов проведенного экспертного опроса, в сознании большинства граждан современной Польши, благодаря существованию эмоционально богатой символики и сложной системы ритуалов, давно сформировался образ широкомасштабной партизанской борьбы националистического подполья против «коммунистического режима».

Данная деятельность выставляется соответствующими акторами сопоставимой по масштабам, как минимум, с деятельностью югославских или французских партизан в годы Второй мировой войны. Эту позицию подтверждают и результаты контент-анализа: было установлено, что в 73% случаев урон, понесенный Красной армией от действий подполья, описывается поляками как значительный и ощутимый. Подробнее результаты исследования отображены в размещенной ниже диаграмме.

Рис. 19

Характер оценок советских потерь в результате деятельности вооруженного подполья по данным за 2008 г. (с польской стороны)

Таким образом, несмотря на расхождения во мнениях, представляется очевидным, что граждане как России, так и Польши испытывали большой интерес к обозначенной теме. Для последних она носит еще и травмирующий характер, являясь значимой частью искусственно культивируемого национального эпоса. В подобных условиях любая официальная риторика и сопутствующие акции, эмоционально подпитывающие политический миф о Польше как стране-жертве, должны были способствовать существенной деформации исторической памяти по обе стороны границы. Для поляков это означало дальнейшую демонизацию образов советских воинов и параллельную сакрализацию Армии Крайовой.

Последнему способствовало активное использование польскими СМИ актов политики памяти в качестве информационных поводов, что провоцировало ответную реакцию журналистов прочих стран, включая постсоветские республики. Как итог, тема «противоправных деяний» советских военнослужащих и иные элементы антироссийской и антикоммунистической риторики транслировались на сознание научных и культурных элит, которые «упаковывали» этот дискурс в символику массовой культуры и транслировали его широким слоям населения. В случае России это, напротив, должно было усложнить проблему консолидации общества, закрепляя образ россиян как наследников «преступной нации»²³³.

Тем не менее, даже все приведенные данные вовсе не свидетельствуют, что подавляющая часть поляков попала под влияние транслируемых антироссийских настроений. Это видно на примере весьма существенного ресурса – положительных моментов в восприятии общего прошлого. Когда в 2007 г. в Польше был впервые поднят вопрос о возможности демонтажа мемориалов воинам-освободителям, 38% граждан согласно данным социологических опросов, высказались против этой инициативы, считая, что

---

²³³ Васильев А. А., Соловьев В. Ю. О некоторых моментах современного исторического воспитания и формирования русской самоидентичности // Власть. 2011. №1. С. 87.

эти памятники являются символом освобождения Польши. Кроме того, 57% респондентов заявили, что они должны остаться на прежних местах²³⁴.

Рис. 20

Восприятие мемориалов советским войнам польским населением (результаты социологического опроса 2007 г.)

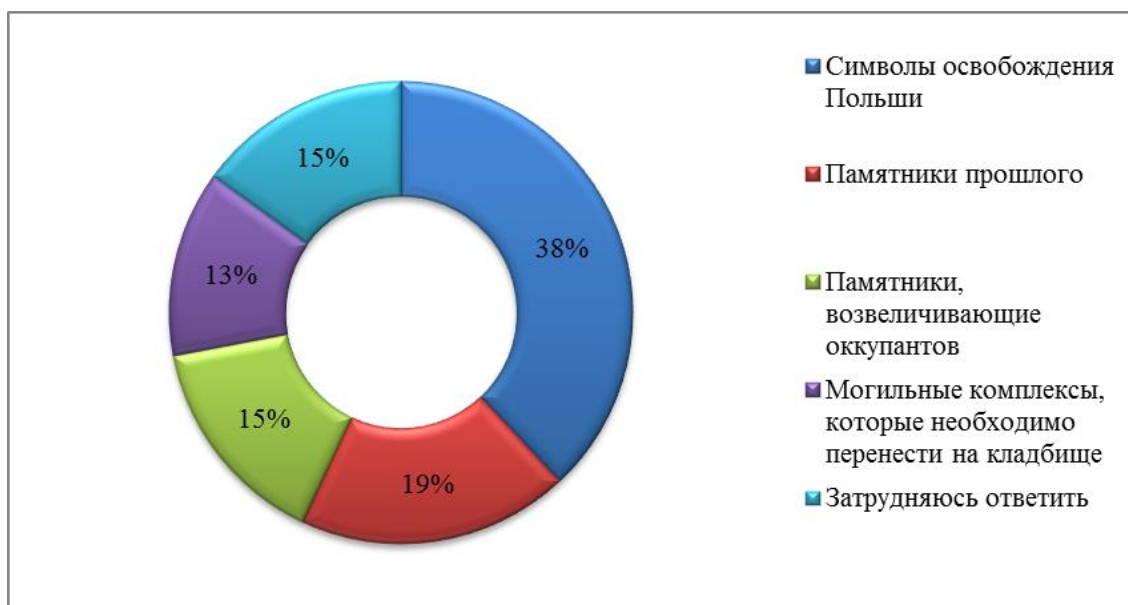
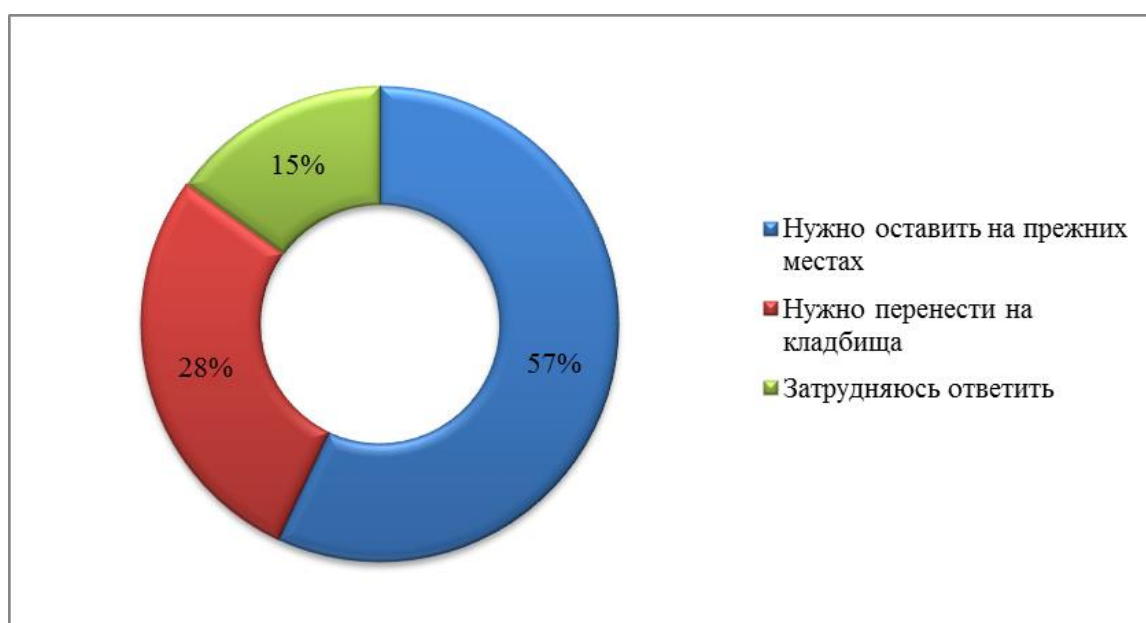

Рис.21

Отношение поляков к идее переноса памятников советским войнам (результаты социологического опроса 2007 г.)²³⁵

²³⁴ Pomniki i cmentarze żołnierzy radzieckich / OBOP. Warszawa, 2007. Maj. S. 3.

²³⁵ Pomniki i cmentarze żołnierzy radzieckich / OBOP. Warszawa, 2007. Maj. S. 3.

Однако на данный момент можно констатировать, что наличие как существенного символического ресурса, так и людей, выступающих носителями «дружественного» политического мировосприятия и готовых поддерживать партнерскую идентичность за счет осуществления соответствующих ритуалов, практически не используется с целью гармонизации мемориальных отношений между странами.

Очевидно, результаты полученных опросов привели антироссийски настроенных мнемонических акторов Польши к мысли о дальнейшем раскачивании мемориальной ситуации. С этой целью в очередной раз стал продвигаться кейс, основанный на конкретном нарративе, в данном случае – событиях в Катыни. При этом, как мы уже видели, данный вопрос даже не вошел в перечень наиболее важных как для поляков, так и для россиян.

Тем не менее, активное педалирование данной темы привело к росту антироссийских настроений. По данным за 2008 г., 52% опрошенных граждан Третьей Речи Посполитой считали, что Москва должна признать произошедшее в Катыни геноцидом, 51% полагал необходимыми официальные просьбы к полякам о прощении, 38% требовали возложить на СССР ответственность за распространение ложной информации по делу, 32% отстаивали идею выплаты Россией компенсации семьям жертв и уголовного наказания оставшихся в живых исполнителей, 21% высказывался в пользу того, что Кремль должен переписать учебники истории. Опрос предполагал возможность выбрать сразу несколько вариантов ответа – С.Б.²³⁶

---

²³⁶ 9 Pamięć o zbrodni Katyńskiej i ocena jej znaczenia dla stosunków polsko-rosyjskich / CBOS. Warszawa, 2008. Maj. S. 5; Opinia publiczna o zbrodni Katyńskiej i jej znaczeniu dla stosunków polsko-rosyjskich / CBOS. Warszawa, 2010. Maj. S. 5.

**Требования польских граждан к российским властям относительно
катынского инцидента в 2008 г.²³⁷**

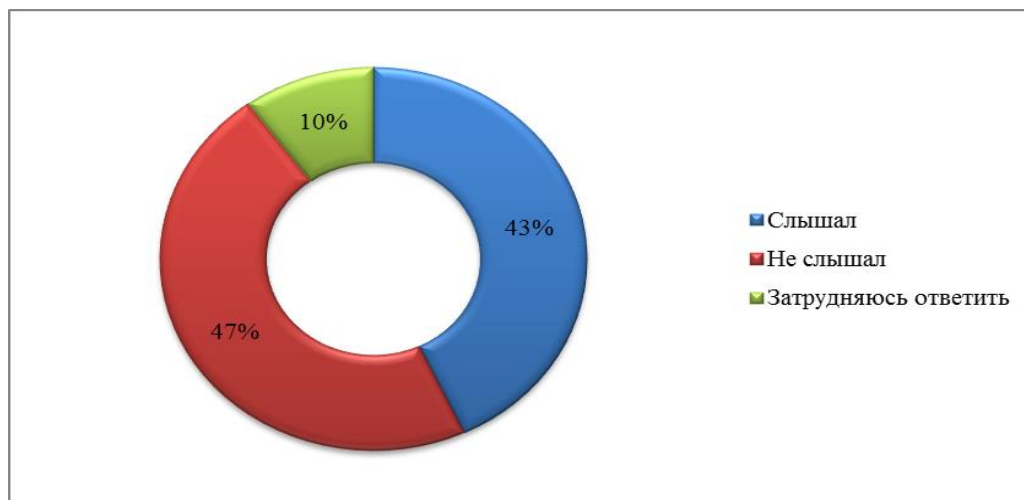

При этом, как показывают результаты опросов, проведенных специалистами «Левада-центра» в 2008 и 2010 гг., своими непродуманными действиями тогдашнее российское руководство облегчило польской политической элите задачу имплантации катынского политического мифа в массовое сознание россиян. В начале 2010 г. о катынских событиях знали лишь 43% респондентов в Российской Федерации, и только 10% затруднились дать точный ответ.

²³⁷ 9 Pamięć o zbrodni Katyńskiej i ocena jej znaczenia dla stosunków polsko-rosyjskich / CBOS. Warszawa, 2008. Maj. S. 5; Opinia publiczna o zbrodni Katyńskiej i jej znaczeniu dla stosunków polsko-rosyjskich / CBOS. Warszawa, 2010. Maj. S. 5.

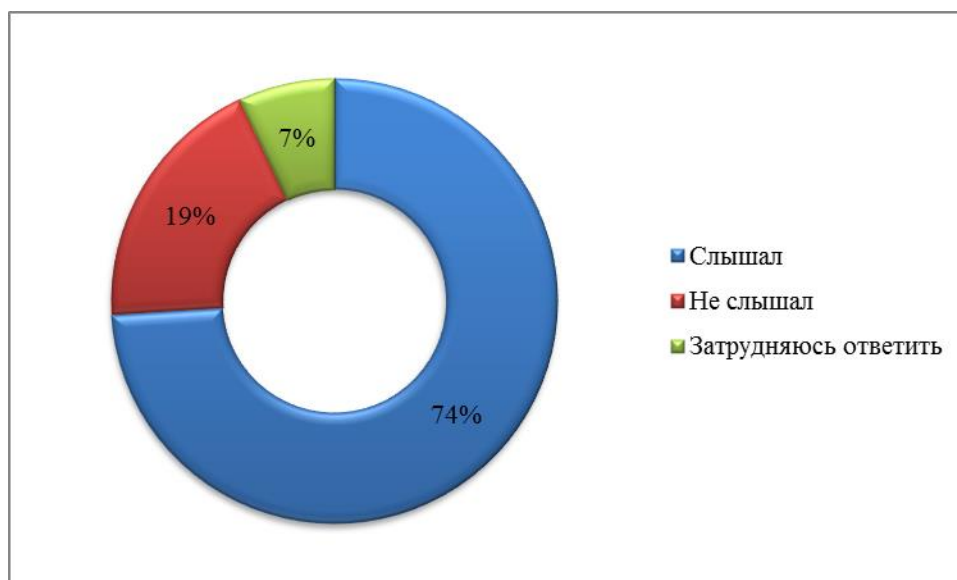

Осведомленность россиян о катынских событиях (март 2010 г.)²³⁸

Однако уже в апреле того же года, после визита В.В. Путина в Катынь и авиакатастрофы с участием польской делегации под Смоленском, что выступило в роли сильного катализатора внимания граждан России на тему расстрелов, степень их осведомленности об этом эпизоде совместного прошлого резко выросла до 74 %²³⁹

Осведомленность россиян о катынских событиях (апрель 2010 г.)

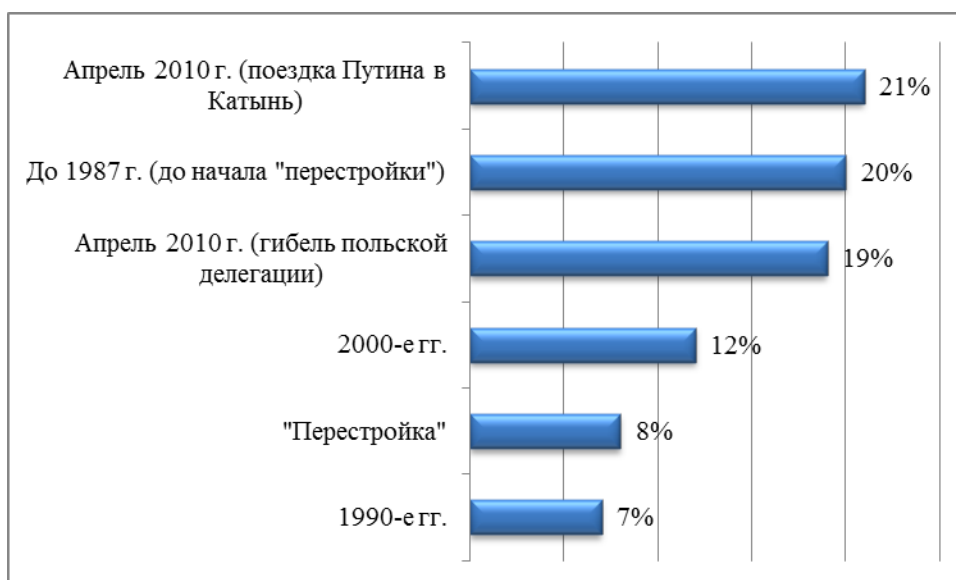
²³⁸ Левада-Центр. Аналитический центр Юрия Левады. URL:<http://www.levada.ru> (Дата обращения 21.09.2020).

²³⁹ Там же.

Данные соцопросов позволяют установить, что превращение катынских событий в элемент актуальной повестки дня было связано как с неожиданным признанием этого факта российскими властями, так и сопутствующим гибели польской делегации широким обсуждением причин ее визита в Россию в СМИ. 40% респондентов, сообщивших о своей осведомленности относительно трагедии, признались, что впервые узнали о произошедшем именно в апреле 2010 г.²⁴⁰

Рис. 25

**Время ознакомления россиян с информацией о трагедии под Катынью
(по результатам соцопроса, проведенного в апреле 2010 г.)²⁴¹**

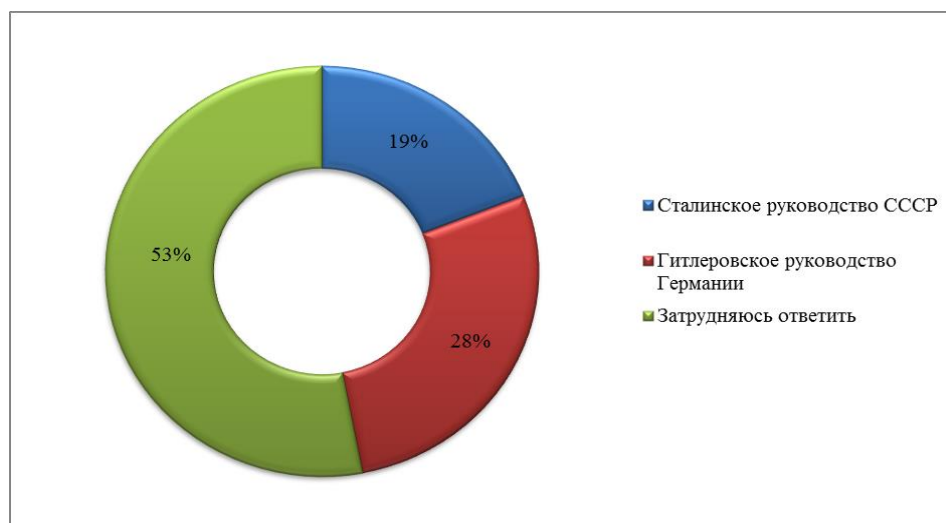
Параллельно существенные изменения претерпели представления граждан Российской Федерации об инициаторах и исполнителях расстрелов в Катыни. В 2008 г. лишь 19% граждан считали, что ответственность за это преступление лежит на советском руководстве, чьим правопреемником являются нынешние российские власти, в то время как 28% респондентов возлагали вину на лидеров нацистской Германии²⁴².

²⁴⁰ Левада-Центр. Аналитический центр Юрия Левады. URL:<http://www.levada.ru>. (Дата обращения 21.09.2020).

²⁴¹ Там же.

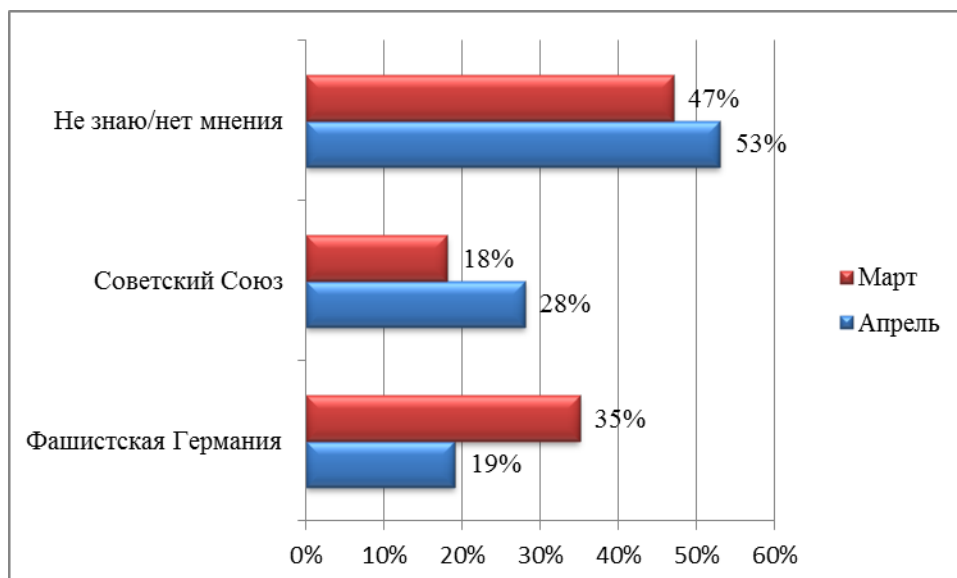
²⁴² Там же.

**Мнение россиян по поводу ответственности за события в Катыни
(2008 г.)²⁴³**

К марту 2010 года тенденция обвинения Германии сохранялась. Однако в течение всего лишь одного месяца ситуация существенно изменилась вследствие официальной позиции российской стороны.

Представления россиян о виновниках катынской трагедии (2010 г.)²⁴⁴

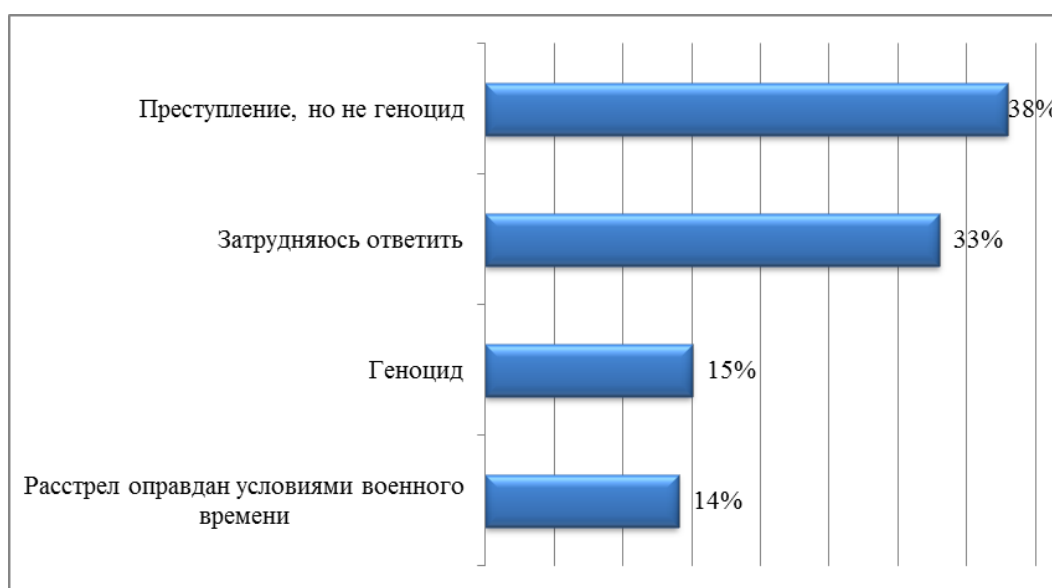
²⁴³ Левада-Центр. Аналитический центр Юрия Левады. URL:<http://www.levada.ru>. (Дата обращения 21.09.2020).

²⁴⁴ Там же.

Особо следует отметить то, что результатом актуализации катынской тематики стало усвоение частью россиян ранее не свойственного им представления о произошедших в Катыни событиях как об акте геноцида: 15% респондентов выразили свою убежденность в этом, еще 38% признали, что расстрелы являлись преступлением. В совокупности это создает, помимо прочего, основания для предъявления России требований по выплате компенсаций родственникам погибших²⁴⁵.

Рис. 28

Сущность расстрела в Катыни, по мнению россиян (апрель 2010 г.)²⁴⁶

Возникновения у граждан Российской Федерации выраженного в ощутимых пределах чувства личной вины за произошедшее, можно было избежать, если бы данный акт признания, в необходимости которого как такового есть большие сомнения, был осуществлен на взаимных «встречных» условиях. Так, если бы польская сторона одновременно признала собственные преступления по отношению к советским военнопленным в 1920-е гг., это могло действительно способствовать гармонизации двухсторонних отношений. Вместо этого был выбран опасный в перспективе путь такой

²⁴⁵ Левада-Центр. Аналитический центр Юрия Левады. URL:<http://www.levada.ru>. (Дата обращения 21.09.2020).

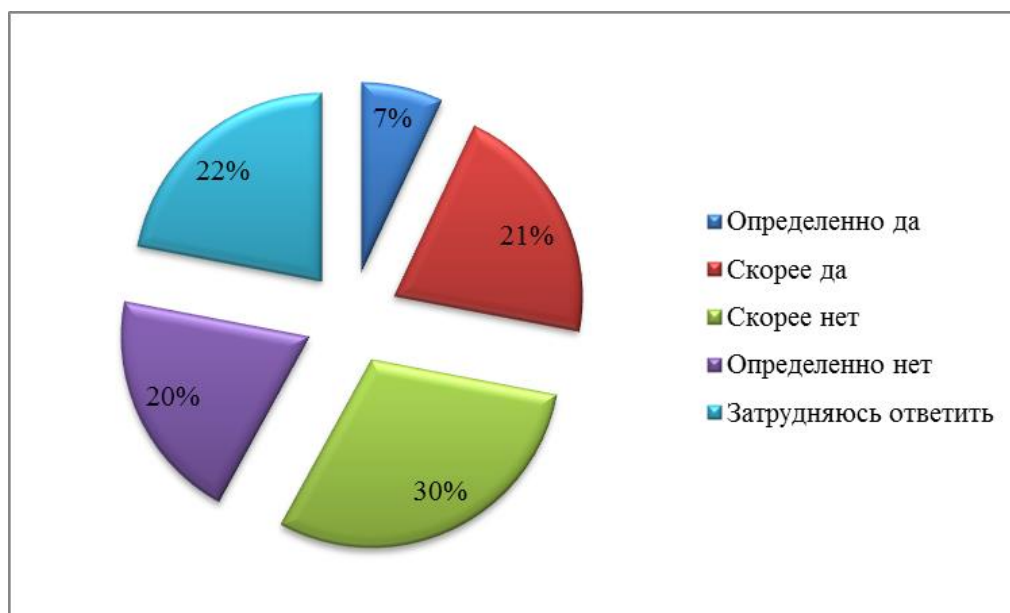
²⁴⁶ Там же.

подачи событий, при которой акцент делался на гораздо большее количество советских граждан, ставших жертвами сталинского террора, в том числе в Катыни.

Отдельно следует отметить, что российские власти и до этого не препятствовали трансляции на информационное поле России польской версии событий, содержащей в себе эмоционально насыщенный антиобраз СССР, правопреемником которого является Российская Федерация. Для внутренней аудитории не были предложены альтернативные варианты трактовки событий, способные предотвратить или смягчить возникновение травмирующего эффекта. Был также почти полностью проигнорирован такой ресурс компенсации негативного воздействия, как предоставление площадок для высказываний сторонникам иных версий трактовки событий прошлого. Соответственно, возникновение травмирующего эффекта объяснялось во многом отсутствием адекватной интерпретации²⁴⁷.

Рис. 29

**Испытываете ли вы чувство вины за то, что произошло в Катыни
(мнения россиян за апрель 2010 г.)²⁴⁸**

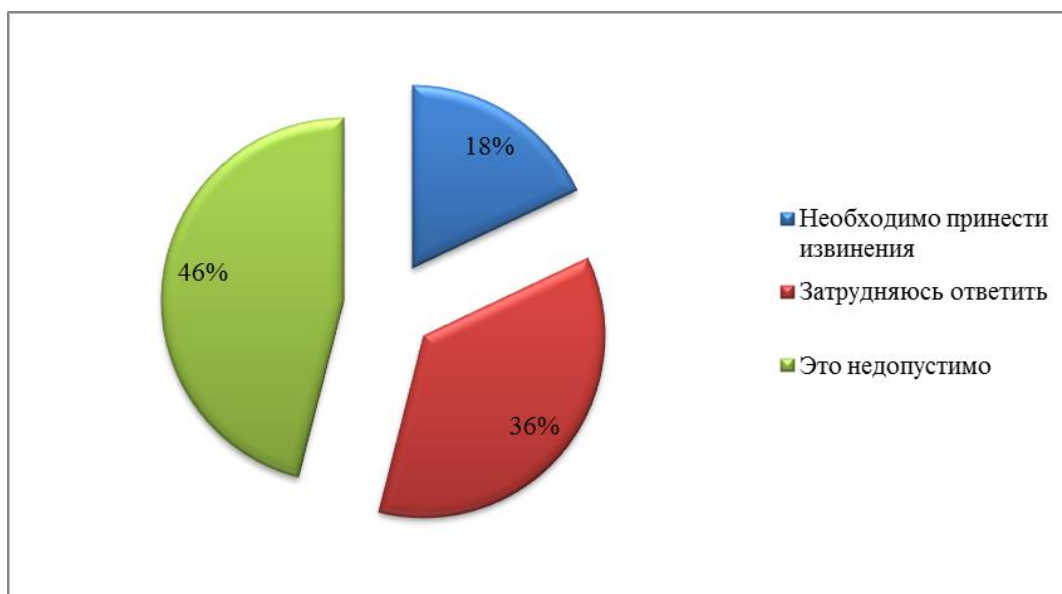
²⁴⁷ Левада-Центр. Аналитический центр Юрия Левады. URL:<http://www.levada.ru>. (Дата обращения 21.09.2020).

²⁴⁸ Там же.

Тем не менее, важным фактом можно считать, что лишь 18% участников опросов выразили согласие с мыслью о том, что глава правительства В.В. Путин, представлявший Россию на мемориальных мероприятиях в Катыни, должен лично принести официальные извинения Польше и ее народу, тогда как 46 % заявили, что подобное недопустимо²⁴⁹.

Рис. 30

Мнение россиян относительно необходимости принести официальные извинения Польше (апрель 2010 г.)²⁵⁰

Данный пример в целом показывает, что российское общество, во-первых, не придавало существенного значения данному вопросу, а когда было, по существу, поставлено перед фактом, возросла скорее осведомленность, нежели изменилось общее отношение. Во-вторых, как это показывали приведенные выше исследования о структуре «сложных вопросов», и польские граждане не считали события в Катыни чем-либо определенно важным, а возможные претензии озвучивали лишь потому, что представилась такая возможность. Таким образом, и руководство Польши, поставившее целью выставить данный инцидент одним из важнейших, и российская

²⁴⁹ Левада-Центр. Аналитический центр Юрия Левады. URL:<http://www.levada.ru>. (Дата обращения 21.09.2020).

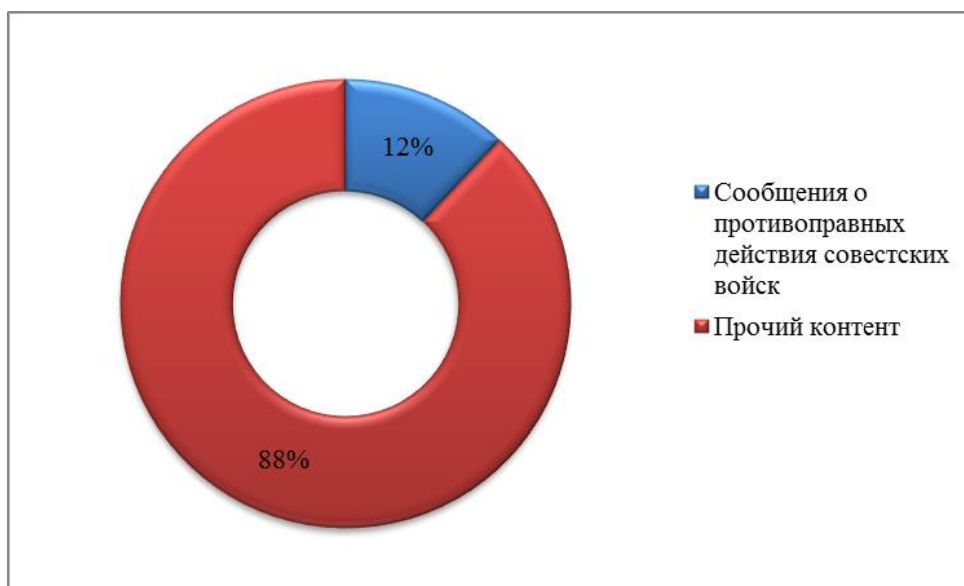
²⁵⁰ Там же.

сторона, принявшая непродуманное решение о признании навязываемой интерпретации без каких-либо встречных шагов, допустили ошибку. В дальнейшем при переходе подобного дискурса в плоскость официальных переговоров обе стороны должны учитывать, прежде всего, ту проблематику, которая в наибольшей степени актуальна для граждан двух стран. Как показывает анализ, в этом качестве выступают не столько событийные сюжеты, сколько длительные процессы.

Рассмотрим теперь один из них – пребывание советских войск на польской территории. Одновременно изучение данного вопроса позволяет понять, какова в реальности степень воздействия избранной польским руководством модели политики памяти на мнение собственного населения. Как мы видим из следующей схемы, доля негативного восприятия россиянами была в целом несущественной.

Рис. 31

Доля сообщений о противоправных действиях в структуре контента, посвященного действиям Красной армии на территории Польши (русскоязычные материалы за 2008 г.)

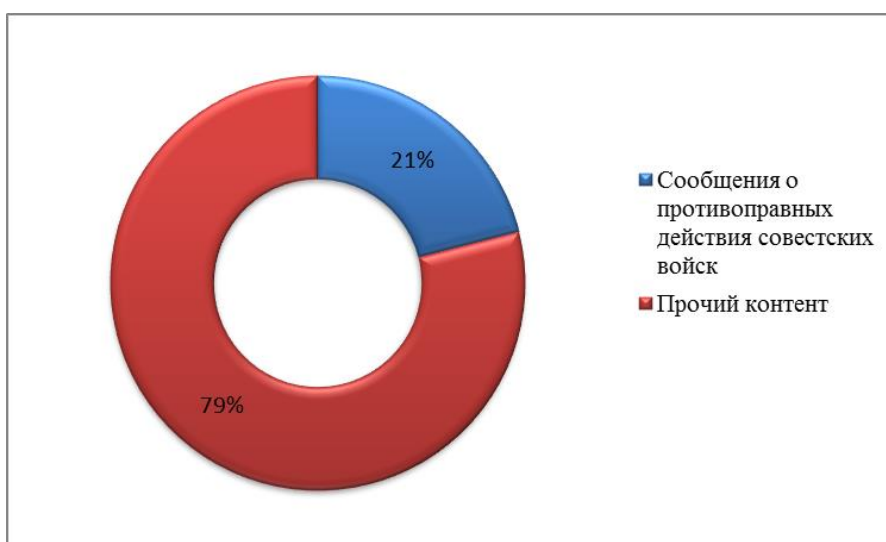
Однако уже в 2011 г. соответствующий дискурс занимал масштаб в пределах 21 %, т.е. каждое пятое упоминание о пребывании Красной армии в Польше сопровождалось высказываниями о грабежах и насилии. Последнее

неизбежным образом отражает существенные изменения исторической памяти. Налицо новая для россиян тенденция трансформации образа воина-освободителя в характерный для эпохи «холодной войны» имидж «красного варвара» или гипермаскулинный эталон поведения воина, порождаемый современной массовой культурой.

Примером последнего могут служить шуточные образы, созданные российским армейским фольклором: «а мы береты на лоб надвинем и автоматы удобней сдвинем, и с улыбкой веселой мы будем жечь чужие села, мы будем водку ж.ать, мы будем баб ..ать, а потому что нам на совесть наплевать...»²⁵¹. При этом подобный юмор может восприниматься в других странах на полном серьезе как действительный эталон поведения, которого следует опасаться. Не случайно после 2014 г. руководство страны при боевых операциях за рубежом предпочло создать и эксплуатировать иной образ, разрушающий привычную пропаганду – «Вежливые люди».

Рис. 32

Доля сообщений о противоправных действиях в структуре контента, посвященного действиям Красной армии на территории Польши (русскоязычные материалы за 2011 г.)

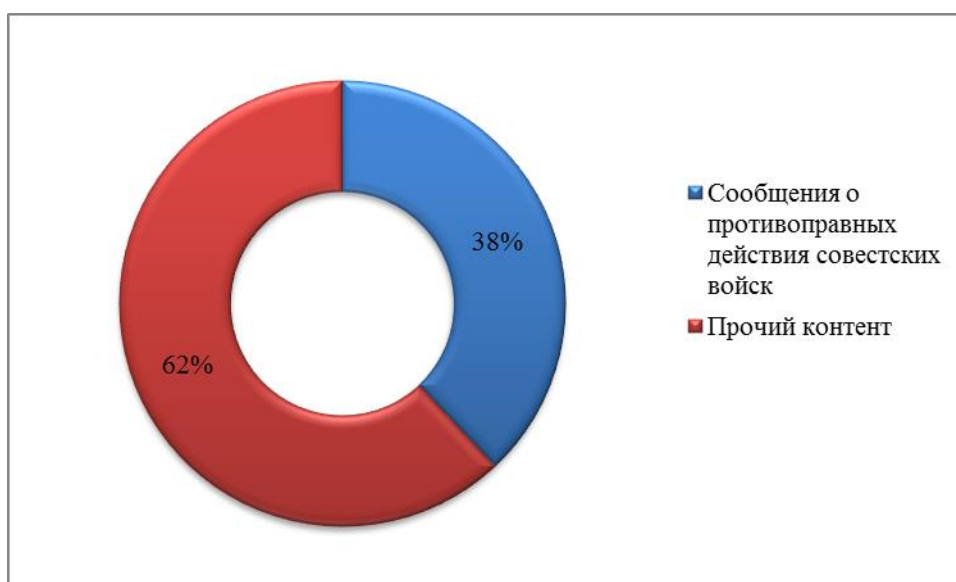
²⁵¹ Taras R. Russia Resurgent, Russophobia in Decline? Polish Perceptions of Relations with Russian Federation 2004-2012 // Europe-Asia Studies. 2014. Vol. 66. No. 5. July 2014. P. 719, 720.

В массовом сознании польских граждан произошли еще более ярко выраженные трансформации. Для сравнения, в польском дискурсе на 2008 г. маркеры, связанные с противоправными действиями советских солдат и офицеров в 1944 – 1945 гг., занимали 38%. Данный показатель сам по себе является наглядным свидетельством того, что дискурсивные практики сформировали благоприятные условия для закрепления и развития антисоветского и русофобского элементов в исторической памяти поляков.

Рис. 33

Доля сообщений о противоправных действиях в структуре контента, посвященного действиям Красной армии на территории Польши (польские материалы за 2008 г.)

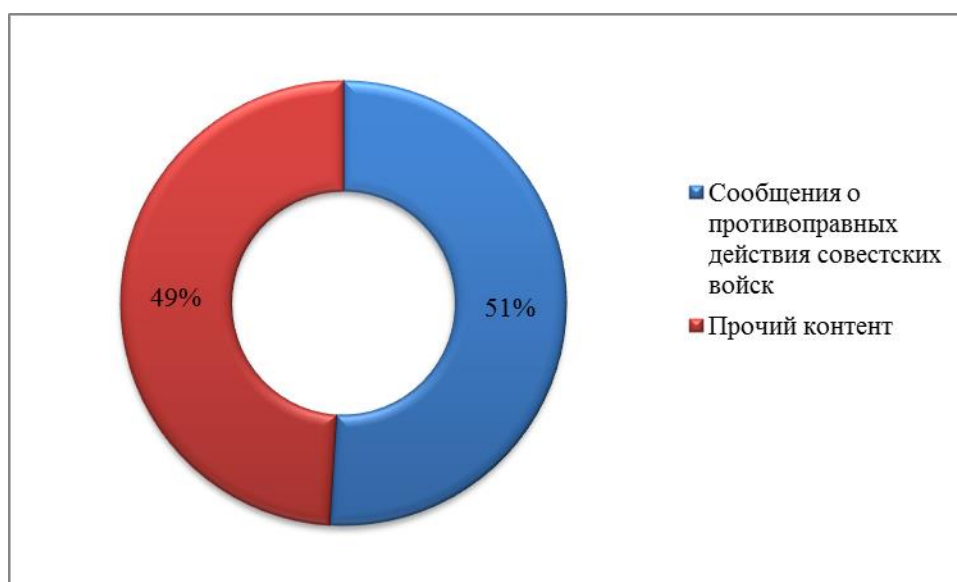

Закономерным последствием подобного подхода к реализации политики памяти стала дальнейшая радикализация польского исторического дискурса. В структуре контента за 2011 г., посвященному пребыванию советских Вооруженных Сил на землях Польши, удельный вес упоминаний о случаях противоправного поведения красноармейцев и офицеров вырос до 51%, т.е. в каждом втором случае повествование включало в себя соответствующие эпизоды.

Этому способствовало образование и длительное продвижение в массы устойчивого ассоциативного ряда между такими понятиями как «Красная армия», «СССР», «Россия» и «мародерство», «убийство», «изнасилование», «грабеж». Данная трансформация сознания вскоре нашла выражение как в форме политических мифов, так и соответствующих символов. В качестве характерного примера можно привести скульптурную композицию, установленную в Гданьске, включающую в себя статую красноармейца и насилуемой им женщины²⁵².

Рис. 34

Доля сообщений о противоправных действиях в структуре контента, посвященного действиям Красной армии на территории Польши (польские материалы за 2011 г.)

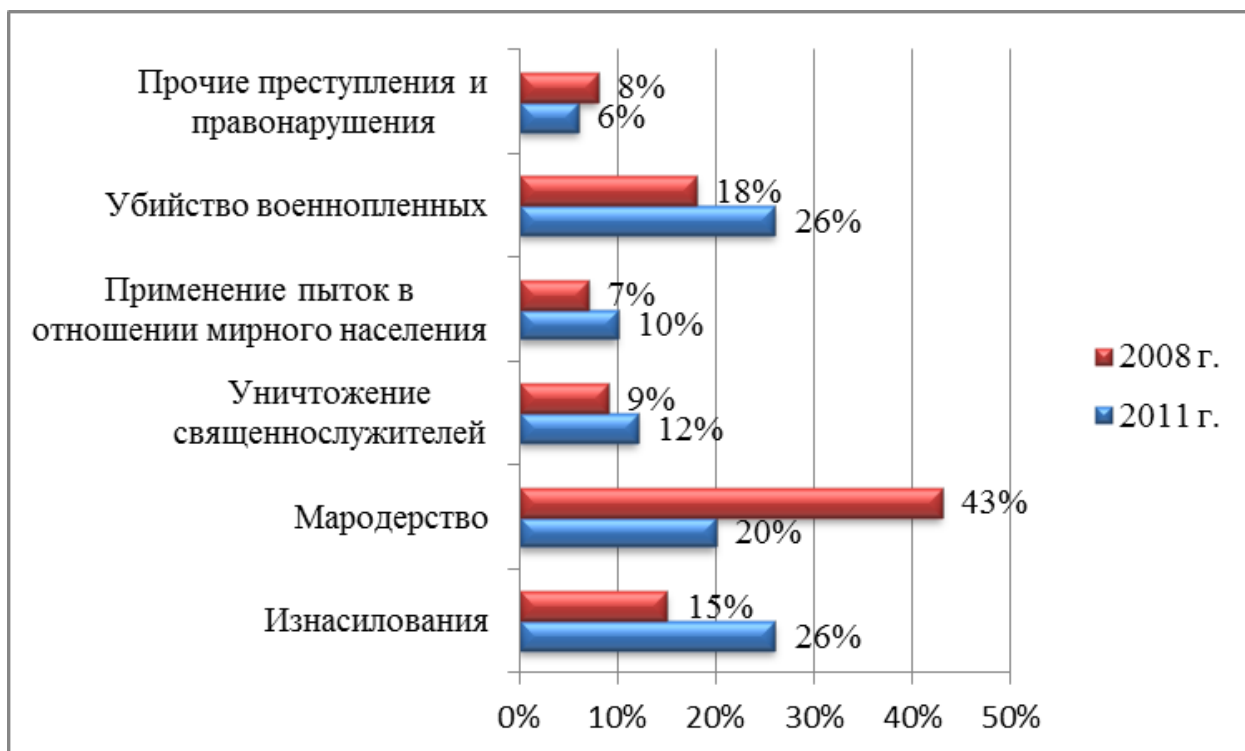
Нельзя проигнорировать также такой аспект проблемы, как изменение структуры упоминаний о конкретных правонарушениях, совершенных советскими военнослужащими на территории Польши в 1944 – 1945 гг. В рамках русскоязычного сегмента выборки, использованной в ходе контент-анализа, существенно выросло число сообщений, упоминающих тяжкие и

²⁵² Изнасилование под танком: художник инициировал дискуссию о прошлом Гданьска. URL: <http://www.inosmi.ru/world/20131017/213952307.html> (Дата обращения 21.09.201).

насильственные преступления, в то время как количество маркеров, указывающих на случаи мародерства, сократилось более чем в 2 раза – с 43 до 20 %. Последнее подразумевало дальнейший рост случаев негативного восприятия советского прошлого и связанной с ним идентичности.

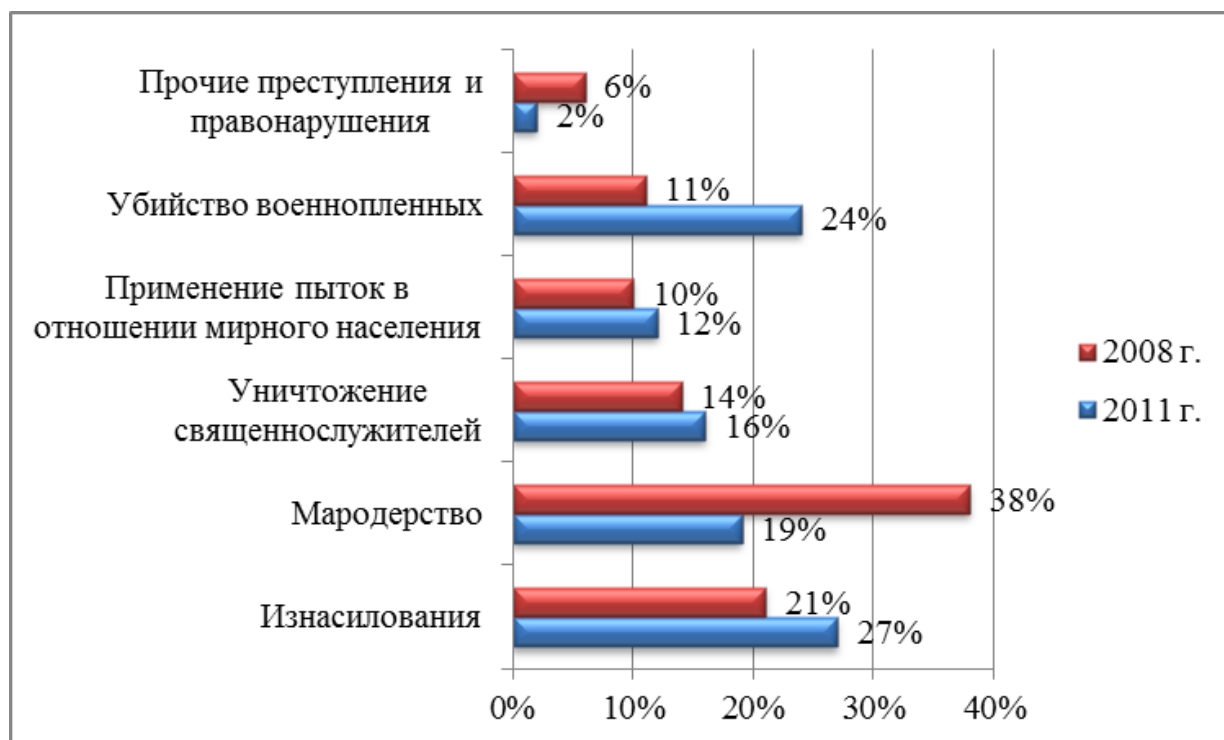
Рис. 35

Динамика структуры упоминаний о противоправных действиях советских войск в русскоязычном контенте (2008 – 2011 гг.)

В рамках польского дискурса тенденция к увеличению упоминаний о тяжких преступлениях советских военнослужащих обрела еще более выраженный характер, способствуя продолжающемуся процессу размывания образа воина-освободителя и включения антисоветских и русофобских элементов в польскую идентичность.

Динамика структуры упоминаний о противоправных действиях советских войск в польском контенте (2008 – 2011 гг.)

Теперь рассмотрим вопрос о том, насколько правомерны выявленные оценки с точки зрения соответствия реальному положению дел. С одной стороны, мы видим, что тенденция роста негативного позиционирования советских войск неуклонно возрастает. При этом акцент смещается в сторону тяжких преступлений. В то же время, если сосредоточить внимание на «другой стороне медали», выясняется, что до сих пор около половины упоминаний о Красной армии в Польше не являются негативно окрашенными. Важно понимать, что реальные цифры еще выше, поскольку в социальных сетях в основном проводит время молодежь, которая в наибольшей степени подверглась влиянию продвигаемой официальными властями концепции. То есть ресурс гармонизации в виде достаточно большого количества здравомыслящих граждан подтверждается и в данном случае. Что особенно важно, речь идет о действительно актуальной для населения Польши проблематике.

Несколько сложнее обстоит дело относительно правонарушений, совершенных советскими войсками на польской территории. Мы уже говорили, что на основании архивных материалов доля тяжких преступлений со стороны первой линии наступающих войск была ничтожной.

Безусловно, возникает вопрос о том, не могли ли представители военной прокуратуры закрывать глаза на правонарушения, совершаемые солдатами и офицерами Красной армии. Однако особое внимание, проявляемое советским руководством к завоеванию симпатий мирного населения Польши, косвенным образом свидетельствует о том, что прокуратура не могла системно игнорировать факты произвола красноармейцев по отношению к гражданским лицам. Москва была крайне заинтересована в обеспечении лояльности мирного населения освобожденной Польши и не могла позволить военному руководству закрыть глаза на факты произвола в отношении нонкомбатантов²⁵³.

Несмотря на строгий запрет со стороны командования, случаи мародерства и грабежей имели место на освобожденных территориях. На заседании Военного совета 1-го Украинского Фронта 7 августа 1944 г. было упомянуто всего 20 зафиксированных случаев мародерства со стороны солдат соединений, подчиненных маршалу И.С. Коневу. Чаще всего имело место присвоение лошадей и гуртов скота. Например, член Военного совета 3-й гвардейской армии генерал-майор И.С. Колесниченко упоминал о захвате 32 лошадей. При этом подчеркивалось, что виновники в большинстве случаев были обнаружены и потерпели заслуженное наказание²⁵⁴.

Советское командование также организовало посвященные проблеме мародерства совещания начальников политорганов и интенсифицировало процесс подготовки комендантов, на которых возложило, среди прочих,

---

²⁵³ ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2727. Д. 20. Л. 1, 10,12, 19; Конев И.С. Записки командующего фронтом. - М., 1972. - С. 236 – 276.

²⁵⁴ ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2727. Д. 20. Л. 2,3.

задачу бороться с хищениями имущества местных жителей. Перечисленные меры способствовали значительному сокращению случаев мародерства, однако подобные эксцессы периодически все же возникали²⁵⁵.

Несмотря на рост уровня дисциплины в войсках после принятия соответствующих решений в августе 1944 г., борьба с мародерством и разного рода мелкими правонарушениями среди частей Красной армии продолжала оставаться актуальной. Здесь становится очевидным, что виновниками проблемы чаще всего становились солдаты «второй линии», то есть не непосредственно освободители, а тыловики.

В директиве Военного совета 1-го Белорусского Фронта № 044 от 23 января 1945 г. упоминалось, что отставшие от своих частей солдаты Красной армии зачастую занимались попрошайничеством, мародерством и пьянством, совершали хулиганские выходки. Отдельные офицеры и вовсе поощряли практику присвоения продуктов питания, усматривая в этом проявление предприимчивости своих солдат, хотя бы частично освобождающую командиров от заботы о снабжении части. Помимо того в документах упоминалось, что дивизионные и полковые обозы, в особенности в артиллерийских частях, «загружены всяким хламом»²⁵⁶.

Военным советом фронта были даны указания в кратчайшие сроки наладить точный учет личного состава и отправить ответственных офицеров для сбора отставших, снабдив их при необходимости автотранспортом, а также пресечь мародерство. Кроме того, было приказано очистить обозы от ненужных для боя вещей и запретить впредь их перевозку²⁵⁷.

Урегулировать ситуацию позволило также заключение соглашения между Правительством СССР и Люблинским правительством Польши. В соответствии с основанным на данном нормативном акте приказом Ставки

---

²⁵⁵ Там же. Л. 10.

²⁵⁶ ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2727. Д. 34. Л. 66.

²⁵⁷ Там же. Л. 67, 68.

командующим 1, 2, 3-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов № 220318/сс от 1945 г. (более конкретная дата в источнике не указана – С.Б.), западнее т.н. «линии Керзона» трофеями можно было считать лишь принадлежащие воинским частям противника вооружение, боеприпасы, технику, военно-интендантское и военно-техническое имущество, горюче-смазочные материалы и содержимое войсковых продскладов.

Помимо того, приказом № 220318/сс советское командование воспрещало рассматривать в качестве трофеев и изымать на территории Польши имущество частных владельцев, кооперативных организаций, промышленных предприятий и муниципалитетов. В отношении имущества владельцев поместий, бежавших вместе с отступающей немецкой армией, действовало особое правило – все оставленные ими ценности полагалось брать под охрану и передавать по акту польским органам власти²⁵⁸.

Все жалобы населения о самовольном изъятии имущества советскими войсками предписывалось тщательно расследовать, как минимум, компенсируя в случае подтверждения жалоб понесенный местными жителями урон (в случае, если конкретного виновника произошедшего установить не удалось). Если вина военнослужащего была установлена – он подлежал суду военного трибунала²⁵⁹.

Все перечисленные меры способствовали сокращению случаев произвола советских военнослужащих в отношении гражданского населения Польши, заметно улучшили климат во взаимоотношениях двух сторон в период, последовавший за проведением Висло-Одерской операции 12 января – 3 февраля 1945 г.²⁶⁰

С целью окончательно покончить с противоправным поведением со стороны советских военнослужащих командование фронта разработало

---

²⁵⁸ ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2727. Д. 33. Л. 71.

²⁵⁹ ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2727. Д. 33. Л. 71.

²⁶⁰ ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2727. Д. 20. Л. 18; Там же. Д. 33. Л. 434-437, 441, 442.

комплекс мероприятий. Первым из них стало назначение в 3-дневный срок комендантов во всех населенных пунктах, где представители военной администрации ранее отсутствовали. При этом они передавались в прямое подчинение уездным и районным комендантам, назначаемым Военным советом фронта²⁶¹. Всех пьянствующих и т.н. «отставших» приказывалось немедленно задерживать, арестовывать и под конвоем отправлять в штаб армии, откуда нарушители дисциплины из числа рядового и сержантского состава должны были отправиться в стрелковые части на передний край, независимо от рода войск. Офицеров же ожидал суд чести²⁶².

Военным комендантам и комендантско-дорожной службе было дано четкое предписание – безоговорочно изымать любые транспортные средства, на которые у военнослужащих нет соответствующих документов. При этом на любые ходатайства о возвращении автомашин и мотоциклов налагался запрет²⁶³. Также в проекте директивы была прописана персональная ответственность командиров соединений за поведение своих подчиненных, а также обязанность Военных советов армий привлекать руководство замеченных в нарушении дисциплины частей к ответственности²⁶⁴.

Интересно отметить, что в то же время в документах фиксируются многочисленные случаи участия в мародерстве и разбоях гражданского населения Польши. Например, разграбление имения Потоцких в Лансуте, в ходе которого была содрана даже обшивка со стульев, проходило силами самих поляков, пользовавшихся положением временного безвластия. Неоднократно по итогам возбужденных по инициативе местных жителей

---

²⁶¹ ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2380. Д. 34. Л. 406, 407.

²⁶² Товарищеские суды чести командного, политического и начальствующего состава РККА действовали на основании приказа Народного комиссара обороны Союза ССР № 8 от 17 января 1939 г.

²⁶³ ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2380. Д. 34. Л. 408.

²⁶⁴ ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2380. Д. 34. Л. 408.

расследований было установлено, что размер похищенного имущества гораздо меньше, а преступниками, скорее всего, являются земляки жертв²⁶⁵.

Принципиально важно подчеркнуть, что речь шла не об единичных эпизодах и не только лишь о жителях сельской местности. Так, когда после освобождения Варшавы советская военная администрация не смогла обеспечить регулирование притока гражданского населения в отчищенный от оккупантов город, жители пригородов в течение двух дней, 18 и 19 января 1945 г., в массовом порядке грабили польскую столицу²⁶⁶.

Более того, противоправное поведение в отдельных случаях было характерно и для военнослужащих Войска Польского. Так, 2 февраля 1945 г. двести солдат и офицеров 27-го стрелкового полка, входившего в состав 10-й дивизий Войска Польского, организовали с целью грабежа нападение на склад наркомата обороны № 821 в г. Краков. 7 – 8 февраля имели место случаи нападения солдат 29-го полка все той же дивизии на железнодорожные эшелоны с целью захвата перевозимого имущества. 10 февраля группа военнослужащих 10-й дивизии ограбила несколько квартир в г. Катовице. Спустя сутки группа солдат отдельного саперного батальона 10-й дивизии вломилась с целью грабежа в сапожную мастерскую. Во всех упомянутых случаях действия мародеров были пресечены лишь после вмешательства представителей комендатуры²⁶⁷.

Принципиально важным является вопрос о том, какие масштабы носили противоправные действия советских войск по отношению к мирному населению Польши в целом за период 1944 – 1945 гг. Приведение точных и полных данных относительно этой проблемы сегодня представляется нереальным, поскольку сведения по всем фронтам и войсковым частям воедино сведены не были. Последнее вынуждает нас обратиться к косвенным

---

²⁶⁵ ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2727. Д. 20. Л. 8.

²⁶⁶ ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2727. Д. 34. Л. 85.

²⁶⁷ ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2727. Д. 33. Л. 444, 445.

доказательствам, среди которых наиболее значимым является качество отношения жителей Польши к военнослужащим Красной армии.

В случае, если бы произвол и насилие со стороны советских солдат и офицеров действительно являлись повсеместным явлением, логично было бы ожидать, что естественной реакцией нонкомбатантов на присутствие красноармейцев являлись бы страх и ненависть. Однако сохранившиеся архивные материалы содержат факты, свидетельствующие о достаточно теплых отношениях между советскими войсками и мирным населением.

Согласно материалам донесения отдела по руководству военными комендатурами Военного совета 1-го УФ начальнику Политического управления о деятельности военных комендатур от 13 марта 1945 г., на освобожденной территории Польши большинство населения приветствовало части Красной армии, что проявлялось как на официальном уровне, в форме митингов и резолюций, так и в быту. В частности, поляки охотно предоставляли ночлег солдатам и офицерам Красной армии²⁶⁸.

Помимо того, население освобожденных областей охотно участвовало в общественных работах, проводимых советской администрацией. Так, в Келецком уезде 14 февраля 1945 г., вблизи с. Цензина, была снесена водой переправа через реку. Комендант привлек к работам местных жителей, в короткие сроки на его призыв откликнулись 2 500 человек, которые привели с собой 1 897 лошадей, и уже через 9,5 часов переправа была восстановлена. Общественные организации Кракова активно оказывали помощь советским гражданам, оказавшимся на местном пересыльном пункте. Например, 17 февраля 1945 г. последним было вручено 200 посылок для детей²⁶⁹.

Комендант г. Севеж сообщал, что персонал городской больницы организовал «теплый уход» за больными и ранеными красноармейцами, а на местный призывной пункт ежедневно приходят 15–20 человек, желающих

---

²⁶⁸ ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2727. Д. 20. Л. 18; Там же. Д. 33. Л. 434.

²⁶⁹ ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2727. Д. 20. Л. 18; Там же. Д. 33. Л. 434.

вступить в Войско Польское. Расположенные в г. Гостынь и на территории прилегающего уезда 5 больниц также включились в процесс лечения больных и раненых красноармейцев²⁷⁰.

Проживающие на освобожденных территориях поляки также охотно помогали советским войскам с поиском местонахождения небольших складов оружия, боеприпасов и радиоаппаратуры, которые могли бы послужить основой для действий диверсионных групп немецких спецслужб и антисоветского подполья. В одном лишь Кракове таким образом было выявлено 9 «схронов». Порой подобное поведение объяснялось просоветскими настроениями, отчасти – желанием местных жителей хорошо зарекомендовать себя перед военной администрацией и новой властью²⁷¹.

Как мы видим, картина событий, которую представляют нам архивные документы, во многом совпадает с тем обстоятельством, что несмотря на все усилия нынешней правящей элиты Польши, значительная часть населения сохраняет нейтральное или положительное отношение к советским войскам. Это объясняется также и тем, что в наши дни количество очевидцев событий еще достаточно велико, а ставка властей на поддержку политики демонизации Красной армии живыми свидетелями, со всей очевидностью, потерпела провал. Таким образом, польское руководство увеличивает риски собственной профанации в случае, например, начала массовых опубликований документов одних только российских архивов. Вместе с тем ресурс в лице массы адекватно настроенных граждан может послужить базой для существенной гармонизации межгосударственных отношений.

* * *

Подводя итоги данного раздела работы, можно заключить, что официальная политика памяти, проводимая польским руководством, на данный момент не может быть признана эффективной. Достигнутые

---

²⁷⁰ ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2727. Д. 33. Л. 435.

²⁷¹ Там же.

краткосрочные успехи достигли пределов в виде все возрастающих рисков, а также значительной доли населения, которая, несмотря на явно агрессивное навязывание антисоветской/антироссийской модели, все равно сохраняет здоровую позицию в плане восприятия событий Второй мировой войны.

В сложившейся ситуации уже сейчас желательно сделать акцент на положительном опыте взаимодействия Красной армии, Войска Польского и гражданского населения Польши в период войны. Большое значение могут иметь и события совместной борьбы с украинским национализмом, преступления которого против мирных польских и советских граждан даже сейчас являются мощным объединяющим фактором.

Однако в случае продолжения реализации антироссийской модели, польская элита рискует столкнуться с предъявлением фактов, которые ею старательно замалчиваются. Это пакт о ненападении с Германией 1934 г., участие в разделе Чехословакии, рейды на советскую территорию диверсионных отрядов, политика полонизации Украины, Белоруссии и Литвы. Возможна также негативация образа Армии Крайовой путем апелляции к относительно слабому ее сопротивлению немецким оккупантам, политике преследования украинского, белорусского и еврейского населения, случаям жестокого убийства советских военнослужащих и т.д.

Кроме того, как уже отмечалось, Россия, с большой вероятностью, не будет инициировать данный процесс в одиночку. Возможными ее союзниками в вопросах политики памяти могут быть не только Беларусь, Израиль и Германия, но и практически любая граничащая с Польшей страна.

Глава 4. Германский опыт: внутренние противоречия и русофобия поневоле

4.1. Ярлык «вечно виноватых» и попытки решения проблемы

Германия на протяжении последнего десятилетия представляет пример такой трансформации мемориальной политики, которая диктуется, прежде всего, противоречием реальных целей страны и теми действиями, которые предпринимаются ею в силу нескольких, сохраняющих длительное время свое влияние обстоятельств. Наиболее важным стремлением немцев на внешнеполитическом уровне является желание достигнуть такого статуса, при котором вина за преступления, совершенные в годы Второй мировой войны будет на международном уровне официально считаться искупленной.

Внутриполитическая повестка в этом отношении также сложна. В стране постоянно возрастает доля неевропейского по происхождению населения, которое зачастую не изъявляет желания интегрироваться в местное общество, предпочитая жизнь в рамках той или иной диаспоры. При этом многие живут на пособия по безработице или имеют доходы от разного рода криминальных операций. Официальная позиция как руководства ЕС, так и германского правительства при этом настолько фиксируется на толерантности и мультикультурализме, что коренное население не без основания считает свои интересы ущемленными.

Это противоречие представляется особенно важным в свете того, что этнических немцев длительное время пытались воспитывать в парадигме наследников тех, кто виновен в наиболее страшных преступлениях за всю историю человечества. Такое соотношение порождает внутренний конфликт среди титульной нации. Однако возможный выход из положения, когда мировое сообщество признает, что Германия искупила эту вину, представляется отдаленным по перспективе – это может случиться, очевидно, не ранее столетнего юбилея с момента окончания войны. Кроме того, многие соседние страны, и без того озабоченные доминированием ФРГ в ЕС, опасаются усиления ее влияния в еще большем масштабе.

Если рассматривать ситуацию посредством предложенной нами методики анализа, природа данных противоречий становится более ясной. Так, на трансформацию политики памяти в стране сильное влияние оказывает проблема взаимодействия национальных и блоковых интересов. В структурах ЕС Германия, как одна из сильнейших экономик Европы и во многом неформальный лидер, часто встречает противодействия не только со стороны проамерикански настроенных восточноевропейских стран, но нередко и многих других. При попытке отстаивать свои законные права в рамках союза она тут же сталкивается со штампом «Четвертый рейх», а если речь идет о совместных проектах с Россией, непременно пресса вспоминает о пакте Молотова-Риббентропа и т.д.

В рамках НАТО Германия уже получила бесценный опыт последствий войны в Югославии. Данная страна, будучи единой, представляла собой серьезного экономического конкурента на континенте. Однако ликвидация этого соперника, проведенная объединенными силами при активнейшей роли ФРГ, показала, что уже в краткосрочной перспективе проблем в результате получилось больше, чем положительных результатов. Вместо единого светского государства на юге Европы немцы получили два очага радикального исламизма – в Боснии и Косово, неконтролируемые каналы нелегальной миграции, ввоза наркотиков, оружия и т.д. Кроме того, бывшие осколки Югославии требуют и немалых экономических вложений.

Также большую озабоченность вызывают явно провокационные действия новых членов НАТО, в особенности Польши и стран Балтии в отношении России. Размещение систем ПРО, американских ракет и военных баз в этих странах не увеличивают степень безопасности, а объективно снижают ее. При этом сама Германия, будучи членом альянса, имеет второстепенное влияние как раз в силу статуса побежденной во Второй мировой войне страны, на территории которой до сих пор расквартированы войска США, вывода которых не предвидится. То есть мы видим в данном

случае также и одновременное влияние двух выявленных нами факторов – второго²⁷² и третьего²⁷³.

Кроме того, для ФРГ существенную роль играют такие причины трансформации политики памяти, как усиление новой повестки дня за счет стран, почти не связанных с событиями войны, а также с появлением новых игроков в европейском политическом поле²⁷⁴, о чем уже частично говорилось. Ближневосточные конфликты, в частности, привели к усилению миграционных потоков, целью которых стали наиболее привлекательные с точки зрения качества жизни страны, среди которых Германия занимает одно из первых мест. Только это обстоятельство, не говоря о множестве иных в контексте данных причин, вынуждает руководство страны уделять вопросам памяти о войне второстепенное значение, при том, что они являются болезненными для собственных граждан и соседей.

Что касается такой причины влияния на политику памяти, как отказ от марксистской идеологии²⁷⁵, для Германии этот вопрос стал актуален после воссоединения страны. В начале 1990-х гг. правящему истеблишменту необходимо было обеспечить единство видения событий прошлого со стороны как «западных», так и «восточных» немцев. В отсутствие этой предпосылки было бы невозможно добиться выработки полноценной общей идентичности граждан объединенной Германии. При этом не шло и речи о выработке компромиссной точки зрения, которая позволила бы гражданам «двух Германий» интегрироваться в рамках новой социокультурной общности. Т.е.

---

²⁷² Степень самостоятельности акторов в принятии соответствующих решений.

²⁷³ Неписанные правила поведения участников тех или иных военных и политических блоков.

²⁷⁴ Во введении эта причина указана под номером 3.

²⁷⁵ Во введении эта причина указана под номером 2.

подразумевалось, что переформатированию должно подвергнуться историческое сознание исключительно граждан бывшей ГДР²⁷⁶.

Последние должны были перенять идентичность «Запада». Это предполагало, помимо прочего, смену позиционирования роли Советского Союза в истории Германии. Из основного партнера и победителя нацизма СССР превратился в глазах населения бывшей ГДР в страну, несущую равную ответственность за развязывание Второй мировой войны, государство, фактически оккупировавшее восточные земли Германии после падения гитлеровского режима. Отчасти данная интерпретация обуславливалась идеологическими установками, сформированными в период «холодной войны», отчасти – потребностью в делегитимации существовавшего в ГДР политического режима, одного из основных союзников СССР²⁷⁷.

В данном случае также важно упомянуть о том, что, в отличие от ГДР, где советские войска рассматривались как освободители, а немецкое население социалистической Германии – как антифашисты (антинацисты), либо сочувствовавшие им лица, в ФРГ нацистские преступления на Восточном фронте были вытеснены из памяти о войне. В Западной Германии воспоминания о преступлениях нацистского режима концентрировались на уничтожении евреев. За счет этого мотивы поведения солдат и офицеров Красной армии значительным образом исказились в сознании жителей ФРГ²⁷⁸. Наконец, следует указать на ряд особенностей развития политики памяти в Германии после воссоединения двух частей страны. Поражение восточного блока в «холодной войне» предопределило ситуацию, при которой

---

²⁷⁶ Здравомыслов А.Г. Немцы о русских на пороге нового тысячелетия. Беседы в Германии: 22 экспертных интервью с представителями немецкой интеллектуальной элиты о России – ее настоящем, прошлом и будущем – контент-анализ и комментарий. М., 2003. С. 485.

²⁷⁷ Здравомыслов А. Г. Указ. соч. С. 516.

²⁷⁸ Семиряга М.И. Как мы управляли Германией. М., 1995. С. 314, 315.

выстраивание исторического дискурса проходило на основе матрицы, предложенной победившей стороной²⁷⁹.

В качестве инструментов, посредством которых осуществлялась смена восприятия событий прошлого, выступили в первую очередь эмоционально насыщенные образы, проецируемые на пространство массовой культуры, в первую очередь – сквозь призму кино и телевидения²⁸⁰. Так, активно эксплуатировались темы насилия советских военнослужащих над мирным населением, мародерства и депортаций немецкого населения. Примером тому может служить постоянно действующая выставка «Топография террора»²⁸¹.

Как отмечают опрошенные эксперты, тема сексуального насилия над жительницами Германии хорошо вписывается в контекст данного дискурса и увеличивает его эмоциональную насыщенность, усиливает ее. Эксплуатация соответствующих сюжетов позволяет использовать механизмы эмпатии и солидарности. Помимо того, общая оценка событий военного периода смещается в сторону сопереживания немецкому народу, отодвигая на задний план вопрос об ответственности за преступления нацизма.

Во второй половине 2000-х гг. ощутимых изменений в позиционировании поведения военнослужащих Красной армии на территории Германии не произошло, несмотря на то, что задача переформатирования восприятия событий прошлого для «осси» – выходцев из ГДР – утратила свою актуальность. Причины этого заключаются в стремлении германских элит добиться включения немецкого народа в число жертв Второй мировой войны как одного из немногих возможных в имеющихся условиях способов решения внутренних противоречий, вызванных длительной несменяемостью статуса «виновных».

---

²⁷⁹ Здравомыслов А. Г. Указ. соч. С. 221.

²⁸⁰ Там же. С. 516, 517.

²⁸¹ Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М., 2014. С. 32.

Все это, с одной стороны, облегчило бы задачу окончательного обеспечения политического лидерства Германии в рамках ЕС, а с другой – позволило бы политикам заручиться поддержкой значительной части молодежи и среднего возраста внутри ФРГ. Среди них все большей поддержкой пользуется точка зрения, согласно которой ныне живущие поколения не должны нести ответственности за действия своих прадедов²⁸².

Однако на пути к обозначенной цели существует весьма ощутимое препятствие: приобретение статуса жертвы предполагает возложение на кого-либо ответственности за совершенные преступления. США, Великобритания, Франция или бывшие страны соцлагеря не могут позиционироваться в качестве «палача» по политическим соображениям. В этой ситуации Советский Союз выступает в роли едва ли не естественного кандидата на данную роль.

Кроме того, дополнительным стимулом к расширению и закреплению антиобраза Красной армии стала перспектива использования его как ресурса выработки общей идентичности стран ЕС, поскольку данный тренд прочно укоренился в мемориальной политике большинства восточноевропейских государств. Создавая посредством негативного нарратива образ СССР и России как источника угрозы, немецкие политики рассчитывали добиться, в том числе, дополнительной отстройки стран Восточной Европы от своего «социалистического» прошлого, связанного прежде с внешнеполитической ориентацией на Москву.

К активной работе в данном направлении германские элиты подталкивало также наличие благоприятных предпосылок в виде ряда стереотипов массовой культуры. Иными словами, здесь мы, в который уже раз, видим явное влияние фактора отрицательной комплиментарности. В

---

²⁸² Шеррер Ю. Отношение к истории в Германии и Франции: проработка прошлого, историческая политика, политика памяти. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=48576> (Дата обращения: 01.11.2020).

европейской традиции на протяжении XVIII – XX вв. преобладал взгляд на Россию как на «варвара у ворот» или, в лучшем случае, «вечного подмастерья», что вполне органично вписывалось в транслируемую массовой аудиторией картину действительности²⁸³.

Закономерным результатом стало то, что изучение истории последних лет Второй мировой войны в объединенной Германии начало осуществляться преимущественно в рамках исследования страданий немецкого мирного населения. Резко увеличилось количество публикаций как в научных, так и популярных изданиях, посвященных мародерству оккупационных войск, изгнанию мирного немецкого населения из Прибалтики и с территории современных Польши, Чехии, Словакии и Румынии. Естественным образом этого стало формирование образа народа-жертвы, который усиливался за счет темы массового сексуального насилия²⁸⁴.

Таким образом, можно констатировать, что немецкая политика памяти пришла к модели «русофобии поневоле». Поскольку на протяжении последних двух десятилетий российско-германские отношения в целом были взаимовыгодными, продуктивными и даже гораздо более открытыми и конструктивными, чем со многими восточноевропейскими странами, очевидно, что никакой объективной заинтересованности в нагнетании антироссийских настроений у немцев нет. Этим объясняется ключевое отличие от польской модели – акцент сделан в основном на антисоветскую риторику, а прямого отождествления СССР и России стараются обычно избегать. Кроме того, Германия оказалась во многом заложницей не только своего геополитического положения, но и исторических стереотипов.

---

²⁸³ Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2003. С. 16.

²⁸⁴ Сенявский А.С., Сенявская Е.С. Историческая память о войнах XX в. как область идейно-политического и психологического противостояния // Российская история. 2007. № 2. С. 144.

Ключом к пониманию этого вопроса является анализ информационного воздействия, которому подвергалось население ФРГ как в годы Второй мировой войны, так и в последующий период, то есть в эпоху «холодной войны». Понятно, что последнее в малой степени относится к жителям восточной части страны, которым не оставалось выбора кроме как принять навязываемую им «западную» точку зрения. Проиллюстрируем проблему исторического наследия, которое продолжает влиять на сознание немцев.

Наглядным примером того, как позиционировалось население Советского Союза в глазах немецкого населения в период войны, может служить статья, опубликованная в номере «Фелькишер беобахтер» от 5 августа 1941 г., в которой было приведено описание лагеря для советских военнопленных под г. Ярослав в Польше. Автор данной публикации приводит эмоционально насыщенное описание увиденной или же якобы наблюдаемой им картины: «Смесь наций, настоящий людской зверинец, невероятной пестроты, только разгул в нем не такой, как в настоящем зверинце с хорошим содержанием животных. Это является как бы частью из многообразного огромного государства большевиков и его смеси народов, сосредоточения низкого человечества – настоящие подонки, то, что нужно Сталину»²⁸⁵.

Далее в статье приводится оценка советских командиров: «в нашем понимании это не офицеры», – отмечает журналист. В данном случае автор противоречит сам себе. Сначала он обвиняет советских офицеров в том, что последние выдают себя за случайно захваченных полевых рабочих, а ниже приводит отрывок интервью с крестьянином, который, по заверению создателя публикации, был действительно захвачен немецкими войсками и содержится в лагере наряду с военнопленными. Затем автор заявляет о «примитивной ступени развития» командиров Красной армии, пишет о том,

---

²⁸⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 38. Л. 36, 37.

что «бесчисленное количество из них совершенно неграмотны, не умеют даже читать и писать»²⁸⁶.

Большой интерес представляет и моральная характеристика солдат Красной армии, данная автором упомянутой статьи, опубликованная в том же номере «Фелькишер беобахтер». «По их поведению видно, что за ними стоит командир с кнутом и револьвером в руке, и что они привыкли, чтобы их погоняли или ими командовали. Они являются орудием системы, которая живет на подозрительности и шпионаже. Их души такие же убогие, как и их одежда, бесчувственные и тупые, как и выражение их лиц»²⁸⁷.

В данном контексте стоит вспомнить хотя бы о том, что А. Гитлер, иронизируя по поводу тезиса о «братстве» мирового пролетариата, приводил в качестве примера абсурдности попытки приравнять немецкого рабочего к китайскому кули, малайскому пароходному кочегару... и «неграмотному русскому сплавщику леса». Весьма вероятно, и то, что подобное освещение состояния военнопленных было косвенным образом связано с пренебрежительным отношением фюрера к марксизму, который основатель третьего рейха именовал «гигантской организацией рабочей скотины, оставшейся без руководства» и славянству, которое обвинялось в отсутствии творческого начала и, как следствие, собственной культуры²⁸⁸.

В завершение автор упоминает о том, что в лагере им была обнаружена копия некоего приказа советского командования, якобы изданного перед войной и повторенного в июле 1941 г. В соответствии с данным документом, как утверждалось в статье, попавшие в плен солдаты Красной армии и их родственники приговаривались к смерти.

В реальности подобного документа не существовало. Можно было бы предположить, что автор искажает содержание приказа Ставки Верховного

---

²⁸⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 38. Л. 36, 37.

²⁸⁷ Там же. Л. 37.

²⁸⁸ Васильченко А.В. Арийский миф III рейха. М., 2008. С. 224, 246.

Главкомандования Красной армии № 270 от 16 августа 1941 года. В соответствии с ним командиров и политработников, во время боя срывавших с себя знаки различия, дезертировавших в тыл или сдающихся в плен врагу, следовало считать дезертирами, а их семьи подвергать аресту²⁸⁹. Однако дата выхода статьи – 5 августа 1941 г. прямо указывает на то, что имеет место даже не искажение фактов, а банальная фальсификация.

Свою лепту в формирование негативного образа красноармейца и в целом советского гражданина, вносила и армейская пресса. В частности, в газете «Штесштурм», печатном органе соединения германской армии №210022, 2 октября 1941 г. вышла статья «Против похода неполноценного человечества». Автор данной публикации приписал противнику ничем не ограниченную жажду насилия, ненависть к культурному наследию прошлого, отсутствие всякой морали, изображая жителей Советского Союза в качестве своеобразных «новых монголов».

Из набора выдуманных штампов следовал вывод, что нападение Германии на СССР спасло «немецкий народ и саму Европу не от вражеского нашествия, не от естественных тягот и трудностей вражеской оккупации, а от убийства и смерти, от огня и пыток, от насилия и позора, спасла от неописуемых ужасов»²⁹⁰.

Необходимо подчеркнуть, что подобные пассажи являлись отнюдь не результатом инициативы местных работников. В пользу того, что установки о неполноценности жителей СССР по отношению к немцам и в целом европейцам исходили от высшего руководства рейха, свидетельствует тот факт, что подобные утверждения были высказаны А. Гитлером в речи от 9 ноября 1941 г. в Мюнхене. На праздновании 18-й годовщины основания НСДАП вождь нацистов заявил, что Советский Союз – это государство, «в

---

²⁸⁹ Ни шагу назад! Приказ Сталина № 270 родился в Новоград-Волынском. URL: http://zwiahel.ucoz.ru/novograd/vojna/prikaz_270.html (Дата обращения 21.12.2013).

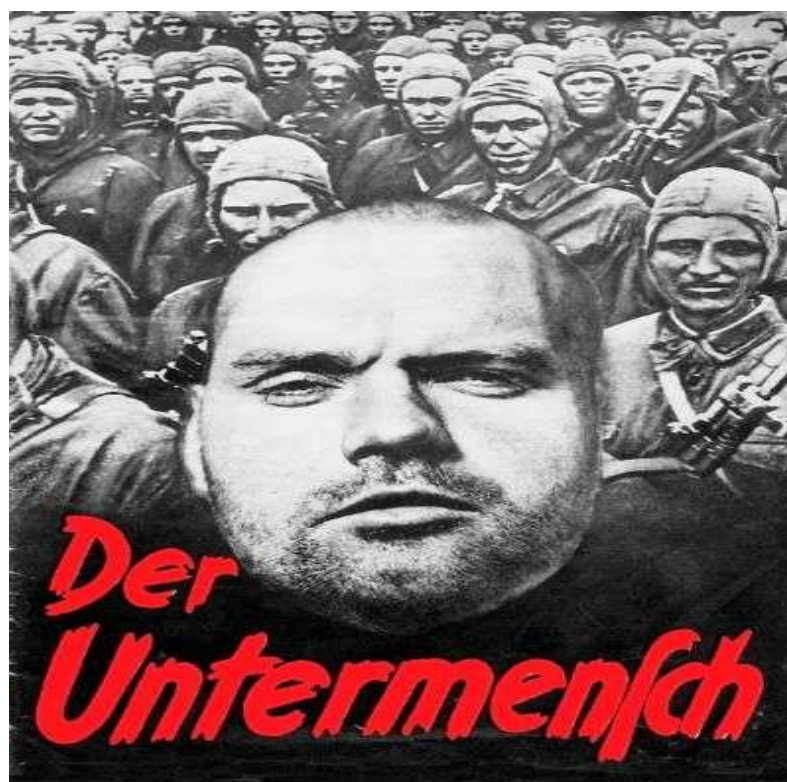
²⁹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 38. Л. 105.

котором истреблена вся интеллигенция, а оставшиеся темные, насильно пролетаризированные, неполноценные люди подпали под власть гигантской организации еврейских комиссаров...». Что примечательно, в указанной речи СССР также был сравнен с гуннами и назван «монгольским государством второго Чингисхана»²⁹¹.

Понять восприятие советских солдат и офицеров жителями Германии периода Второй мировой войны помогает визуальный ряд, представленный пропагандистскими брошюрами и плакатами. В качестве примера можно рассмотреть изображение типизированного «советского солдата» из изданной в 1942 г. брошюры «Унтерменш». Сам факт выхода издания с названием «недочеловек» в комментариях, на наш взгляд, не нуждается.

Рис. 37

Обложка брошюры «Унтерменш» (1942 г.)²⁹²

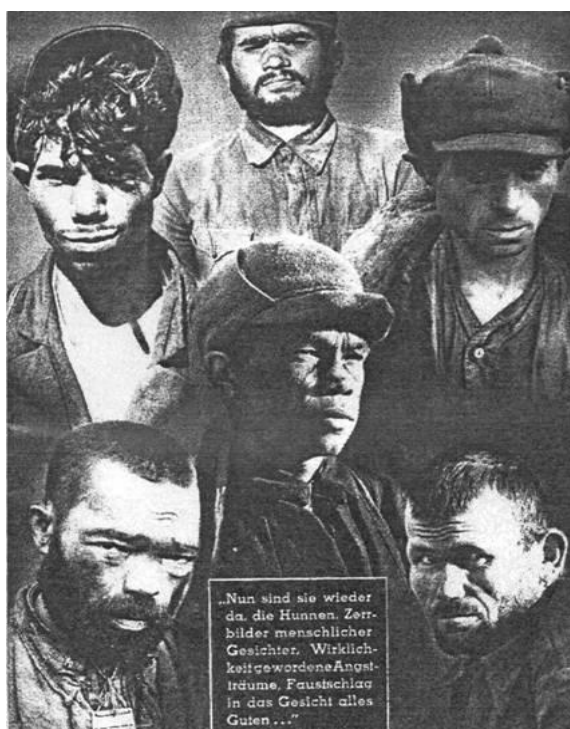
²⁹¹ Там же. Л. 109, 110.

²⁹² Унтерменш - нацистская брошюра о нашей стране и нашем народе. URL: <http://propagandahistory.ru/25/Der-Untermensch---natsistskaya-broshyura-o-nashey-strane-i-nas-hem-narode/> (Дата обращения – 22.10.2020).

Представителей Красной армии в рамках приведенного ряда образов отличают асимметрия лиц, признаки небрежного отношения к личной гигиене, выраженные нехватка или избыток веса, особенности строения, указывающие на возврат к фенотипу архантропов – прогнатизм, низкий скошенный лоб и т.д. При этом подчеркивалось, что советские солдаты, являясь «расовыми отбросами», представляют собой прекрасный «инструмент для организации массовых убийств». Что интересно, в роли таких организаторов традиционно выступают «еврейские комиссары», символы большевизма для нацистов. Тем не менее, в отличие от польских плакатов, немцы предпочитали использовать фотографии либо людей монголоидной внешности, либо с явными признаками вырождения.

Рис. 38

Иллюстрация из брошюры «Унтерменш». Подпись на коллаже – «Расовые отбросы со всего мира — хороший инструмент в руках евреев, этих мастеров организации массовых убийств»²⁹³

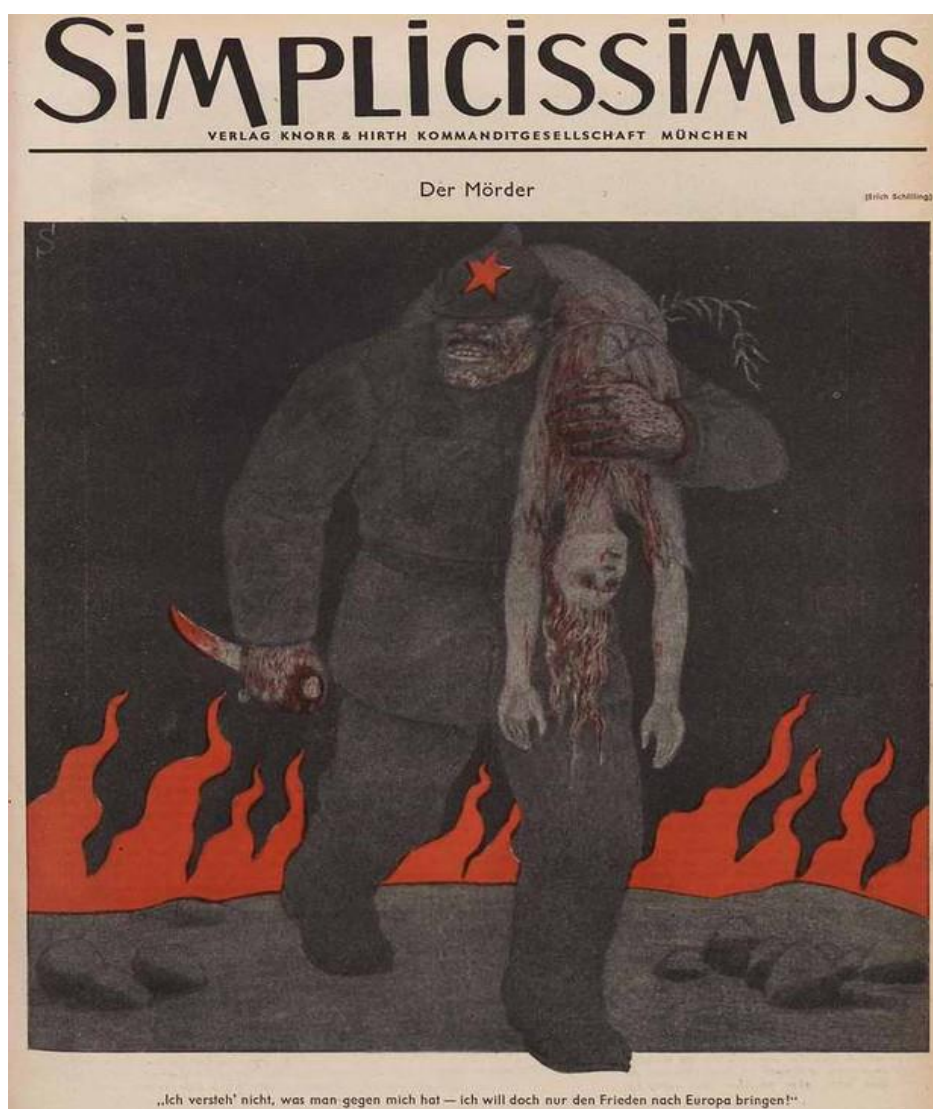
²⁹³ Унтерменш - нацистская брошюра о нашей стране и нашем народе. URL: <http://propagandahistory.ru/25/Der-Untermensch---natsistskaya-broschyura-o-nashey-strane-i-naschem-narode/> (Дата обращения – 22.10.2020).

На завершающем этапе войны официальная пропаганда «Третьего рейха» начала также активно педальировать тему насилия над немецкими женщинами в случае победы Советского Союза, апеллируя к маскулинным и патриархальным установкам мужской части населения. Примером пропаганды подобного рода может служить приведенная ниже иллюстрация.

Рис. 39

Карикатура на красноармейца из журнала «Симпликиссимус» (1941 – 1943 гг.). Подпись под изображением – «Я не понимаю, что вы имеете против меня - я всего лишь хочу принести мир Европе»²⁹⁴

²⁹⁴ Немецкая сатира на тему войны против СССР в еженедельнике Симпликиссимус. URL: <http://propagandahistory.ru/2321/Nemetskaya-satira-na-temu-voyny-protiv-SSSR-v-ezhenedelni-ke-Simplicissimus--1941-1943-gg/> (Дата обращения – 22.10.2020).

Еще более ярко угроза массового надругательства над немецкими женщинами представлена в аллегорической карикатуре «Похищение Европы красным быком» – приведена ниже.

Рис. 40

Карикатура «Похищение Европы красным быком» (1941 – 1943 гг.)²⁹⁵

Символизм данного изображения вполне понятен: разорванная одежда женщины указывает на факт насилия, которое, на фоне наличия элементов обнаженной натуры, обретает сексуальный характер. Обращает на себя и

²⁹⁵ Немецкая сатира на тему войны против СССР в еженедельнике Симпликиссимус. URL: <http://propagandahistory.ru/2321/Nemetskaya-satira-na-temu-voyny-protiv-SSSR-v-ezhenedelni-ke-Simplicissimus--1941-1943-gg/> (Дата обращения – 22.10.2020).

инфернальный образ быка, наделенный рядом символических элементов – раздвоенные копыта, языки пламени под ногами, отсутствие глаз, подчеркнута гипертрофированные половые органы.

Важно учесть также то обстоятельство, что население Германии, как минимум, догадывалось о преступлениях своих соотечественников на Восточном фронте. Оно знало, хотя бы по слухам или сообщениям прибывших в отпуск солдат о том, что поведение представителей вермахта и СС на территории Советского Союза сильно превысило границу известной прежде военной жестокости, а потому закономерно ожидало ответной мести в тех же масштабах.

Нацистская пропаганда активно использовала советские призывы военной поры: «Отомсти!», «Убей немца!» или статью начальника Управления пропаганды ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрова «Товарищ Эренбург упрощает» в газете «Правда» от 14 апреля 1945 г., чтобы создать в сознании жителей Германии крайне пессимистичные ожидания относительно будущего пребывания Красной армии. Вспоминая историю формирования советского мифа, нельзя не обратить внимания, насколько правильным был своевременный отказ от использования мотивов мести и переключение мотивации советских солдат в сторону «освободительной миссии».

Тем не менее, запуганное немецкое население уверовало в миф об «азиатских толпах». Показателен факт: еще до вступления советских войск в Берлин, власти германской столицы приготовили дополнительные места в родильных отделениях, а женщины были с немецкой педантичностью проинформированы о предстоящем насилии над ними²⁹⁶.

Кроме того, нельзя игнорировать, что в последние месяцы войны Й. Геббельс в своих выступлениях по радио красочно описывал ужасы, якобы происходившие в местах, занятых Красной армией. Тему сексуального

---

²⁹⁶ Рюруп Р. Немцы и война против Советского Союза // Свободная мысль. 1994. № 11. С. 80.

насилия он выдвигал на одно из первых мест в своих речах, а приведенные им цифры – до 2 млн. жертв – авторы мифа «обо всех изнасилованных немецких женщинах» повторяют до сих пор.

В период «холодной войны» подобный подход, несмотря на разгром нацизма, и тема насилия использовались в политическом дискурсе ФРГ для того, чтобы подчеркнуть разграничение с социалистическим блоком. Пропаганда пыталась внедрить в сознание населения мысль, что за изнасилованиями и мародерством скрывается менталитет, который для современного европейского человека представляет нечто совершенно чуждое. Именно этот «азиатский» тип мышления, низводящий женщину до ранга «заслуженного приза победителя», приписывался советским войскам.

Поскольку в составе Красной армии были представители азиатских этносов, этот миф выглядел в глазах немцев еще более убедительным²⁹⁷. Таким образом, совершенные советскими солдатами и офицерами правонарушения – реальные и мнимые – позиционировались как нарушение европейских норм поведения, а отступление немецких войск с территории Советского Союза оказывалось одновременно наступлением «азиатов» на традиции и ценности Европы. Изнасилованные женщины при этом символизировали страдания всего «цивилизованного народа»²⁹⁸.

В дискурсе холодной войны Советский Союз олицетворял собой главную угрозу для Запада – угрозу коммунизма. Здесь комплиментарно подключался также, по существу, колониальный дискурс – борьба западного «цивилизованного» общества с «восточными варварами». Это сделало возможным распространение мифа о «чистом вермахте», якобы непричастном

---

²⁹⁷ Сенявский А.С., Сенявская Е.С. Указ. соч. С. 142.

²⁹⁸ Сенявская Е.С. Освободительная миссия СССР во Второй мировой войне как объект искажения исторической реальности и исторической памяти // СССР, его союзники и противники во Второй мировой войне: сборник материалов научно-практической конференции, приуроченной к 65-летию Победы в Великой Отечественной войне, 1941-1945 гг. 21-22 апреля 2010 г. М., 2010. С. 41.

к военным преступлениям и преступлениям против человечности. Сформированный еще нацистской пропагандой образ «унтерменша с востока» прекрасно накладывался на имидж «советской угрозы», закрепленный в таких образчиках массовой культуры стран Запада, как «Рембо III», «Красный рассвет», «Amerika» и «Топ Ган»²⁹⁹.

Косвенным образом закреплению новой для граждан бывшей ГДР модели восприятия истории взаимоотношений с Советским Союзом также способствовало развитие художественного дискурса, выстроенного вокруг темы пребывания немецких военнопленных на территории Советского Союза. Успех переформатирования исторической памяти немцев во многом был также связан с появлением после распада СССР в массовой культуре стран Запада нового образа России как страны, для которой характерны широкое распространение криминала, алкоголизма и проституции. Характерным примером подачи образа Российской Федерации в сугубо негативном контексте могут служить кинофильмы «Армагеддон» и «Проект Ельцин». Большую роль сыграло также появление в Европе и Северной Америке произведений искусства, описывающих как период Великой Отечественной войны, так и эпоху «застоя» («Враг у ворот», «К-19»)³⁰⁰.

Последнее произведение особо показательно. Его сюжет включает в себя, помимо прочего, следующий эпизод. Мальчик – друг снайпера Василия Зайцева, сообщает его немецкому визави о передвижениях и планах советского стрелка в обмен на печенье и шоколад. И после очередного обмена еды на информацию, которая должна привести Зайцева к гибели, немецкий снайпер говорит мальчику, чтобы он не переживал из-за своего предательства. Далее он поясняет, что мальчик не должен стыдиться, так как является

---

²⁹⁹ Здравомыслов А.Г. Указ соч. С. 410.

³⁰⁰ Опилкин А.С. Память о Второй мировой войне в публичном пространстве современной Германии. URL: <https://riss.ru/images/pdf/journal/2016/3/13.pdf> (Дата обращения: 01.12.2020).

русским. Т.е. предательство друга врагу позиционируется как норма для последних. Что примечательно, в итоге ребенок не отказывается от еды и не пытается предупредить Зайцева. Особенно любопытно, что традиция доносительства более характерна в реальности для немцев, нежели россиян. Многие эмигранты из бывшего СССР выражают недоумение по поводу того, что коренные жители, став свидетелями даже мелкого правонарушения за кем бы то ни было, считают своим долгом сообщить об этом в полицию.

В период 1991 – 2008 гг. продолжается следование уже описанным стереотипам в рамках продолжающейся трансформации публичного исторического нарратива. Так, были созданы или подвергнуты ребрендингу сыгравшие роль «якорных», системообразующих символов произведения массовой культуры: фильм Б. Йор и Х. Сандер «Освободители и освобожденные» – 1992 г., переиздание воспоминаний «Безымянная – одна женщина в Берлине» в 2003 г., экранизированы в 2008 г., кинокартина С. Спилберга «Хороший немец» 2006 г., двухсерийный телевизионный фильм немецкого канала ЦДФ «Бегство» 2007 г. Роль основы для научной легитимации данного варианта трактовки событий прошлого сыграл ряд монографий и статей британских и американских исследователей, среди которых в качестве ключевого исследования можно выделить работу Э. Бивора «Падение Берлина», опубликованную в 2002 г.

Эти произведения выступили в роли концептуальной основы для нового «сценария памяти» о Второй мировой войне, в котором изнасилованиям немецких женщин и прочим формам произвола со стороны победителей было отведено ключевое место. Общее количество жертв надругательства, согласно данным различных источников, колеблется от 1,5 тыс. по материалам советских архивов за 1945 г., до «геббельсовских» двух миллионов. Причем основная масса населения склонна верить именно максимальным показателям³⁰¹.

---

³⁰¹ Сенявская Е.С. Указ. соч. С. 41.

В качестве характерных примеров репрезентации образа солдат и офицеров Красной армии в массовой культуре можно привести ряд кинокартин. В фильме «Безымянная. Женщина в Берлине» тема изнасилований и мародерства превратилась в одну из центральных линий сюжета. При этом использованные создателями киноленты приемы визуализации были ориентированы на максимальную демонизацию образов советских военнослужащих. В частности, противоправные деяния чаще всего сопровождаются смехом или улыбками, что подчеркивает цинизм и аморальность преступников. С примером подобной подачи материала можно ознакомиться на следующем изображении.

Рис. 41

Сцена мародерства из кинофильма «Безымянная. Женщина в Берлине»³⁰²

Нельзя проигнорировать и то обстоятельство, каким образом в немецком кино отображена внешность советских военнослужащих. Снова налицо уже

---

³⁰² URL: <http://media7.fast-torrent.ru/media/files/s3/sf/qo/bezyimyanaya-odna-zhenschina-.png>
(Дата обращения: 01.12.2020).

описанные нами нацистские стереотипы: асимметрия в развитии отделов черепа, неправильные черты лица, крупные зубы, прищуренные глаза, лоснящееся лицо, спутанные или сальные волосы – этими чертами кинематографисты традиционно наделяют отрицательных персонажей. Бросается в глаза и то, что многие из российских актеров, приглашенных на съемки в фильме, специализируются на исполнении ролей преступников или коррупционеров. Например, в фильмографии М.Н. Коновалова – исполнителя роли красноармейца-танкиста – преобладают роли негативного плана: актеру приходится играть бандитов, полицаев, коррумпированных сотрудников МВД. Основным успехом артиста на большом экране стал образ «Лехи» в фильме «Бумер». С примерами подобной визуализации образов советских военнослужащих можно ознакомиться ниже.

Рис. 42

**Негативный образ советского военнослужащего из фильма
«Безымянная. Женщина в Берлине» № 1³⁰³**

---

³⁰³ URL: <http://i60.fastpic.ru/big/2013/0830/1b/573c5f5d6652206f4b61c525a7a7081b.jpg> (Дата обращения: 01.12.2020).

**Негативный образ советского военнослужащего из фильма
«Безымянная. Женщина в Берлине» № 2³⁰⁴**

**Нейтральный образ советского военнослужащего из фильма
«Безымянная. Женщина в Берлине»**

---

³⁰⁴ URL: http://www.multikino.com/img/films/f_3675/fotos/7.jpg (Дата обращения: 01.12.2020).

В данной кинокартине присутствуют и положительные типажи советских солдат и офицеров. Однако они либо не пытаются пресечь преступления своих сослуживцев, либо жестко противопоставляют себя им. Последнее, на фоне общей немногочисленности положительных образов солдат и офицеров Красной армии, создает у целевой аудитории представление об их «исключительности», «ненормальности». Важно обратить внимание на то, что даже при освещении их быта зрителю демонстрируется нелицеприятная картина. Подчеркиваются небрежность и неаккуратность персонажей. Рассыпанная по столам еда, обилие сигаретного дыма, наполовину одетые люди – все эти детали направлены на выработку у зрителя ассоциаций между понятиями «Красная Армия» и «низкая культура». Следует подчеркнуть, что реалии быта военнослужащих всех без исключения стран антигитлеровской коалиции в первые послевоенные месяцы в целом вписывались в эту картину.

Рис. 45

Отдых советских военнослужащих в кинокартине «Безымянная. Женщина в Берлине» (кадр со съемок фильма с широкой панорамой)³⁰⁵

³⁰⁵ URL: http://fishki.lv/uploads/posts/2014-03/1395044972_filmu_31.jpg (Дата обращения: 01.12.2020).

В фильме «4 дня в мае» можно наблюдать аналогичную модель позиционирования образа советских военнослужащих: семи положительным персонажам противопоставлен целый батальон насильников. Интересно отметить, в качестве предмета конфликта в данной кинокартине обозначены обитательницы приюта для сирот. Однако показательно, что в рамках данного нарратива была впервые предпринята попытка транслировать на целевую аудиторию образ «положительного русского», готового оказать жертвам-немцам активную поддержку, вплоть до вооруженной защиты. Кроме того, интересен факт использования в качестве основы для сюжета видоизмененных реальных событий, имевших место в конце войны.

Важно подчеркнуть, что в отдельных графических произведениях авторы, по старой гитлеровской традиции, продолжают наделять солдат и офицеров Красной армии выраженными монголоидными чертами. При этом следует отметить, что официальная пропаганда еще кайзеровской Германии, активно использовала факт службы в рядах войск своих противников выходцев из Африки, стран Ближнего и Среднего Востока.

Уже в послевоенный период, включая начало XXI в., в историческом дискурсе Германии ярко проявилась тема преступлений по отношению к мирному населению со стороны французских солдат – выходцев из стран Магриба. Одновременно в наши дни данная проблема актуализировалась в связи с наплывом мигрантов арабского и африканского происхождения. При этом политика «сверхтерпимости», проводимая официальным Берлином, как и ЕС в целом, стала накладывать информационное табу на освещение совершенных мигрантами преступлений на сексуальной почве.

В результате указанных тенденций собирательный образ иностранного солдата-насильника, появившийся раньше, смог найти только одно воплощение – опять-таки в лице советского бойца. Снова ему приходится быть виноватым в преступлениях, которых он не совершал. В качестве примера произведений, позиционирующих красноармейцев в качестве «орды монголоидов», можно привести следующее ниже изображение.

«Оккупация города Рослин в Восточной Пруссии. 28 января
1945 г.»³⁰⁶

Обращает на себя внимание сходство изображенной выше композиции и расположенного в Гданьске памятника, изображающего красноармейца, насилующего польку (приведено ниже). В обоих случаях совпадают детали надругательства: в рот жертве засунут пистолет, а в качестве объектов посягательства выступают представители групп, особо опекаемых обществом – девочка-подросток (Германия) и беременная женщина (Польша).

Данное сходство может быть результатом прямого заимствования, однако также очевидно, что имеет место общность используемой символики, традиции и даже первоисточника, возможно, американского происхождения. Причины данного утверждения приведены под иллюстрацией.

³⁰⁶ Дубина В. Сексуальное насилие в годы Второй мировой войны: память, дискурс, орудие политики. URL: http://fishki.lv/uploads/posts/2014-03/1395044972_filmu_31.jpg (Дата обращения: 01.12.2020).

**Памятник изнасилованным красноармейцами полякам в
Гданьске³⁰⁷**

С большой долей вероятности можно утверждать, что использованное в памятнике изображение более подходит под образ немецкого, нежели советского солдата. В годы войны именно у немцев, а не у русских была традиция закатывать рукава кителя. Кроме того, ни солдаты, ни офицеры в СССР, кроме моряков, не носили до 1960-х гг. плоскую пряжку ремня. Да и каска больше похожа не на советскую СШ-40, а на немецкую парашютно-десантную. Настолько спутать образы военных ни один образованный европеец, хоть раз смотревший фильмы о войне, не сможет. При этом слабо эрудированные и сосредоточенные лишь на собственных образах американцы такую ошибку могли допустить с большой вероятностью.

Что касается первоисточника предыдущей картины, то его американское происхождение вероятно в еще большей степени. Дело в том, что данный стиль весьма напоминает антикитайские карикатуры времен войн в Корее и Вьетнаме, причем важно отметить, что в левой части изображения совпадает

³⁰⁷ URL: <https://pbs.twimg.com/media/BW2NfPVCEAAXWod.png> (Дата обращения: 01.12.2020).

и цвет формы. Кроме того, фуражка офицера выглядит «мягкой», что также характерно для китайского, а не советского стиля.

Отмечая повышенное внимание немецких деятелей культуры к теме изнасилования жительниц «Третьего рейха» советскими военнослужащими, необходимо обратить особое внимание на то, что акты надругательства при отображении в художественных произведениях носят, во-первых, групповой характер, и, во-вторых, совершаются зачастую публично. Они представляют собой в том числе и образное действие, имеют ритуальный подтекст: происходящее может быть приравнено к «символической кастрации» немецких мужчин, лишению их маскулинности. За счет этого позиционирование образов советских военнослужащих провоцирует не только их демонизацию, но способствует росту латентной агрессии по отношению к России со стороны мужчин – граждан современной Германии, связанных со своими предками чувством эмпатии.

Впрочем, потенциал этой «болевой точки» в исторической памяти немцев в значительной степени нивелирует восприятие поражения СССР в «холодной войне» как реванша за капитуляцию 1945 г. Социально-экономический кризис, поразивший Россию в 1990-х гг., с данной точки зрения также рассматривается как своеобразная расплата за «преступления» в отношении гражданского населения Германии.

* * *

Подводя итоги, можно заключить, что политика памяти Германии в новейший период была направлена на формирование негативного образа солдат и офицеров Красной армии. Это было вызвано не столько неприязнью немцев к бывшему противнику, сколько невозможностью выставить себя в качестве пострадавших во время войны со стороны каких-либо других стран. При иных обстоятельствах в таких же образах мог быть изображен американский солдат, который в глазах европейцев также представляется нередко нелепым и неотесанным, далеким от культуры человеком, считающим себя, однако, всегда единственно правым.

Тем не менее, в силу рассмотренных тенденций был сформирован выраженно негативный имидж советских военнослужащих, которые позиционируются в массовой культуре как мародеры и насильники. Достичь соответствующего эффекта воздействия на массы удалось в первую очередь за счет грамотного использования приемов визуализации антиобраза и акцента на преступления, совершенные против представителей особо опекаемых обществом групп – женщин, детей, сирот.

Следует признать, что характерный для германской массовой культуры антиобраз Красной армии заметно отличается от польского кейса: в художественных произведениях встречаются положительные образы красноармейцев, оказывающих гражданским лицам активную помощь, вплоть до вооруженного вмешательства. Кроме того, далеко не во всех случаях солдаты и офицеры Красной армии представлены как некая «безликая масса»: персонифицированы как положительные, так и отдельные отрицательные персонажи, причем действия последних в ряде случаев имеют под собой иную мотивировку, кроме получения наслаждений, например, обусловлены стремлением отомстить.

Помимо того, отрицательное позиционирование образа Красной армии в случае Германии в значительном числе случаев ориентировано, скорее, на обслуживание внутривойсковых нужд и не преследует цели идеологической подпитки конфронтации с Россией, в то время как в польской практике заметна тенденция к формированию за счет мемориальных войн образа внешнего врага «здесь и сейчас».

Важно отметить, что негативный образ советских военнослужащих в немецкой массовой культуре нельзя рассматривать как свидетельство такого отношения сугубо к Красной армии. Частично в данном направлении были канализированы не имеющие возможности реального воплощения мотивы недовольства как солдатами колониальных частей Великобритании и Франции, так и их современными потомками – мигрантами из ряда стран Африки и Ближнего Востока.

4.2. Избавление от мемориальных травм как ресурс достижения внутреннего и внешнего равновесий

Как показывает практика, многим историкам очевидна опасность взгляда на Вторую мировую войну через призму эмоционально нагруженной картины насилия над гражданским населением Германии³⁰⁸. Полемично настроенные ученые, такие как, например, Х. Хер, организатор нашедшей выставки «Преступления вермахта. 1941–1944», в ходе публичных выступлений неоднократно заявляли о смещении воспоминаний о войне в сторону нового варианта коммеморации: немцы как народ – жертва «третьего рейха». Организованная еще в 1995 году в Гамбурге передвижная выставка экспонировала фотографии и документы, демонстрирующие издевательства «простых» немецких солдат над мирным населением Советского Союза³⁰⁹.

Мероприятие спровоцировало общественный скандал, и было в результате закрыто. Официальной причиной стал «недобросовестно отобранный автором материал»: в некоторых случаях фотографии были неправильно атрибутированы. Во втором, существенно переработанном варианте выставки в 2000 – 2004 гг. исследователь представил подробную и доказательную презентацию исторических документов. Были представлены увеличенные копии директив командования вермахта, касающиеся подготовки и ведения агрессивной войны против Советского Союза, криминального характера оккупационного режима. Главный посыл выставки – показать преступления вермахта на Восточном фронте и разбить миф о неучастии вооруженных сил в преступлениях против мирного населения, – не встретил сочувствия у большей части немецкой общественности³¹⁰.

В силу данного обстоятельства поддержка подобного дискурса со стороны российского руководства вряд ли позволила бы ощутимо

---

³⁰⁸ Сенявский А.С., Сенявская Е.С. Указ. соч. С. 146.

³⁰⁹ Там же. С. 146, 147.

³¹⁰ Там же.

воздействовать на историческую память немцев. В то же время наличие такого ресурса, как позиция членов академического сообщества Германии, могло бы добавить дополнительные аргументы в пользу разделяемого большинством населения России подхода к трактовке событий прошлого. Для самих немцев было бы актуальным обратиться также к опыту ГДР, где в рамках местной версии «советского» мифа удалось совершить реальную отстройку собственно населения от нацистского руководства.

Отходу от тупиковой модели «русофобии поневоле» в сторону концепции «пострадавших от рейха» немцев, могут способствовать некоторые иные тенденции. В российском, и не только, кинематографе появился и достаточно прочно закрепился образ «хорошего немца». Плюс данной ситуации в том, что нередко в основу таких сюжетов положены реальные события, то есть действительно некоторые солдаты и офицеры, вопреки всем преступным приказам – следовательно, рискуя жизнью – смогли сохранить в себе человечность. Однако в фильмах эту роль исполняли практически исключительно военные персонажи, тогда как позитивное взаимодействие с немецким гражданским населением не нашло сколь-либо широкого отображения.

Между тем, в данной парадигме имеется еще один важнейший ресурс, до настоящего времени не использованный. После войны было немало случаев, когда между советскими военными и немецкими девушками возникали искренние чувства, при которых ни о каком насилии не могло быть и речи. Причем такого рода отношения хотя и не поощрялось, но и предотвратить их никто при всем желании не мог. Что важно, подобные явления наблюдались не только в советской, но и во всех других зонах оккупации, между немками и союзными военнослужащими. Несколько лет назад режиссерами передачи «Жди меня» была в прямом эфире организована встреча двоих детей от таких союзов со своими отцами – советским и американским солдатами соответственно. Создания семьи в обоих случаях не произошло в силу внешних обстоятельств – и того, и другого собственное

командование, узнав о произошедшем, отправило служить в отдаленные гарнизоны за пределами Германии, и связь была потеряна.

Преимущества использования этой возможности в мемориальной политике проявляются сразу в двух плоскостях. С одной стороны, замена насильственного контекста на взаимную любовь может послужить эффективным инструментом отстройки немцев от психологического состояния «изнасилованных», причем как в российском, так и в западном направлениях. С другой стороны, с художественной точки зрения такие произведения с большой вероятностью будут востребованы – давно известна популярность сюжета о влюбленных, которым препятствуют непреодолимые внешние обстоятельства. Кроме того, отношения подобного плана, только между «хорошим немцем» и советской женщиной уже с успехом освещались в российских кинематографических произведениях.

Существуют и многие другие возможные ресурсы. Однако чтобы понять, какие именно следует избрать пути решения проблемы, следует сначала проанализировать, какие именно вопросы о войне в настоящий момент представляют для немцев наибольшую остроту. Параллельно, как и при исследовании подобной проблематики среди поляков, необходимо представить «зеркальную» картину, которая покажет, какие проблемы волнуют в этой связи россиян. Это обусловлено теми же причинами – антироссийским вектором официальной политики памяти.

В качестве эмпирической основы изучения рассматриваемого вопроса выступил комплекс материалов, выявленных в ходе работы с 8 новостными ресурсами: «Коммерсантъ», «Комсомольская Правда», «Известия», «Независимая газета», «Deutsche Welle», «Spiegel», «Süddeutsche Zeitung». Всего было исследовано 293 публикации. Эти материалы были дополнены контентом 500 уникальных сообщений в популярных социальных сетях, таких как «Facebook», «Twitter», «ВКонтакте», «Живой журнал», набравших наибольшее количество лайков и репостов. Поиск и сортировка контента проходили с использованием онлайн-сервиса мониторинга социальных медиа

IQBuzz и инструментов киберметрического поиска социальных сетей «Facebook». Запросы для формирования рубрик были составлены одновременно на русском и немецком языках, с использованием кириллицы, немецкого и английского вариантов латиницы. В ходе предварительной обработки выявленного массива информации из выборки были удалены сообщения, размещенные на русском языке гражданами других государств³¹¹.

Хронологические рамки киберметрического исследования соответствуют временным границам аналогичных изысканий относительно польского кейса.

Приступая к освещению данного аспекта, необходимо отметить, что при выборе стратегического направления в рамках германского дискурса политики памяти российское руководство не стало отклоняться от курса, реализуемого ранее. Последний подразумевал формирование максимально позитивного образа Красной Армии без использования жесткой критики в адрес противников данного подхода за рубежом. В своих действиях российские власти ориентировались преимущественно на наследие советской модели, не пытаясь использовать «раскаяние в преступлениях прошлого» со стороны немцев как инструмент внешней политики.

Данный подход можно охарактеризовать как прагматичный и вполне конструктивный. Его реализация позволяла сократить число травмирующих эпизодов в исторической памяти и закрепить позитивные элементы собственной идентичности. В частности, это помогло защитить от размывания или искажения существующий в российском массовом сознании образ

---

³¹¹Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru> (Дата обращения – 29.08. 2013); Комсомольская Правда. URL: <https://www.kp.ru> (Дата обращения – 29.08. 2013); Известия. URL: <http://iz.ru> (Дата обращения – 29.08. 2013); Независимая газета. URL: <http://www.ng.ru> (Дата обращения – 29.08. 2013); Deutsche Welle. URL: <http://www.dw.com> (Дата обращения – 29.08. 2013); Spiegel Online. URL: <http://www.spiegel.de> (Дата обращения – 29.08. 2013); Süddeutsche Zeitung. URL: <http://www.sueddeutsche.de/> (Дата обращения – 29.08. 2013).

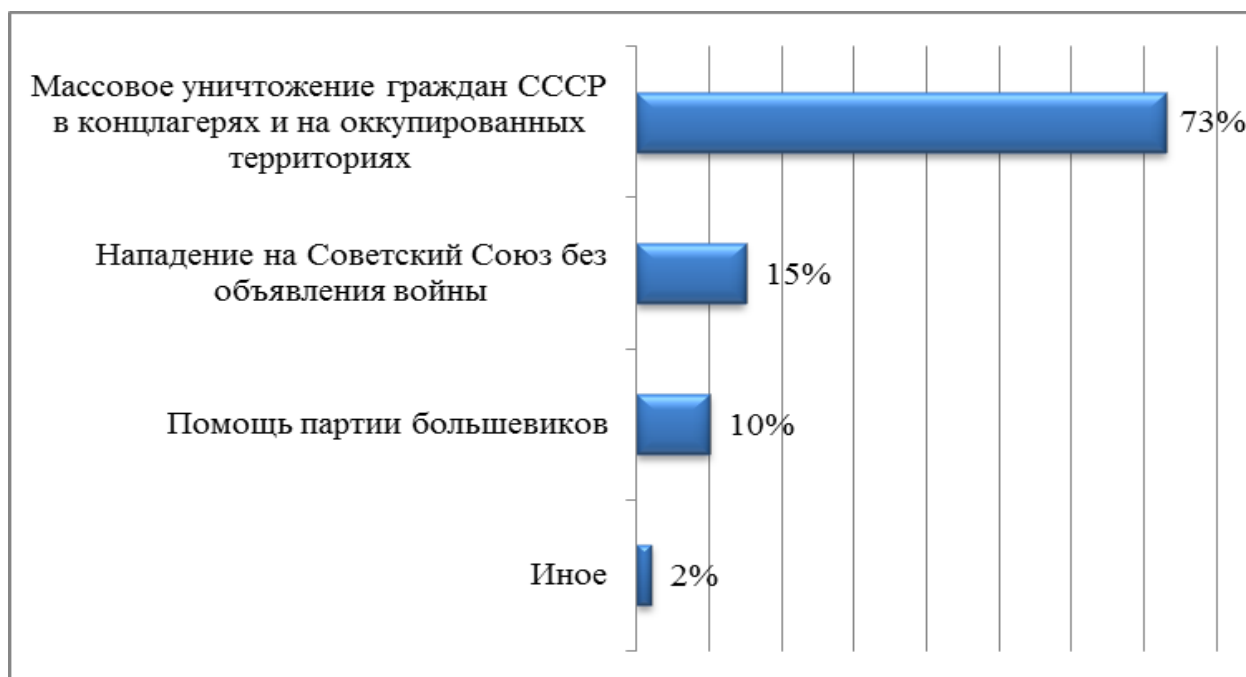
«солдата-освободителя», а также сохранить представления о его особой, мессианской роли в мировой истории.

Последнее, например, проявляется через транслируемую еще со времен Российской Империи систему представлений о том, что Россия сыграла роль «щита Европы» перед нашествием монголов, а затем спасла Старый Свет от армий Наполеона. В советское время к этому добавилось избавление мира, в том числе и самой Германии, от гитлеровского нацизма.

Также необходимо указать, что данный подход в целом соответствовал структуре представлений россиян о «сложных вопросах» в истории взаимоотношений Москвы и Берлина. Иерархия соответствующих моментов общего прошлого наглядно отображена в приведенной ниже диаграмме.

Рис. 48

**Структура упоминаний о «сложных вопросах» российско-германских взаимоотношений в пуле изученных материалов за 2008 г.
(с российской стороны)**

Из приведенных выше данных следует, что вопрос о взаимоотношениях солдат и офицеров Красной армии с гражданским населением Германии и борьбы с антисоветским подпольем не относится к числу значимых для

русской аудитории. Удельная доля упоминаний о случаях мародерства, изнасилованиях и иных противоправных действиях со стороны советских войск составила всего 0,49% и по причине своей незначительности не получила самостоятельного отображения на диаграмме – включена в состав категории «иное». Что интересно, 10% отметили еще довоенное событие – помощь немцев В.И. Ленину и партии большевиков.

Специфика восприятия событий прошлого в данном случае объясняется тем, что подавляющее большинство населения продолжает воспринимать события 1941-1945 гг. сквозь призму советской мифологии, нашедшей свое закрепление в значительном количестве высококачественных произведений художественной культуры. Последние, в первую очередь кинофильмы, продолжают играть роль одного из основных источников представлений о событиях Второй мировой войны. В то же время число созданных в постсоветский период произведений, педалирующих тему насилия в отношении гражданского населения Германии со стороны советских военнослужащих, крайне невелико, а их художественное качество и охват аудитории в большинстве случаев неизмеримо ниже, чем у культурного наследия эпохи СССР.

При этом, как показало исследование, восприятие «сложных вопросов» во взаимоотношениях двух стран гражданами ФРГ кардинально отличается от установок, господствующих среди русской аудитории. Подробно ознакомиться с настроениями населения Германии можно при помощи, расположенной ниже диаграммы.

**Структура упоминаний о «сложных вопросах» российско-германских
взаимоотношений в изученных материалах за 2008 г.
(с германской стороны)**

Как следует из приведенной выше диаграммы, проблема противоправных действий советских войск, в том числе – в рамках борьбы с подпольными организациями, является актуальной для граждан современной Германии. В структуре упоминаний о «сложных вопросах» во взаимоотношениях двух стран на долю соответствующих сюжетов приходится 63% от общего количества сообщений. При этом особым вниманием пользуются эпизоды, связанные с практикой мародерства и фактами изнасилования немецких женщин красноармейцами.

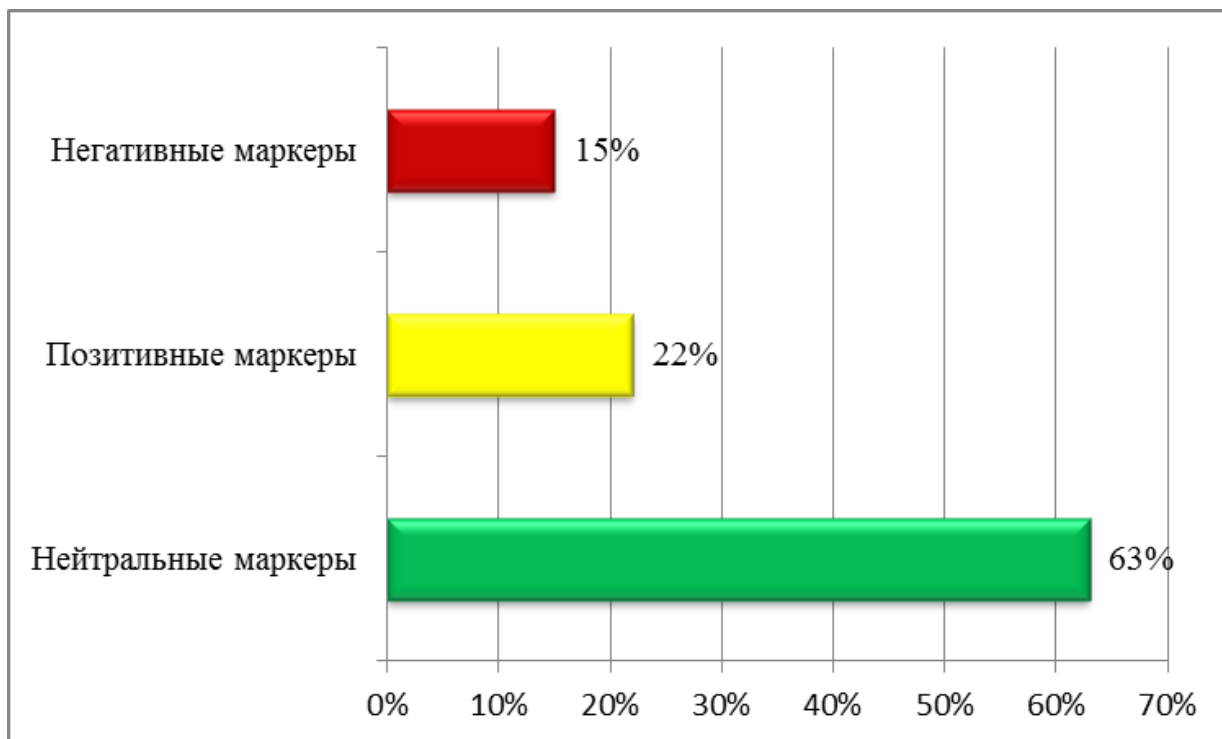
Очевидно, что настроения немецкого общества также во многом определяются идеологическим наследием эпохи «двух Германий». Нельзя забывать, что после завершения Второй мировой войны и разделения страны на Западную и Восточную части в ФРГ культивировался образ «красного врага». При этом вопрос о том, что СССР с самого начала последовательно

выступал за единую и нейтральную Германию, игнорировался, хотя здесь заложен еще неиспользованный положительный ресурс гармонизации.

Кроме того, очевидно, что реализуемая Россией политика памяти в отношении пребывания Красной армии на территории Германии выстраивалась преимущественно на основе учета настроений россиян и не принимала во внимание состояние общественного мнения ФРГ. Позиции граждан России наглядно отображены в приведенной ниже диаграмме.

Рис. 50

Позиционирование отношения граждан России к пребыванию Красной армии на территории Германии в 1945 г. (по данным за 2008 г.)

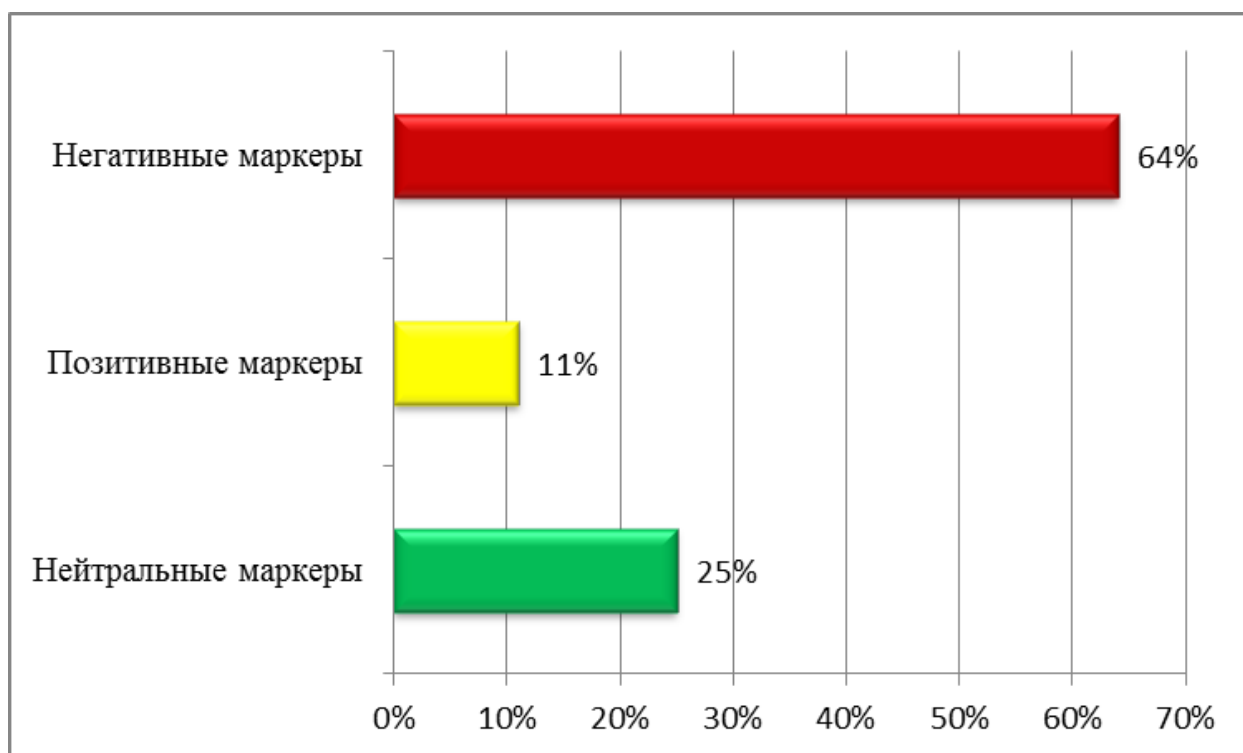

Как следует из полученных данных, нахождение советских войск на немецкой территории вызывает у россиян преимущественно позитивные ассоциации или воспринимается в нейтральном контексте. Тот факт, что всего менее четверти респондентов воспринимают эти события однозначно в положительном контексте, отчасти обусловлен тем, что в период после 1991 г. активно педальировался миф о том, что «кормили всех, кроме себя».

Восприятие соответствующих событий гражданами ФРГ характеризовали принципиально иные доминанты, что наглядно отображено в следующей диаграмме.

Рис. 51

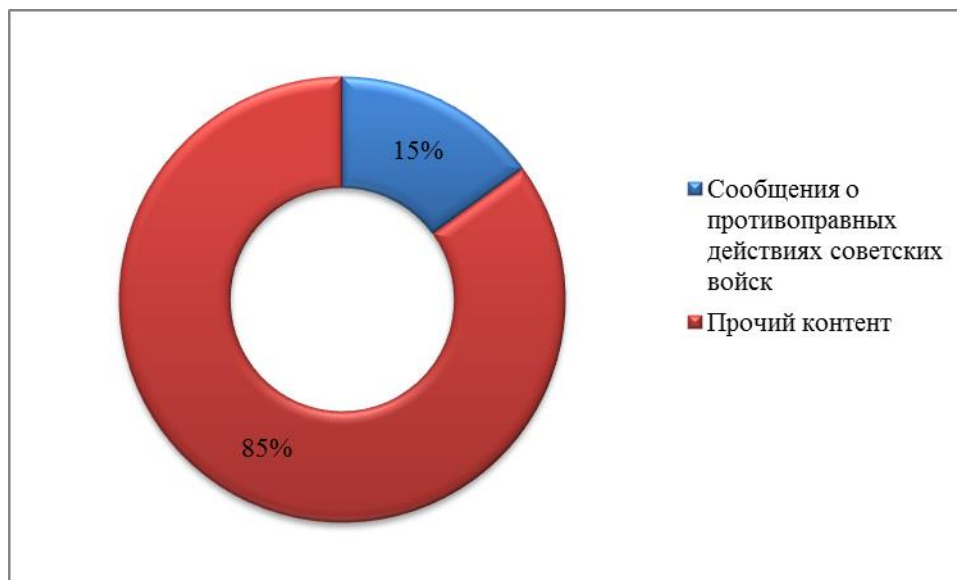
Позиционирование отношения граждан ФРГ к пребыванию Красной армии на территории Германии в 1945 г. (по данным за 2008 г.)

Такие показатели закономерны, учитывая описанные выше приемы антисоветской риторики. Раскрывая дальнейшие нюансы, следует обратить внимание на разницу в объеме удельной доли сообщений о противоправных действиях красноармейцев по отношению к мирному населению в структуре контента российских и германских медиа. Для граждан России важность представляет, как уже отмечалось, сам факт успешного завершения освободительной миссии. Проведенный анализ показал, что негативные, но важные для немцев сюжеты для россиян носят выражено периферийный характер; наглядно это отображено в нижеследующей диаграмме.

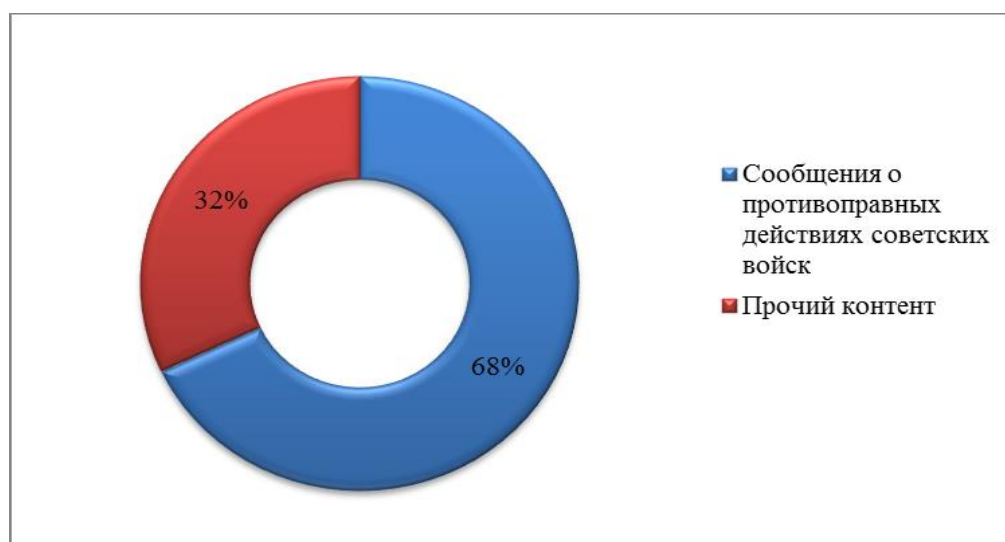

**Доля сообщений о противоправных действиях в структуре контента,
посвященного действиям Красной армии на территории Германии
(русскоязычные материалы за 2008 г.)**

В то же время для граждан ФРГ эта тема является ключевой. Фактически вокруг нее и выстраивается весь дискурс: 68 % всех упомянутых сюжетов относятся к числу эпизодов, связанных с мародерством и иными преступлениями со стороны солдат и офицеров советских войск.

**Доля сообщений о противоправных действиях в структуре контента,
посвященного действиям Красной армии на территории Германии
(немецкоязычные материалы за 2008 г.)**

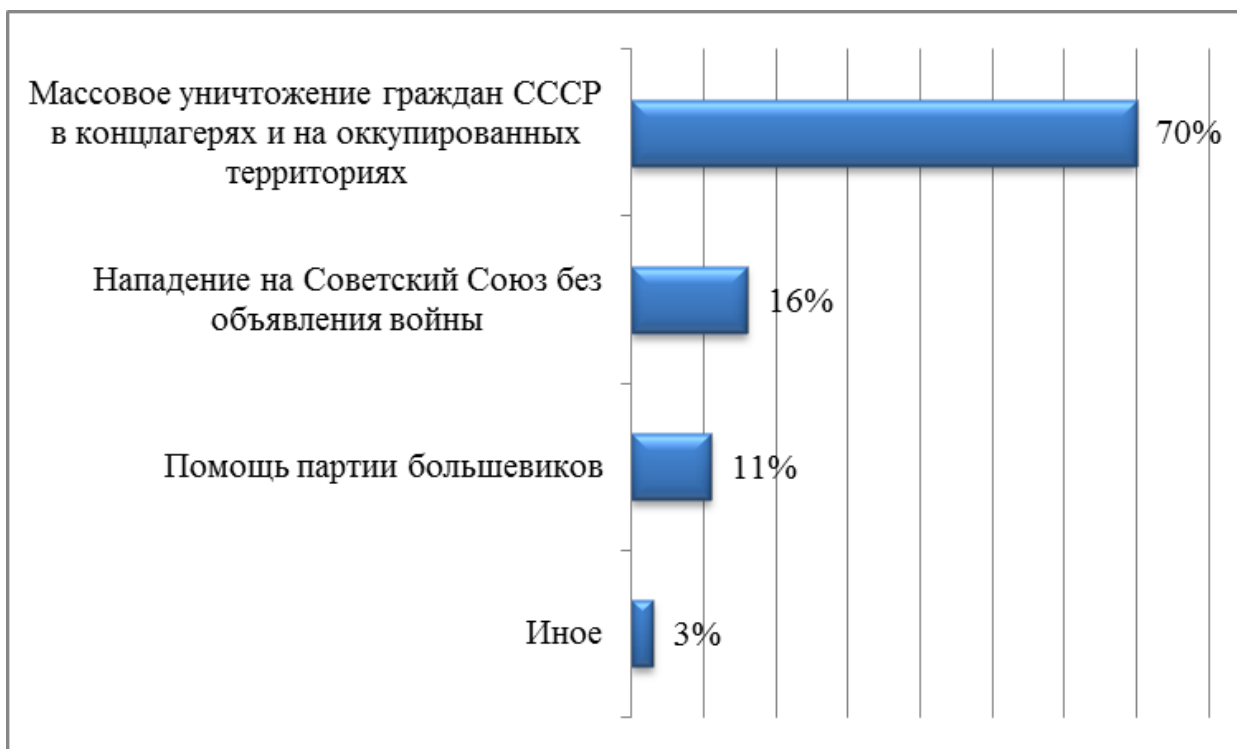

Теперь важным представляется проследить, какова динамика изменений соответствующих сюжетов в сознании граждан обеих стран. Для этого рассмотрим данные, полученные при помощи описанных методов из тех же самых источников, но спустя три года. Данного временного промежутка, как показывает анализ материалов, полученных в результате исследования польского контента, достаточно, чтобы зафиксировать как тенденции, так и охват ими населения.

Для жителей России, как мы видим, характерна стабильность в данных вопросах. Это позволяет говорить о возможности прогнозирования ситуации и выявить места, требующие приложения наибольших усилий.

Рис. 54

**Структура упоминаний о «сложных вопросах» российско-германских взаимоотношений в пуле изученных материалов за 2011 г.
(с российской стороны)**

В то же время внимание граждан ФРГ к проблемным сюжетам в истории двух стран лишь усилилось. Если в 2008 г. на их долю приходилось всего 63 % сообщений, то к 2011 г. этот показатель вырос до 74% (более подробно со

всеми показателями можно ознакомиться в нижеследующей диаграмме). Это доказывает сразу два изложенных нами в предшествующем разделе тезиса: внутреннее напряжение немцев возрастает, а направляется оно лишь в ту сферу, которую предложили власти – в антисоветскую.

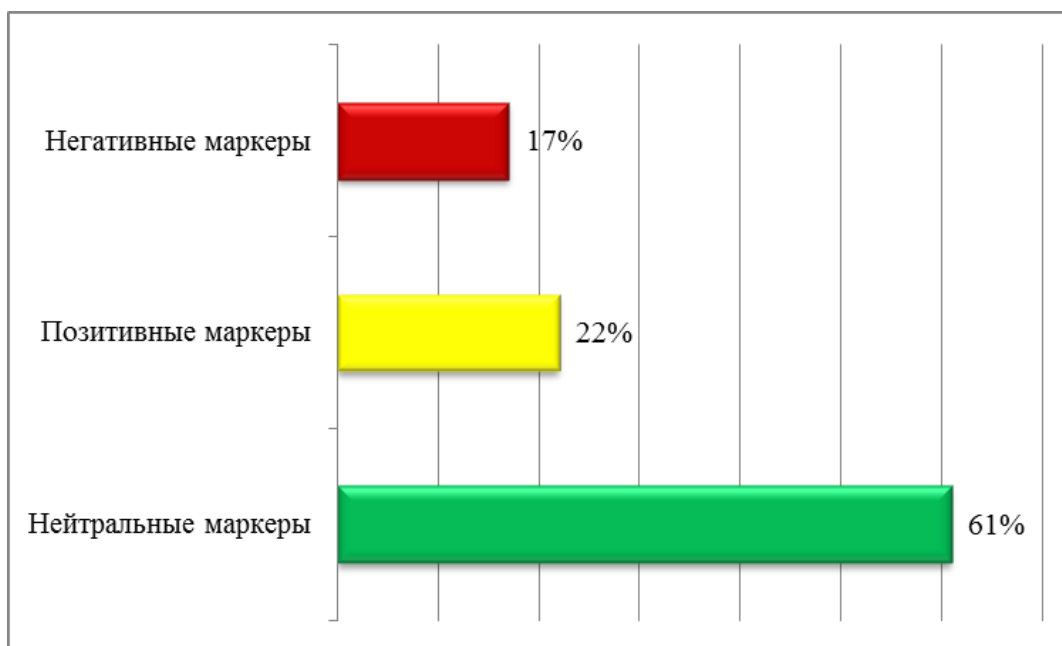
Рис. 55

**Структура упоминаний о «сложных вопросах» российско-германских взаимоотношений в изученных материалах за 2011 г.
(с германской стороны)**

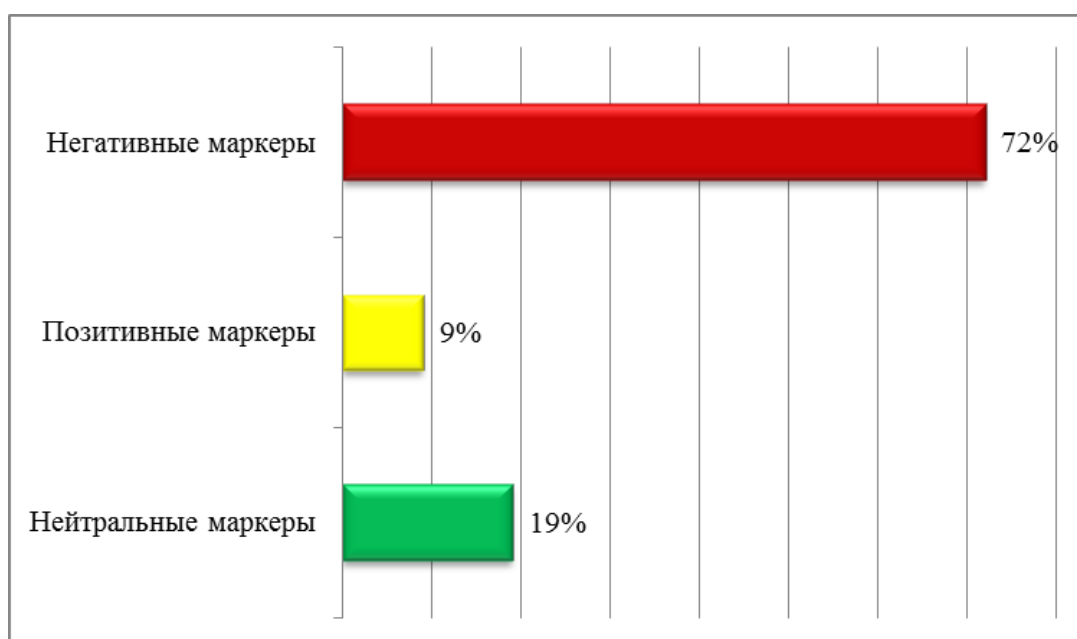
Аналогичная динамика наблюдается также в отношении позиционирования к пребыванию Красной армии на территории Германии. Среди россиян общая доля положительных и нейтральных маркеров изменилась незначительно, сократившись с 85% до 83%.

Позиционирование отношения граждан России к пребыванию Красной армии на территории Германии в 1945 г. (по данным за 2011 г.)

В то же время внутри немецкоязычного контента объем негативных маркеров вырос с 64 до 72%, как видно из диаграммы ниже.

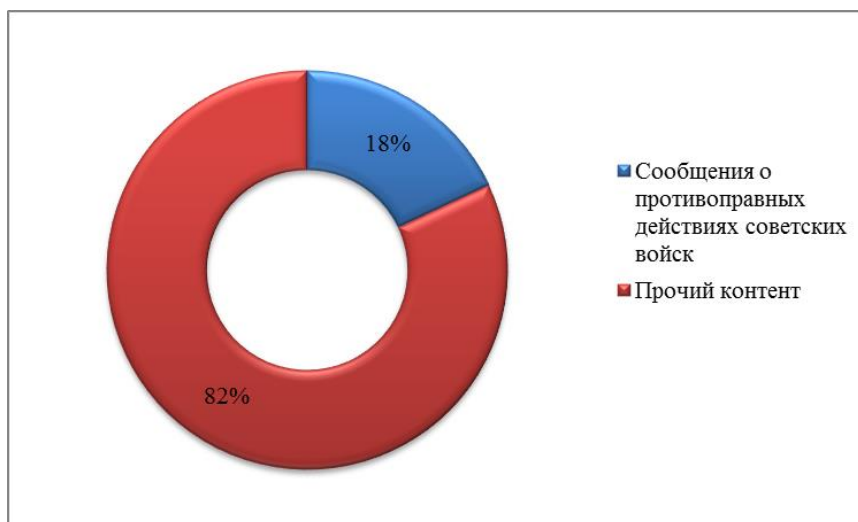
Позиционирование отношения граждан ФРГ к пребыванию Красной армии на территории Германии в 1945 г. (по данным за 2011 г.)

Динамика доли сообщений о противоправных действиях Красной армии демонстрирует аналогичные изменения. В структуре русскоязычных материалов фиксируется ее увеличение всего лишь на 3%.

Рис. 58

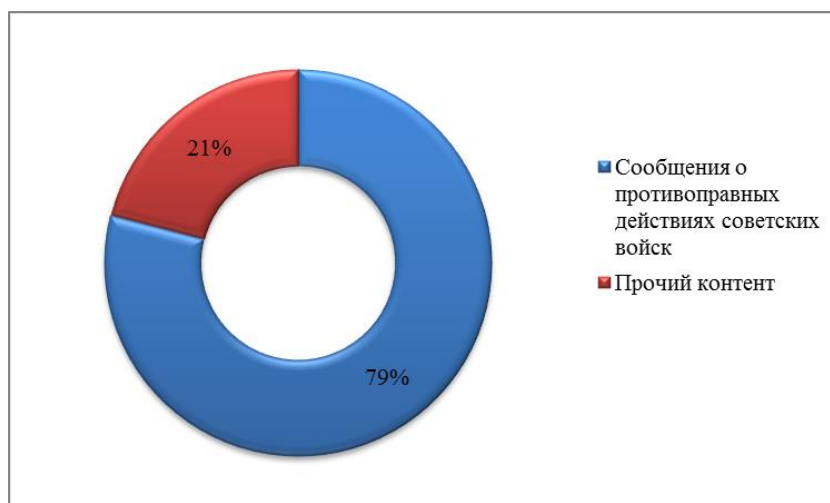
Доля сообщений о противоправных действиях в структуре контента, посвященного действиям Красной армии на территории Германии (русскоязычные материалы за 2011 г.)

Однако при этом в рамках немецкоязычного контента мы наблюдаем рост данного показателя сразу на 11 %, с 68 до 79 %.

Рис. 59

Доля сообщений о противоправных действиях в структуре контента, посвященного действиям Красной армии на территории Германии (немецкоязычные материалы за 2011 г.)

Таким образом, выявленные тенденции свидетельствуют о возрастающем влиянии германской модели на собственное население. При этом совершенно игнорируется как минимум три важных аспекта. Во-первых, отстройка от «комплекса вины» происходит при полном игнорировании преступлений, совершенных нацистским режимом на территории СССР. Последние, что важно, полностью доказаны. Соответствующая позиция россиян, которая, как мы доказали, в данном вопросе остается стабильной, во внимание не принимается.

Во-вторых, распространяемая мемориальная традиция, которая представляет немецкий народ фактически жертвой «преступлений» советских войск, напротив, базируется на сомнительных утверждениях и цифрах. За основу берутся максимальные показатели, взятые «с потолка» в целях пропаганды еще Й. Геббельсом, который, как известно, признан военным преступником. Данные советских архивов хотя и разрознены, однако могут послужить в достаточной степени достоверным источником по данному вопросу, даже если допустить, что некоторое количество правонарушений не попало в поле зрения военной прокуратуры.

В-третьих, избранный подход не решает проблему как таковую. Попытка канализировать внутренние конфликты населения в сторону ухудшения образа Красной армии, т.е. косвенным образом всей России, остроту проблемы не снимают. Одновременно они могут выступить в качестве катализатора увеличения перспектив начала «войн памяти» между Берлином и Москвой.

При этом тот выход из положения, к которому стремится ФРГ – то есть полное избавление от ярлыка агрессора в виде международного признания искупления вины, в состоянии решить данную проблему, но только при определенных условиях. Одним из них является гарантия для пострадавших стран и народов, что «освобожденная» таким способом Германия не забудет и не допустит в будущем подобных злодеяний. Большую озабоченность вызывает и некоторая неготовность немцев к такому сценарию. Сам подход,

который представляет народ пострадавшим от какой-либо внешней силы, пусть в данном случае сейчас избрана Красная армия, подразумевает, что в этом качестве может быть выставлен, при соответствующих обстоятельствах, кто угодно. Могут быть предъявлены претензии и к соседям из-за депортаций этнических немцев, и к любой другой стране, чьи войска сражались против нацизма на германской территории.

Соответственно, для достижения изменения своего статуса на международной арене немцы должны показать, что такие опасения беспочвенны. Это означает, что существующую мемориальную модель следует кардинальным образом пересмотреть. Шанс использовать в этом отношении весьма успешный опыт ГДР был безвозвратно упущен. Остается обратиться к механизму, успешно зарекомендовавшему себя в Австрии. Эта страна, точнее ее граждане после аншлюса с Германией на равных с немцами принимали участие во всех действиях, признанных преступными. Тем не менее, австрийская государственность была восстановлена, оккупационные войска всех держав выведены одновременно, а политика памяти все эти годы базировалась на постулатах «жертв рейха». В качестве таковых представлялось и само государство, и его жители.

Поскольку в случае Германии возможен в ближайшее время только последний вариант, можно рекомендовать использование модифицированной австрийской модели. Ключевым условием ее успеха должен стать отказ от попыток представить виноватыми в трагедии немецкого народа кого бы то ни было, кроме нацистского режима. Такая концепция, однако, обладает одним существенным риском: весьма популярный миф о «чистом вермахте» подразумевает и массу моментов для гордости. В самом деле, успешность и эффективность нацистской военной машины, особенно в начальный период войны, сегодня является общепризнанной.

В то же время есть значительное количество ресурсов, помимо тех, которые уже были нами упомянуты, которые могут позволить реализовать новую стратегию весьма эффективно. Поскольку ключ проблемы состоит в

том, что немцы психологически «чувствуют себя изнасилованными», надо понять, что в основе данного комплекса лежит отсутствие примирения с самими собой. Решить эту задачу можно при использовании нескольких конкретных кейсов, которые представляются нам наиболее эффективными.

Обращение посредством инструментов микроистории к образам рядовых солдат вермахта и членов их семей должно демонстрировать не только отсутствие имманентного зла в природе и культуре немецкого народа, но и деструктивный характер нацизма, а также пагубность компромиссов в его восприятии. Демонстрация моральной деградации людей, включенных в орбиту влияния нацистской политической системы, позволяет позиционировать многих из них и как «жертв», и как «палачей». Нравственное падение функционеров можно оценивать, в том числе, как их личную трагедию. В качестве возможных вариантов для сценария каких-либо психологически захватывающих фильмов или сериалов данный дискурс идеален.

Тема жертвенности может быть раскрыта сквозь призму обмана широких масс населения. Последнее, что важно отметить, не должно сопровождаться освобождением от ответственности. Факт обмана масс и признание последствий воздействия на них пропаганды нельзя позиционировать как полностью извиняющее обстоятельство. Любое историческое событие обязательно должно оцениваться в первую очередь с точки зрения своих последствий.

Однако коллективная ответственность в данном случае должна выражаться в виде признания необходимости не допустить повторения трагедии и стремлении положить конец вражде, порожденной вооруженным конфликтом и сопутствующими последствиями. Таким образом, прежняя вина Германии и ее народа за развязывание Второй мировой войны как таковая не должна отрицаться. Однако ей должна быть придана новая форма,

позволяющая немцам «излечить» собственную идентичность, примириться с победителями, а главное – с самими собой³¹².

Достичь этого можно было бы, например, за счет следующей смены акцентов в рамках трансляции исторического нарратива. Во-первых, путем разрушения системы представлений относительно того, что нацисты пользовались единодушной поддержкой народа Германии. В этом направлении когда-то было немало сделано учеными ГДР и СССР, и можно использовать уже готовое наследие, подняв данные труды и очистив их от марксистской составляющей. Разумным представляется также сделать акцент на репрессивной политике нацистского режима периода первых лет его существования, заострив внимание на том, что первыми жертвами преследований со стороны НСДАП стали преимущественно этнические немцы – члены оппозиционных партий, особенно коммунисты; религиозные меньшинства, например, свидетели Иеговы и т.д.

Весьма перспективным представляется обращение к теме последствий нацистской диктатуры для немецкой общины Европы с точки зрения демографического урона, депортаций, утраты культурного наследия и т.д. Позитивную роль может сыграть и попытка обращения к вопросу о том, каких показателей могла бы достичь Германия, если бы ее руководство не сконцентрировалось на осуществлении военных авантюр после прихода А. Гитлера к власти. Развитие данного направления можно органично сочетать с разработкой такого направления, как оценка развития научно-технического потенциала Германии в случае предотвращения эмиграции специалистов в результате прихода нацистов к власти.

Работа в рамках указанных направлений должна быть направлена на то, чтобы уничтожить в сознании немцев образ нацистской Германии как актора, так или иначе выражавшего и защищавшего интересы страны и ее народа.

---

³¹² Bruter M. Civic and cultural components of a European identity: A pilot model of measurement of citizens' levels of European identity. P. 194.

Наоборот, он должен однозначно представляться в том качестве, в каком и выступил – как режим, который привел страну к катастрофе. Также у целевой аудитории необходимо выработать убежденность в том, что отказ от наследия нацизма однозначно не умаляет авторитета и заслуг немецкого народа. Ее следует убедить в том, что осуждение нацизма, напротив, способствует укреплению авторитета Германии на международной арене³¹³.

Во-вторых, такого рода позиционирование событий 1930 – 1940 гг. должно сопровождаться обращением к теме инвариантности исторического процесса и взаимосвязи между конкретными событиями и личным или коллективным выбором. Установление нацистской диктатуры не должно позиционироваться как захват власти узкой группой лиц. Оно должно расцениваться как результат процессов, проходивших как внутри самого германского общества, так и в мире. Так, приходу А. Гитлера к власти немало способствовало обеднение людей в результате «Великой депрессии».

Кроме того, победе нацистов внутри страны предшествовало расширение социальной базы их партии и рост политической популярности. Также необходимо обратить внимание на массовый характер преступлений нацистского режима, что предусматривает привлечение к их осуществлению широких слоев населения³¹⁴. Для того, чтобы одновременно добиться как отстройки психики от этих фактов, так и желания не допустить подобного впредь, можно использовать апелляцию к тому дискурсу, что нацизм опирался на худшую, пусть и немалую часть народа. За счет этого, приход нацистов к власти должен позиционироваться как результат политической близорукости или пассивности широких масс остального населения. В результате гитлеровский режим должен восприниматься не как явление, тождественное

---

³¹³Кирчанов М.В. Приручение прошлого: историческая политика и политика памяти (европейский историографический опыт и латиноамериканские контексты). С. 75.

³¹⁴ Тульчинский Г.Л. Историческая память в символической политике и информационные войны // Философские науки. 2015. № 5. С. 28.

Германии в целом, но при этом опиравшееся на худшие элементы ее социальной и политической культуры³¹⁵.

В данном случае уместны исторический параллелизм и акцентирование внимания на наличие точек бифуркации в национальной истории других государств. Захват власти нацистами, в рамках данной парадигмы, должен рассматриваться как следствие неверного выбора в системно значимом вопросе, сделанного во многом под влиянием страхов, предрассудков, бедности, ошибочных надежд, и т.д. В истории других стран также имели место такого рода моменты, и не всегда общество делало верный выбор.

Это служит доводом против демонизации Германии. Масштабы трагических последствий прихода к власти нацистов были предопределены ее особой ролью в мировой политике и экономике. Следует подчеркивать, что ни одна нация не застрахована от совершения такого рода ошибок. Дополнительным оправданием неверного выбора может выступать и то обстоятельство, что прежде подобного исторического опыта не было в истории цивилизованных стран, в силу чего до начала войны никто не мог даже предполагать, что подобное в XX веке станет возможным. И потому как для современной Германии, так и для прочих лидеров мирового сообщества, крайне важно сосредоточиться не на поиске оправданий ошибок собственных народов, а на предотвращении их повторения в современный период и обозримом будущем³¹⁶.

Оценка происходившего в Германии в период существования нацистского режима также должна быть вписана в рамки исторического контекста: в обязательном порядке должен затрагиваться вопрос о развитии других авторитарных режимов в Европе 1920 – 1930-х гг., поскольку в центре

---

³¹⁵ Миллер А.И. История империй и политика памяти // Россия в глобальной политике. М., 2008. Т.6. № 4. С. 125.

³¹⁶ Ефременко Д.В., Малинова О.Ю., Миллер А.И. Политика памяти и историческая наука // Российская история. 2018. №5. С. 135.

внимания оказываются только Германия и СССР. Важен вопрос о несоответствии ведущих «демократий» той эпохи современным стандартам народовластия, деструктивных последствиях Первой мировой войны и несправедливости Версальско-Вашингтонской системы.

При этом необходимо избежать морального релятивизма: осознание специфики эпохи должно служить ключом к пониманию мотивов современников описываемых событий, но не являться средством их оправдания. С этой целью можно использовать, в рамках популяризации соответствующего меседжа, знакомые массовой аудитории примеры антигероев из массовой культуры. В частности, в рамках преподавания в средней и высшей школах можно использовать отсылки к таким произведениям, как кинофильм «Джокер» или сериал «Во все тяжкие»³¹⁷.

В-третьих, необходимо переформатировать позиционирование достижений Германии, ассоциируемых с периодом нацизма. Посредством генетического метода их нужно напрямую и жестко увязать с заслугами и достижениями предшествующих режимов. Идет ли речь об успехах конструкторов и инженеров, качестве подготовки военных кадров или научных достижениях, следует акцентировать внимание на том, что нацисты в основном использовали созданный до них и без их участия потенциал³¹⁸. Это довольно сложно сделать, учитывая, в особенности, разработки в области ракетной техники и т.п. Однако здесь можно сместить акценты: вместо инвестиций в мирные технологии нацизм отнимал у народа деньги путем их вклада в оружие уничтожения. Помимо того, важно показать, что значительная часть крупных ученых бежала из страны, а остальные нередко принуждались к работе на военных.

---

³¹⁷ Connerton P. How societies remember. Cambridge, 1989. P. 31.

³¹⁸ Климов И.А., Тучков С.М. Политика памяти как инструмент легитимации политического режима // Проблемы и приоритетные направления развития современных политических и социальных процессов. М., 2017. С. 88

В рамках освещения боевых действий Германии также следует внести изменения. Нельзя полностью отказываться от этой части «немецкого наследия», как и в целом от героизации представителей вермахта или кригсмарине: последнее будет мощным ударом по эмпирической базе ингруппового фаворитизма народа Германии и спровоцирует лишь реакцию в виде частичной или полной реабилитации нацистского режима.

Однако структуру пантеона военных героев Германии необходимо изменить. В частности, в его центр желательно поместить военнослужащих, участвовавших преимущественно в оборонительных операциях. Также необходимо заострять внимание на достижениях офицеров, находившихся в скрытой оппозиции к Гитлеру, ставших известными благодаря антивоенной риторике, отказу выполнять преступные приказы, участию в спасении мирного населения, военнопленных, инакомыслящих, и т.д.

Особую ценность представляет фактура, указывающая на неприятие тем или иным заслуженным ветераном нацизма или милитаризма. Последнее может сочетаться с наличием у него такой мотивации, как стремление пережить войну и вернуться к родным, спасти «товарищей по оружию», желание не допустить позора Германии кровавыми преступлениями. Также особое значение необходимо придать имевшим боевые награды военнослужащим, пострадавшим от репрессий нацистского режима либо пораженным в правах в силу обнаружения у них еврейских корней или по иным причинам³¹⁹. В целом наиболее перспективным путем будет тенденция демонстрировать наличие в военной среде неприятия политики нацистов³²⁰.

Необходимым представляется также расширением «пантеона героев» войны за счет представителей специальностей, не участвовавших в уничтожении сил противника – врачей, санитаров, пожарных и пр. При этом заслуги последних желательно демонстрировать не в связи с событиями на

---

³¹⁹ Климов И.А., Тучков С.М. Указ. соч. С. 88, 89.

³²⁰ Ефременко Д.В., Малинова О.Ю., Миллер А.И. Указ. соч. С. 135.

линии фронта, а, например, в рамках преодоления гуманитарных катастроф, порожденных ковровыми бомбардировками немецких городов³²¹. Кроме того, в наши дни, когда оставшихся в живых ветеранов осталось мало, поколение участников Второй мировой войны можно позиционировать как символически переродившееся, осознавшее собственные ошибки, отринувшее милитаристское и шовинистическое наследие предшественников и вернувшее нацию Германии в ее «естественное состояние», превратив немцев в «народ-созидатель».

Позиционирование хода мировой истории для Германии должно завершаться не трагедией – поражением, утратой территориальной целостности, уплатой контрибуций и т.д., – а именно послевоенным возрождением. Этому в немалой степени способствует тот факт, что достижения, влияние в мире и имидж на международном уровне у современной Германии реально высоки. Последнее позволяет создать предпосылки для восприятия немцами войны не столько как трагедии, но и как процесса, в конечном итоге реально приведшего к освобождению их страны и началу ее нынешнего процветания³²².

Важным условием успешной реализации описанных выше инициатив является развитие в целом антивоенного дискурса в рамках исторического нарратива. Этому способствует в немалой степени, о чем уже говорилось, и недавний опыт, когда военное поражение Югославии привело не столько к ликвидации экономического конкурента, сколько к массе негативных последствий, которые уже сейчас обходятся слишком дорого. Последнее не подразумевает перехода к радикальной, вульгарной антивоенной риторике. Данный дискурс необходимо выстраивать на основе реалистичного описания «военной повседневности», в первую очередь – в контексте взаимодействия с гражданским населением. Последнее даст возможность выработать у целевой

---

³²¹ Connerton P. Op. cit. P. 34.

³²² Ibid.

аудитории неприятие войны как таковой при сохранении уважения непосредственно к военнослужащим³²³.

При этом целесообразно, хотя и затруднительно в силу ряда обстоятельств, рассматривать трагедию евреев, цыган, коммунистов или представителей иных групп, подвергавшихся целенаправленному террору со стороны нацистов, в рамках общего исторического нарратива. Выделение трагедии конкретной макросоциальной группы способствует тому, что представители условного большинства еще больше начинают воспринимать ее как общность «чужих». При этом «палачи», как правило, продолжают ассоциироваться с большинством, что поневоле переводит их в разряд «своих» в глазах целевой аудитории. Последнее открывает широкое поле для манипуляций общественным мнением.

В частности, используя этот эффект, ультраправые ревизионисты используют этот эффект для разжигания антисемитских настроений, обвиняя евреев в попытках демонизировать весь немецкий народ с целью финансового паразитирования на «комплексе вины» Германии³²⁴. Этого можно было избежать своевременной корректировкой концепции Холокоста, но проблема в этом конкретном случае заключалась в том, что немецкие евреи даже не составили большинства пострадавших от данного геноцида.

Жертв нацистского террора, принадлежащих к «целевым» макросоциальным группам, желательно, тем не менее, именно в рамках внутренней повестки, позиционировать как германских граждан, пострадавших от преследований режима Гитлера наряду с собственно этническими немцами – представителями «условного большинства». Последнее позволит, с одной стороны, разрушить позитивные элементы

---

³²³ Ефременко Д.В., Малинова О.Ю., Миллер А.И. Указ. соч. С. 137.

³²⁴ Там же.

нацистского режима как «защитника “своих”», а с другой – нивелировать неприятие гражданами Германии вопроса о компенсациях³²⁵.

Особенно важным урегулирование данного вопроса представляется потому, что проблема антисемитизма, как и восприятия других национальных меньшинств, в Германии до конца не исчерпана. Дело даже не в компенсациях, которые, помимо евреев, пострадавших от нацистского режима, выплачиваются, например, несовершеннолетним узникам концлагерей независимо от их национальности и гражданства. Социальная политика страны привела к тому, что нередко жить на различные пособия оказывается выгоднее, чем работать. Поведенческий императив этнических немцев все равно заставляет большинство из них трудиться, тогда как многие мигранты предпочитают иной путь, чем вызывают недовольство коренного населения, считающего, что оно «кормит» приезжих.

Ситуация усугубляется тем, что поведение евреев, в отличие от других этнических групп, в данном контексте часто происходит через призму старых штампов еще довоенной эпохи. Так, в 2005 г. берлинская еврейская община насчитывала около 12,5 тыс. человек, из которых более 8 тыс. составляли выходцы из бывшего СССР. За счет различных социальных пособий жили более 80%, тогда как работали лишь 20%. К середине 2000-х гг. темпы эмиграции евреев из других стран в Германию превысили аналогичные показатели в отношении Израиля³²⁶. Вопрос о том, как к подобному положению вещей могут относиться рядовые немцы, учитывая историческую традицию, остается открытым.

При этом важно учитывать проблему мигрантов вообще – их число к 2009 году превысило 10% населения страны. Интересен и их национальный состав: 21%, т.е. 2,2 млн. человек, составляли выходцы из бывшего СССР, включая 200 тыс. евреев. Почти приблизились к этому показателю турки –

---

³²⁵Климов И.А., Тучков С.М. Указ. соч. С. 90.

³²⁶ Германия. Вызовы XXI века. М., 2009. С. 774.

19%. Уроженцы «старой» южной Европы – греки, итальянцы, испанцы и португальцы в целом делят третье место с поляками, тех и других примерно 11-12 % от общего числа эмигрантов. К ним вплотную примыкают бывшие граждане Югославии – 10%.³²⁷

Конечно, следует принимать во внимание то обстоятельство, что представители коренных европейских наций в целом более склонны интегрироваться в немецкое сообщество, то есть испытывают такое желание. Им также легче это осуществить, учитывая близость культурно-исторической традиции. То есть около половины эмигрантов выходят за пределы проблемного поля. Однако выходцы из стран Азии и Африки, а также представители тех европейских этносов, которые предпочитают жизнь в рамках диаспоры или религиозной общины, то есть, как правило, мусульмане и иудеи, могут в дальнейшем оказаться жертвами нацистского наследия в немецкой исторической памяти. Тот факт, что корень проблемы лежит в непродуманной социальной политике, власти во внимание не принимают. В этой связи гармоничное разрешение противоречий «темного» прошлого приобретает еще большую актуальность.

Реализация задачи восприятия в качестве «своих» лиц других наций, которые, будучи гражданами Германии, пострадали от нацистского режима, вероятнее всего, может вызвать больше всего затруднений, поскольку тема репрессий в отношении конкретных этнических групп активно использовалась в послевоенный период как ресурс выстраивания их национальной идентичности. Однако в то же время необходимо признать, что именно этот подход во многом подпитывал развитие ультраправого ревизионизма. Его воплощение на практике зачастую воспринималось обывателями как монополизация роли «жертвы» представителями конкретных меньшинств, сопряженная с «навешиванием ярлыка палача» на

---

³²⁷ Германия. Вызовы XXI века. М., 2009. С. 771.

этнических немцев. Более того, эти настроения использовались для создания конфликта между разными группами «жертв»³²⁸.

Для интеграции в общественном сознании «жертв» – немцев и представителей меньшинств хорошо подходит в качестве ресурса построения исторического нарратива тема мишленге – лиц смешанного происхождения, имевших в роду 1 – 2 бабушек/дедушек евреев. Несмотря на то, что многие мишленге никак не были связаны с еврейской общиной и некоторое время полноценно участвовали в общественно-политической жизни нацистской Германии, их права постепенно сокращались вплоть до приравнивания по юридическому статусу к этническим евреям. В 1937 г. политическое руководство «третьего рейха» приняло решение о постепенной принудительной стерилизации мишленге, а в 1941 г. их официально приравнивали к «полноценным евреям»³²⁹.

Задачу объединения мемориального нарратива разных групп жертв нацистского режима облегчает то, что к началу 1930-х гг. значительная часть этнических меньшинств Германии была в существенной степени культурно ассимилирована – 2/3 проживавших в Германии до 1938 г. евреев, в частности, являлись христианами-протестантами. Последнее позволяет воспринять жертв нацистского режима, относящихся к условным меньшинствам, как носителей тех же культуры, языка и образа жизни, что и представителей большинства населения. Как следствие, для целевой аудитории затрудняется идентификация «чужих» как носителей иной идентичности со стороны широких слоев населения³³⁰.

---

³²⁸ Connerton P. Op. cit. P. 35.

³²⁹ Васютин Ю.С., Панова Е.С. Историческая память: институционализация в общественном сознании и в государственной политике // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. Т.11. № 3. С. 110.

³³⁰ Тульчинский Г.Л. Указ. соч. С. 29.

* * *

По итогам анализа ситуации в Германии, мы приходим к выводу, что ее мемориальная политика, оправданная на некоторое время многими объективными обстоятельствами, оказывается к настоящему моменту неэффективной, поскольку не решает главной задачи – решения внутреннего психологического конфликта среди немецкого народа. Кроме того, ее направление – представить население жертвой внешних сил, в частности, Красной армии, является тупиковым как в части реальных политических рисков, так и в силу невозможности разрешить описанные противоречия.

Наиболее перспективным выходом из положения следует считать переход к модели, при которой немцы, не отрицая преступлений своей страны в годы Второй мировой войны, будут представляться в целом как жертвы нацистского режима. Опыт Австрии и ГДР, где похожая концепция с различными вариациями в каждом из государств задействовалась ранее, показывает ее высокую эффективность для достижения нормального психологического самоощущения населения.

Кроме того, без отказа от обвинений в своих бедах каких бы то ни было внешних акторов, следует признать принципиальную невозможность для ФРГ добиться в будущем изменения статуса на мировом уровне, а именно официального признания «искупления вины». В противном случае объективные опасения значительного числа стран, даже не соседствующих с Германией, приведут к блокированию подобных устремлений.

Глава 5. Практические предложения по реализации политики памяти

5.1. Основы успешной мемориальной политики: обобщение экспертных мнений

В качестве первоосновы для выработки системы рекомендаций по реализации политики памяти в отношении событий Второй мировой войны выступают консенсусные мнения специалистов, озвученные в ходе экспертных интервью. Последнее означает, что в пользу каждой приведенной ниже позиции так или иначе высказались все опрошенные эксперты. Дискуссионные точки зрения, озвученные в ходе интервью, не нашли отображения в приведенных ниже материалах.

Сразу оговоримся, во избежание претензии в перегруженности конфликтологической тематикой, что в данном разделе работы рассматриваются именно возможности гармонизации ситуации. Поскольку наибольшее число мемориальных проблем во всем мире упирается именно в неразрешенные конфликты памяти, этому аспекту мы вынуждены уделить соответствующее, то есть повышенное внимание.

Кроме того, следует обозначить такую особенность, как выход за обозначенные хронологические рамки. Дело в том, что богатый мировой опыт, накопленный в исследуемой сфере, относится отнюдь не только к проблемам, связанным с памятью о событиях Второй мировой войны. При этом представляется очевидным, что в поиске актуальных решений в обозначенной парадигме необходимо принимать во внимание лучшие практики, выработанные в разных странах. «Общий знаменатель» в виде проверенных решений может успешно послужить гармонизации мемориальной ситуации относительно 1939 – 1945 гг.

В ходе неформализованных экспертных интервью внимание специалистов в области политики памяти фокусировалось на проблемных моментах ее реализации и возможных путях их устранения. При этом анализ данной проблематики носил концептуальный характер, в силу чего

иллюстративный ряд, приводимый в обоснование конкретных тезисов, зачастую выходил за хронологические рамки Второй мировой войны.

Как было отмечено экспертами, одной из базовых проблем является зачастую конъюнктурный характер принимаемых решений и используемых моделей. Интерпретация событий прошлого на официальном уровне, закрепляемая в структуре исторического нарратива, может кардинально меняться в зависимости от тактических задач внешне- и внутривластной повестки. Идеальная модель политики памяти предполагает преобладание подходов к трактовке ключевых, в первую очередь – травмирующих, эпизодов национальной истории, даже если на научном уровне все это становится поводом для дискуссии. При этом следует ориентироваться не только и не столько на отражение достоверных исторических фактов, сколько на формирование и укрепление национально-государственной идентичности с учетом пролонгированной перспективы.

«Необходимо четко понимать, что интерпретация прошлого должна носить устойчивый характер. По крайней мере, ее не следует менять в зависимости от политической конъюнктуры. Такого рода трансформации исторического нарратива в итоге лишь подрывают доверие масс к «официальной» истории. Новые подходы могут и должны выноситься на обсуждение внутри сообщества профессионалов-историков. Но для «массового употребления» нужна устойчивая картина событий прошлого» (Интервью № 2).

«Давайте обратимся к примеру других стран. Большинство американских историков и все официальные лица США последовательно оправдывают применение ядерного оружия против Японии. Турки яростно отрицают геноцид армян, несмотря на все внешнеполитические издержки. Японцы либо оспаривают факт «нанкинской резни», либо доказывают, что ее масштабы слишком преувеличены. И это объясняется вовсе не аморальностью. Просто люди хорошо осознают, что признание ответственности за реальные или мнимые военные преступления скорее всего

приведет к гибели ключевых политических мифов, формирующих национальную идентичность» (Интервью № 4).

«Те же немцы не просто стараются избавиться от ярлыка агрессора, но и получить статус жертвы. Темы ковровых бомбардировок союзников, депортации этнических немцев из стран Восточной Европы, насилия над мирным населением со стороны солдат союзников (в первую очередь - представителей Красной Армии) активно педальруется на всех уровнях. Теория «чистого вермахта», опровергнутая на научном уровне, продолжает поддерживаться в сегменте массовой культуры как государством, так и общественными организациями. Цель политики памяти, как бы цинично это ни прозвучало, сводится в первую очередь к формированию позитивной основы для общенациональной идентичности и созданию положительного имиджа страны на международной арене» (Интервью № 13).

По мнению экспертов, российские политики зачастую демонстрируют принципиально иной подход к выстраиванию мемориальной политики. Ярким примером тому может служить резкая и кардинальная смена позиции официальной Москвы по отношению к катынскому инциденту в период нахождения на посту президента Д.А. Медведева. Российские власти собственными руками существенно укрепили антиобраз СССР, во многом нивелировав результаты собственных усилий по формированию позитивного образа Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.

Параллельно действия Москвы дали польским политикам весомый повод для предъявления требований моральной и материальной компенсации. Реакция на эти требования со стороны Кремля еще более показательна: была предпринята попытка акцентировать внимание на том, что граждане СССР также являлись жертвами советского режима, ответственного за гибель польских пленных в Катыни, и потому находились в том же положении, что и расстрелянные поляки. Имелось в виду, очевидно, что в найденных захоронениях число местных гражданских лиц значительно превышало количество уничтоженных пленных.

Такой подход, и то при условии тщательно продуманной реализации, еще может оказаться в некоторой степени полезным для «внутреннего употребления». Например, его можно использовать для решения проблемы депортации ряда народов в годы войны. Однако во внешнеполитической сфере следовало продумать совершенно иные трактовки. Совершив указанную ошибку, политическое руководство России фактически заявило о том, что Советский Союз в 1930-х – 1940-х гг. мало отличался от той же нацистской Германии. По сути, была поддержана старательно навязываемая на Западе концепция о равенстве гитлеровского и сталинского режимов. Это не просто напрямую противоречило патриотическому дискурсу, но и наносило удар по советскому символическому наследию – одному из базовых элементов современной российской идентичности, предложить адекватную замену которому истеблишмент до сих пор не смог.

«Решение полностью признать польскую позицию по Катыни можно оценивать как угодно, но факт остается фактом: мы фактически расписались в том, что Советский Союз являлся «империей зла». О какой освободительной миссии Красной армии может идти речь, если мы признаем, что СССР в массовом порядке уничтожал тех же поляков по политическим мотивам?» (Интервью № 2).

«Наша позиция по Катыни подразумевает, что это преступление было совершено Советским Союзом, на государственном уровне. А значит Россия, как правопреемник СССР, также несет ответственность за эти деяния» (Интервью № 8).

«Пытаясь предупредить претензии со стороны Польши, наши политики акцентировали внимание на том, что именно советские граждане больше всего пострадали от сталинского режима. Что мы в итоге получили? Каким оказался образ страны накануне начала войны? Не «страна героев, страна мечтателей, страна ученых», а натуральная «тюрьма народов». Вполне естественно, что после этого люди верят в миллионы красноармейцев, сдавшихся в 41-м

немцам без единого выстрела. И это естественным образом поставило жирный крест на образе армии-освободительницы.

Как это должны были воспринимать поляки? Мы фактически предложили им принять следующую истину: сначала мы вместе с немцами вас разгромили и обрекли на оккупацию, попутно уничтожив огромное количество военнопленных, а потом пришли вас освобождать. На какое отношение мы должны были рассчитывать после этого?» (Интервью № 14).

Как считают опрошенные эксперты, к числу существенных недостатков политики памяти зачастую можно отнести также противоречивый, сложный характер ее содержательной стороны. Транслируемая в сознание масс картина событий прошлого априори носит характер политического мифа: авторы трактовок национальной истории вынуждены упрощать описание и оценку реально имевших место событий, адаптируя материал к уровню восприятия целевой аудитории.

Данный подход предполагает, помимо прочего, использование четкой дихотомии: тот или иной исторический деятель не может быть одновременно героем и злодеем, большинство среднестатистических реципиентов просто не смогут осознать дуализм его судьбы. Между тем, одна только личность И.В. Сталина является настолько дискуссионной и в то же время неразрывно связанной с победой в войне, что это создает и будет еще создавать значительные проблемы в рассматриваемой сфере.

«Проблема, например, нашей мемориальной политики заключается в том, что мы до сих пор не смогли выработать примиряющий, простой по содержанию и потому доступный для понимания каждого дискурс исторического нарратива. В зависимости от условий конъюнктуры, мы обращаемся к разным, во многом взаимоисключающим трактовкам отечественной истории. В результате в национальной исторической мифологии возникают противоречия, что вполне логично порождает ее нестабильность» (Интервью № 1).

«На страницах учебников мы пытаемся рассказать детям, как люди, написавшие четыре миллиона доносов, героически спасли свою родину от нацистской Германии. Естественно, что у большинства людей в этой ситуации возникает когнитивный диссонанс» (Интервью № 3).

«И современная массовая культура, и культура традиционная приучает человека к четкому разделению ролей. Есть «хорошие парни», а есть «плохие». И когда мы пытаемся донести до среднестатистического россиянина (американца, европейца, китайца – без разницы) мысль о том, что в реальности все было куда сложнее, то в лучшем случае встречаем лишь недоумение. Механизмы стереотипизации, категоризации и казуальной атрибуции неизбежно загоняют любой сложный образ в «прокрустово ложе» привычных архетипов» (Интервью № 7).

Однако ряд исторических сюжетов малопригоден для демонстрации в данном ключе. Последнее в первую очередь касается внутренних конфликтов, в первую очередь – относящихся к ближней ретроспективе. Демонстрация одной из сторон противостояния исключительно в негативном ключе, а другой – в сугубо положительном контексте способна привести к частичной реанимации старого политического конфликта даже в том случае, если его реальные причины устранены.

Роль движущего фактора в данном случае могут сыграть либо эмпатические связи между родственниками (потомки участников конфликта могут пожелать «отстоять честь предков»), либо идеологическое родство/преемственность между современными политическими структурами и существовавшими в прошлом институтами. В качестве наглядного примера в данном случае можно привести кампанию по демонтажу памятников конфедератам в Вирджинии, породившую череду массовых протестов.

Показателен также пример Украины. Культивация местными властями антисоветских настроений, отчасти не только с целью выработки иной идентичности, но скорее для собственной легитимизации, способствовала развитию праворадикальных и ультралиберальных движений. Их

представители рассматривают немалую часть политического истеблишмента Украины как наследников КПСС, а сохранивших элементы советской идентичности граждан – как «пятую колонну». Не случайно победа Евромайдана была ознаменована массовым уничтожением памятников В.И. Ленину, которые до этого простояли 20 лет после получения страной независимости в 1991 г.

«Все события, информацию о которых человек может получить из уст современников или их детей, нужно трактовать очень аккуратно. Они могут иметь личное значение для огромного количества людей. Человеку будет по большому счету безразлично, если он прочитает о том, как какого-то крестьянина в XVI в. насильно лишили земли. Но на рассказ своего деда о том, как их семья была раскулачена, он отреагирует совершенно иначе...» (Интервью № 5).

«История внутренних конфликтов – это настоящее «минное поле». Здесь недопустимо допускать перегибов, выделяя одну сторону конфликта. Долгие десятилетия противоречия между Севером и Югом в США сглаживались благодаря компромиссной, романтизированной концепции «проигранного дела» южан. Но в итоге произошла ревизия истории, на конфедератов навесили ярлык «неправой» стороны, и в результате мы получили возможность наблюдать массовые протесты в Вирджинии» (Интервью № 9).

«События на Украине – прямое следствие того, что местные власти отказались от идеи создания объединяющего нарратива и выстроили национальную историю вокруг не конвенциональных идей – антисоветизма и образа России в качестве врага. Особенно печально, что при этом эксплуатировались сюжеты из новейшей истории страны. Большинству украинцев глубоко безразлично, кто с кем сражался в XVII в. под Конотопом. Но если заходит речь о твоём прадеде, воевавшем в отряде Ковпака или, напротив, в рядах мельниковцев, оценка событий прошлого начинает обретать личное значение» (Интервью № 11).

Тем не менее, в мировой практике существуют способы обойти ограничение, навязываемое упрощенным, вульгарным характером мифопамяти. В частности, американские историки длительное время успешно избегали четкого деления участников гражданской войны 1861 – 1865 гг. на героев и антигероев. Достичь этого удалось при помощи внедрения концепта «Обреченного дела Юга» и позиционирования конфедератов в роли борцов за права штатов перед диктатом федерального центра. Также был использован такой прием, как конструирование идеализированных образов отдельных генералов-конфедератов. Наглядным примером тому может служить закрепленное в массовом сознании представление о Р. Ли. Высокую эффективность показала также легитимация действий конфедератов через дискурс защиты «родного дома».

В то же время были приложены значительные усилия для создания пантеона героев-северян, олицетворявших борьбу за национальное единство и отмену рабства. За счет этого обе стороны обрели в глазах массовой аудитории героический ореол. В итоге вместо дихотомического деления в массовое сознание была имплантирована монолитная и позитивная картина событий прошлого: обе стороны сражались за американские ценности, но в силу трагических обстоятельств были вынуждены направить друг против друга оружие. Разрушить это равновесие смогла лишь масштабная ревизия образа Р. Ли и прочих символических фигур Конфедерации в новейшей американской историографии.

«При освещении внутреннего конфликта лучше всего позиционировать в качестве героев представителей обеих сторон. Прекрасным примером благотворности этого подхода могли служить Испания (до принятия в 2007 г. «Закона об исторической памяти») и США (до начала кампании по демонтажу памятников генералам – конфедератам). Нужно демонстрировать, что люди по обе стороны баррикад любили свою страну, но по-разному смотрели на пути достижения общего блага» (Интервью № 10).

«Когда речь заходит об отображении истории гражданской войны или иного события, потенциально способного расколоть аудиторию, ни в коем случае нельзя героизировать определенную из сторон конфликта. Как решили эту задачу в Штатах? Был сделан акцент на том, чтобы подчеркнуть трагедию раскола, бесперспективность и аморальность решения внутренних вопросов вооруженным путем. Особенно удачна в этом плане тема членов одной семьи либо друзей, оказавшихся по разные стороны фронта. Обе стороны нужно персонализировать через образы конкретных героев, воплощающих базовые ценности и идеалы, присущие данной культуре ... Большой эффект может оказать педализация темы взаимного уважения между лидерами воюющих сторон. Ощутимый эффект в плане эмоций дает обращение к теме ухода за раненым врагом или спасения беглых военнопленных. Мотивы рядовых участников событий лучше отвязать от политической подоплеки и «очеловечить». Показать, что по обе стороны баррикад многие солдаты вступали в армию не по идейным соображениям, а по принуждению, и отличались от противников лишь цветом формы» (Интервью № 12).

«Лучший пример подачи истории гражданской войны – это традиционная американская историография. Обе стороны конфликта были представлены в ней в выгодном свете. Каждая защищала определенную часть ценностей демократии и была представлена яркими героями. Преступления и подвиги двух сторон освещались в равном объеме, благодаря чему никто не считал себя оскорбленным» (Интервью № 15).

Однако чаще всего на практике ни данные ограничения, ни позитивный опыт их преодоления не учитываются. Как правило, до представителя целевой аудитории чаще всего пытаются донести целый ряд противоречащих друг другу посылов относительно событий прошлого. Помимо того, реализуется потребность в формировании яркого образа врага в случае дихотомической подачи материала. Если для мнемонического актора войска противника враждебны в меньшей степени, чем политические оппоненты в собственном

обществе, возникает риск донести до аудитории губительное в мемориальном пространстве мировоззрение.

Более того, даже при наличии четкого деления «свой-чужой» в используемом нарративе, архитекторы политики памяти нередко помещают образ врага в среде «своих», в то время как «чужие» обезличиваются и не несут на себе негативных маркеров.

«Деление на своих и чужих подразумевает, что члены конкретной корпорации так или иначе поддерживают друг друга. Однако советское общество, отображенное, например, в экранизации «Детей Арбата», предельно партикуляризировано. «Свои» здесь – это в лучшем случае члены семьи и близкие друзья. Гуманизированный образ противника в лице оккупантов (вспомним хотя бы «Утомленных солнцем-2») более привлекателен, чем череда персонажей, представляющих советский режим ...Т.е. в качестве «чужих» выступают люди, находящиеся с героями по одну сторону фронта» (Интервью № 9).

«Когда зритель приходит в кинозал, ему, как правило, уже предлагают четкую систему координат. В голливудских блокбастерах нет исламистов, сербских полевых командиров или северокорейских генералов, которым бы хотелось сочувствовать. Даже в фильмах, демонстрирующих врага с человеческой стороны (например, через демонстрацию семейной жизни), всегда присутствуют четкие маркеры. ...Во многих из российских кинофильмов и, в особенности, телесериалах, эта система координат помещает на темную сторону почти исключительно представителей советского режима. Немцы в них - это просто солдаты с оружием в руках. У аудитории зачастую нет особых причин их ненавидеть, воспринимать в качестве настоящего врага (в том смысле, который вкладывал в этот термин Карл Шмитт)» (Интервью № 14).

«Историю войны нельзя передать без создания полноценного антиобраза врага. Именно он создает образ возможного будущего, ожидавшего побежденных, и тем самым раскрывает суть конфликта,

демонстрирует мотивацию советских людей к сопротивлению. В большинстве наших художественных произведений полноценный антиобраз врага либо отсутствует, либо находится в тени еще более мощного антиобраза сталинского режима» (Интервью № 15).

Таким образом, как показали результаты экспертных интервью, специалисты солидарны в отношении того, что основным полем распространения исторического нарратива в настоящее время является сфера массовой культуры. Среди ресурсов продвижения соответствующего контента ключевое значение принадлежит произведениям развлекательного формата – кинофильмам, сериалам, видеоиграм, художественной литературе. При этом многие традиционные мнемонические акторы, в силу специфики собственных интересов, игнорируют данное обстоятельство, что приводит к нерациональному расходованию ресурсов. В то же время отмечается негативная тенденция абсолютизации для некоторых аудиторий роли аудиовизуальных форм распространения исторического нарратива.

«Нужно честно признать ряд моментов. Во-первых, после выпуска из школы абсолютное большинство людей забывают материал учебника истории. Эти знания не нужны им в повседневной жизни. Да и знание истории само по себе не является престижным для подавляющего большинства обывателей. Наконец, стоит учитывать, что в школе в головы ученикам вкладывают не яркие и запоминающиеся символы, а набор дат и имен, которые, повторюсь, не находят никакого практического применения в повседневной жизни.

Во-вторых, кино и сериалы играют основную роль в формировании представлений о событиях прошлого. Эпопея Озерова или «В бой идут одни старики» с этой точки зрения имеют куда большее значение, чем вся учебная или научно-популярная литература. Но эти тезисы не нужно утрировать. Чтобы добиться желаемого результата, нужно использовать все каналы воздействия. Просто при работе с ними нужно четко осознавать, как должны быть расставлены приоритеты» (Интервью № 14).

В данном случае можно выразить частичное несогласие с данным экспертом относительно школьных программ. Как мы видели на примере анализа советского мифа, именно технология «сторителлинга», то есть изложения ярких, символических, запоминающихся историй лежала в основе преподавания событий Великой Отечественной войны. Учащиеся могли в будущем абсолютно забывать, в каком именно году капитан Гастелло направил горящий самолет на вражескую колонну, во время какой конкретно битвы Александр Матросов закрыл своим телом вражеский пулемет, или же при каких обстоятельствах генерал Карбышев отказался сотрудничать с врагом, после чего, согласно мифу, был превращен в ледяную глыбу. Главное, что запоминали школьники – сам яркий факт, который для политики памяти имеет первостепенное значение.

Проблема наших дней отчасти заключается в изъятии из современных программ подобных сюжетов в рамках «борьбы со сталинизмом» и тому подобных кампаний, особенно получивших распространение до середины прошлого десятилетия. Но еще большее значение имеет восприятие самими детьми школы в качестве источника напряжения и напрасного труда для них, а не места, где можно получить знания. В итоге учитель, и без того не слишком заинтересованный в качестве своего труда из-за низких зарплат и бюрократии, а также лишенный сколько-нибудь существенных методов воздействия на ученика, вынужден тратить значительную часть сил и времени на поддержание банальной дисциплины в классе.

Однако вопросы как об отсутствии единого учебника, так и о соотношении прав и обязанностей следует признать скорее проблемами системы образования. Тем не менее, ее неоспоримая важность в реализации политики памяти является, на наш взгляд, тем фактором, на который до сих пор в России не обращается должного внимания. Между тем, если мы вспомним о польской практике, рассмотренной в соответствующей главе, когда всех школьников в обязательном порядке водят смотреть «правильные» фильмы, то увидим и один из выходов из такого положения.

«Кинематограф, телевидение, с недавних пор – видеоигры и книги про «попаданцев» либо исторические романы – это и есть основные каналы распространения знаний о прошлом. Информация, упакованная в развлекательный формат, всегда воспринимается лучше. Но здесь мы попадаем в ловушку. Признать этот факт означает поставить под удар иные, традиционные акторы. Потому что принимающие решения лица чаще всего исходят из логики оптимизации расходов.

Если, условно, два хороших исторических фильма приносят больше пользы, чем два музея, то почему бы нам не закрыть музеи, а высвободившиеся средства частью отдать киноделам, отчасти – направить на иные нужды? При этом чаще всего не получается донести до людей простую мысль: основной канал воздействия не может работать в одиночку, работа должна проводиться комплексно. Нужны и кино, и музеи, и исторические фестивали и т.д.» (Интервью № 8).

Важность данного мнения трудно переоценить, тем более что данные социологических опросов показывают интересные тенденции. Число россиян, посещающих музеи и выставки, посвященные событиям Второй мировой войны, в последние годы возрастает. Частично это связано с косвенными последствиями успешных практик политики памяти. Как мы уже говорили, после нескольких лет проведения «Бессмертного полка» возросло число обращений, например, в архивы. Точно так же людям становится интересно посмотреть, а если возможно – то и подержать в руках оружие, с которым воевали предки. Ряд музеев и выставок, особенно частных, предоставляют такую возможность. Тем не менее, у таких форм воспитания есть как неиспользованные ресурсы, так и недостатки.

«Возьмем, например, музеи. Понятно, что их потенциал воздействия ограничен. В особенности в странах, обладающих большой территорией и маломобильным населением. Например, в Москве действуют Музей Победы и Центральный Музей Вооруженных Сил. Но какова их зона охвата? В лучшем случае речь идет о столичном регионе или ЦФО. С точки зрения жителя Омска

или Красноярска эти музеи с тем же успехом могут находиться во Вьетнаме. Означает ли это, что на музеи нужно махнуть рукой и вложить все средства, например, в историческое кино? Конечно, нет. Однако нужно отдавать себе отчет, какие конкретно направления работы дают наибольшую отдачу. Но использовать эту информацию нужно не для оптимизации. Это чисто бухгалтерский, неэффективный подход.

На основании этих знаний нужно, во-первых, распределять задачи между актерами в соответствии с их потенциалом влияния. И, во-вторых, координировать их работу между собой: что мешает, например, наладить сотрудничество между блогером-«летсплейщиком», обзоревающим танковые симуляторы, и музеем, в экспозиции которого имеется тяжелая бронетехника? Это дало бы эффект синергии. И еще один важный момент, необходимо его пояснить. Если мы усиленно продвигаем историческую тематику на поле массовой культуры, то нам на это нужны деньги. Добывать их путем сокращения финансирования других направлений, как я уже пояснял, не вариант.

Нужно получать дополнительные средства за счет создания коммерчески привлекательного контента. Причем его создание не требует особых усилий. Приведу конкретные примеры: «Легенда № 17», «Брестская крепость», «Битва за Севастополь» – создание этих кинокартин не потребовало каких-либо колоссальных вложений. Понятно, что мы не можем, например, заставить режиссеров-«частников» снимать исторические фильмы. Более того, это было бы вредно. Но ведь вполне реально создать новые инструменты позитивного стимулирования или усовершенствовать уже имеющиеся. Вспомним про тот же «Фонд кино» (Интервью № 12).

Кроме того, следует подчеркнуть такой факт, что потребность аудитории в продукции массовой культуры, посвященной событиям Второй мировой войны, только возрастает. Посещение фестивалей исторических реконструкций пользуется большим успехом. Выставки, которые позволяют тактильный контакт, оказываются весьма выгодными экономически. Когда

можно надеть военную форму тех времен, взять в руки настоящие ППШ или винтовку Мосина, да еще и сфотографироваться для соцсетей в таком образе, это вовлекает и взрослых, и подрастающее поколение в нужную парадигму. Проводимые в честь ряда праздников и ставшие уже традиционными мероприятия с экспонированием военной техники, как правило, современной, обозначают также перспективное направление – создавать подобные передвижные выставки, которые могут путешествовать по регионам, только уже с использованием экспонатов времен войны.

Что касается кинематографа, здесь в ряде моментов можно поучиться у американцев. Они умеют создать эпопею даже из малозначительных эпизодов, сделать героическими события, которые с военной точки зрения представляются провальными. Так, в данном качестве активно используются боевые действия по взятию укрепленного японцами острова Иводзима. Между тем историческая правда заключается в том, что войска США, имея возможность взять с ходу почти не оборудованный тогда в военном отношении остров, остановились, дали возможность противнику подтянуть войска, создать укрепления и запас боепитания, и только затем, долго и с большими потерями, прорывали сильную оборону.

В этом отношении отечественный аналог – взятие заранее укрепленного острова Шумшу на северных Курилах с ходу, в течение всего нескольких дней советским морским десантом, выступившим без боевой техники против танков и железобетонных сооружений, представляется гораздо более привлекательным сюжетом для фильма. В подобном же качестве могут выступать события десанта лейтенанта К.Ф. Ольшанского в Николаеве в составе 67 человек, которые сразились за порт города против трех батальонов противника, поддержанных артиллерией и танками. Таких случаев, не получивших должного освещения в художественной культуре и не требующих, в отличие от американского опыта, каких-либо выдумок относительно дополнительной героизации участников, в истории войны остается еще великое множество.

Эксперты отмечают также наличие такого тренда, как рост влияния «вторичных» мнемонических акторов. Последние выстраивают свою работу за счет создания вторичного контента, т.е. освещения, анализа и популяризации оригинальных произведений. В качестве наиболее ярких примеров акторов такого рода приводят видеоблогеров, создающих обзоры на историческое кино.

«Сейчас мы наблюдаем очень интересную ситуацию: растет роль мнемонических акторов, интерпретирующих первичные источники исторического нарратива – книги, фильмы, выставки и т.д. Причем речь идет не о традиционных интерпретаторах (например, о профессиональных кинокритиках, работающих в структуре СМИ). Популярность последних сравнительно невелика. Куда большим влиянием пользуются, например, блогеры-«миллионщики», специализирующиеся на создании обзоров на кинофильмы или видеоигры. В случае России в качестве наиболее ярких примеров этого типа мнемонических акторов можно назвать YouTube-каналы Дмитрия Пучкова (Гоблина) и Дмитрия Баженова» (Интервью № 7).

Если с кинофильмами дело обстоит в достаточной степени понятной, и следует только расширять возможности существующего тренда, то с таким, не менее популярным видом развлечений, как компьютерные игры, следует проводить более пристальную работу. Как показали и наблюдения обычных, но хорошо знакомых с историей войны граждан, так и изыскания аналитиков, созданный на Западе контент показывает весьма субъективную картину относительно действий советской армии. Особенно опасно, что молодежь и дети принимают данное видение без критики. В этой связи важно не только создавать и продвигать соответствующий отечественный продукт, но и дополнительно опираться на «вторичных» акторов.

«Нужно признать, что исторический научпоп (т.е. вторичная интерпретация и трансляция мемориального нарратива) сейчас обретает все более сложные формы. Та или иная версия событий прошлого на просто разбирается на символы и упаковывается в виде фильмов, книг, выставок,

компьютерных игр. Ее также легитимизируют, разъясняют или оспаривают лидеры общественного мнения, специализирующиеся в создании обзоров на медиаконтент. Причем чаще всего речь идет о людях, которые формально не являются ни профессиональными критиками, ни историками. Мы живем в эру видеоблогов» (Интервью № 14).

Эксперты также заостряют внимание на необходимости повышения роли профессиональных историков в формировании исторического нарратива. Согласно их мнению, в настоящее время роль специалистов в его выработке искусственно ограничивается. При этом негативную роль играют как барьеры, существующие внутри самого научного сообщества, так и в рамках структур, формирующих популярный исторический контент. И здесь мы упираемся в проблемы системы образования, но уже высшего.

«Сейчас немалая часть профессиональных историков фактически исключены из процесса создания актуального исторического нарратива. С одной стороны, сказывается практика многолетнего ограничения выбора тем исследований. Аспирантам зачастую навязывают темы, которые не интересны ни им самим, ни широкой общественности. Логика в данном случае проста: молодому специалисту подбирают тему, которую можно освоить на материалах местных архивов и библиотек. И то обстоятельство, что она неинтересна широкой аудитории и потому не будет востребована издателями, никого не волнует.

С другой стороны, сказывается фактор наукообразной «вкусовщины». Зачастую молодых людей поощряют использовать как можно более сложную научную лексику и безразмерные синтаксические конструкции. В результате на выходе мы получаем тексты, которые даже в адаптированном виде малопригодны для массовой аудитории. Как следствие, подавляющее большинство диссертаций не публикуется, а пылится на полках научных архивов» (Интервью № 3).

Конечно, не вызывает сомнений, что ученый нередко находится в плену не только проблем системы образования, но и сложившихся традиций,

которые характерны и для всего научного сообщества, и даже для отдельных вузов. Но даже при этом многое из полученного в результате исследований можно и нужно применять в вопросах реализации политики памяти. Историк в данном случае упирается еще в одну проблему – неумение или невозможность трансформировать материалы, предназначенные для узкой академической аудитории в коммерчески выгодные формы. Но еще большие трудности вызывает именно вопрос о том, «как выгодно продать» такой продукт, если он уже создан. Соглашаться на минимальную плату даже в условиях низких доходов согласится лишь меньшинство, и то по каким-либо из ряда вон выходящим причинам, требующим от них заработать «здесь и сейчас».

Поэтому, с одной стороны, абсурдно требовать от людей, посвящающих свою жизнь науке, еще и постигать азы технологий бизнеса, зная которые, а также имея, что порой еще важнее, соответствующие связи, можно хорошо зарабатывать на собственных знаниях. С другой стороны, создание подходящего для коммерческой реализации продукта многие могут освоить, и они готовы это сделать, но нужны какие-либо механизмы и правила, которые позволят не отвлекаться на решение тех проблем, которыми ученые и не должны заниматься.

«Сообщество историков во многом само виновато, что его представители почти не влияют на формирование представлений о прошлом в массовом сознании. Но не меньшая степень ответственности лежит и на создателях популярного контента. Возьмем, для примера, исторические фильмы. Для чего сейчас, в большинстве случаев, киноделы привлекают исторических консультантов? Во-первых, добыть при помощи их связей и знакомств реквизит по выгодной цене. Во-вторых, для солидности, или чтобы в случае критики сослаться на их авторитет. Мало кто реально привлекает консультантов для выработки или корректировки сценария. В индустрии видеоигр с этим дела обстоят получше. Но и там от историков чаще всего

востребована техническая информация: тактико-технические характеристики вооружений, внешний вид обмундирования и т.д.» (Интервью 5).

Внимание к упомянутым деталям не является случайным. Уже упомянутые критики, блогеры и другие подобные категории акторов, всегда бывают внимательными к «мелочам» подобного рода. И среди зрителей нередко встречаются весьма компетентные специалисты в вопросах оружия, техники, униформы, знаков различия и т.д. Причем в этой категории часто доминируют люди, которые из-за подобных пристрастий «за деревьями не видят леса». То есть, обнаружив какое-то несоответствие в нюансах, например, перечисленных выше вопросов, они критикуют все произведение по принципу «если вы ошибаетесь даже в этом, то как можно верить вообще всему, что здесь показывается».

* * *

По итогам изучения мнений экспертов, а именно тех позиций, в которых они, независимо друг от друга, солидарны, можно отметить ряд следующих, принципиально важных моментов. Так, с содержательной точки зрения основными недостатками реализации политики памяти на сегодняшний день являются ее конъюнктурный, изменчивый характер, наличие внутренних противоречий в содержательной стороне, игнорирование позитивного опыта других стран и присутствие устаревших элементов в инструментарии воздействия на целевую аудиторию.

С позиции выбора методов и форм трансляции исторического нарратива политика памяти, по мнению экспертов, должна выстраиваться на основе принципа тотальности использования всех каналов воздействия на аудиторию и их тесной взаимосвязи между собой в синергетической форме. Приоритетное значение должно отдаваться работе в сфере массовой культуры, но это не должно быть сопряжено с «оптимизацией» прочих направлений. То есть в таких принципиальных вопросах экономический или «бухгалтерский» подход априори неприемлем.

Кроме того, отмечается необходимость увеличения внимания к новым способам реализации уже имеющихся практик. Те же самые музеи и выставки можно сделать мобильными, то есть более доступными для граждан, далеких от столиц, где и сосредоточены такие учреждения. Важна адаптация и к новым реалиям: более привлекательны мероприятия, позволяющие людям погрузиться в атмосферу событий прошлого, брать в руки тот или иной экспонат, фотографироваться с ним.

Приоритетное развитие исторического нарратива в сегменте массовой культуры должно обеспечиваться за счет возрастания коммерческой привлекательности соответствующей продукции, что требует повышения планки требований к контенту, по крайней мере, в той его части, которая производится при поддержке государства. Помимо того, эксперты подчеркивают необходимость ведения активной работы с новыми мнемоническими акторами, в частности – видеоблогерами, создающими обзоры на кинопроизведения или видеоигры, авторами книг в жанрах «фантастика» и «фэнтези» и пр.

Также необходимо подчеркнуть, что оценка качества политики памяти производится экспертами с прагматических позиций. Ее целью, с точки зрения опрошенных специалистов, является продвижение позитивного образа прошлого на внутри- и внешнеполитической арене. Последнее особенно важно хотя бы на таком примере: предположим, А. Гитлер был бы не русофобом и англофилом, а наоборот. Ход истории в таком контексте мог существенно измениться.

На втором месте для экспертов стоит формирование и укрепление национально-государственной идентичности. Для этого необходимо, прежде всего, успешно разрешить внутренние конфликты. Попытки использования политики памяти как инструмента урегулирования международных отношений путем уступок оцениваются экспертами негативно.

5.2. Пути преодоления содержательных проблем реализации политики памяти

Обращаясь к данному аспекту заявленной темы, в первую очередь необходимо дать пояснения относительно концептуального понимания автором причин возникновения содержательных проблем реализации политики памяти в настоящее время.

На данный момент большинство крупных специалистов-теоретиков в области изучения данной темы придерживаются мнения, что диалектическое взаимодействие процессов инновации и антиквизации определяется изменениями информационной и технологической среды, в рамках которой существует современное общество. Слишком стремительные изменения окружающей социальной и технической действительности приводят к тому, что образ будущего расширяется в объеме и теряет связь с настоящим. В то же время накопление исторических артефактов и совершенствование способов их изучения стимулируют сближение с событиями прошлого.

Все это налагается на формируемую стремительными переменами потребность продлить существование исторических традиций, выступающих в качестве ресурса торможения слишком стремительных перемен. Именно эти процессы рассматриваются в качестве причины роста значимости политики памяти в последние десятилетия, как, впрочем, и сопутствующих процессов, таких как рост числа мемориальных конфликтов³³¹.

По нашему мнению, такого рода объяснительная модель не является исчерпывающей. Безусловно, их известное влияние, особенно в сфере массовых коммуникаций, возросло, но, тем не менее, определяющим либо единственным важным фактором оно не является. В первой половине XX в. большинство обществ пережило куда более стремительные и масштабные изменения в области социального и технологического развития. Однако это не

---

³³¹ Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 171, 174, 175, 181.

привело к возникновению «мемориальной революции», сопоставимой с событиями, например, 1990 – 2010 гг.³³²

Согласно нашей гипотезе, последние были вызваны не столько изменением внешней среды, в которой пребывают мнемонические акторы и связанные с ними сообщества, сколько с трансформацией самих макросоциальных групп и изменением баланса сил между ними. Один отказ от марксистской идеологии в восточной Европе вызвал больше социальных и мемориальных трансформаций, чем технологические прорывы того времени. Также определяющую роль сыграло в этой связи крушение выработанных ранее упомянутых социально-политических парадигм на фоне неспособности нового интеллектуального и политического истеблишмента выработать привлекательный и в то же время реалистичный образ будущего³³³.

К концу 1980-х – началу 1990-х гг. в большинстве крупных государств заметно изменился состав общества. В СССР еще в конце 1960-х гг. фактически сложился массовый средний класс, который к концу семидесятых стал доминировать. Его значительная часть все больше ориентировалась на западные ценности, а основную вину за это можно возложить на номенклатуру КПСС, которая, вместо решения реальных проблем, только усугубляла кризис и застойные явления посредством все большей политизации всех сфер жизни. Партия сделала все, чтобы значительная часть общества отторгала неоднократно трансформируемую, да еще и в значительной степени выстроенную «в расчете на пролетариат» мемориальную традицию. Дальнейшие события привели к его исчезновению и фактической маргинализации широких слоев населения в постсоветских республиках, что опять же повлияло на специфику восприятия прошлого.

---

³³² Topolski J. The Role of Logic and Aesthetic in Constructing Narrative Wholes in Historiography // History and Theory. Vol. 38. 1999. № 2. P. 201.

³³³ Rev I. Retroactive Justice: Prehistory of Post-communism. Standford? 2005. P. 74.

В США эмансипация женщин и расовых меньшинств начала массово конвертироваться в рост их экономической, а, следовательно, и политической значимости. Результатом этого стала, в том числе, актуализация запроса с их стороны на ревизию совместной истории. Неолиберальная миграционная политика привела к росту испаноязычного населения Соединенных Штатов. Ожидается, что к 2050 г. такие американцы составят большинство населения США. Как следствие, уже сейчас изменился и их потенциал с точки зрения коррекции совместного исторического нарратива и своей репрезентации в его структуре.

Заинтересованность в трансформации мемориальной традиции со стороны «недавно возвысившихся» макросоциальных групп проистекает, в том числе, из системной взаимосвязи между идентичностью и господствующей в обществе моделью совместного прошлого. Изменение социальной структуры и баланса сил внутри общества порождает естественную смену идентичности. В результате возникает диссонанс между мемориальной моделью, выработанной в соответствии с прежней системой социальной стратификации, и новыми реалиями системы общественного устройства. Эти противоречия и приводят в итоге к возникновению внутренних проблемных явлений на поле политики памяти³³⁴.

Одновременно мы наблюдаем и крах существовавших прежде социально-политических парадигм в перспективах на будущее. Крах «советского проекта» на фоне перехода Китая к смешанной экономике и фактической интеграции КНР в глобальную систему уничтожили коммунистическую модель будущего человечества, по крайней мере в той его версии, которая продвигалась СССР.

При этом, однако, следует принимать во внимание возможные сценарии развития отношений Китая, учитывая темпы роста его экономики, с другими странами. Многие тенденции свидетельствуют в пользу нарастания

---

³³⁴ Topolski J. Op. cit. P. 205.

противоречий с США, что может привести к дальнейшему обострению обстановки. Какую позицию займут другие участники политического поля, смогут ли остаться нейтральными, если нет, то на какой стороне выступят – это вопросы представляются весьма важными в контексте данной проблемы.

Параллельно представляется важным, что временно победившая альтернатива в лице демократии западного образца, сочетающейся с неолиберальной глобализирующейся экономикой, в относительно короткие сроки обесценилась. Обещанный Фрэнсисом Фукуямой «конец истории» пока так и не наступил. Предложенная условным Западом модель развития и прогресса не была воспринята как таковая в планетарных масштабах. Более того, ее развитие в контексте трансгуманизма «для избранных», интернационализации экономических элит, неомальтузианства, сохранения и усугубления проблем неравенства, а также роста экологических угроз, привело к разрушению позитивного образа будущего, связанного с западными моделями. Произошла символическая замена технологической утопии апокалипсисом и постапокалипсисом³³⁵.

Последнее верно в первую очередь для экономически развитых стран. В случае развивающихся стран, выступающих преимущественно в роли поставщиков сырья или доноров трудовых ресурсов, речь идет скорее о закреплении «вечного статуса» придатков западных экономик на фоне постепенного размывания и разрушения традиционных культур³³⁶. Не удивительно поэтому их стремление к многополярному миру и тяготение к традициям, обеспечивающим выживание.

Во всех перечисленных случаях это привело к резкому росту внимания к прошлому, его сакрализации, стремлению вернуться к реалиям «священных эпох», которые зачастую только представлялись таковыми на фоне текущих проблем в конкретных обществах. В случае развитых государств это часто

---

³³⁵ Ассман А. Указ. соч. С. 184.

³³⁶ Rev I. Op. cit. P. 75.

конвертировалось в рост влияния политиков-популистов, призывающих к реставрации политических традиций и экономических систем доглобалистской эпохи. Для многих развивающихся государств, хотя и не только, это трансформировалось в распространение религиозного фундаментализма и национализма³³⁷.

Таким образом, содержательная сторона мемориальной политики должна выстраиваться не столько исходя из динамики технологического и социального прогресса, сколько из понимания баланса сил между макросоциальными группами, ведущими государствами, а также закономерностями и тенденциями, определяющими их изменение.

С учетом данной установки полное заимствование, т.е. калькирование чужого исторического нарратива в качестве первоосновы для выстраивания собственной мемориальной политики, как уже было отмечено выше, недопустимо. В условно «лучшем случае» это приводит к заимствованию чужой национально-государственной идентичности. Ярким примером в данном случае может служить выстраивание многими жителями современной западной Белоруссии национальной исторической традиции на основании нарратива Речи Посполитой, активно навязываемой и подогреваемой внешними силами.

Выстраиваемая таким образом «литвинская» традиция фактически совпадает с польской. При этом реального синтеза двух национальных общностей не происходит. Польская историческая традиция фактически «присваивает» себе условно «литвинское» наследие, не обращая внимания на многие особенности развития Великого княжества Литовского. Оно воспринимается как составная часть именно польской культурной традиции. И это касается, в том числе, таких сфер, как язык и религия. Четко выраженный акцент польской исторической традиции на признании «позитивной» роли

---

³³⁷ Topolski J. Op. cit. P. 205.

полонизации Белоруссии и признание приоритета католичества делают невозможным реальную интеграцию двух сообществ.

Как следствие, носители вновь изобретенной «литвинской» традиции застывают в состоянии перманентного трансферта идентичности. Сконструированная ими модель прошлого вынуждает отрицать систему самоидентификации, присущую на данный момент большинству белорусов, и в то же время она не может полноценно завершить свое развитие. Последнее означало бы фактический отказ от национально-государственной идентичности и признание белорусов частью «польского мира».

Тот факт, что для большинства населения Белоруссии основой их идентичности стали как раз события Второй мировой войны, когда народ понес и самые большие потери за свою историю, и совершил также наиболее выдающиеся подвиги, очевиден. Однако это напрямую противоречит одному из парадигмальных элементов «литвинской» традиции, построенной во многом на основе националистического дискурса. Также признание доминирования польской традиции подразумевало бы эрозию эмпирической базы для поддержания ингруппового фаворитизма³³⁸.

Равным образом бесперспективным является подход, подразумевающий создание модели культурной памяти, предназначенной исключительно для «внутреннего употребления». Его использование в ряде случаев позволяет гармонизировать отношения внутри общества, уничтожая поводы для мемориальных конфликтов и нивелируя последствия травмирующих событий. Примером в данном случае может служить позиционирование событий Второй мировой войны в официальной исторической традиции Японии и Германии.

Попытки провести отстройку как широких слоев населения, так и отдельных знаковых фигур внутри истеблишмента от военных преступлений

---

³³⁸ Шнирельман В.А. Социальная память и образы прошлого // Новое прошлое // The New Past. 2016. №1. С. 108.

данного периода, представить свой народ пострадавшим от каких-либо внешних сил, обвинить их в своих бедствиях, безусловно, позволяют гражданам этих стран на какое-то время минимизировать последствия комплекса вины. Более того, в их сознании формируется и укрепляется комплекс представлений, согласно которым их предки скорее могут быть причислены к жертвам конфликта³³⁹.

Однако нельзя не учитывать, что такого рода позиционирование событий прошлого провоцирует начало мемориальных конфликтов с широким кругом государств, граждане которых пострадали от действий политического руководства стран, ныне занимающихся пересмотром истории Второй мировой войны. Так, Япония ведет перманентный конфликт с Китаем из-за разницы в интерпретации событий «нанкинской резни» и иных военных преступлений императорской армии. Равным образом Токио систематически вступает в противостояние с официальным Сеулом из-за таких вопросов, как история «женщин для утешения», борьба с национально-освободительным движением на Корейском полуострове и т.д.

О событиях, происходящих в Германии, мы уже говорили в соответствующей главе. Мало того, что многие жители восточной части страны из-за их интеграции в иную парадигму памяти на полном серьезе говорят о том, что «Берлинскую стену надо было не ломать, а сделать еще выше». Надо добавить, что эта страна в какой-то степени пошла «дальше всех» в стремлении уйти от статуса «виноватой». Так, уже подчеркивалась роль ФРГ в инициации НАТО двух войн в Югославии. Что касается последующего создания Гаагского трибунала, который был инициирован при значительных усилиях германских дипломатов, то одной из его задач стало, по одному из мнений, «устранение уникального характера Нюрнбергского суда народов над

---

³³⁹ Головашина О.В. (Бес) порядок времени и политика памяти // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. Тверь, 2016. №4. С. 200.

главными нацистскими преступниками. Всем должно быть ясно, что военные преступники водятся не только среди немцев»³⁴⁰.

Попытки эстонской стороны выстроить национальную историю в контексте парадигмы «двух оккупаций», т.е. советской и немецкой, в итоге не только усиливают раскол между гражданами и «негражданами». В этой стране после разрушения СССР был разграничен статус жителей с такой дискриминацией, на которую ЕС может закрывать глаза лишь в силу политической предвзятости. Поэтому, по сути, вместо интеграции власти возводят препятствия между этническими эстонцами и русскоязычными, при этом провоцируя постоянные конфликты с Российской Федерацией³⁴¹.

Все это убеждает нас в том, что вырабатываемый на официальном уровне исторический нарратив, с одной стороны, должен выстраиваться на основе собственной традиции, консолидировать и укреплять национально-государственную идентичность разумными методами, которые в перспективе не вызовут внутренних и внешних осложнений.

С другой стороны, он должен подвергаться корректировке с учетом его неизбежного экспорта, даже если власть вовсе не считает нужным «выносить сор из избы». В условиях современных коммуникаций любой новый информационный тренд быстро становится доступным для жителей всего мира. Поэтому национальная историческая традиция должна согласовываться с мемориальным нарративом как конкурентов, так и партнеров на международной арене. При выборе внешних источников выстраивания модели прошлого приоритет должен отдаваться историческим традициям государств и сообществ, накопивших значительный объем совместного опыта с конкретным государством, выступающим в роли мнемонического актора³⁴².

---

³⁴⁰ Германия. Вызовы XXI века. М., 2009. С. 32.

³⁴¹ Климов И.А., Тучков С.М. Политика памяти как инструмент легитимации политического режима // Проблемы и приоритетные направления развития современных политических и социальных процессов. М., 2017. С. 85.

³⁴² Головашина О.В. Указ. соч. С. 203.

Однако реализация обозначенных задач на практике неизбежно затрудняется наличием принципиальных различий в мемориальных традициях стран, обладающих совместной историей. Последняя чаще всего сводится не столько к конструктивному взаимодействию, сколько к конфликтам. В результате возникают коренные противоречия в восприятии одного и того же события либо связанных с ними исторических фигур. Причем конъюнктурность, которую отмечали опрошенные эксперты, может быть в противоречии даже с большей частью собственного населения.

Ярким примером в данном отношении может служить восприятие фигуры Степана Бандеры и прочих лидеров украинских националистов в исторических традициях Украины, Польши и России. На постсоветской Украине представители УПА и связанных с ней структур героизируются, хотя такую политику не поддерживает большинство жителей, кроме того, это провоцирует острую реакцию как со стороны России, так и Польши³⁴³.

При этом попытки позиционирования дискуссионных моментов или фигур в подчеркнуто нейтральном свете, признание всех сторон конфликта «палачами» или «жертвами» заранее обречены на провал. Они могут быть позитивно восприняты лишь достаточно ограниченным числом представителей каждого из заинтересованных сообществ. Интерпретация национальной истории в данном ключе неизбежно приводит к разрушению галереи символов, используемых в процессе воспроизводства национально-государственной идентичности. Это способствует запуску защитных механизмов в сознании ее носителей. При этом представители сообщества, у которых новый вариант исторического нарратива вызвал отторжение, с высокой долей вероятности вступят в конфликт с принявшими его³⁴⁴.

---

³⁴³ Васютин Ю.С., Панова Е.С. Историческая память: институционализация в общественном сознании и в государственной политике // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. Т.11. № 3. С. 105.

³⁴⁴ Ефременко Д.В., Малинова О.Ю., Миллер А.И. Политика памяти и историческая наука // Российская история. 2018. №5. С. 130.

В итоге мы приходим к выводу, что демонстрация «сложных» моментов национальной истории, по крайней мере, как это было в случае описания взаимодействия с внешними акторами, однозначно должна выстраиваться в соответствии с потребностью поддержания высокого уровня ингруппового фаворитизма. Однако последнее не подразумевает максимального упрощения нарратива и необходимости выстраивать повествование на основе архетипичных схем³⁴⁵.

Общая концепция модели прошлого должна отличаться простотой. Например, нападению агрессора или совершенным им военным преступлениям нельзя искать оправданий. Такого рода события должны оцениваться однозначно. Однако при этом можно избежать дегуманизации противной стороны, не прибегая одновременно к ее апологии³⁴⁶.

В качестве примера позиционирования национальной истории в данном ключе можно привести корейскую традицию освещения истории Имджинской войны с Японией в 1592 – 1598 гг. С одной стороны, мы наблюдаем наличие четко выраженных оценочных суждений: агрессия японской стороны была немотивированной, ее представители в массовом порядке нарушали обычаи ведения войны, процесс завоевания сопровождался геноцидом местного населения, достичь победы корейской стороне удалось лишь благодаря героизму рядовых воинов и заслугам плеяды идеализированных военачальников (наиболее ярким примером в данном случае может служить фигура адмирала Ли Сун Сина)³⁴⁷.

С другой стороны, образ внешнего врага, несмотря на приписываемые ему преступления, не обезличен и не дегуманизован. Правитель Японии Тоэтоми Хидэеси описывается как честолюбивый, жестокий и деспотичный человек. Но в то же время его наделяют отрицательной харизмой, отмечая его

---

³⁴⁵ Шнирельман В.А. Указ. Соч. С. 110.

³⁴⁶ Васютин Ю.С., Панова Е.С. Указ. соч. С. 109.

³⁴⁷ Casey E. Remembering: A Phenomenological Study. Bloomington. 1987. P. 54, 55.

таланты организатора, умение окружить себя талантливými людьми, способность испытывать сильную привязанность к друзьям и родным.

Люди из окружения японского кампаку периодически пытаются убедить правителя принять меры, чтобы оградить жителей Чосона (Кореи) от насилия японских солдат. Многие представители японской стороны не желают принимать участие в войне. Они дезертируют или пытаются известить корейскую сторону о нападении, за что зачастую подвергаются жестокой каре. Одновременно национальный нарратив показывает моральную деградацию «хороших японцев» по мере вовлечения в конфликт. Война ожесточает их, они нарушают собственные принципы и в конечном счете переживают «нравственную смерть». Признавая за многими японцами статус «жертв» противостояния, национальная традиция Кореи одновременно отмечает их как «палачей». При этом драматургическая подача трансформации «жертв» в «палачей» устраняет, казалось бы, неизбежное противоречие в восприятии. Эволюция персонажей не оставляет ощущения двойственности в оценке их действий³⁴⁸.

В то же время демонстрация галереи национальных героев Кореи не сводится к идеализации соответствующей стороны конфликта. «Правящий класс» Чосона описывается как конгломерат соперничающих элитных групп, большинство которых отличают эгоистичность и некомпетентность. При этом нет однозначной идеализации конкретных групп истеблишмента и их противопоставления, например, «героической» армии и коррумпированных гражданских чиновников. Выдающиеся организаторы или люди, являющиеся символами мужества, встречаются во всех фракциях элиты. Как следствие, победа над Японией воспринимается во многом как успех, достигнутый вопреки действиям части политического военного руководства. Но в данном случае концепция «победы вопреки» не подразумевает наличия условно

---

³⁴⁸ Casey E. Op. cit. P. 57.

«хороших» и «плохих» групп внутри элиты. Как следствие, исчезает сам повод для начала мемориального конфликта³⁴⁹.

В итоге национальный нарратив Кореи сохраняет большинство черт героического эпоса о борьбе с внешним врагом. Однако он не подразумевает однозначной демонизации японской стороны и идеализацию корейской. Япония остается в сознании аудитории врагом, заслуживающим осуждения. Однако при этом негатив в адрес японского государства и его элиты не приводит к возникновению ксенофобии. Национальные герои Японии, как наиболее характерный в данном случае пример Тоетоми Хидэеси, показаны преимущественно в негативном ключе, однако одновременно демонстрируются и позитивные черты их характера. Это противник, но не он не дегуманизирован, и потому ему можно сопереживать³⁵⁰.

В то же время необходимо отметить, что возможность экстраполяции данного опыта на позиционирование событий Второй мировой войны в какой-то ближайшей перспективе можно поставить под сомнение. В случае описания Имджинской войны следует учитывать, что речь идет об интерпретации событий отдаленного прошлого, которые в силу глубины ретроспективы не имеют лично значимого окраса для наших современников. Это подтверждают отличия в позиционировании в рамках исторического нарратива Южной Кореи японцев как участников Имджинской войны и как оккупантов в XX в.

Несмотря на очевидное сходство приписываемых им преступлений, воины Тоетоми Хидэеси позиционируются в более позитивном ключе, нежели соратники императора Хирохито. Тем не менее, для более отдаленного будущего подобные подходы могут представлять практический интерес. Их полноценное применение в отсутствие значимых рисков станет возможным

---

³⁴⁹ Casey E. Op. cit. P. 57.

³⁵⁰ Шнирельман В.А. Указ. Соч. С. 112.

лишь в период, когда события Второй мировой войны утратят личностно значимую окраску и перейдут в сферу культурной памяти³⁵¹.

В целом можно заключить, что в рамках выстраивания мемориального нарратива в отношении событий международного уровня, следует отказаться как от создания модели прошлого сугубо «для внутреннего употребления», так и от заимствования систем интерпретации прошлого, выработанных внешними акторами. Национальный нарратив необходимо синкретизировать с мемориальной традицией, общепринятой в мире. При этом в рамках формируемого таким образом пространства памяти национальная традиция должна доминировать, обеспечивая тем самым эмпирическую базу для накопления такого ресурса построения национально-государственной идентичности, как ингрупповой фаворитизм.

Заимствуемые элементы внешней исторической традиции не должны противоречить парадигмальной составляющей национального нарратива. Их копирование и адаптация должны предотвращать выработку и распространение исторических мифов ксенофобского содержания, придавать «значимому другому» сугубо негативный образ и препятствовать его дегуманизации. Благодаря этому даже в том случае, если «значимый другой» будет восприниматься в качестве враждебной силы, он в некотором роде сможет выступать для представителей целевой аудитории в качестве объекта эмпатии, что заложит основы для национального примирения в ретроспективной плоскости.

Также придание современному «значимому другому» субъектности, наравне с отказом от его дегуманизации, позволит хотя бы частично произвести «отстройку» представителя конкретного этноса или конфессии от прежнего качества исторических акторов, традиционно символизирующих угрозу для целевой аудитории.

---

³⁵¹ Головашина О.В. Указ. соч. С. 204.

Описанные выше схемы касаются позиционирования совместной истории нескольких государств. Однако нельзя обойти вниманием проблему сосуществования нескольких моделей национального исторического нарратива в рамках мемориального пространства одного государства. Наглядным примером в данном случае может служить ситуация в сфере освещения событий Великой Отечественной войны на современной Украине.

В данном случае новая, активно продвигаемая националистическая дискурсивная модель конкурирует с остатками советского исторического нарратива и системой представлений о совместном прошлом, транслируемой Россией и, отчасти, Белоруссией. Декларативно украинские власти придерживаются курса на синтез и «примирение» обозначенных мнемонических моделей. Данная концепция предполагает позиционирование в качестве героев представителей всех армий и политических сил, боровшихся за освобождение Украины.

Таким путем должно происходить встраивание в единую систему мемориальных координат на равных позициях и военнослужащих Красной Армии, и украинских националистов, и этнических украинцев, сражавшихся в рядах армий западных союзников. Данный подход мог бы в реальности способствовать выстраиванию единого исторического нарратива. Однако на практике данная стратегия не реализуется. Наблюдается очевидный уклон в сторону героизации украинских националистов на фоне маргинализации представителей советской стороны – военнослужащих Красной армии и партизан. Наиболее ярко это проявилось посредством запрета советской символики, что фактически означает отказ на уровне государства признавать полученные фронтовиками боевые награды в качестве знака почестей³⁵².

Необходимо отметить, что обозначенная выше, пусть и декларативная, попытка синтеза противоречивых традиций в рамках национального мемориального пространства, предпринятая властями Украины, не является

---

³⁵² Климов И.А., Тучков С.М. Указ. соч. С. 87.

оригинальной. Фактически речь шла о попытке заимствования испанского опыта – если, конечно, в Киеве знали о его сути.

Еще «каудильо» Франциско Франко, формируя мемориальную культуру гражданской войны 1936 – 1939 гг., пришел к выводу о необходимости выработки «традиции примирения». Мемориальный комплекс «Долина павших» первоначально планировался как место почитания памяти погибших франкистов. Однако в итоге «каудильо» после завершения строительства в 1958 г. отдал приказ перезахоронить здесь и павших республиканцев, объявив мемориал символом национального единства и примирения. Республиканцы уже не оценивались однозначно как деструктивная сила. Их, наряду с франкистами, позиционировали как патриотов Испании, пусть и заблуждавшихся относительно политических перспектив ее развития и не сумевших избежать влияния внешних сил, пытавшихся вмешаться в дела королевства³⁵³.

Политический транзит Испании от диктатуры Франциско Франко к демократии потребовал ограничения дискуссии относительно событий гражданской войны 1936 – 1939 гг. Во избежание реанимации конфликта между сторонниками и противниками Франко представители политического руководства формально закрепили мемориальный компромисс в рамках «Пакта Монклоа» в 1977 г. Все участники гражданской войны были объявлены патриотами Испании. В качестве причины начала противостояния были обозначены расхождения в их взглядах на пути достижения национального процветания. Этот подход позволил политическим и идеологическим наследникам обеих сторон почитать их представителей как героев, и в то же время ограничил для них возможность вести дискуссию с оппонентами³⁵⁴.

Данный подход в течение длительного времени позволял избегать развития мемориального конфликта внутри общества. Однако этот

---

³⁵³ Connerton P. How societies remember. Cambridge. 1989. P. 72.

³⁵⁴ Ibid.

инструмент гармонизации мемориального пространства эффективно решал поставленные перед ним задачи лишь до тех пор, пока ведущие политические силы Испании придерживались консенсуса в вопросе достижения национального примирения. В 2000-х гг. леволиберальные силы Испании попытались использовать эксплуатацию мемориальной тематики в качестве ресурса наращивания электорального рейтинга.

Отход правящей части истеблишмента от позиций центризма и стремление заручиться поддержкой политических фундаменталистов среди «левых» и либералов привели в итоге к пересмотру мемориального законодательства. Официальная позиция властей в отношении истории гражданской войны была подвергнута ревизии. Франко и его сторонники начали позиционироваться однозначно негативно, что привело к мобилизации как «правых», так и леволиберальных сил. Дискуссия вокруг событий гражданской войны в короткие сроки обрела предельно политизированный характер³⁵⁵.

Приведенный выше пример, учитывая конъюнктурный характер изменения законодательства, нельзя расценивать в качестве подтверждения бесперспективности мемориальных моделей, построенных на основе концепции национального примирения. Важно подчеркнуть, что в случае Украины данный подход лишь декларировался, но не воплощался на практике. В случае Испании причиной кризиса «примиряющей» мемориальной модели стала не только динамика политической конъюнктуры, но и влияние акторов «культурной памяти». Отказ леволиберальных сил внутри испанского истеблишмента от интегративной модели исторического нарратива во многом стал возможен благодаря работе испанских интеллектуалов над трансформацией общественного мнения.

В данном случае уместным представляется провести параллели с тем, как изменилось восприятие фигуры И.В. Сталина в советском обществе после

---

³⁵⁵ Ефременко Д.В., Малинова О.Ю., Миллер А.И. Указ. соч. С. 133.

XX съезда КПСС и появлением произведений А.И. Солженицына. К началу конфронтации внутри испанского общества по большей части привели действия не современников Ф. Франко, непосредственно наблюдавших его диктатуру или получивших знания о ней от близких родственников, а представителей более поздних поколений, формировавших свое отношение к событиям гражданской войны на основе произведений культуры.

Важно отметить иное: на протяжении многих десятилетий своего существования «примиренческая» концепция достаточно эффективно выполняла функции инструмента мемориальной медиации. Последующие сбои в ее работе возникли во многом по причине отказа от практики «мягкого контроля» – и это подчеркивает необходимость такового не только в Испании – за содержанием исторического нарратива, транслируемого на поле массовой культуры. В предшествующий период реально пережитый травмирующий опыт не провоцировал столь массовых выступлений против франкизма, как его некорректная реконструкция в рамках современных произведений культуры³⁵⁶.

Сбой в работе испанской модели политики памяти, вероятнее всего, связан со структурными пробелами в «пакте Монклоа». Последний содержал в себе перечень запретов и общепринятых правил поведения. Однако в то же время он не содержал в себе перечня санкций даже неформального характера по отношению к их нарушителям. Равным образом в нем не были прописаны инструменты коллективного реагирования подписантов на такого рода действия. Исходя из всего этого, можно заключить, что ряд разногласий в разных ситуациях является разрешимым путем подписания подобных соглашений, но одновременно нужно четко прописывать ответственность для нарушителей. Важно подчеркнуть, что коллективная обструкция была и остается действенным инструментом политического принуждения.

---

³⁵⁶ Ефременко Д.В., Малинова О.Ю., Миллер А.И. Указ. соч. С. 133, 134.

В качестве наглядного примера в данном случае можно привести эпизод из политической биографии В.В. Жириновского. В октябре 2013 г. лидер ЛДПР в ходе одного из своих публичных выступлений заявил о необходимости ограничения рождаемости на Северном Кавказе. К нему не стали применять правовых санкций, однако даже без этого истеблишмент сумел принудить его к отказу от такого рода риторики и принести извинения за произошедшее. Состоялась беседа В.В. Путина с В.В. Жириновским в присутствии прочих лидеров парламентских партий и руководства Госдумы Российской Федерации. Встреча проходила публично и широко освещалась в СМИ.

Глава ЛДПР был вынужден в данной ситуации отказаться от своего характерного агрессивного имиджа и, напротив, в ходе беседы своим поведением демонстрировал признание своего подчиненного положения и раскаяния. Имидж В.В. Жириновского в качестве самостоятельного политика и выразителя интересов русских националистов был серьезным образом подорван. В результате после этого В.В. Жириновский ни разу не допускал кавказофобских высказываний в рамках публичных выступлений³⁵⁷.

Отдельного внимания заслуживает вопрос об интеграции «памяти жертв» и «памяти победителей», и «памяти палачей» как в международном формате, так и в рамках мемориального пространства одной страны. Большинство попыток сочетать два данных дискурса приводят к возникновению острых конфликтов. Результатом этого становится как демонизация «победителей», так и отрицание самого факта существования жертв, либо преуменьшение масштабов соответствующей трагедии. Равным

---

³⁵⁷ Жириновский пожалел о своих словах про Кавказ после критики Путина. URL: <https://ria.ru/20131112/976224115.html> (Дата обращения: 21.06.2019).

образом непродуманные попытки сохранить память «жертв» в силу ряда просчетов провоцируют реакцию в виде апологии «палачей»³⁵⁸.

Характерным примером в данном случае может служить мемориальный конфликт вокруг событий «нанкинской резни». Признание хотя бы части соответствующих фактов наносит болезненный удар по исторической мифологии Второй мировой войны, выработанной для «внутреннего употребления» властями Японии. Согласно положениям последней, за военные преступления несет ответственность ограниченный круг военных, коммерсантов и ученых, в то время как Вооруженные Силы в целом непричастны к их совершению.

Однако исторический нарратив, сформировавшийся вокруг событий в Нанкине, противоречит данной точке зрения. В глазах истеблишмента Японии, полномасштабное признание совершенных в Нанкине преступлений создает угрозу размывания ингруппового фаворитизма японцев и формирования на национальном уровне комплекса вины. Следствием этого стало формирование запроса на появление трудов историков-ревизионистов, опровергающих полностью или частично факт совершения военных преступлений в Нанкине. Появление соответствующего нарратива, в свою очередь, позволило части японских политиков публично отрицать факт военных преступлений, выступая от собственного лица, но фактически выражая мнение более широких кругов³⁵⁹.

Сходным образом складывается противостояние в совместном мемориальном пространстве России и Германии. Как уже показано в соответствующей главе, немецкая историческая традиция заостряет внимание на теме преступления военнослужащих Красной армии в отношении мирного

---

³⁵⁸ Миллер А.И. История империй и политика памяти // Россия в глобальной политике. М., 2008. Т.6. № 4. С. 122.

³⁵⁹ Bruter M. Winning Hearts and Minds for Europe: The Impact of News and Symbols on Civic and Cultural European Identity. P. 1150, 1151.

населения Германии, в первую очередь – в контексте такого рода деяний, как изнасилования и мародерство. Транслируется представление о том, что они носили массовый, едва ли не повсеместный характер, что создает угрозу для разрушения образа «солдата-освободителя» – одного из системообразующих элементов российского национального исторического нарратива. При этом простые немцы делают еще более опасные для дальнейшего накала ситуации выводы: «Советский Союз совершил гораздо больше злодеяний, чем гитлеровская Германия. Почему же мы, а не русские вечно стоим у позорного столба?»³⁶⁰

Ситуацию усугубляет то, что одновременно с этим историческая традиция при освещении событий на Восточном фронте придерживается, по крайней мере, в разрезе массовой культуры, концепции «чистого вермахта», которая фактически построена на отрицании задокументированных преступлений вооруженных сил Германии на территории СССР и государств Восточной Европы. Ответной реакцией на это стало тотальное отрицание любых обвинений в адрес советских военнослужащих, что основывается на небольшом в реальности количестве насильственных преступлений. Результатом этого является углубление поляризации точек зрения заинтересованных сторон и придание мемориальному конфликту статуса перманентного³⁶¹.

Все это позволяет предположить, что одним из основных препятствий на пути интеграции «памяти победителей» и «памяти жертв» является попытка объединить данные традиции в ключе чрезмерной негативации «победителей», а в ряде случаев – стремление вывести из публичного поля

---

³⁶⁰ Германия. Вызовы XXI века. М., 2009. С. 769.

³⁶¹ Тульчинский Г.Л. Историческая память в символической политике и информационные войны // Философские науки. 2015. № 5. С. 28. С. 25.

упоминания о преступлениях «жертв», которые могли бы спровоцировать агрессию со стороны «победителей»³⁶².

Однако анализ мировой мемориальной практики позволил выявить отдельные варианты относительно успешной интеграции двух упомянутых типов исторического нарратива, правда это в большинстве случаев касается таких событий, которые не были слишком массовыми.

Так, историки и деятели культуры Японии сумели выработать приемлемый для всех сторон вариант интерпретации такого эпизода совместной истории, как казни американских летчиков, сбитых над территорией империи в период войны и подвергнутых смерти немедленно после попадания в плен. С одной стороны, в соответствующих произведениях была четко прописана мотивация японской стороны, в первую очередь – за счет описания последствий не оправданных военной необходимостью бомбардировок городов Японии американской авиацией.

С другой стороны, были продемонстрированы усилия адвокатов-американцев по защите японских военных. Большую роль в целом сыграл отказ от абсолютизации вражды двух сторон в пользу демонстрации общения конкретных людей, за счет чего было ослаблено воздействие такого фактора, как система негативных стереотипов в отношении этноса в целом. Одновременно в исторический нарратив был включен такой элемент, как понимание мотивации преступников и рост симпатии к ним даже со стороны обвинения. «Мягкая аполлогия» японской стороны выстраивалась также за счет отсылок к отсутствию наказания для представителей США за совершение куда более масштабных военных преступлений.

Нельзя обойти вниманием и такой элемент, как демонстрация жертвенности представителей японского командования, добровольно берущих на себя ответственность за большинство преступлений ради спасения

---

³⁶² Bruter M. Civic and cultural components of a European identity: A pilot model of measurement of citizens' levels of European identity. P. 190.

подчиненных. За счет этого было устранено большинство барьеров, препятствующих гармонизации отношений «победителей» и «жертв». Среди первых были широко обозначены герои, сочувствующие «жертвам» и активно помогающие им, несмотря на наличие серьезных оснований для неприязни. В то же время непростительные, на первый взгляд, действия «жертв» были объяснены наличием глубокой мотивации. Также было обозначено использование двойных стандартов при оценке их действий. Взаимодействие сторон позиционировалось не на макро-, а на микроуровне, что позволило гуманизировать образы конфликтующих сторон³⁶³.

Однако необходимо отметить, что использование описанной схемы выстраивания исторического нарратива возможно преимущественно в контексте создания произведений массовой культуры на историческую тематику. При этом без консультаций с реальными научными специалистами – историками, знающими нюансы конкретной проблемы, успешность такого рода контента можно поставить под сомнение.

В рамках иных форматов трансляции исторического нарратива достаточно успешным представляется символическое примирение «победителей» и «жертв» за счет широкого обращения к микроистории для отображения исторических событий на личностном уровне. Последнее позволяет запустить процесс размывания негативных стереотипов, сформированных в отношении каждой из сторон конфликта, задействовать механизмы эмпатии в восприятии событий прошлого и, что особенно важно, продемонстрировать войну как трагедию для каждой из сторон конфликта³⁶⁴.

Однако обращение к данной методике потребует от создателей исторического нарратива особо тщательного подхода к подборке и выстраиванию фактуры. Частные примеры в каждом из случаев должны

---

³⁶³Bruter M. Civic and cultural components of a European identity: A pilot model of measurement of citizens' levels of European identity. P. 193.

³⁶⁴ Миллер А.И. Указ. соч. С. 124.

демонстрировать системные явления, общие тенденции в развитии того или иного исторического процесса. В данном качестве, например, может эффективно сработать описанный в главе о Германии прием замены концепции «насилия» на многочисленные случаи искренних и взаимных чувств между союзными, в частности, советскими солдатами и немецкими женщинами. При этом важно обеспечить недопустимость попыток истолковать те или иные события с позиций конкретной идеологии или политической группы³⁶⁵. В частности, если говорить о приведенном примере, следует предотвратить критику девушек как «предательниц».

Крайне сложную задачу представляет собой также моделирование примиряющего/объединяющего исторического дискурса в отношении сторон конфликта, взаимоотношения между которыми нельзя однозначно определить в рамках схем «победитель/палач – жертва». В частности, в рамки данной парадигмы нельзя вписать, например, события «волынской резни», в ходе которой как польская, так и украинская стороны, вооруженные, к слову, немцами, периодически менялись ролями³⁶⁶.

В данном случае сложно вывести детальную схему урегулирования конфликта. Однако общие направления в деле налаживания «мемориального диалога» можно обозначить достаточно четко. Во-первых, необходимо выделить наличие у каждой из сторон конфликта понятной и достаточно обоснованной как рационально, так и эмоционально мотивации действий. Их поведение, даже в наиболее девиантных и антигуманных формах, не должно объясняться только лишь негативными качествами, приписываемыми одной из сторон. Понимание мотивации если не всей макросоциальной группы, то хотя бы отдельных ее представителей открывает «окно возможностей» для выработки эмпатии, являющейся основным залогом примирения сторон. В данном случае можно рекомендовать привести взаимосвязь проявления

---

³⁶⁵ Тульчинский Г.Л. Указ. соч. С. 27.

³⁶⁶ Там же.

жестокости со стороны конкретного лица местию за немотивированное и чрезмерное применение противоположной стороной насилия в отношении членов его семьи³⁶⁷.

Во-вторых, ценным ресурсом для выстраивания диалога между представителями контрадикторных мемориальных традиций является наличие третьей стороны конфликта, действия которой сделали возможным возникновение обсуждаемого конфликта либо способствовали его разрастанию. В случае «волынской резни» в данном качестве может выступать оккупационная администрация, провоцировавшая такие действия или непосредственно политическое руководство нацистской Германии³⁶⁸.

Появление третьей стороны конфликта избавляет двух основных акторов от необходимости решать дилемму: кто из двух участников противостояния в большей степени несет ответственность за произошедшее? Однако в ряде случаев попытка возложить ответственность за развязывание и последствия конфликта на третью сторону в лице какого-либо государства может обернуться урегулированием старого мемориального конфликта за счет создания новой конфронтации.

С учетом данного обстоятельства, в качестве третьей стороны конфликта желательно позиционировать не институты, за исключением тех, что официально признаны на международном уровне преступными, а конкретных личностей, желательно – уже подвергнутых негативному позиционированию в рамках исторического дискурса всех причастных государств³⁶⁹.

В-третьих, выработке примиряющего исторического нарратива должно способствовать обращение к периодам конструктивного взаимодействия в

---

³⁶⁷ Осипян А. Этнические чистки и чистка памяти: украинско-польское пограничье 1939-1947 годов в современной политике и историографии // *Ab imperio*. 2004. № 2. С. 304.

³⁶⁸ Столяров А.О. Проблема обращения польских политиков к исторической памяти в отношениях с Россией (1989-2005 гг.) // *Клио*. 2015. №3 (99). С. 115.

³⁶⁹ Осипян А. Указ. соч. С. 307.

рамках совместной истории заинтересованных сторон. Таким образом, параллельно выработке компромиссного описания конфликтного эпизода общей истории должны активно освещаться и разрабатываться темы, связанные с позитивными моментами в рамках общего исторического наследия, хотя относительно Украины и Польши это сделать сложнее в силу того факта, что позитивные страницы общей истории чаще всего происходили в период зависимости этих народов от России и СССР.

В рамках обозначенного кейса в качестве возможных позиций можно привести, в частности, историю наиболее известных и успешных семейств украинских магнатов, затронутых процессом полонизации, например, Острожских или Вишневецких. Также допустимо обращение к эпизодам общего прошлого, перекликающимся тематически с выбором вариантов совместного будущего. Так, в частности, пребывание земель современных Польши и Украины в составе Речи Посполитой можно было бы тематически обыграть в рамках вопроса о выборе в пользу евроинтеграции, сделанного истеблишментом двух государств³⁷⁰.

Стратегической задачей в данном случае следует признать устранение в модели взаимного восприятия конфликтующими сторонами в качестве «исторического», абсолютного врага³⁷¹.

Теперь следует рассмотреть такой важный аспект проблемы, как умение акторами видеть перспективу и конструировать политику памяти в расчете не просто на долгосрочную перспективу, а еще и с учетом ее соответствия множеству возможных сценариев. О противоположном примере, когда руководство Польши, в частности, не учитывает ни одного из них, мы уже говорили. Российская модель, наоборот, оставляет широкие перспективы для гармонизации и сотрудничества.

---

³⁷⁰ Осипян А. Указ. соч. С. 310.

³⁷¹ Столяров А.О. Указ. соч. С. 114.

Так, если учитывать тенденцию роста напряженности между США и Китаем и возможных попыток втягивания в орбиту противостояния многих других стран, опыт Второй мировой войны как апогей мирового масштаба злодеяний и кровопролития должен выступать отрезвляющим фактором. В годы Карибского кризиса, такое понимание позволило предотвратить ядерную войну между сверхдержавами. Поскольку теперь Россия находится в некоторой степени в стороне от соперничества Соединенных Штатов и КНР, она может выступить в качестве силы, которая на основе собственного опыта будет декларировать мирные пути решения проблемы. Еще эффективнее такой подход может быть, если в процесс включится Германия, что позволит ей позиционировать себя в новой, но весьма привлекательной и так необходимой ее народу роли.

При этом возможно предположить новый виток трансформации мемориальной политики под совершенно иным знаком. Если стремления Германии и Японии в направлении признания того факта, что они искупили вину принять за инструмент, то им с наибольшей пользой может воспользоваться, как ни странно, Россия. Без ее поддержки указанные страны такого решения не получают. Взамен реалистичным представляется требование, закрепленное путем подписания соответствующего договора, по отказу от каких-либо территориальных претензий, а также к отказу от политики по позиционированию советского режима как «преступного».

* * *

Таким образом, решение основных содержательных проблем реализации политики памяти предполагает необходимость следующей стратегии в выстраивании мемориального нарратива. В случае, если речь идет о потенциальной возможности конфликта на международной арене, система представлений о прошлом должна конструироваться за счет согласования двух противоположных традиций с использованием как предложенного выше

инструментария, так, возможно, и с применением иных механизмов и ресурсов.

Внутри любой модели исторического нарратива должен преобладать национальный компонент, обеспечивая ее функционирования в качестве источника ингруппового фаворитизма. В то же время для ее конструирования могут заимствоваться элементы чужой традиции. Этот процесс должен предотвращать дегуманизацию противоположной стороны, наделять ее представителей мотивацией действий, разграничивать политический истеблишмент государства и население соответствующей страны, тем самым создавая основания для «исторического примирения» двух сторон.

В рамках выстраивания единого мемориального пространства в национальных масштабах эффективной тактикой можно признать позитивное позиционирование каждой из ключевых сторон исторического конфликта, закрепляемое формально посредством подписания публичного соглашения между ведущими общественно-политическими структурами и институтами. При этом такого рода договоренности должны в обязательном порядке содержать в себе прописанную ответственность сторон за возможные нарушения, а также механизм применения санкций к нарушителю-подписанту или иной структуре, чьи действия нарушают букву и дух указанных документов.

Виновные в данном случае могут подвергаться наказанию в виде политического бойкота, обращений к рекламодателям с призывом прекратить сотрудничество с соответствующей структурой или физическим лицом, или иных законных мер воздействия, влекущих за собой репутационные и иные издержки для нарушителя. Если договор заключается на международном уровне, то в данном качестве также могут быть предприняты персональные санкции к инициаторам нарушений.

Заключение

Подводя итоги исследования, можно признать, что выдвинутая нами первоначально гипотеза нашла свое подтверждение в рамках большинства ее положений. Память о Второй мировой войне де-факто стала предметом регулирования специфических направлений во внешней и внутренней политике государств-участников данного конфликта. При этом ее реализация зачастую ориентирована на достижение краткосрочных целей и подчинена требованиям конъюнктуры, в то время как решение задач, направленных на обеспечение мирного и стабильного развития мирового сообщества, осуществляется по остаточному принципу.

Трансформация политики памяти о Второй мировой войне обуславливается в случае каждой страны целым комплексом факторов, структура и взаимодействие которых всегда обладают выраженной спецификой. В каждом конкретном случае, как это показал подробный анализ ситуации в России, Польше и Германии, их роль и значение могут существенно различаться. Отличия в структуре комплекса базовых факторов, определяющих цели, задачи и специфику реализации политики памяти, детерминируют существенные отличия в подходах к мнемоническому позиционированию.

Следует признать, что во всех рассмотренных случаях существующие в настоящее время мемориальные модели следует признать в различной степени неэффективными. В Российской Федерации мнемоническая концепция, предназначенная для продвижения на внутрироссийском уровне, выстроена достаточно успешно, что отчасти компенсирует издержки отсутствия внятного и последовательного позиционирования на внешнеполитической арене. Образ прошлого (для реализации внутривнутриполитических задач) выстраивается вокруг темы коллективного подвига и общей жертвы, что обеспечивает высокий уровень эмоционального наполнения соответствующих символов, а также обеспечивает выработку ингруппового фаворитизма,

укрепляя национально-государственную идентичность и способствуя ее воспроизводству.

В то же время так и не был сформулирован привлекательный образ прошлого, который мог бы транслироваться в страны как ближнего, так и дальнего зарубежья на уровне массовой культуры и в контексте официального дискурса. Равным образом не был разработан комплекс мемориальных практик, позволяющих купировать попытки ревизии истории Второй мировой войны. Как следствие, в рамках национального мемориального нарратива соответствующих стран образ России как государства-участника Второй мировой войны вытесняется системой представлений, выработанной недружественными к РФ политическими акторами.

Истеблишментом Германии был избран курс на придание немецкому народу статуса жертвы Второй мировой войны, объекта репрессий. В качестве подавляющего субъекта выступают одновременно и нацистский режим, и часть представителей антигитлеровской коалиции. При этом в последнем случае западные союзники обозначаются скорее по остаточному принципу, сквозь призму раскрытия темы бомбардировок немецких городов, в то время как советские военнослужащие стигматизируются в качестве лиц, повинных в массовом насилии над жителями оккупированных областей Германии и широкомасштабном мародерстве. Одновременно на бытовом уровне достаточно широко распространены ревизионистские варианты истолкования истории войны, преодоленные в рамках научной традиции. Примером в данном случае может служить концепция «чистого вермахта». При этом наблюдается постепенное усугубление мемориального конфликта между представителями старших поколений, связанных с непосредственными участниками Второй мировой войны эмпатическими связями в силу наличия тесных кровнородственных уз, и представителями молодежи. Усугубляют ситуацию изменение этнического и конфессионального состава населения ФРГ, а также сохраняющийся разрыв в уровне социально-экономического развития западных и восточных земель, обуславливающий высокую

популярность радикальных левых и ультраправых политических течений на территории бывшей ГДР. Свою роль играет и развитие культурной глобализации, способствующей ознакомлению немцев с иными мемориальными традициями. Одновременно традиционный мемориальный нарратив ФРГ выступает в роли раздражающего фактора в рамках взаимодействия с целым рядом партнеров из числа государств ЕС, в период Второй мировой войны оккупированных нацистами.

Соответственно, можно признать, что выработанные ранее подходы к позиционированию событий Второй мировой войны, ранее позволявшие консолидировать нацию, одновременно избавляя ее от «комплекса вины», на сегодняшний день исчерпали свой полезный потенциал и порождают множество издержек.

Наиболее опасной можно признать ситуацию в Польше. Имея, в отличие от ФРГ, множество разнообразных возможностей моделирования успешной политики памяти, элита этой страны, по существу, стала копировать довоенную модель мемориального позиционирования, построенную на основе стигматизации России как «абсолютного врага» и коммунизма как угрозы для польской идентичности и культуры. При этом комплекс представлений о «врагах-большевиках» выстраивался на основе развития демонизированного образа дореволюционной России. Важно отметить, что образ СССР был сконструирован за счет эксплуатации дискурса «предательства» и темы «двух оккупаций». Это сопровождало активное продвижение имперского нарратива, обосновывающего особую роль Польши в Восточной Европе, в первую очередь – на территории исторической Речи Посполитой. В рамках данного процесса маргинализировалась коллективная память этнических меньшинств (евреев, украинцев и белоруссов) и вытеснялась на периферию система представлений о вкладе в победу над Германией структур и общественных групп, дружественно настроенных по отношению к СССР. В рамках неформального «пантеона исторических героев» их место заняли

представители националистического подполья, активно боровшиеся против советских войск.

Естественным следствием этого стала, с одной стороны, гипертрофия ингруппового фаворитизма, способствующая развитию крайних форм национализма, а с другой – широкая трансляция ксенофобских установок в отношении этносов, населяющих сопредельные государства.

В свете этого становится очевидно, что подходы всех трех государств к реализации политики памяти в отношении событий Второй мировой войны нуждаются в коррекции.

На основе комбинации данных, полученных за счет применения традиционного анализа, экспертных интервью и киберметрических исследований нами были выявлены закономерности, позволяющие предложить для каждой из указанных стран комплекс решений для устранения противоречий, накопленных в рамках их мемориальных моделей – как на международном, так и на национальном уровне. При этом необходимыми условиями их эффективной реализации являются добрая воля сторон и реальное стремление к достижению компромисса на приемлемых для всех участников событий условиях. Последнее не всегда возможно, особенно в случае, когда то или иное государство, а чаще его элита, находятся в зависимости от внешних акторов и поэтому отстаивают, в том числе, интересы третьей стороны. Имеют место и ситуации, когда избранная модель оказывается неэффективной, поскольку декларативные цели отличаются от истинных.

Другие подходы, выявленные при анализе мнемонических практик в ряде иных государств, также не решают имеющихся проблем в силу своей функциональной ограниченности. Действия в рамках логики создания «патриотического мифа для внутреннего употребления» часто приводит к возникновению внешних мемориальных конфликтов. Если же политика памяти выстраивается в рамках инерционной и реактивной модели, возникают риски внешней мемориальной экспансии, направленной на делигитимацию

политических институтов, разрушение национально-государственной идентичности и т.д.

Такое положение наблюдалось в России все первое десятилетие XXI века на фоне агрессивной трансформации исторического нарратива во многих странах Восточной Европы, и что особенно важно – в республиках бывшего СССР, где значительную часть составляет русскоязычное население. Инерционность и реактивность мемориальной политики России во многом способствовала гипертрофии указанных тенденций.

Практики «жесткого реагирования» приносят большой полезный эффект, однако их использование должно сочетаться с применением более гибкого подхода, построенного на основе обращения к ресурсам «мягкой» и «умной силы». Так, Израиль при малейших попытках частичного или полного отрицания Холокоста не ограничивается даже жесткими дипломатическими выступлениями. С одной стороны, это не позволяет никому публично осуществлять ревизию событий «сакрального прошлого». С другой стороны, в ряде случаев это может наносить вред, как мы это продемонстрировали на примере Германии. В рамках концепции Холокоста немецкие евреи позиционируются для этой страны как «чужие», что не позволяет, с одной стороны, достигнуть реального примирения, а с другой – транслирует данную модель восприятия на современных жителей ФРГ, причем не только еврейской национальности, но и многих других диаспор.

Важным фактором достижения гармонизации могла бы стать целостная, согласованная, не противоречащая общей, хотя и во многом устаревшей, международной традиции концепция исторического нарратива относительно событий Второй мировой войны. Но конфликт интересов, в особенности связанный с экспансией политических радикалов, часто препятствует формированию приемлемой для всех заинтересованных сторон картины событий прошлого. Ярким примером в данном случае могут выступить некоторые страны Восточной Европы, в частности – республики Балтии, Украина и Польша. За счет их действий государства, заинтересованные в

гармонизации мемориальных традиций, искусственно лишаются возможности для политического маневрирования, т.к. признание ответственности за какие-либо трагические события совместной истории начинает зачастую использоваться в качестве обоснования материальных претензий либо для усиления образа «внешнего врага». Все это неизбежно приводит к обратным результатам: росту недоверия, ксенофобии и политической напряженности, способствует отчуждению в решении актуальных вопросов.

Во множестве исследованных нами ситуаций трансформация политики памяти является ответом на появление в определенных кругах национального истеблишмента, или же среди зарубежных акторов запроса на формирование конфликтной модели интерпретации событий прошлого. При этом появление данного запроса обуславливается в первую очередь потребностью в захвате и удержании политической власти. Чаще всего с целью создания мемориального конфликта производится десакрализация события или личности, имеющих символическое значение для той или иной общности, или играющим большую роль в формировании их идентичности.

Достаточно эффективным выходом из ситуации может послужить принципиально иное позиционирование совместного прошлого, основанного на обращении к опыту позитивного взаимодействия между заинтересованными сторонами.

Можно привести ряд конкретных мемориальных практик, интеграция которых позволяет сформировать методологический каркас данного подхода. Например, участие в акции «Бессмертный полк» является доступным для любого желающего вне зависимости от его гражданства или национальной принадлежности. Так, за последние годы к акции присоединялись многие потомки немцев-антифашистов, что заложило основы для символического примирения представителей ФРГ и Германии без обязательного «сакрального покаяния».

Нельзя оставлять без внимания и дальневосточные практики примирения. В первую очередь это касается гуманизации рядовых граждан

стран-агрессоров и «отстройки» их от организаторов преступлений против человечности в порядке межкультурного обмена, в том числе – посредством создания нарратива на основе реально имевших место эпизодах взаимодействия представителей воюющих сторон.

Список источников и литературы

Материалы количественных социологических исследований

Всероссийский центр изучения общественного мнения:

Богатые и бедные - вчера и сегодня. URL:
<https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=79> (дата обращения: 01.12.2020).

День памяти и скорби: 75 лет с начала URL:
<https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=346> (дата обращения: 01.12.2020).

День Победы: сохраним память о подвиге!
<https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9082> (дата обращения: 01.12.2020).

Единый учебник: за и против. URL:
<https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116389> (дата обращения: 09.02.2019).

Память о Сталине: за и против. URL:
<https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116323> (дата обращения: 01.12.2020).

Архивные материалы

Российский государственный архив социально-политической истории:

1. Ф. 17. Оп. 125. Д. 38.

Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации:

1. Ф. 233. Оп. 2380. Д. 20, 33, 34.

2. Ф. 236. Оп. 2727. Д. 34.

Интернет-ресурсы

Известия. <http://izvestia.ru>

Коммерсантъ. <http://www.kommersant.ru>

Комсомольская Правда. <http://www.kp.ru>

Независимая газета. <http://www.ng.ru>

РИА Новости. <https://ria.ru>

Gazeta Wyborcza. <http://wyborcza.pl>

Der Spiegel. <http://spiegel.de>

Deutsche Welle. <http://www.dw.com>

Onet. <http://onet.pl>

Puls Biznesu. <https://www.pb.pl>

Rzeczpospolita. <http://www.rp.pl>

Super Express. <http://www.se.pl>

Süddeutsche Zeitung. <http://sueddeutsche.de>

Литература

Ачкасов В.А. «Политика памяти» как инструмент строительства постсоциалистических наций // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. № 4. С. 106 – 123.

Баталов Э.Я., Журавлева В. Ю., Хозинская К В. «Рычащий медведь» на «диком Востоке». Образы современной России в работах американских авторов. М.: РОССПЭН, 2009. 384 с.

Безыменский Л.А. Что же сказал Сталин 5 мая 1941 г.? // Новое время. 1991. № 19. С. 36 – 40.

Белов С.И. Методы конструирования исторических мифов как элемент политики памяти (на материалах украинских учебников истории) // PolitBook. 2017. № 4. С. 89 – 103.

Белов С.И. Недостатки формирования политики памяти в России (результаты обобщения экспертных мнений) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2018. Т. 20. № 2. С. 269 – 277.

Беньямин Ф.Б. Политический миф и коллективная идентичность: миф Александра Невского в российской истории // Ab imperio. 2001. № 1-2. С. 141 – 164.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: «Медиум», 1995. 323 с.

Бивор Э. Вторая мировая война. М.: КоЛибри, 2016. 990 с.

Бойков В.Э. Состояние и проблемы формирования исторической памяти // Социс. 2002. № 8. С. 85 – 89.

Борко Ю.А. От европейской идеи к единой Европе. М.: Деловая лит., 2003, 464 с.

Бочаров В. Власть и время в культуре общества // Пространство и время в архаических и традиционных культурах. М.: Институт Африки РАН, 1996. С. 154 – 171.

Бугаев А.В. День «N». Неправда Виктора Суворова. М., Эксмо, Яуза, 2007. 384 с.

Бугай Н.Ф. Иосиф Сталин – Лаврентию Берию: «Их надо депортировать»: документы, факты, комментарии. М.: Дружба народов, 1992. 288 с.

Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алатейя, 2001. 562 с.

Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алатейя, 2007. 336 с.

Бурдые П. Описывать и предписывать. Заметка об условиях возможности и границах политической действенности // Логос. 2003. № 4-5 (39). С. 33-41.

Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть. // Thesis. 1993 №2. С. 115–120.

Бурковский И. В. Символические ресурсы в системе властных отношений // Среднерусский вестник общественных наук. Политология. 2009. № 2. С. 101 – 105.

Бушуев В.В., Титов В.В. Национально-государственная идентичность в современном мире и роль исторической политики в ее формировании (теоретико-методологический анализ) // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. История и политология. 2011. № 4. С. 77 – 93.

Вайнштейн Г.И. Европейская идентичность: желаемое и реальное // Полис. Политические исследования. 2009. № 4. С. 123 – 134.

Васильев А.Г. Политика памяти: российский опыт в свете теоретико-методологической рефлексии // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2014. № 14 (136). С. 59 – 68.

Васютин Ю.С., Панова Е.С. Историческая память: институционализация в общественном сознании и в государственной политике // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. Т. 11. № 3. С. 104 – 112.

Вишлев О.В. Речь И.В. Сталина 5 мая 1941 г. (российские документы) // Новая и новейшая история. 1998. № 4. С. 77 – 89.

Вишлев О.В. Западные версии высказываний И.В. Сталина 5 мая 1941 г. По материалам германских архивов // Новая и новейшая история. 1999. № 1. С. 93 – 115.

Вяземский Е. Е. Историческая политика государства, историческая память и содержание школьного курса истории России // Проблемы современного образования. 2011. № 6. С. 89 – 97.

Гаджиев К. С. Политическая культура: концептуальный аспект // Политический исследования. 1991. № 6. С. 69–83.

Гайдай А.Ю., Любарец А.В. «Ленинопад»: избавление от прошлого как способ конструирования будущего (на материалах Днепропетровска, Запорожья и Харькова) // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2016. № 2 (33). С. 28 – 41.

Галина М. Вернуться и переменить. Альтернативная история России как отражение травматических точек массового сознания постсоветского человека // Новое литературное обозрение. 2017. № 4 (146). С. 258 – 271.

Гареев М.А. Еще раз к вопросу: готовил ли Сталин превентивный удар в 1941 г. // Новая и новейшая история. 1994. № 2. С. 197 – 211.

Гигаури Д.И. Политика памяти в практике социального конструирования политической идентичности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10-1 (60). С. 59 – 64.

Гланц Э. Советское военное чудо 1941—1943. Возрождение Красной Армии. М.: Яуза, Эксмо, 2008. 640 с.

Головашина О.В. (Бес)порядок времени и политика памяти // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2016. № 4. С. 199-206.

Горин Д.Г. Политика памяти в условиях социально-политической трансформации: особенности России // Среднерусский вестник общественных наук. 2012. № 2 (23). С. 98 – 104.

Горьков Ю.А. Готовил ли Сталин упреждающий удар против Гитлера в 1941 году? // Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 29–45.

Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН; ФОМ, 2004. 752 с.

Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 2005. С. 763.

Гутнер Г.Б. С. 101. Национальный нарратив и национальная ответственность // Этическая мысль. 2017. Т. 17. №1. С. 94 – 109.

Данилов Л.В., Марушин Б.И., Панкратов М.Г. Буржуазные историки на службе антикоммунизма. М.: Знание, 1962. 33 с.

Де Лазари А., Рябов О.В. Русские и поляки глазами друг друга: Сатирическая графика. Иваново: Ивановский государственный университет, 2007. 58 с.

Де Ланж М. Иудаизм: древнейшая мировая религия. М.: Эксмо, 2012. 332 с.

Дзидзоев В.Д. Российско-чеченские отношения в первой половине XIX в.: проблемы и перспективы решения спорных вопросов // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. 2017. № 2. С. 22 – 27.

Дождиков А.В. Фальсификация истории России в контексте идентичности: новая плоскость противостояния // Ценности и смыслы. 2012. № 5 (21). С. 177 – 183.

Дубин Б.В. Симулятивная власть и церемониальная политика. О политической культуре современной России // Вестник общественного мнения. 2006. № 1. С. 14 – 25.

Дюков А.Р. Историческая политика или политическая память // Международная жизнь. 2010. № 1. С. 133 – 148.

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. 575 с.

Евгеньева Т.В., Нечаев В.Д. Проблема формирования национально-государственной идентичности российских школьников. Анализ результатов исследования гражданской и национальной самоидентификации старшеклассников// Ценности и смыслы. 2014. № 1. С. 7 – 22.

Евгеньева Т.В., Регнацкий В.В. Формирование национально-государственной идентичности московских школьников // Ценности и смыслы. 2015. № 2. С. 5 – 16.

Евгеньева Т.В., Селезнева А.В. Образ «врага» как фактор формирования национальной идентичности современной российской молодежи // Полития. Вестник Фонда «Российский общественно-политический центр». 2007. № 3. С. 83 – 92.

Евгеньева Т.В., Титов В.В. Формирование национально-государственной идентичности российской молодежи // Полис: Политические исследования. 2010. № 4. С. 122 – 134.

Евзлин М. Космогония и ритуал. М.: РАДИКС, 1993. 337 с.

Еременко А.И. Против фальсификации истории Второй мировой войны. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. 121 с.

Ефременко Д.В. Драма европейской идентичности // Политическая наука. 2005. № 3. С. 157 – 169.

Ефременко Д.В., Малинова О.Ю., Миллер А.И. Политика памяти и историческая наука // Российская история. 2018. № 5. С. 128-140.

Завершинский К. Ф. Символические структуры политической памяти // Символическая политика: сб. науч. тр. М.: ИНИОН РАН, 2012. Вып. 1.

Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс / отв. ред. О. Ю. Малинова. С. 149–163.

Жилин П.А., Якушевский А.С., Кульков Е.Н. Критика основных концепций буржуазной историографии Второй мировой войны. М.: Наука, 1983. 385 с.

Здравомыслов А.Г. Россия и русские в современном немецком самосознании // Общественные науки и современность. 2001. № 4. С. 103–112.

Зюзин Е.И. Готовил ли Сталин превентивный удар? // Военно-исторический журнал. 1995. № 1. С. 7–29.

Ивашевский С.Л. Политика памяти в российском образовании // Философия образования. 2016. № 1 (64). С. 92 – 101.

Ильин М. Приключение демократии в Старом и Новом Свете // Общественные науки и современность. 1995. № 3 С. 71 – 84.

Исаев А.В. Антисуворов. М.: Эксмо, Яуза, 2004. 416 с.

Исаев А.В., Суворов В., Солонин М.С. и др. 1941. Великая Отечественная катастрофа. Итоги дискуссии. М.: Яуза ; Эксмо, 2009. 768 с.

Кара-Мурза С.Г. Власть манипуляции. М.: Академический Проект, 2009. 380 с.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2004. 784 с.

Кессиди Ф. Х. От мифа к логосу. М.: Мысль, 1972. 312 с.

Кирчанов М.В. Приручение прошлого: историческая политика и политика памяти (европейский историографический опыт и латиноамериканские контексты) // Политические изменения в Латинской Америке. 2016. № 3 (21). С. 73 – 86.

Кирчанов М.В. Историческая политика. политика памяти и война с памятниками в США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2017. 12 (576). С. 63 – 75.

Климов И.А., Тучков С.М. Политика памяти как инструмент легитимации политического режима // Проблемы и приоритетные

направления развития современных политических и социальных процессов
Сборник материалов научно-практической конференции. 2017. С. 84 – 88.

Коваленко В.И. Историческая память и историческая ответственность против фальсификаций истории // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2013. № 1. С. 36 – 42.

Козлов В.П. Обманутая, но торжествующая Клио. Подлоги письменных источников по российской истории в XX веке. М.: "Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН), 2001. 224 с.

Козлов С.В. Политика памяти как инструмент легитимации постсоветской украинской государственности // Вестник Российской нации. 2014. № 1 (33). С. 122 – 132.

Кокка Ю. Границы Европы и идентичность. М.: РГГУ, 2007. 38 с.

Копосов Н.Е. Память строгого режима. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 320 с.

Корниенко Т. Сущность и структура мифа // Власть 2009. № 10. С. 49 – 53.

Королева С.Б. Миф о России в британской культуре и литературе (до 1920-х годов). М.: Директ-Медиа, 2014. 314 с.

Лазари А. де, Рябов О.В. Русские и поляки глазами друг друга: Сатирическая графика. Иваново: ИвГУ, 2007. 170 с.

Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: Макет, 1995. 311 с.

Лич Э. Культура и коммуникация. Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии. Пер. с англ. М.: Восточная литература РАН, 2001. 142 с.

Литвиненко В. В. Цена войны. Людские потери на советско-германском фронте. – М: Вече, 2013. – 288 с.

Лотман Ю.М. Чему учатся люди. Статьи и заметки. М.: Центр книги ВГБИЛ им. М.И. Рудомино, 2010. 413 с.

Люббе Г. Историческая идентичность // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 108 – 113.

Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 207 с.

Малинова О.Ю. Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России: символическая политика в трансформирующейся публичной сфере // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2010. № 1. С. 5 – 28.

Малинова О.Ю. Идеологический плюрализм и трансформация публичной сферы в постсоветской России // ПОЛИС. 2007. № 1. С. 6–21.

Малинова О.Ю. Конструирование идентичности: возможности и ограничения // Pro et contra. 2007б. № 3 (37). С. 60–65.

Малинова О.Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России. М.: ИНИОН РАН, 2013. 421 с.

Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. 2010. № 2. С. 90 – 105.

Малинова О.Ю. Тема империи в современных российских политических дискурсах // Наследие империй и будущее России. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 59–102.

Малинова О. Ю. Тема прошлого в риторике президентов России // Pro et Contra. 2011. Т. 15, № 3-4. С. 106 – 122.

Малинова О.Ю. Россия и «Запад» в XX веке: Трансформация дискурса о коллективной идентичности. М.: РОССПЭН, 2009. 190 с.

Мельник Г.С., Виноградова С.М. Внешнеполитический имидж России в медийном пространстве посткризисного периода // Управленческое консультирование. 2009. № 3. С. 75 – 84.

Малиновский Б. Магия, наука и религия. М.: Рефл-бук, 1998. 304 с.

Махинин А.Н. "Политика памяти" и "культурной травмы" в контексте формирования российской гражданской идентичности // Костромской гуманитарный вестник. 2017. №11. С. 56 – 60.

Мещеркина Е.Ю. Историческая память и политики меморизации // Россия реформирующаяся: Ежегодник - 2005 / отв.ред. Л.М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2006. С. 198 – 203.

Миллер А.И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века // Историческая политика в XXI веке. Сборник статей. М., 2012. С. 7 – 32.

Миллер А. И. История империй и политика памяти // Россия в глобальной политике. 2008. Т. 6. № 4. С. 118 – 134.

Миллер А.И. Роль экспертных сообществ в политике памяти в России // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2013. № 4 (71). С. 114 – 126.

Минц И.И. Великая Отечественная война Советского Союза. М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1947. 71 стр.

Мисюрлов Д.А. Политика и символы в России. М.: МАКС Пресс, 2004. 141 с.

Морисон С.Э. Битва за Атлантику. Спб.: ООО «Издательство «Полигон», 2000, 800 с.

Морозова Е. В. Локальная идентичность и проблемы её конструирования (кейс Краснодарского края) // Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам Всероссийской научнотеоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21 – 22 октября 2010 г.). М., ИМЭМО РАН, 2011. С. 231 – 236.

Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. 480 с.

Мосс М. Общества. Обмен. Личность. М: КДУ, 2011. 418 с.

Наурызбаева М.М. Коллективная память и историческая политика // Модернизация современного общества: проблемы, пути развития и перспективы. 2015. № 6. С. 7 – 11.

Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под редакцией К. Аймермахера, Г. Бордюгова. Предисловие Ф. Бомсдорфа. Изд. 2-е, испр. и дополн. – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003. 432 с.

Никифоров Ю.А. О современных приёмах искажения прошлого // Преподавание истории в школе. 2010. № 9. С. 4 – 11.

Нора П. Проблематика мест памяти // Франция – память. Режим доступа: <http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html>, свободный (дата обращения 01.12.2020).

Нургалиева Ж.К. Национализация истории как ключевой ресурс конструирования новой коллективной идентичности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2012. № 1. С. 236 – 243.

Ольшанский Д.В. Психология масс СПб.: Питер, 2002. 368 с.

Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. М., 2001. 202 с.

Осипян А. Этнические чистки и чистка памяти: украинско-польское пограничье 1939-1947 годов в современной политике и историографии // *Ab imperio*. 2004. № 2. С. 297 – 328.

Петровская О.В. Польша. Концепция двух врагов // «Расскажу вам о войне...»: Вторая мировая и Великая Отечественная войны в учебниках и сознании школьников славянских стран. М., 2012. С. 113 – 166.

Плотников Д.С. Изменения в политике памяти в государствах - союзниках России на постсоветском пространстве после 2014 года // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2018. № 1. С. 92 – 107.

Понамарева А.М. «Огосударствление» гражданских инициатив в практике политического использования прошлого (на примере движения «Бессмертный полк») // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Актеры, институты, нарративы. СПб. 2020. С. 188-201.

Попова О.В. Особенности политической идентичности в России и странах Европы // Полис. Политические исследования. 2009. №. 1. С. 143 – 157.

Поцелуев С. П. Диалог и квазидиалог в коммуникативных теориях демократии. Монография. Ростов н/Д, 2010. 496 с.

Поцелуев С. П. Ритуал как средство управления политической агрессией: формы, стратегии, случаи // Политическая концептология. 2014. № 2. С. 25 – 39.

Поцелуев С. П. «Символическая политика»: к истории концепта // Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд полит. науки. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. М., 2012. С. 17 – 53.

Поцелуев С.П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // Полис. Политические исследования. 1999. № 5. С. 62 – 75.

Расторгуев В.Н. Россия и пан-Европа // Вестник Московского университета, сер. 12. Политические науки. М.: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2008. № 6. С. 3 – 15.

Репина Л.П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 39 – 46.

Репинецкая Ю.С. К вопросу о содержании понятий «историческое сознание» и «историческая память» // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6, № 1 (18). С. 147 – 151.

Рольф М. Советские массовые праздники М.: РОССПЭН, 2009. 440 с.

Россияне и поляки на рубеже столетий. Опыт сравнительного исследования социальных идентификаций (1998-2002 гг.) / Сост. Е. Н. Данилова, В.А. Ядов. СПб: Издательство РХГА, 2006.

Рубцова В.Ю. Политика памяти в практике конструирования локальной идентичности // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2017. Т. 1. № 4. С. 450-455.

Рукавишников В.О. Холодная война, холодный мир. Общественное мнение в США и Европе о СССР/России, внешней политике и безопасности Запада. М: Академический Проект, 2005. 864 с.

Рябов О.В. Матушка-Русь. Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. М.: Ладомир, 2001. 202 с.

Рябов О. В. Мать и мачеха: материнский символ России в легитимации присоединения Крыма к Российской Федерации // Женщина в российском обществе. 2014. № 4. С. 40 – 50.

Рябова Т. Б., Рябов О. В. "Настоящий мужик": о гендерном измерении символической политики // Женщина в российском обществе. 2011. № 3. С. 21 – 35.

Рязанова С. В. Архаические мифологемы в политическом пространстве современности. Пермь: Перм. гос. ун-т. 2009. 238 с.

Рязанова С.В. Роль религии в формировании политического мифа // Ценности и смыслы. 2013. № 2 (24). С. 14 – 22.

Самсонов А.М. Крах фашистской агрессии. 1939–1945. М.: Наука, 1975. 727 с.

Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. – 863 с.

Сигеле С. Преступная толпа. Опыт коллективной психологии. М.: Академический Проект, 2011. 128 с.

Слесаренок И.В. Оценка роли А.П. Ермолова в истории Кавказа в советской и современной историографии // Вестник Чувашского университета. 2009. № 3. С. 146 – 151.

Сорель Ж. Размышления о насилии М.: Фаланстер, 2013. 293 с.

Столяров А.О. Проблема обращения польских политиков к исторической памяти в отношениях с Россией (1989-2005 гг.) // Клио. 2015. № 3 (99). С. 110 – 117.

Стоянова Е. В. От ритуала и мифа к метафоре // Вестник РУДН, серия Русский и иностранный языки и методика их преподавания 2008. № 4. С. 27 – 36.

Сургуладзе В.Ш. Введение в научную историю становления и развития идеологии и политики идентичности Соединенных Штатов // Проблемы национальной стратегии. 2018. № 3 (48). С. 201 – 211.

Сухова О. А. Десять мифов крестьянского сознания. М.: РОССПЭН, 2008. 679 с.

Тернер В. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983. 277 с.

Тимофеев И.Н. Российская политическая идентичность сквозь призму интерпретации истории // Вестник МГИМО Университета. 2010. № 3 (12). С. 51 – 59.

Титов В.В. Национально-государственная идентичность российской молодежи в начале XXI века. М. : Макс-Пресс, 2012. 168 с.

Топоров В.Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М.: Наука, 1988. С. 7-16.

Тульчинский М. Р. Адвокаты реванша. М.: Академии наук СССР, 1963. 121 с.

Тульчинский Г.Л. Историческая память в символической политике и информационные войны // Философские науки. 2015. № 5. С. 24 – 33.

Федорова М.М. История/память: трудная дилемма // История философии. 2018. Т. 23. № 1. С. 108 – 121.

Федорова М.М. Мемориальный феномен и кризис исторического сознания модерна // Вопросы философии. 2020. № 6. С.38 – 42.

Федорова М.М. Понятие долга памяти в контексте современных идеологических дискурсов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 2 (59). С. 133 – 140.

Федорцев В. А., Мамедова Л. К. Европейский союз: поиск «европейской идентичности» // Проблемы национальной стратегии. 2011. № 4. С. 44 – 56.

Фрэзер Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии: В 2 т. Т. 1: Гл. I-XXXIX. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2001. 528 с.

Фрумкин К.Г. Альтернативно-историческая фантастика как форма исторической памяти // Историческая экспертиза. 2016. № 4. С. 17 – 28.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1. С. 33–48.

Чжу Си. Изменение концепции внешнеполитической пропаганды Китайской Народной Республики // Путь. 2005. №3. С.68 – 73.

Шестов Н.И. Политический миф теперь и прежде. М.: Олма-Пресс, 2005. 414 с.

Шнирельман В.А. Идентичность и политика постсоветской памяти // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2009. № 2. С. 209 – 230.

Шнирельман В.А. Социальная память и образы прошлого // Новое прошлое // The New Past. 2016. № 1. С. 100 – 129.

Элиаде М. Аспекты мифа. М.: «Инвест - ППП», СТ «ППП». 1996. 240 с.

Элиаде М. Космос и история М.: Прогресс, 1987. 312 с.

Элиаде М. Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторяемость. СПб.: Алетейя, 1998. 250 с.

Agirdag O., Huyst P., Houtte M. Van. Determinants of the Formation of a European Identity among Children: Individual–and School–Level Influences // JCMS: Journal of Common Market Studies. 2012. Vol. 50. № 2. P. 198–213.

Bell C. Ritual: perspective and dimensions. New-York, Oxford University Press, 1997. 351 p.

Brown J.D. A stereotype, wrapped in a cliché, inside a caricature: Russian foreign policy and orientalism // Politics. Chichester, 2010. Vol. 30, № 3. P. 149 – 159.

Bruter M. Civic and cultural components of a European identity: A pilot model of measurement of citizens' levels of European identity // Transnational

identities: becoming European in the EU / ed. by R. K. Herrmann, T. Risse, M. B. Brewer. Lanham, USA; Oxford, UK: Rowman and Littlefield, 2004. P. 186–213.

Bruter M. Winning Hearts and Minds for Europe: The Impact of News and Symbols on Civic and Cultural European Identity // *Comparative Political Studies*. 2003. Vol. 36. № 10. P. 1148–1179.

Casey E. Remembering: A Phenomenological Study. Bloomington: Indiana University Press, 1987. 362 p.

Cinnirella M. Towards a European identity? Interactions between the national and European social identities manifested by university students in Britain and Italy // *British Journal of Social Psychology*. 1997. Vol. 36. № 1. P. 19–31.

Connerton P. How societies remember. Cambridge. Cambridge University Press. 1989. 121 p.

Durkheim E. The elementary forms of religious life. New York: The Free Press, 1995. 464 p.

Edelman M. Politics as symbolic action: Mass arousal and quiescence. New York, Academic Press, 1971. 188 p.

Edelman M. Political language. Words that succeed and policies that fail. – N.Y. 1977. 119 p.

Edelman M. The symbolic uses of politics. Urbana: Univ. of Illinois press, 1964. 201 p.

Ehin P. Competing Models of EU Legitimacy: the Test of Popular Expectations // *Journal of Common Market Studies*. 2008. Vol. 46. № 3. P. 619–640.

Fraser N. Transnationalizing the Public Sphere: On the Legitimacy and Efficacy of Public Opinion in a Post-Westphalian World // *Theory, Culture & Society*. 2007. Vol. 24. № 4. P. 65 – 69.

Goldberg M. Why Should Jews Survive? Looking Past the Holocaust Toward a Jewish Future. Oxford: Oxford University Press. 1995. 208 p.

Grimstad K.A. What Europe means for Poland. The frontpage coverage of Independence Day in «Gazeta Wyborcza» 1989-2009 // *Transforming National*

Holidays: Identity Discourse in the West and South Slavic countries, 1985-2010 / eds. L. Šarić et al. Amsterdam, 2012. P. 271–296.

Halperin Ch.J. Omissions of national memory: Russian historiography on the golden horde as politics of inclusion and exclusion // *Ab imperio*. 2004. № 3. C. 131 – 144.

Herrmann R., Brewer M. Identities and institutions: Becoming European in the EU // *Transnational identities: becoming European in the EU* / ed. by R. K. Herrmann, T. Risse, M.B. Brewer. Lanham, USA; Oxford, UK: Rowman and Littlefield, 2004. P. 1–22.

Malia M. *Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum*. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University, 2000. 514 p.

Malinova O. Russia and the ‘West’ in the 2000s: redefining Russian identity in official political discourse // *Russia's Identity in International Relations: Images, Perceptions, Misperceptions* (BASEES/Routledge Series on Russian and East European Studies). London; Routledge, 2012. P. 79 – 90.

Mead G.H. *The social psychology of George Herbert Mead*. Chicago: University of Chicago Press, 1956. 312 p.

Morozov V., Rumelili B. The external constitution of European identity: Russia and Turkey as Europe-makers // *Cooperation and conflict*. 2012. Vol. 47. № 1. P. 28–48.

Neumann I. *Constructing Europe: Russia as Europe's Other* // Hedetoft U. (ed.) *Political symbols, symbolic politics*. Ashgate: Aldershot, 1998. P. 226–266.

Neumann I. *Russia and the Idea of Europe: A Study in Identity and International Relations*. London: Routledge, 2017. 214 p.

Nora P. *Present, nation, memoire*. P., 2001. 432 p.

Petersoo P. Reconsidering otherness: constructing Estonian identity // *Nations and nationalism*. 2007. Vol. 13. № 1. P. 117–133.

Petrone K. *The Great War in Russian Memory*. Bloomington: Indiana University Press, 2011. 387 p.

Prizel I. National Identity and Foreign Policy: Nationalism and Leadership in Poland, Russia and Ukraine. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 443 p.

Rév I. Retroactive Justice: Prehistory of Post-communism. Stanford, CA: Stanford University Press, 2005. 340 p.

Snyder T. Memory of Sovereignty and Sovereignty over Memory: Poland, Lithuania and Ukraine, 1939–1999 // Memory and Power in Post-war Europe: Studies in the Presence of the Past / Ed. J.-W. Muller. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 39–58.

Tillman E. R. Support for the euro, political knowledge, and voting behavior in the 2001 and 2005 UK general elections // European Union Politics. 2012. Vol. 13. № 3. P. 367–389.

Todorov Tz. Les abus de la mémoire. Paris, 1995. 61 p.

Topolski J. The Role of Logic and Aesthetic in Constructing Narrative Wholes in Historiography // History and Theory. Vol. 38. 1999. № 2. P. 198 – 210.